

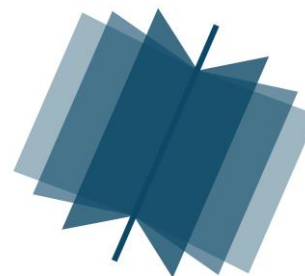
№ 10 (112) ▪ 2021
Часть 3 ▪ Октябрь

**МЕЖДУНАРОДНЫЙ
НАУЧНО-ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ
ЖУРНАЛ**

INTERNATIONAL RESEARCH JOURNAL

ISSN 2227-6017 ONLINE

Екатеринбург
2021

Периодический теоретический и научно-практический журнал.
Выходит 12 раз в год.
Учредитель журнала: Соколова М.В.
Главный редактор: Меньшаков А.И.
Адрес издателя и редакции: 620137, г. Екатеринбург, ул.
Академическая, д. 11, корп. А, оф. 4.
Электронная почта: editors@research-journal.org
Сайт: www.research-journal.org
16+

**№ 10 (112) 2021
Часть 3
Октябрь**

Дата выхода 18.10.2021
Цена: бесплатно.

Журнал имеет свободный доступ, это означает, что статьи можно читать, загружать, копировать, распространять, печатать и ссылаться на их полные тексты с указанием авторства без каких-либо ограничений. Тип лицензии CC, поддерживаемый журналом: Attribution 4.0 International (CC BY 4.0). Актуальная информация об индексации журнала в библиографических базах данных <https://research-journal.org/indexing/>.

Номер свидетельства о регистрации в Федеральной Службе по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций: ЭЛ № ФС 77 - 80772.

Члены редколлегии:

Филологические науки:

Растягаев А.В. д-р филол. наук, Московский Городской Университет (Москва, Россия);
Сложеникина Ю.В. д-р филол. наук, Московский Городской Университет (Москва, Россия);
Штрекер Н.Ю. к. филол. н., Калужский Государственный Университет имени К.Э. Циолковского (Калуга, Россия);
Вербицкая О.М. к. филол. н., Иркутский Государственный Университет (Иркутск, Россия).

Технические науки:

Пачурин Г.В. д-р техн. наук, проф., Нижегородский государственный технический университет им. Р.Е. Алексеева (Нижний Новгород, Россия);
Федорова Е.А. д-р техн. наук, проф., Нижегородский государственный архитектурно-строительный университет (Нижний Новгород, Россия);
Герасимова Л.Г. д-р техн. наук, Институт химии и технологии редких элементов и минерального сырья им. И.В. Тананаева (Апатиты, Россия);
Курасов В.С. д-р техн. наук, проф., Кубанский государственный аграрный университет (Краснодар, Россия);
Оськин С.В. д-р техн. наук, проф., Кубанский государственный аграрный университет (Краснодар, Россия).

Педагогические науки:

Куликовская И.Э. д-р пед. наук, Южный федеральный университет (Ростов-на-Дону, Россия);
Сайкина Е.Г. д-р пед. наук, Российский государственный педагогический университет имени А.И. Герцена (Санкт-Петербург, Россия);
Лукьянова М.И. д-р пед. наук, Ульяновский государственный педагогический университет им. И.Н. Ульянова (Ульяновск, Россия);
Ходакова Н.П. д-р пед. наук, проф., Московский городской педагогический университет (Москва, Россия).

Психологические науки:

Розенова М.И. д-р психол. наук, проф., Московский государственный психолого-педагогический университет (Москва, Россия);
Ивков Н.Н. д-р психол. наук, Российская академия образования (Москва, Россия);
Каменская В.Г. д-р психол. наук, к. биол. наук, Елецкий государственный университет им. И.А. Бунина (Елец, Россия).

Физико-математические науки:

Шамолин М.В. д-р физ.-мат. наук, МГУ им. М. В. Ломоносова (Москва, Россия);
Глезер А.М. д-р физ.-мат. наук, Государственный Научный Центр ЦНИИЧермет им. И.П. Бардина (Москва, Россия);
Свиштунов Ю.А. д-р физ.-мат. наук, проф., Санкт-Петербургский государственный университет (Санкт-Петербург, Россия).

Географические науки:

Умывакин В.М. д-р геогр. наук, к. техн. наук проф., Военный авиационный инженерный университет (Воронеж, Россия);
Брылев В.А. д-р геогр. наук, проф., Волгоградский государственный социально-педагогический университет (Волгоград, Россия);
Огурева Г.Н. д-р геогр. наук, проф., МГУ имени М.В. Ломоносова (Москва, Россия).

Биологические науки:

Буланый Ю.П. д-р биол. наук, Саратовский национальный исследовательский государственный университет им. Н.Г. Чернышевского (Саратов, Россия);
Аникин В.В. д-р биол. наук, проф., Саратовский государственный университет им. Н.Г. Чернышевского (Саратов, Россия);
Еськов Е.К. д-р биол. наук, проф., Российский государственный аграрный заочный университет (Балашиха, Россия);
Ларионов М.В. д-р биол. наук, доцент, ведущий научный сотрудник, Российский государственный аграрный университет – МСХА имени К.А. Тимирязева (Москва, Россия).

Архитектура:

Янковская Ю.С. д-р архитектуры, проф., Санкт-Петербургский государственный архитектурно-строительный университет (Санкт-Петербург, Россия).

Ветеринарные науки:

Алиев А.С. д-р ветеринар. наук, проф., Санкт-Петербургская государственная академия ветеринарной медицины (Санкт-Петербург, Россия);
Татарникова Н.А. д-р ветеринар. наук, проф., Пермская государственная сельскохозяйственная академия имени академика Д.Н. Прянишникова (Пермь, Россия).

Медицинские науки:

Никольский В.И. д-р мед. наук, проф., Пензенский государственный университет (Пенза, Россия);
Ураков А.Л. д-р мед. наук, Ижевская Государственная Медицинская Академия (Ижевск, Россия).

Исторические науки:

Меерович М.Г. д-р ист. наук, к. архитектуры, проф., Иркутский национальный исследовательский технический университет (Иркутск, Россия);
Бакулин В.И. д-р ист. наук, проф., Вятский государственный университет (Киров, Россия);
Бердинских В.А. д-р ист. наук, Вятский государственный гуманитарный университет (Киров, Россия);
Лёвочкина Н.А. к. ист. наук, к. экон. наук, ОмГУ им. Ф.М. Достоевского (Омск, Россия);
Блейх Н.О. д-р ист. наук, Северо-Осетинский государственный университет им. К.Л. Хетагурова (Владикавказ, Россия).

Культурология:

Куценков П.А. д-р культурологии, к. искусствоведения, Институт востоковедения РАН (Москва, Россия).

Искусствоведение:

Куценков П.А. д-р культурологии, к. искусствоведения, Институт востоковедения РАН (Москва, Россия).

Философские науки:

Петров М.А. д-р филос. наук, Института философии РАН (Москва, Россия);
Бессонов А.В. д-р филос. наук, проф., Институт философии и права СО РАН (Новосибирск, Россия);
Цыганков П.А. д-р филос. наук., МГУ имени М.В. Ломоносова (Москва, Россия);
Лойко О.Т. д-р филос. наук, Национальный исследовательский Томский политехнический университет (Томск, Россия).

Юридические науки:

Костенко Р.В. д-р юрид. наук, проф., Кубанский государственный аграрный университет (Краснодар, Россия);
Мазуренко А.П. д-р юрид. наук, Северо-Кавказский федеральный университет в г. Пятигорске (Пятигорск, Россия);
Мещерякова О.М. д-р юрид. наук, Всероссийская академия внешней торговли (Москва, Россия);
Ергашев Е.Р. д-р юрид. наук, проф., Уральский государственный юридический университет (Екатеринбург, Россия).

Сельскохозяйственные науки:

Важов В.М. д-р с.-х. наук, проф., Алтайский государственный гуманитарно-педагогический университет им. В.М. Шукшина (Бийск, Россия);
Раков А.Ю. д-р с.-х. наук, Северо-Кавказский федеральный научный аграрный центр (Михайловск, Россия);
Комлацкий В.И. д-р с.-х. наук, проф., Кубанский государственный аграрный университет (Краснодар, Россия);
Никитин В.В. д-р с.-х. наук, Белгородский научно-исследовательский институт сельского хозяйства (Белгород, Россия);
Наумкин В.П. д-р с.-х. наук, проф., Орловский государственный аграрный университет.

Социологические науки:

Замараева З.П. д-р социол. наук, проф., Пермский государственный национальный исследовательский университет (Пермь, Россия);
Солодова Г.С. д-р социол. наук, проф., Институт философии и права СО РАН (Новосибирск, Россия);
Кораблева Г.Б. д-р социол. наук, Уральский Федеральный Университет (Екатеринбург, Россия).

Химические науки:

Абдиев К.Ж. д-р хим. наук, проф., Казахстанско-Британский технический университет (Алма-Аты, Казахстан);
Мельдешов А. д-р хим. наук, Казахстанско-Британский технический университет (Алма-Аты, Казахстан);
Скачилова С.Я. д-р хим. наук, Всероссийский Научный Центр По Безопасности Биологически Активных Веществ (Купавна Старая, Россия).

Науки о Земле:

Горяинов П.М. д-р геол.-минерал. наук, проф., Геологический институт Кольского научного центра Российской академии наук (Апатиты, Россия).

Экономические науки:

Лёвочкина Н.А. д-р экон. наук, к. ист. н., ОмГУ им. Ф.М. Достоевского (Омск, Россия);
Ламоттке М.Н. к. экон. н., Нижегородский институт управления (Нижний Новгород, Россия);
Акбулаев Н. к. экон. н., Азербайджанский государственный экономический университет (Баку, Азербайджан);
Кулиев О. к. экон. н., Азербайджанский государственный экономический университет (Баку, Азербайджан).

Политические науки:

Завершинский К.Ф. д-р полит. наук, проф. Санкт-Петербургский государственный университет (Санкт-Петербург, Россия).

Фармацевтические науки:

Тринеева О.В. к. фарм. н., Воронежский государственный университет (Воронеж, Россия);
Кайшева Н.Ш. д-р фарм. наук, Волгоградский государственный медицинский университет (Волгоград, Россия);
Ерофеева Л.Н. д-р фарм. наук, проф., Курский государственный медицинский университет (Курск, Россия);
Папанов С.И. д-р фарм. наук, Медицинский университет (Пловдив, Болгария);
Петкова Е.Г. д-р фарм. наук, Медицинский университет (Пловдив, Болгария);
Скачилова С.Я. д-р хим. наук, Всероссийский Научный Центр По Безопасности Биологически Активных Веществ (Купавна Старая, Россия);
Ураков А.Л., д-р мед. наук, Государственная Медицинская Академия (Ижевск, Россия).

ОГЛАВЛЕНИЕ

ПЕДАГОГИЧЕСКИЕ НАУКИ / PEDAGOGY

Байбаков С.Е., Чигрин С.В., Бахарева Н.С., Федько В.А., Хромов Д.А., Белоножкина А.С., Бахарева А.А. СОПОСТАВЛЕНИЕ РЕЗУЛЬТАТОВ КОМПЬЮТЕРНОГО ТЕСТИРОВАНИЯ ПО РАЗДЕЛУ «ЦЕНТРАЛЬНАЯ НЕРВНАЯ СИСТЕМА» С РЕЗУЛЬТАТАМИ УСТНОГО ОПРОСА.....	6
Дорохин Ю.С. ПРОФЕССИОНАЛЬНАЯ КОМПЕТЕНТНОСТЬ БУДУЩИХ РАБОТНИКОВ СФЕРЫ СЕРВИСА.....	15
Егорченкова Н.Б., Коробова О.В. ПРИМЕНЕНИЕ ЭЛЕКТРОННЫХ СРЕДСТВ ОБУЧЕНИЯ ОБУЧАЮЩЕЙ СРЕДЫ MOODLE НА ДИСТАНЦИОННЫХ ЗАНЯТИЯХ	22
Жадобина Н.Н., Лукинянина Е.В. ЦИФРОВАЯ ОБРАЗОВАТЕЛЬНАЯ СРЕДА: ПРОБЛЕМЫ И ИХ РЕШЕНИЯ В ВУЗЕ	27
Закиров А.И. ПОДДЕРЖАНИЕ СКОРОСТНЫХ СПОСОБНОСТЕЙ У ВЫСОКОКВАЛИФИЦИРОВАННЫХ СУДЕЙ ПО ХОККЕЮ	33
Ikhsanova L.I. DEVELOPMENT OF PROFESSIONAL COMMUNICATION SKILLS OF POLICE OFFICERS IN A FOREIGN LANGUAGE	38
Калинина Н.В., Зырянова Ю.И. ФОРМИРОВАНИЕ ТЮТОРСКОЙ КОМПЕТЕНЦИИ ПЕДАГОГА В ОБЩЕОБРАЗОВАТЕЛЬНОЙ ОРГАНИЗАЦИИ.....	42
Кокорева О.И., Башинова С.Н. ВОЗМОЖНОСТИ ПРИМЕНЕНИЯ СРЕДСТВ НАРОДНОЙ ПЕДАГОГИКИ В КОРРЕКЦИОННО- РАЗВИВАЮЩЕМ ПРОЦЕССЕ ДЛЯ ДЕТЕЙ ДОШКОЛЬНОГО ВОЗРАСТА С ОГРАНИЧЕННЫМИ ВОЗМОЖНОСТЯМИ ЗДОРОВЬЯ.....	45
Костина Н.Н. НЕКОТОРЫЕ СТАТИСТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ РЕЗУЛЬТАТОВ ЕДИНОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО ЭКЗАМЕНА	48
Мартынова Н.А., Аликберова М.Н., Басова Л.А., Калинин А.Г., Кубасов Р.В. ЭЛЕКТИВНЫЙ КУРС КАК СПОСОБ ПОДГОТОВКИ СТУДЕНТОВ К КЛИНИЧЕСКОЙ ПРАКТИКЕ	52
Макарченко М.Г., Сидорякина В.В., Забеглов А.В. ДИАГНОСТИКА ЗНАНИЙ СТУДЕНТОВ В ЦИФРОВОЙ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЙ СРЕДЕ ВУЗА ПРИ ИЗУЧЕНИИ МАТЕМАТИЧЕСКИХ ДИСЦИПЛИН.....	56
Павлова Н.А., Мустафина С.Ф. ЗАГАДКА КАК ДИДАКТИЧЕСКИЙ МАТЕРИАЛ ВВЕДЕНИЯ НОВОГО ТЕОРЕТИЧЕСКОГО ПОНЯТИЯ В НАЧАЛЬНОЙ ШКОЛЕ.....	60
Рагожина О.А. ПРОФЕССИОНАЛЬНОЕ РАЗВИТИЕ ПЕДАГОГОВ НЕГОСУДАРСТВЕННОГО ОБРАЗОВАТЕЛЬНОГО УЧРЕЖДЕНИЯ	64
Сергеева А.А. РОЛЬ НОВЫХ ТЕХНОЛОГИЙ ИЗУЧЕНИЯ ПЕДАГОГИЧЕСКИХ ДИСЦИПЛИН В ПРЕОДОЛЕНИИ ПОЗНАВАТЕЛЬНЫХ ЗАТРУДНЕНИЙ СТУДЕНТОВ.....	69
Столярова С.А., Логунова О.В., Ковчина Н.В. АКТУАЛЬНОСТЬ SOFT SKILLS В ПРОФЕССИОНАЛЬНОМ ПЛАНЕ БУДУЩИХ СПЕЦИАЛИСТОВ СОЦИАЛЬНОЙ СФЕРЫ	73
Тимофеева Т.В. РОЛЬ ПРОСМОТРОВОГО ЧТЕНИЯ В ИЗУЧЕНИИ ПРОФЕССИОНАЛЬНО-ОРИЕНТИРОВАННОГО ИНОСТРАННОГО ЯЗЫКА.....	78
Юшкова Е.Ю. ДОПОЛНИТЕЛЬНАЯ ОБРАЗОВАТЕЛЬНАЯ ПРОГРАММА КАК ФАКТОР ПОВЫШЕНИЯ КАЧЕСТВА ОСВОЕНИЯ ДИСЦИПЛИНЫ «ФИЗИКА»	81

ФИЛОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ / PHILOLOGY

Абалыева С.Н. КОМИЧЕСКОЕ В ТОЛКОВАНИИ КРИТИКОВ-СЛАВЯНОФИЛОВ.....	86
---	----

Баишева З.В. ХАРАКТЕРИСТИКА ЛИЧНОСТИ ПОДСУДИМОГО В СУДЕБНОЙ РЕЧИ (РИТОРИЧЕСКИЙ АСПЕКТ)	92
Бодриков А.Б. МОТИВИРУЮЩИЕ ПРИЗНАКИ КОНЦЕПТА ПОБЕДА.....	97
Вороничев О.Е., Моспанова Н.Ю. СЕМАНТИКО-СТИЛИСТИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ РАЗГОВОРНО-ПРОСТОРЕЧНОЙ ЛЕКСИКИ В ПОЭЗИИ Е.ЕВТУШЕНКО.....	103
Golodnaya V.N. IDENTITY BALANCE CONCEPTUALIZATION IN CAREER HOROSCOPES.....	109
Грахова С.И. СОВРЕМЕННАЯ ГОРОДСКАЯ МИФОЛОГИЧЕСКАЯ ПРОЗА	112
Дацко Д.А. НЕМЕЦКОЯЗЫЧНАЯ ПОЭТИЧЕСКАЯ КАРТИНА МИРА 2020 КАК ОТРАЖЕНИЕ ОСНОВНЫХ МИРОВЫХ СОБЫТИЙ: КОГНИТИВНО-ЛИНГВОКУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКИЙ АСПЕКТ	116
Демидова Е.Е. ПЕРВОПРИЗНАКИ КОНЦЕПТА ТРОН В АСПЕКТЕ СИМВОЛОВ ВЛАСТИ В РУССКОЙ ЛИНГВОКУЛЬТУРЕ	124
Егошина Н.Г. ОБРАЗ САДА В ХУДОЖЕСТВЕННОМ ПРОСТРАНСТВЕ А. КРИСТИ	128
Калабекова Л.Т., Такоева Т.А. КАТЕГОРИЯ ДЛИТЕЛЬНОСТИ КАК ОДНА ИЗ ОСНОВОПОЛАГАЮЩИХ АСПЕКТУАЛЬНЫХ ХАРАКТЕРИСТИК ГЛАГОЛЬНОГО ДЕЙСТВИЯ (НА МАТЕРИАЛЕ АНГЛИЙСКОГО, ОСЕТИНСКОГО И ТУРЕЦКОГО ЯЗЫКОВ)	131
Кораблева Г.Н., Л.Н. Горелова Л.Н. ЯЗЫКОВАЯ МЕТАФОРА В ХУДОЖЕСТВЕННОМ ТЕКСТЕ (НА ПРИМЕРЕ РОМАНА ФЕДОРА АБРАМОВА «БРАТЬЯ И СЕСТРЫ»)	135
Федотова Н.Л., Го Цзини СЕМАНТИЧЕСКИЙ АСПЕКТ ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ НЕОПРЕДЕЛЕННО-ЛИЧНЫХ ПРЕДЛОЖЕНИЙ В ЗАГОЛОВКАХ ИНТЕРНЕТ-НОВОСТЕЙ.....	139
Fokina M.S. CLASSIFICATION OF LANGUAGE GAMES	143
Щелок Т.И., Виноградова Н.Г. КОМПАРАТИВНЫЕ СТРУКТУРЫ В НОВЕЛЛЕ «24 ЧАСА ИЗ ЖИЗНИ ЖЕНЩИНЫ» СТ. ЦВЕЙГА.....	147
Ягумова Н.Ш., Берестнева А.В., Мироненко С.А. ГРАММАТИЧЕСКАЯ КАТЕГОРИЯ ЧИСЛА В АНГЛИЙСКОМ И АДЫГЕЙСКОМ ЯЗЫКАХ	151
<hr/> ИСКУССТВОВЕДЕНИЕ / ARTS <hr/>	
Румянцева М.А. ГАРМОНИЧЕСКАЯ ВЕРТИКАЛЬ В СРЕДНЕВЕКОВОЙ ПОЛИФОНИИ КАК ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ФЕНОМЕН.....	156
Суетин С.Н. О СМЫСЛЕ ПЕСНИ «НИ ТАМ НИ ТУТ», ВНУТРЕННЕМ МИРЕ И ПЕРЕЖИВАНИЯХ ЛИРИЧЕСКОГО ГЕРОЯ.....	160
<hr/> ИСТОРИЧЕСКИЕ НАУКИ / HISTORY <hr/>	
Ахметов А.А. РЕФОРМИРОВАНИЕ ПОЛИЦЕЙСКИХ УЧРЕЖДЕНИЙ САРАТОВСКОЙ ГУБЕРНИИ В КОНЦЕ XIX – НАЧАЛЕ XX ВВ.	163
Bolotova E.Yu., Tretyak D.V. IMPLEMENTATION OF THE STATE POLICY OF SOCIAL SUPPORT FOR THE FAMILIES OF ENLISTED MEN IN TSARIST RUSSIA DURING THE FIRST WORLD WAR	168

ПЕДАГОГИЧЕСКИЕ НАУКИ / PEDAGOGY

DOI: <https://doi.org/10.23670/IRJ.2021.112.10.066>

**СОПОСТАВЛЕНИЕ РЕЗУЛЬТАТОВ КОМПЬЮТЕРНОГО ТЕСТИРОВАНИЯ ПО РАЗДЕЛУ
«ЦЕНТРАЛЬНАЯ НЕРВНАЯ СИСТЕМА» С РЕЗУЛЬТАТАМИ УСТНОГО ОПРОСА**

Научная статья

**Байбаков С.Е.¹, Чигрин С.В.², Бахарева Н.С.³, Федько В.А.⁴, Хромов Д.А.^{5,*},
Белоножкина А.С.⁶, Бахарева А.А.⁷**

¹⁻⁷ Кубанский государственный медицинский университет, Краснодар, Россия

* Корреспондирующий автор (partypancakes531[at]gmail.com)

Аннотация

В работе проведено сравнение результатов компьютерного тестирования с использованием короткого теста, составленного из наиболее важных, по мнению автора вопросов, с результатами устного опроса по той же теме. Результаты опроса оказались существенно ниже результатов тестирования, на основании чего был сделан вывод о недостаточной валидности коротких тестов при контроле усвоения больших разделов учебного курса. Тест, включающий задания типа «истина – ложь» и «соответствие», оказался более сложным, так как потребовал больше времени для обдумывания ответов на задания. Выявлена необходимость совершенствования методики проведения опроса, ввиду большого разброса результатов устного опроса. Требуется дальнейшее изучение влияния психофизиологических факторов на экзаменационные результаты.

Ключевые слова: контроль успеваемости, компьютерное тестирование знаний, устный опрос, сравнение результатов.

**A COMPARISON OF THE RESULTS OF COMPUTER TESTING IN THE SECTION
"CENTRAL NERVOUS SYSTEM" WITH THE RESULTS OF THE ORAL SURVEY**

Research article

**Baybakov S.E.¹, Chigrin S.V.², Bakhareva N.S.³, Fedko V.A.⁴, Khromov D.A.^{5,*},
Belonozhkina A.S.⁶, Bakhareva A.A.⁷**

¹⁻⁷ Kuban State Medical University, Krasnodar, Russia

* Corresponding author (partypancakes531[at]gmail.com)

Abstract

The article compares the results of computer testing using a short test made up of the most important questions, according to the author, with the results of an oral survey on the same topic. The survey results were significantly lower than the test results, on the basis of which it was concluded that the validity of short tests was insufficient when controlling the assimilation of large sections of the course. The test, which includes such tasks as "true-false" and "matching", turned out to be more difficult since it required more time to think about the answers to the tasks. The article identifies the necessity of improving the survey methodology due to the large spread of the results of the oral survey. Further study of the influence of psychophysiological factors on exam results is also required.

Keywords: control of academic performance, computer testing of knowledge, oral survey, comparison of results.

Введение

В настоящее время одним из главных недостатков компьютерного тестирования знаний признается сложность сопоставления его результатов с результатами устного опроса. По мнению ряда авторов, компьютерное тестирование проверяет только механическую память и ничего не говорит о способности применять знания и логически мыслить, выявляемые только при устном опросе, к тому же тесты часто сравниваются с лотереей [1], [2], [14], [17]. Однако, если задания типа «одиночный выбор» действительно проверяют лишь механическую память, к тому же сравнительно легко подвержены угадыванию, то существуют задания более сложных типов, заставляющие студента не только вспомнить, но и еще хоть немного подумать. Наконец, широкое внедрение тестов вместо контроля по экзаменационным билетам становится обоснованным лишь при высокой степени соответствия результатов теста экзаменационным оценкам [8]. В связи с этим целью работы являлась проверка соответствия результатов тестирования результатам устного опроса.

Методы и принципы исследования

Тест разрабатывался в программе MyTestXpro и состоял из 30 заданий, охватывающих ключевые вопросы темы «Центральная нервная система». При его разработке мы исходили из представления об иерархичности знания о структуре сколь угодно сложного объекта [19], а также из предположения, что если студент не знает ответ на некоторый ключевой вопрос верхнего уровня, то он не сможет ответить и на вопросы нижележащих уровней, вытекающие из верхнего. Большинство заданий теста относилось к типам «истина – ложь» и «на соответствие». Для подготовки студенты получали только контрольные вопросы по разделу. На выполнение теста отводилось 45 минут. Тестирующий модуль программы работал в режиме частичного оценивания, т.е. учитывались не только полностью правильные ответы, за которые начислялось по 1 баллу, но и частично правильные, за которые начислялись дробные доли баллов в соответствии с соотношением верно и неверно выбранных вариантов ответа. Результат тестирования выдавался в процентах от максимально возможного числа баллов.

По завершении тестирования студенты опрашивались устно, им задавались по 10 вопросов из разных тем раздела. За ответ на каждый вопрос выставялась отдельная оценка. Так как оценки «отлично», «хорошо» и т.д. являются качественными, то напрямую использовать их для количественной обработки нельзя. Однако, в соответствии с принципами квалитметрии, каждой градации качественного признака можно приписать некоторое количество баллов, определенное по соглашению экспертов [4], [13]. Нами предложен следующий подход: оценка «неудовлетворительно» – 0 баллов (студент не ответил на вопрос); оценка «Удовлетворительно» – 1 балл (минимально приемлемый ответ); оценка «Хорошо» – 2 балла (средний ответ), и оценка «Отлично» – 3 балла (хороший ответ). В соответствии с этим принципом для результатов опроса каждого студента были вычислены процентные баллы, которые и были введены в базу данных для последующей обработки.

Всего в тестировании приняли участие 157 студентов 2-го курса. Из этого количества выполнили тест вовремя 79 человек, просрочили время – 78 человек. Одновременно удалось опросить 116 человек, остальные по разным причинам от устного опроса отказались, ссылаясь на плохую подготовку либо на удовлетворенность результатами теста. Поскольку распределения результатов существенно отличались от нормального (см. диаграммы 1 и 2), что подтверждается и данными литературы [15], то для оценки различий в результатах использовалось вычисление рангового критерия Данна [3] (критерий Q, непараметрический аналог критерия Стьюдента). Степень соответствия между результатами определялась путем вычисления коэффициента ранговой корреляции Спирмена. Распределение результатов тестирования представлено в таблице 1 и на диаграмме 1, а распределение результатов устного опроса – в таблице 2 и на диаграмме 2.

Таблица 1 – Распределение результатов сдачи теста

Процентные группы	Количество студентов		
	Общий	Сдали вовремя	Просрочили время
0 – 10	0	0	0
10 – 20	0	0	0
20 – 30	6	0	6
30 – 40	11	4	7
40 – 50	33	15	18
50 – 60	40	20	20
60 – 70	39	23	16
70 – 80	24	14	10
80 – 90	4	3	1
90 – 100	0	0	0
ИТОГО:	157	79	78

Таблица 2 – Распределение результатов устного опроса

Процентные группы	Количество студентов		
	Общий	Сдали вовремя	Просрочили время
0 – 10	9	3	6
10 – 20	9	4	5
20 – 30	15	8	7
30 – 40	19	12	7
40 – 50	16	7	9
50 – 60	14	5	9
60 – 70	17	5	12
70 – 80	3	2	1
80 – 90	6	3	3
90 – 100	8	3	5
ИТОГО:	116	52	64

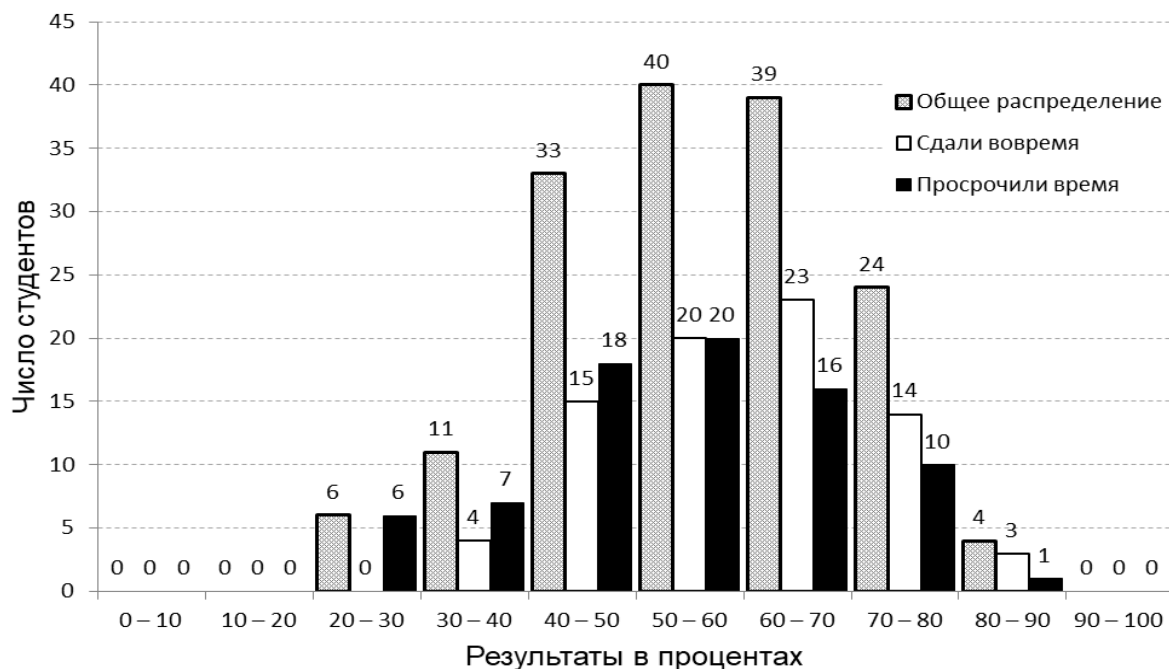

Рис. 1 – Распределение результатов сдачи теста

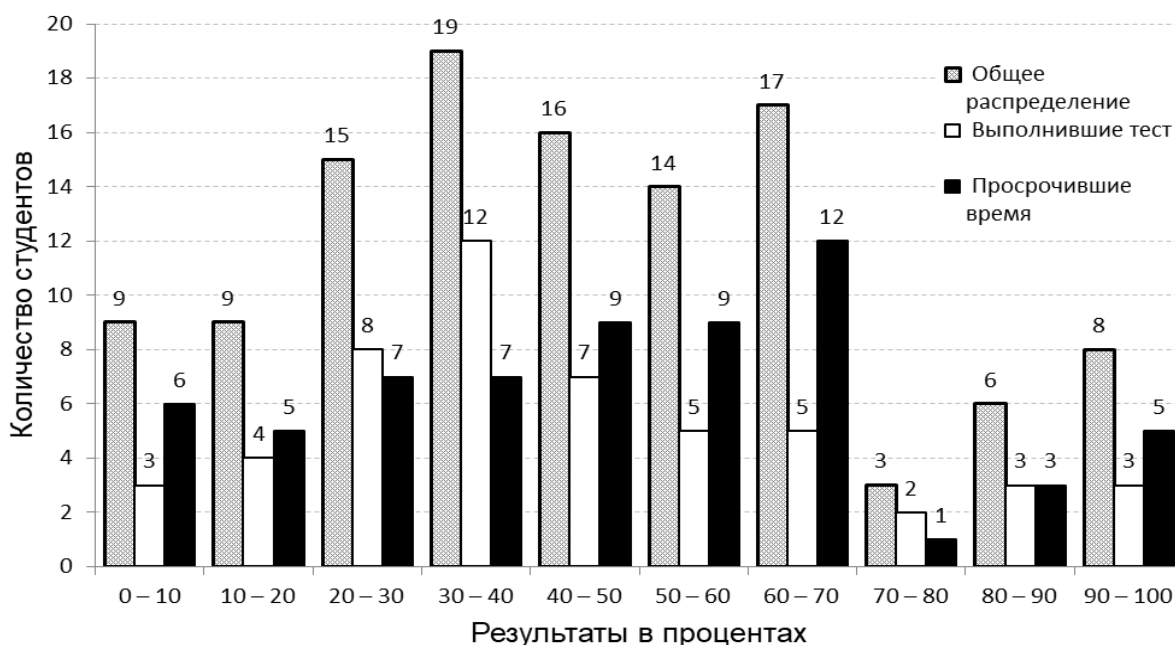

Рис. 2 – Распределение результатов устного опроса

Из этих таблиц и диаграмм видно, что если распределение результатов тестирования как у студентов, закончивших тест вовремя (группа 1), так и просрочивших время (группа 2), приближается к нормальному с максимумом в интервалах 50 – 60 и 60 – 70%, то распределение результатов устного опроса резко от нормального отличается, образуя двухвершинную кривую с максимумами в интервалах 30 – 40% и 60 – 70%. Причем эти две вершины образуются именно разницей в результатах групп 1 и 2.

Неожиданным оказалось то, что худший результат устного опроса (максимум в области 30 – 40%) был показан студентами группы 1, в то время как максимум для студентов группы 2 оказался в интервале 60 – 70%, хотя эти различия и оказались статистически незначимыми. Можно предположить, что эта разница в результатах обусловлена индивидуальными психофизиологическими данными. Скажем так – есть «люди теста», а есть «люди устного ответа», которые просто некомфортно чувствуют себя за компьютером, причем некомфортно до уровня панического страха [5], [7], [20]. Возможно, что среди просрочивших время оказалось больше студентов, которым комфортнее отвечать устно, да и просто нужно больше времени, чтобы подумать над ответом. Косвенно это подтверждается относительно большим числом студентов в группе 2, чей результат опроса существенно превысил результат теста. Кроме того, независимо от формы контроля знаний, результат часто зависит от обстоятельств, не относящихся к учебному процессу, но влияющих на психофизиологическое состояние студента. Так что результатам, полученным с помощью компьютерного тестирования, следует доверять с некоторыми оговорками [8], [21].

Итоговые результаты тестирования и устного опроса с вычислением достоверности различий между ними приведены в таблице 3. Из таблицы видно, что в среднем результаты тестирования в группе 1 были несколько лучше, чем в группе 2, причем различия между ними оказались статистически значимыми. А результаты устного опроса в

обеих группах статистически не различались, причем обращают на себя внимание высокие значения стандартного отклонения (почти в 2 раза больше, чем таковые для результатов тестирования), что указывает на значительный разброс результатов устного опроса. При сравнении результатов внутри каждой из групп оказалось, что в группе 1 средние результаты тестирования оказались существенно выше, чем результаты устного опроса, а вот в группе 2 они почти не различались (хотя расчет и показал статистическую значимость различий, но буквально на пределе чувствительности критерия).

Таблица 3 – Средние результаты тестирования и устного опроса

		Группа выполнивших тест (группа 1)	Группа просрочивших время (группа 2)	Критерий Q:	P
Результаты тестирования:	\bar{X} :	59,7%	53,4%	2,51	$P < 0,05$
	σ :	$\pm 12,0\%$	$\pm 14,8\%$		
	m:	$\pm 0,9\%$	$\pm 1,2\%$		
Результаты устного опроса	\bar{X} :	42,5%	46,0%	0,79	$P > 0,05$
	σ :	$\pm 23,4\%$	$\pm 26,0\%$		
	m:	$\pm 2,3\%$	$\pm 2,4\%$		
Критерий Q:		4,99	1,99		
P:		$P < 0,01$	$P < 0,05$		

По рассмотрении соотношения результатов тестирования и устного опроса у конкретных студентов были построены графики 1 и 2:

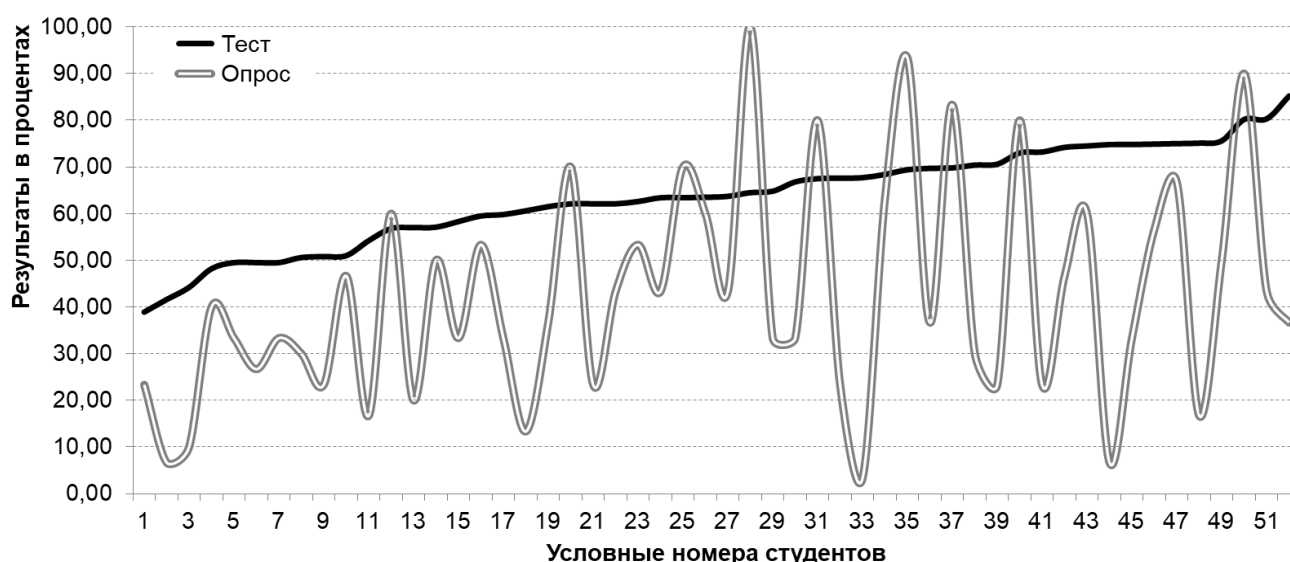

Рис. 3 – Индивидуальные соотношения результатов тестирования и устного опроса у студентов, завершивших тест вовремя (группа 1)

Примечание: результаты тестирования ранжированы по возрасту

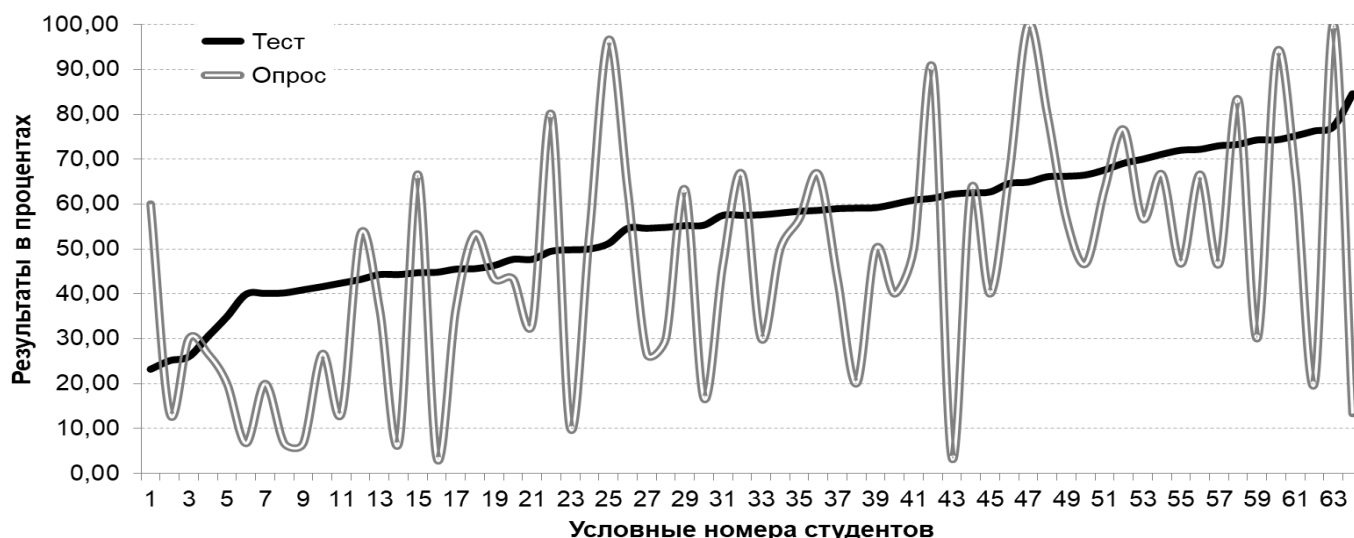

Рис. 4 – Индивидуальные соотношения результатов тестирования и устного опроса у студентов, просрочивших время (группа 2)

Примечание: результаты тестирования ранжированы по возрастанию

Из графиков видно, что разброс индивидуальных результатов в обеих группах очень велик. Большая часть результатов опроса находится ниже результатов тестирования у тех же студентов. Чтобы выявить более общие тенденции, было выполнено усреднение результатов в каждой процентной группе, т.е. вычислялся средний результат среди того количества студентов, которые в данной процентной группе находились, как для результатов тестирования, так и для устного опроса. Также вычислялось стандартное отклонение результатов в каждой процентной группе (кроме тех групп, в которых число студентов было слишком мало). Результаты представлены в таблице 4:

Таблица 4 – Усредненные результаты тестирования и опроса в группах, сдавших вовремя и просрочивших время

Процентные группы	Усредненные результаты:							
	Сдавшие вовремя				Просрочившие время			
	Тест		Опрос		Тест		опрос	
	\bar{X}	σ	\bar{X}	σ	\bar{X}	σ	\bar{X}	σ
0 – 10	0	0	0	0	0	0	0	0
10 – 20	0	0	0	0	0	0	0	0
20 – 30	0	0	0	0	24,7	$\pm 1,4$	34,4	$\pm 23,7$
30 – 40	38,9	0	3,3	0	35,1	$\pm 4,7$	17,7	$\pm 10,2$
40 – 50	47,1	$\pm 3,4$	32,2	$\pm 16,1$	44,6	$\pm 3,0$	31,8	$\pm 23,0$
50 – 60	55,25	$\pm 3,6$	30	$\pm 15,1$	56,2	$\pm 2,8$	48,7	$\pm 20,9$
60 – 70	65,1	$\pm 3,0$	37,7	$\pm 20,8$	64,6	$\pm 3,1$	59,5	$\pm 24,1$
70 – 80	73,8	$\pm 1,7$	58,9	$\pm 17,9$	73,9	$\pm 1,9$	62	$\pm 26,2$
80 – 90	81,9	$\pm 2,8$	84,4	$\pm 7,7$	84,6	0	13,3	0
90 – 100	0	0	0	0	0	0	0	0

Примечание: даны среднее значение и стандартное отклонение

Из таблицы 4 видно, что усредненные результаты тестирования в обеих группах практически не различаются и непрерывно возрастают, при этом величины стандартных отклонений весьма малы по сравнению со средней величиной, что указывает на достаточную стабильность результатов тестирования. Что же касается усредненных результатов устного опроса для тех же студентов, то они, как правило, существенно ниже результатов тестирования, а значения стандартных отклонений превосходят таковые для тестов в 3 – 5, а иногда и почти в 10 раз! Наглядное изображение представленных соотношений представлено на графиках 3 и 4. Из графика 3 видно, что результаты опроса в группе 1 постепенно «догоняют» результаты тестирования и в группе наивысших результатов практически сравниваются. График 4, напротив, свидетельствует о том, что в группе самых низких значений результаты опроса выше результатов теста, затем они уходят «вниз», но также догоняют результаты теста до группы 60 – 70%, а затем происходит резкий обвал. Вычисление коэффициентов корреляции между результатами тестирования и опроса для представленных соотношений показало, что в группе закончивших тест между этими показателями все же имеется слабopоложительная корреляция ($r = 0,59$; $t = 5,48$), а для группы студентов, просрочивших время, такой связи практически нет ($r = 0,47$; $t = 4,16$).

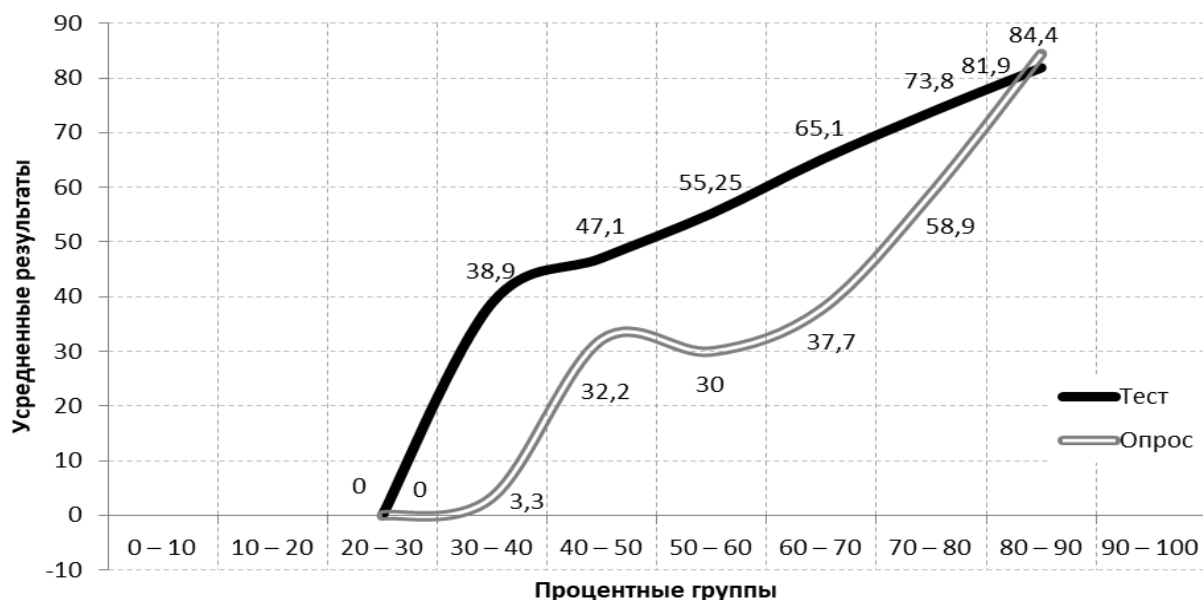

Рис. 5 – Распределения усредненных результатов тестирования и устного опроса в группе, выполнившей тест вовремя
Примечание: результаты тестирования ранжированы по возрасту

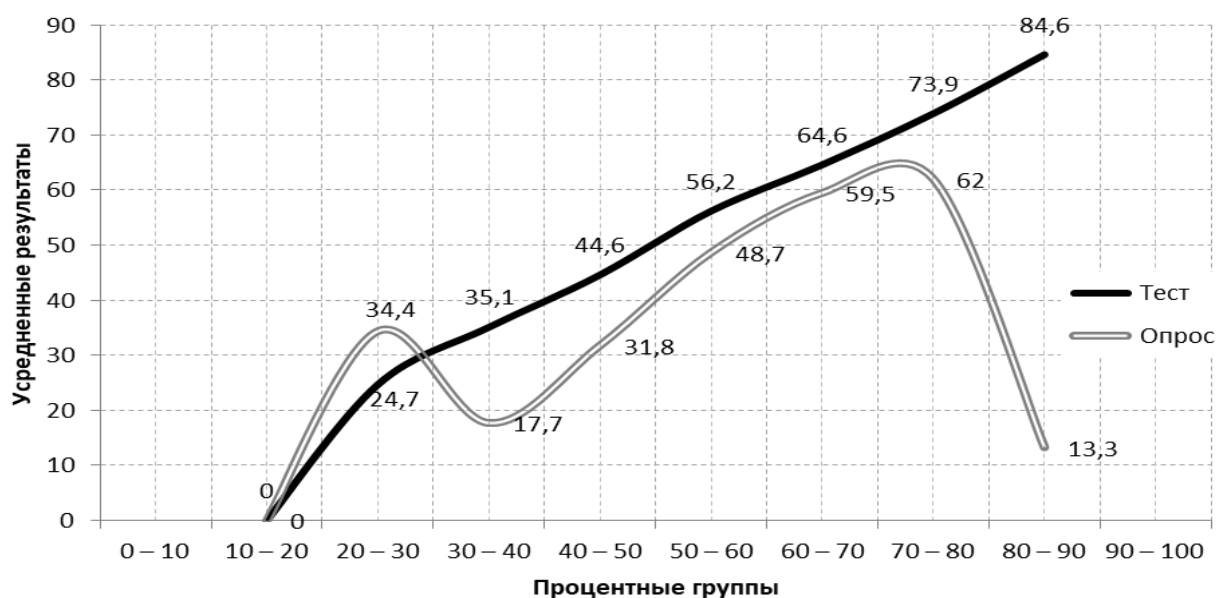

Рис. 6 – Распределение усредненных результатов тестирования и устного опроса в группе, просрочивших время
Примечание: результаты тестирования ранжированы по возрасту

Наконец, была поставлена задача выяснить, какое число студентов показало результат опроса существенно выше, чем результат теста, и наоборот. Для этого был определен приблизительный доверительный интервал для усредненных результатов тестирования, рассчитанный по формуле доверительных интервалов для малых выборок ([3], стр. 218 – 219). Он оказался равным $\pm 10\%$. Таким образом, все результаты опроса, отличающиеся от средних результатов тестирования на величину данного доверительного интервала, можно признать статистически значимыми. Количество студентов, показавших такие результаты, представлено в таблице 5:

Таблица 5 – Соотношение полученных результатов

	Число студентов:	
	Группа выполнивших тест	Группа просрочивших время
Результат опроса существенно выше теста	3	11
Результат опроса существенно ниже теста	38	30

Данные, приведенные в таблице, подтверждают предыдущие данные о том, что устный опрос показал в целом значительно худшие результаты. По нашему мнению, это можно объяснить низкой валидностью теста, представленного в таком виде, из относительно небольшого числа основных вопросов раздела. Хотя в целом тест оказался сложным и, видимо, потребовал размышлений – не уложилась в достаточно продолжительное время половина отвечающих (тесты, составленные из заданий одиночного и множественного выбора, выполняются гораздо

быстрее, в среднем одно задание за 30 – 40 секунд). Также следует отметить и более высокую стабильность результатов тестирования, выразившуюся в относительно небольших значениях стандартного отклонения. По данным литературы, для объективной профессиональной аттестации с высокой степенью точности и надежности требуется тест длиной более двухсот заданий [16]. Скорее всего, вопросы, задаваемые устно, чаще попадали в плохо подготовленные студентами области отдельных тем. Хотя не исключено, что если бы студентам задавались те же вопросы, что и при тестировании, либо времени на выполнение теста было предоставлено больше, то результат мог быть и иным. Возможно также, что результаты тестирования и устного опроса несопоставимы в принципе, так как выявляют действительно разные аспекты подготовленности. Некоторые данные литературы это подтверждают [6], [11], [18], другие, наоборот, опровергают, указывая на высокую корреляцию между текущей успеваемостью и ответами во время тестирования [9]. Нельзя также исключать влияние на ответы студентов их психофизиологических особенностей. Все это требует проведения дальнейших исследований.

Заключение

1. Короткие тесты, по всей видимости, не обладают достаточной валидностью для проверки знания больших разделов учебного курса;
2. Тест, составленный из заданий типа «истина – ложь» и «соответствие», оказался более сложным, так как потребовал больше времени для обдумывания ответов на задания;
3. Большой разброс результатов устного опроса указывает на необходимость совершенствования методики проведения опроса;
4. Требуется дальнейшее изучение влияния психофизиологических факторов на экзаменационные результаты.

Конфликт интересов

Не указан.

Conflict of Interest

None declared.

Список литературы / References

1. Андриенко А. В. Компьютерное тестирование как механизм оценки качества образования / А. В. Андриенко // Тестирование в сфере образования: проблемы и перспективы развития: материалы II Всероссийской научно-практической конференции 19 – 20 мая 2009 г. Красноярск: СибГТУ. – 2009. – С. 267 – 277.
2. Безруков А.И. Статистический анализ результатов компьютерного тестирования / А.И. Безруков, Н. А. Гулевич, Е. Г. Пчелинцева // Вестник Саратовского государственного технического университета. – 2020. – № 1 (84). – С. 6 – 13.
3. Гланц С. Медико-биологическая статистика / С. Гланц. М., Практика, 1998, 459 с.
4. Граничина О. А. Использование современных квалитетических методов при оценивании качества образования в вузе / О. А. Граничина // Известия Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена. – 2008. – № 75.
5. Джебраилова Т. Д. Физиологическое обеспечение целенаправленной деятельности студентов во время компьютерного тестирования уровня знаний / Т. Д. Джебраилова, Р. Г. Сулейманова, Л. И. Иванова // Вестник новых медицинских технологий. – 2013. – Том 20. – № 1. – С. 38 – 42.
6. Зубец В. В. Изучение валидности компьютерного тестирования приобретенных навыков / В. В. Зубец // Вестник российских университетов. Математика. – 2002. – Том 7. – № 1. – С. 77 – 78.
7. Иванов С. В. Психология образования и компьютерные тесты Санкт-Петербургской академии постдипломного образования / С. В. Иванов // Известия Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена. – 2008. – № 58. – С. 393 – 396.
8. Кударов Р.С. Анализ достоверности тестовой формы контроля знаний / Р.С. Кударов, Ю. Сутугинене // Информационно-управляющие системы. – 2016. - № 1 (80). – С. 102 – 109.
9. Минцер О. П. Проблемы информатизации медицинского образования / О. П. Минцер // Клиническая информатика и телемедицина. – 2005. – Том 2. – № 1. – С. 79 – 85.
10. Михеев С.А. Проблема интеграции компьютерного тестирования и традиционных форм педагогического контроля / С.А. Михеев // Высшее образование сегодня. – 2014. – № 5. – С. 66 – 69.
11. Петушок Н. Э. Применение компьютерного тестирования для оценки учебных достижений студентов по биологической химии в учреждениях высшего медицинского образования / Н. Э. Петушок, И. О. Леднева, В. В. Лелевич и др. // Журнал Гродненского государственного медицинского университета. – 2018. – Том 16. – № 2. – С. 232 – 236.
12. Прахова М. Ю. О месте тестирования как инструмента оценки знаний в вузе / М. Ю. Прахова, Г. Ю. Коловертнов, Э. А. Шаловников // Высшее образование в России. – 2012. – № 7. – С. 113 – 116.
13. Савцева В. В. Философские аспекты квалитетической методологии / В. В. Савцева // Научный вестник Московского государственного технического университета гражданской авиации. – 2014. – № 203. – С. 144 – 146.
14. Семинский И. Ж. Особенности использования тестирования для оценки качества знаний студентов в медицинском вузе / И. Ж. Семинский, Л. О. Гуцол, Е. В. Гузовская и др. // Сибирский медицинский журнал. – 2010. – № 7. – С. 42 – 44.
15. Соколова И. И. Компьютерное тестирование как наукоемкая педагогическая технология / И. И. Соколова // Известия Российского государственного педагогического университета. – 2004. – Том 4. – № 9. – С. 77 – 86.
16. Телешев В. А. Оптимизация системного подхода в преподавании с помощью компьютерного тестирования / В. А. Телешев, А. В. Резайкин, Ф. А. Бляхман // Высшее образование в России. – 2012. – № 8 – 9. – С. 146 – 148.
17. Тетенов Ф. Ф. Возможности повышения качества знаний и их оценки в процессе изучения клинической медицины / Ф. Ф. Тетенов, Т. Н. Бодрова, Т. С. Агеева и др. // Клиническая медицина. – 2014. – № 11. – С. 75 – 78.

18. Трифонов А. Ю. Сравнительный статистический анализ оценки математических знаний студентов первого курса / А. Ю. Трифонов, А. А. Михальчук // Известия Томского политехнического университета. – 2005. – Том 308. – № 5. – С. 212 – 216.
19. Чигрин С. В. Об объективности оценивания знаний студентов / С. В. Чигрин // Сборник трудов региональной межвузовской учебно-методической конференции с международным участием «Естественнонаучное образование: стратегия, проблемы, достижения». Краснодар, 2019. – С. 322 – 324.
20. Шмелев А. Г. Компьютерная тревожность как фактор успешности прохождения студентами компьютерного экзаменационного тестирования / А. Г. Шмелев, Д. Б. Резапова // Психологические исследования. – 2013. – Том 6. – № 29. – С. 10. (19).
21. Янюшкин С. А. Недостатки и ошибки компьютерного тестирования в вузах (на примере дисциплины «Правоведение») / С. А. Янюшкин, А. С. Янюшкин // Современные проблемы науки и образования. – 2008. – № 5. – С. 45 – 51 (20).

Список литературы на английском языке / References in English

1. Andrienko A. V. Komp'yuternoe testirovanie kak mehanizm ocenki kachestva obrazovaniya [Computer Testing as a Mechanism for Assessing the Quality of Education] / A. V. Andrienko // Testirovanie v sfere obrazovaniya: problemy i perspektivy razvitiya: materialy II Vserossijskoj nauchno-prakticheskoy konferencii 19 – 20 maja 2009 g. [Testing in the Field of Education: Problems and Prospects of Development: Materials of the II All-Russian Scientific and Practical Conference May 19-20, 2009] Krasnojarsk: SibGTU. – 2009. – pp. 267 – 277. [in Russian]
2. Bezrukov A.I. Statisticheskij analiz rezul'tatov komp'yuternogo testirovaniya [Statistical Analysis of the Results of Computer Testing] / A.I. Bezrukov, N. A. Gulevich, E. G. Pchelinceva // Vestnik Saratovskogo gosudarstvennogo tehničeskogo universiteta [Bulletin of the Saratov State Technical University]. – 2020. – № 1 (84). – pp. 6 – 13. [in Russian]
3. Glanc S. Mediko-biologicheskaja statistika [Biomedical Statistics] / S. Glanc. M., Praktika, 1998, p. 459 [in Russian]
4. Granichina O. A. Ispol'zovanie sovremennyh kvalimetriceskikh metodov pri ocenivanii kachestva obrazovaniya v vuze [The Use of Modern Qualimetric Methods in Assessing the Quality of Education at the University] / O. A. Granichina // Izvestija Rossijskogo gosudarstvennogo pedagogičeskogo universiteta im. A.I. Gercena [Bulletin of the Herzen State Pedagogical University]. – 2008. – № 75. [in Russian]
5. Dzhebrailova T. D. Fiziologicheskoe obespechenie celenapravlennoj dejatel'nosti studentov vo vremja komp'yuternogo testirovaniya urovnja znaniy [Physiological Support of Purposeful Activity of Students During Computer Testing of the Level of Knowledge] / T. D. Dzhebrailova, R. G. Sulejmanova, L. I. Ivanova et al. // Vestnik novyh medicinskih tehnologij [Bulletin of New Medical Technologies]. – 2013. – Vol. 20. – № 1. – pp. 38 – 42. [in Russian]
6. Zubec V. V. Izuchenie validnosti komp'yuternogo testirovaniya priobretennyh navykov [The Study of the Validity of Computer Testing of Acquired Skills] / V. V. Zubec // Vestnik rossijskikh universitetov. Matematika. – 2002. – Vol. 7. – № 1. – pp. 77 – 78. [in Russian]
7. Ivanov S. V. Psihologija obrazovaniya i komp'yuternye testy Sankt-Peterburgskoj akademii postdiplomnogo obrazovaniya [Psychology of Education and Computer Tests of the St. Petersburg Academy of Postgraduate Education] / S. V. Ivanov // Izvestija Rossijskogo gosudarstvennogo pedagogičeskogo universiteta im. A.I. Gercena [Bulletin of the Herzen State Pedagogical University]. – 2008. – № 58. – pp. 393 – 396. [in Russian]
8. Kudarov R.S. Analiz dostovernosti testovoj formy kontrolja znaniy [Analysis of the Reliability of the Test Form of Knowledge Control] / R.S. Kudarov, Ju. Sutuginene // Informacionno-upravljajushhie sistemy [Information and Control Systems]. – 2016. – № 1 (80). – pp. 102 – 109. [in Russian]
9. Mincer O. P. Problemy informatizacii medicinskogo obrazovaniya [Problems of Informatization of Medical Education] / O. P. Mincer // Klinicheskaja informatika i telemedicina [Clinical Informatics and Telemedicine]. – 2005. – Vol. 2. – № 1. – pp. 79 – 85. [in Russian]
10. Miheev S.A. Problema integracii komp'yuternogo testirovaniya i tradicionnyh form pedagogičeskogo kontrolja [The Problem of Integration of Computer Testing and Traditional Forms of Pedagogical Control] / S.A. Miheev // Vysshee obrazovanie segodnja [Higher Education Today]. – 2014. – № 5. – pp. 66 – 69. [in Russian]
11. Petushok N. Je. Primenenie komp'yuternogo testirovaniya dlja ocenki uchebnyh dostizhenij studentov po biologicheskoy himii v uchrezhdenijah vysshego medicinskogo obrazovaniya [Application of Computer Testing to Assess Students' Academic Achievements in Biological Chemistry in Institutions of Higher Medical Education] / N. Je. Petushok, I. O. Ledneva, V. V. Lelevich et al. // Zhurnal Grodnenskogo gosudarstvennogo medicinskogo universiteta [Journal of Grodno State Medical University]. – 2018. – Vol. 16. – № 2. – pp. 232 – 236. [in Russian]
12. Prahova M. Ju. O meste testirovaniya kak instrumenta ocenki znaniy v vuze [About the Place of Testing as a Tool for Assessing Knowledge in a University] / M. Ju. Prahova, G. Ju. Kolovertnov, Je. A. Shalovnikov // Vysshee obrazovanie v Rossii [Higher Education in Russia]. – 2012. – № 7. – pp. 113 – 116. [in Russian]
13. Savceva V. V. Filosofskie aspekty kvalimetriceskoy metodologii [Philosophical Aspects of Qualimetric Methodology] / V. V. Savceva // Nauchnyj vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo tehničeskogo universiteta grazhdanskoj aviicii [Scientific Bulletin of the Moscow State Technical University of Civil Aviation]. – 2014. – № 203. – pp. 144 – 146. [in Russian]
14. Seminskij I. Zh. Osobennosti ispol'zovaniya testirovaniya dlja ocenki kachestva znaniy studentov v medicinskom vuze [Features of Using Testing to Assess the Quality of Students' Knowledge in a Medical University] / I. Zh. Seminskij, L. O. Gucol, E. V. Guzovskaja // Sibirskij medicinskij zhurnal [Siberian Medical Journal]. – 2010. – № 7. – pp. 42 – 44. [in Russian]
15. Sokolova I. I. Komp'yuternoe testirovanie kak naukoemkaja pedagogičeskaja tehnologija [Computer Testing as a High-Tech Pedagogical Technology] / I. I. Sokolova // Izvestija Rossijskogo gosudarstvennogo pedagogičeskogo universiteta [Bulletin of the Russian State Pedagogical University]. – 2004. – Vol. 4. – № 9. – pp. 77 – 86. [in Russian]

16. Teleshev V. A. Optimizacija sistemnogo podhoda v prepodavanii s pomoshh'ju komp'juternogo testirovanija [Optimization of the System Approach in Teaching Using Computer Testing] / V. A. Teleshev, A. V. Rezajkin, F. A. Bljahman // Vysshee obrazovanie v Rossii [Higher Education in Russia]. – 2012. – № 8 – 9. – pp. 146 – 148. [in Russian]
17. Tetenev F. F. Vozmozhnosti povyshenija kachestva znaniy i ih ocenki v processe izuchenija klinicheskoy mediciny [Possibilities of Improving the Quality of Knowledge and Their Evaluation in the Process of Studying Clinical Medicine] / F. F. Tetenev, T. N. Bodrova, T. S. Ageeva // Klinicheskaja medicina [Clinical Medicine]. – 2014. – № 11. – pp. 75 – 78. [in Russian]
18. Trifonov A. Ju. Sravnitel'nyj statisticheskij analiz ocenki matematicheskikh znaniy studentov pervogo kursa [Comparative Statistical Analysis of the Assessment of Mathematical Knowledge of First-Year Students] / A. Ju. Trifonov, A. A. Mihal'chuk // Izvestija Tomskogo politehnicheskogo universiteta [Bulletin of Tomsk Polytechnic University]. – 2005. – Vol. 308. – № 5. – pp. 212 – 216. [in Russian]
19. Chigrin S. V. Ob ob'ektivnosti ocenivaniya znaniy studentov [On the Objectivity of Assessing Students' Knowledge] // Sbornik trudov regional'noj mezhvuzovskoj uchebno-metodicheskoy konferencii s mezhdunarodnym uchastiem «Estestvennonauchnoe obrazovanie: strategija, problemy, dostizhenija» [Proceedings of the Regional Interuniversity Educational and Methodological Conference With International Participation “Natural Science Education: Strategy, Problems, Achievements”]. Krasnodar, 2019. – pp. 322 – 324. [in Russian]
20. Shmelev A. G. Komp'juternaja trevozhnost' kak faktor uspešnosti prohozhdenija studentami komp'juternogo jezkamenacionnogo testirovanija [Computer Anxiety as a Factor of Success of Students Passing Computer Examination Testing] / A. G. Shmelev, D. B. Rezapova // Psihologicheskie issledovanija [Psychological Research]. – 2013. – Vol. 6. – № 29. – p. 10. (19). [in Russian]
21. Janjushkin S. A. Nedostatki i oshibki komp'juternogo testirovanija v vuzah (na primere discipliny «Pravovedenie») [Disadvantages and Errors of Computer Testing in Universities (On the Example of the Discipline “Jurisprudence”)] / S. A. Janjushkin, A. S. Janjushkin // Sovremennye problemy nauki i obrazovanija [Modern Problems of Science and Education]. – 2008. – № 5. – p. 45 – 51 (20). [in Russian]

DOI: <https://doi.org/10.23670/IRJ.2021.112.10.067>

ПРОФЕССИОНАЛЬНАЯ КОМПЕТЕНТНОСТЬ БУДУЩИХ РАБОТНИКОВ СФЕРЫ СЕРВИСА

Научная статья

Дорохин Ю.С.*

ORCID: 0000-0002-1021-3267,

Тульский государственный педагогический университет им. Л. Н. Толстого, Тула, Россия

* Корреспондирующий автор (avangard-tula[at]yandex.ru)

Аннотация

Данная статья посвящена рассмотрению профессиональной компетентности специалистов сферы сервиса. Уточнено понятие профессиональной компетентности сотрудников сферы обслуживания. Приведено содержание профессиональной компетентности бакалавров сервиса с учетом, что в бакалавриате должны быть сформированы профессиональные и коммуникативные компетенции, т. к. основными направлениями работы специалистов по сервису являются взаимодействие с потребителями и работа в системе основного производства предприятия. Рассматриваются условия успешного формирования профессиональной компетентности будущих работников сферы сервиса. Отмечена роль активных методов обучения в процессе формирования профессиональной компетентности будущих работников сферы сервиса. Приведены методы и технологии обучения, обеспечивающие успешное формирование профессиональной компетентности будущих работников сферы сервиса.

Ключевые слова: активное обучение, профессиональная компетентность работников сферы сервиса, технологии активного обучения, сервис, сфера обслуживания.

PROFESSIONAL COMPETENCE OF FUTURE EMPLOYEES OF THE SERVICE SECTOR

Research article

Dorokhin Yu.S.*

ORCID: 0000-0002-1021-3267,

Tolstoy Tula State Pedagogical University, Tula, Russia

* Corresponding author (avangard-tula[at]yandex.ru)

Abstract

This article discusses the professional competence of specialists in the service sector clarifying the concept of professional competence of service sector employees. The author outlines the content of the professional competence of bachelors in the service industry, taking into account that professional and communicative competencies should be formed in the bachelor's degree since the main areas of work of service specialists are interaction with consumers and work in the system of the main production of the enterprise. Also, the article examines the conditions of successful formation of professional competence of future employees of the service sector as well as highlights the role of active training methods in the process of forming the professional competence of future employees of the service sector, and presents the methods and technologies of training that ensure the successful formation of professional competence of future employees of the service sector.

Keywords: active training, professional competence of service sector employees, active training technologies, service, service sector.

Введение

Стремительное развитие сферы обслуживания и ее внедрение в различные области деятельности человека диктуют новые и более жесткие требования к уровню подготовки выпускников, собирающихся работать в сервисных организациях. В то же время обеспечение соответствия выпускников этим требованиям является достаточно сложной задачей, т. к. во-первых, сфера сервиса является достаточно многогранной, динамичной, гибкой организационной структурой, охватывающей все направления науки и деятельности человека, а во-вторых, к завершению обучения даже на первой ступени высшего образования – в бакалавриате у выпускника должны быть максимально сформированы профессиональные и коммуникативные компетенции, т. к. основными направлениями работы специалистов по сервису являются взаимодействие с потребителями и работа в системе основного производства предприятия, т. е. выполнение работы в соответствии с профилем организации, в которой он работает. В связи с этим наиболее актуальной является проблема формирования профессиональной компетентности бакалавров сервиса, намеревающихся реализовывать свою деятельность при замещении должностей в организациях сферы обслуживания. Исследованием проблем подготовки таких специалистов в своих диссертационных исследованиях занимались Н. А. Журанова [6], А. С. Тарасенко [7], Н. И. Ковалева [8].

Для эффективной реализации учебного процесса по направлению подготовки «Сервис» необходимо уточнить понятие профессиональной компетентности сотрудников сферы обслуживания, определить условия ее успешного формирования.

Основные результаты

Формированию профессиональной компетентности специалистов сферы сервиса посвящено небольшое количество исследований, однако в комплексе проблема формирования профессиональной компетентности специалистов сферы обслуживания не рассматривается, а также на текущий момент формулировка компетентности для специалистов сферы обслуживания дается в обобщенном виде, т. к. рассматриваются в опубликованных работах и диссертациях лишь отдельные компоненты рассматриваемой компетентности. Проанализируем содержание работ.

В работе [10] на основании результатов экспертного исследования представлен компетентностный портрет работника сферы услуг, перечислен перечень требований, предъявляемым к сотрудникам сферы обслуживания. В работе [11] проведен анализ внедрения профессиональных стандартов, в которых отражаются необходимые компетенции для сотрудников сферы обслуживания. В работе [12] дается определение психологической компетентности специалиста в области косметологического сервиса, которое является специфическим и применимым лишь к данному направлению сферы услуг. В работе [13] отмечается, что «профессиональная деятельность в сфере обслуживания – одна из самых сложных в психологическом плане и конфликтогенных профессий. Основное содержание деятельности работника сферы обслуживания – это обслуживание потребителей», а также обозначены компоненты данной компетентности – мотивационный, когнитивный, поведенческий, ценностно-смысловой, эмоционально-волевой, сенситивный

Во всех имеющихся работах отсутствует определение профессиональной компетентности специалистов сферы обслуживания, которое может быть применимо к выпускникам – бакалаврам направления подготовки «Сервис». Поэтому мы считаем целесообразным уточнить определение профессиональной компетентности работников сферы сервиса.

Под профессиональной компетентностью работников сферы сервиса мы понимаем интегрированную и мобильную совокупность знаний, умений и личностных качеств, позволяющих успешно реализовывать процесс обслуживания потребителей, осуществлять различные операции с объектами и системами сервиса, формировать и развивать клиентурные отношения и повышать эффективность сервисной деятельности, как в отдельных направлениях, так и в совокупности.

В рамках исследуемой проблемы нами предпринята попытка определить структуру профессиональной компетентности будущих работников сферы обслуживания (на примере подготовки бакалавров сервиса), которая представлена на рисунке 1. Данная структура разработана нами на основе анализа имеющихся работ по исследуемой проблеме [10], [12], [13], требований Федерального государственного образовательного стандарта по направлению подготовки 43.03.01 Сервис (уровень бакалавриата) [16], профессиональных стандартов [17], [18], требования которых образовательные организации высшего образования обязаны учитывать при составлении основных профессиональных образовательных программ.

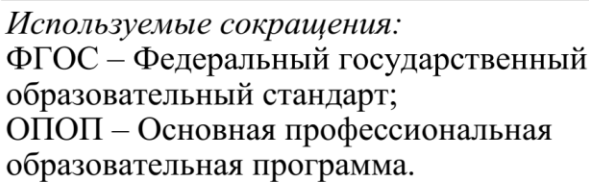

Рис. 1 – Содержание профессиональной компетентности бакалавров сервиса

В процессе обучения у бакалавров сервиса формируются основные компетенции Федерального государственного образовательного стандарта и дополнительные, разработанные конкретным вузом и отраженные в основной профессиональной образовательной программе. Все компетенции необходимы для реализации профессиональной деятельности, которая делится на три большие группы:

- 1) работа с субъектами сервиса;
- 2) работа с объектами процесса сервиса;
- 3) организационно-управленческая работа.

Мы считаем, что формирование профессиональной компетентности специалистов, работающих в сфере сервиса будет успешным, если:

- 1) будет реализован комплекс мер, направленный на формирование навыков и культуры непосредственного и опосредованного общения с потребителями;
- 2) во время обучения по дисциплинам профессионального цикла будет активно использоваться междисциплинарная интеграция, позволяющая получать всесторонние знания и умения;
- 3) будут активно внедряться инновационные технологии обучения, активизирующие познавательную деятельность учащихся;
- 4) практические занятия по дисциплинам профессионального цикла будут проводиться с имитацией контактной зоны или непосредственно в ней;
- 5) будет разработана система мониторинга формирования компетенций, составленная на основе междисциплинарной интеграции;
- 6) в академической группе будет сформирован микроклимат, позволяющий раскрыть студентам их способности и сформировать личностные и профессионально значимые качества личности;
- 7) самостоятельная работа студента будет носить проблемный стимулирующий характер и задачи, содержащиеся в ней, будут направлены на развитие творческих способностей и исследовательских компетенций;
- 8) будут четко определены цели и ожидаемые результаты обучения в зависимости от профиля подготовки, будет разработан подробный кодификатор компетенций, определяющий содержание каждой компетенции и дисциплины, формирующие их составляющие;
- 9) будут реализовываться индивидуальные траектории изучения дисциплин профессионального цикла, реализуемые в рамках аудиторной и внеаудиторной самостоятельной работы.

Формирование профессиональной компетентности сотрудников сервисных организаций складывается из двух укрупненных блоков.

1. Формирование необходимых личностных качеств и компетенций, непосредственно связанных с выполнением работ по отношению к объектам сервиса, под которыми нами понимается конкретный продукт сервиса, с которым ведется работа, или его компоненты (автомобиль – в автосервисе, тур – в туристической индустрии и т. п.).

2. Формирование личностных качеств и компетенций, включающих в себя навыки и умения профессиональной коммуникации и формирования клиентурных отношений.

3. Формирование личностных качеств и компетенций, необходимых для реализации организационно-управленческой деятельности и эффективного взаимодействия внутри сервисной организации.

Успешное формирование первого блока зависит в основном от материально-технической базы учебного заведения, в котором реализуется процесс подготовки будущих работников сферы сервиса. Второй и третий блоки являются более трудоемкими и требуют особого внимания. В современном сервисе наиболее актуальной в настоящее время является проблема организации эффективной коммуникации между потребителями и работниками сферы обслуживания. Становление данных компетенций зависит от коммуникативного мастерства и правильного выбора технологий обучения. Наиболее благоприятным периодом для формирования вербального взаимодействия мы считаем начальные курсы, когда преподаются общенаучные дисциплины, направленные на всестороннее развитие личности, и общепрофессиональные, ориентированные на направление подготовки.

Одним из необходимых условий успешного формирования профессиональной компетентности будущих сотрудников сферы обслуживания является применение активных методов и технологий обучения, исследованием которых занимались А. А. Вербицкий [3], В. Н. Круликов [1], [2], А. М. Смолкин [4], А. П. Панфилова [5] и др. Применение активного обучения направлено на формирование навыков разрешения конфликтных ситуаций, развития коммуникативности внутри организации, становления готовности к взаимодействию с потребителями. Также следует отметить, что данные методы существенно влияют на создание благоприятного микроклимата внутри группы.

Среди реализуемых технологий нами используются следующие:

- 1) игровое проектирование, направленное на развитие навыков коммуникации внутри группы:
 - исследовательские проекты;
 - творческие (креативные) проекты;
 - прогностические проекты;
 - аналитические проекты;

2) проведение тренингов студентами – мы считаем эту форму обучения наиболее эффективной, т. к. в ней наиболее эффективно раскрываются умения общения как с потребителем, так и с коллективом, студент учится налаживать диалог, формулировать конкретные тезисы, доносить мысль, устанавливать обратную связь, диагностировать эмоциональный настрой коллектива и корректировать его. В рамках процесса обучения предусмотрено проведение обучающих тренингов и тренингов развития личностных качеств;

3) деятельностное обучение и обучение на основе опыта – это способность запоминать выученное и применять полученные знания на практике. При обучении через действие малые группы работают над сложными вопросами в текущей деятельности или ставят задачу бросить «свежий взгляд» на знакомые ранее проблемы. Целесообразно также подкреплять интенсивные технологии дискуссиями, мониторингом, наблюдением, обратной связью, чтобы

интегрировать всю совокупность теоретических и поведенческих компонентов в репертуар поведенческих и профессиональных техник;

4) мозговые штурмы – методы психологической активизации коллективной творческой деятельности для получения новых идей.

Одной из особенностей сферы сервиса является ее многогранность. Это необходимо учитывать при проектировании образовательного процесса. С этой целью нами разработана методика проектирования индивидуальных траекторий самостоятельной работы студентов с целью выбора студентом того направления, которое представляется студенту наиболее важным в будущей профессии. Подробное описание вышеупомянутой методики приведено в статье [9]. Она включает в себя следующие этапы:

1. Выбор индивидуального направления самостоятельной работы студента.
2. Определение конечных целей самостоятельной работы студента.
3. Определение характера и вида самостоятельной работы студента в рамках изучения отдельной дисциплины, входящей в профессиональный цикл.
4. Построение семестрового плана индивидуальной самостоятельной работы студента по дисциплине, входящей в профессиональный цикл.
5. Определение форм отчетной документации по индивидуальной самостоятельной работе.
6. Согласование графика индивидуальных консультаций и контроля самостоятельной работы студента.

Заключение

Структура профессиональной компетентности работников сферы сервиса разработана на основе анализа особенностей профессиональной деятельности работников сферы обслуживания, указанных в профессиональных стандартах и должностных инструкциях сервисных организаций. Соблюдение вышеперечисленных условий – залог успешного формирования профессиональной компетентности в процессе обучения на ступени. Результаты проводимой работы с 2011 г. использованы при проектировании содержания дисциплин и методики проведения практических занятий по дисциплинам образовательной программы. Это нашло практическое применение в разработанных учебных изданиях [14], [15], используемых в процессе обучения в ФГБОУ ВО «ТГПУ им. Л. Н. Толстого» по направлению подготовки 43.03.01 Сервис (уровень бакалавриата). Высокая востребованность выпускников на предприятиях сферы обслуживания говорит об эффективности профессиональной подготовки, что доказывает актуальность представленной разработки.

Следует еще раз отметить, что профессиональная компетентность работников сферы сервиса является сложной и динамичной структурой, поэтому успешное ее становление зависит от всех условий ее формирования в совокупности.

Конфликт интересов

Не указан.

Conflict of Interest

None declared.

Список литературы / References

1. Кругликов, В. Н. Деловые игры и другие методы активизации познавательной деятельности / В. Н. Кругликов, Е. В. Платонов, Ю. А. Шаронов. СПб.: «Изд. П-2», 2006. – 190 с.
2. Кругликов, В. Н. Активное обучение в техническом вузе: теория, технология, практика / В. Н. Кругликов. СПб.: ВИТУ, 1998. – 308 с.
3. Вербицкий, А. А. Активное обучение в высшей школе: контекстный подход / А. А. Вербицкий. – М.: Высшая школа, 1991. – 207 с.
4. Смолкин, А. М. Методы активного обучения / А. М. Смолкин. – М.: Высшая школа, 1991. – 176 с.
5. Панфилова, А. П. Инновационные педагогические технологии: Активное обучение / А. П. Панфилова: учеб. Пособие для студ. высш. учеб. заведений. М: Издательский центр «Академия», 2009. – 192 с.
6. Журанова, Н. А. Формирование конкурентоспособности специалистов в системе среднего профессионального образования: На примере подготовки менеджеров гостинично-туристического сервиса / Н. А. Журанова: диссертация ... кандидата педагогических наук: 13.00.08, Самара, 2006. – 247 с.
7. Тарасенко, А. С. Формирование социальной компетенции в процессе вузовской подготовки специалистов сферы сервиса и туризма / А. С. Тарасенко: диссертация ... кандидата педагогических наук: 13.00.08, Майкоп, 2007. – 182 с.
8. Ковалева, Н. И. Научно-методическое обеспечение подготовки специалистов в области сервиса: диссертация ... кандидата педагогических наук / Н. И. Ковалева: 13.00.08, Волгоград, 2005. – 223 с.
9. Дорохин, Ю. С. Проектирование индивидуальных траекторий самостоятельной работы студентов при подготовке специалистов сферы обслуживания / Ю. С. Дорохин // Традиции гуманизации в образовании – III международная научная конференция памяти Г. В. Дорофеева: сборник материалов. М.: Вентана-Граф, 2014. – С. 46–48.
10. Шмарион, Ю. В. Структурные компоненты профессиональной компетентности работников сферы услуг / Ю. В. Шмарион, О. В. Панарина // Дискуссия. 2011. № 10. [Электронный ресурс]. URL: <https://clck.ru/YBSHE> (дата обращения: 20.09.2021).
11. Касьянова, Т. И. Профессиональные стандарты работников сферы социального обслуживания: проблемы внедрения / Т. И. Касьянова // материалы IV Международной научно-практической конференции «Стратегии развития социальных общностей, институтов и территорий»: в 2-х томах. Министерство образования и науки Российской Федерации; Научный редактор А. П. Багирова. Издательство УФУ им. Б. Н. Ельцина, Екатеринбург 2018, С. 187–193
12. Кондракова, Т. Е. Формирование психологической компетентности специалиста в области сервиса / Т. Е. Кондракова: автореферат дис. ... кандидата психологических наук: 19.00.07, Пятигорск, 2013. – 22 с.

13. Пупкова, М. П. Формирование конфликтологической компетентности работников сферы обслуживания / М. П. Пупкова, И. В. Никулина // Материалы XIII научно-методической конференции с международным участием «Актуальные проблемы совершенствования высшего образования». Изд-во ЯГУ им. П. Г. Демидова. 2018. С. 143–145
14. Практикум по курсу «Организация и планирование деятельности предприятий сервиса»: учеб.-метод. пособие / Ю. С. Дорохин, А. Н. Сергеев, П. Н. Медведев и др. / Тула: Изд-во ТулГУ, 2019. 94 с. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=42688235> (дата обращения: 20.09.2021)
15. Практикум по сервисной деятельности: учеб.-метод. пособие / А. Н. Сергеев, Н. Н. Сергеев, Д. М. Хонелидзе и др. Тула: Изд-во ТулГУ, 2017. 138 с.
16. Федеральный государственный образовательный стандарт высшего образования – бакалавриат по направлению подготовки 43.03.01 Сервис, утвержденный приказом Министерства труда и социальной защиты Российской Федерации Министерства образования и науки РФ от 08.06.2017 № 514. [Электронный ресурс]. URL: <https://base.garant.ru/71709044/> (дата обращения: 20.09.2021)
17. Профессиональный стандарт «Специалист по техническому диагностированию и контролю технического состояния автотранспортных средств при периодическом техническом осмотре», утвержденный приказом Министерства труда и социальной защиты Российской Федерации от 23.03.2015 № 187н. [Электронный ресурс]. URL: <https://base.garant.ru/71003998/> (дата обращения: 20.09.2021).
18. Профессиональный стандарт «Специалист по организации постпродажного обслуживания и сервиса», утвержденный приказом Министерства труда и социальной защиты Российской Федерации от 31.10.2014 № 864н. [Электронный ресурс]. URL: <https://base.garant.ru/70809826/> (дата обращения: 20.09.2021)

Список литературы на английском языке / References in English

1. Kruglikov, V. N. Delovye igry i drugie metody aktivizatsii poznavatel'noj deyatel'nosti [Business games and other methods of activating cognitive activity] / V. N. Kruglikov, E. V. Platonov, Yu. A. Sharonov. SPb.: «Publishing house P-2», 2006. – 190 p. [in Russian]
2. Kruglikov, V. N. Aktivnoe obuchenie v tekhnicheskoy vuzovskoy sredy: teoriya, tekhnologiya, praktika [Active training in a technical university: theory, technology, practice] / V. N. Kruglikov. SPb.: VITU, 1998. – 308 p. [in Russian]
3. Verbickij, A. A. Aktivnoe obuchenie v vysshej shkole: kontekstnyj podhod [Active learning in higher school: a contextual approach] / A. A. Verbickij. – M.: Vysshaya shkola, 1991. – 207 p. [in Russian]
4. Smolkin, A. M. Metody aktivnogo obucheniya [Methods of active learning] / A. M. Smolkin. – M.: Vysshaya shkola, 1991. – 176 p. [in Russian]
5. Panfilova, A. P. Innovatsionnye pedagogicheskie tekhnologii: Aktivnoe obuchenie [Innovative pedagogical technologies: Active learning: textbook] / A. P. Panfilova: ucheb. Posobie dlya stud. vyssh. ucheb. zavedenij. M: Publishing house «Akademiya», 2009. – 192 p. [in Russian]
6. Zhuranova, N. A. Formirovanie konkurentosposobnosti specialistov v sisteme srednego professional'nogo obrazovaniya [Formation of the competitiveness of specialists in the system of secondary vocational education] / N. A. Zhuranova: thesis ... of PhD in Pedagogy: 13.00.08, Samara, 2006. – 247 p. [in Russian]
7. Tarasenko, A. S. Formirovanie social'noj kompetencii v processe vuzovskoy podgotovki specialistov sfery servisa i turizma [Formation of social competence in the process of university training of specialists in the field of service and tourism] / A. S. Tarasenko: thesis ... of PhD in Pedagogy: 13.00.08, Majkop, 2007. – 182 p. [in Russian]
8. Kovaleva, N. I. Nauchno-metodicheskoe obespechenie podgotovki specialistov v oblasti servisa [Scientific and methodological support for the training of specialists in the field of service] / N. I. Kovaleva: thesis ... of PhD in Pedagogy: 13.00.08, Volgograd, 2005. – 223 p. [in Russian]
9. Dorohin, Yu. S. Proektirovanie individual'nykh traektorij samostoyatel'noj raboty studentov pri podgotovke specialistov sfery obsluzhivaniya [Designing individual trajectories of independent work of students in the training of specialists in the service sector] / Yu. S. Dorohin // Tradicii gumanizatsii v obrazovanii – III mezhdunarodnaya nauchnaya konferenciya pamyati G. V. Dorofeeva: sbornik materialov [Traditions of humanization in education – III International Scientific Conference in memory of G. V. Dorofeev: collection of materials]. M.: Ventana-Graf, 2014. P. 46–48. [in Russian].
10. Shmarion, Yu. V. Strukturnye komponenty professional'noj kompetentnosti rabotnikov sfery uslug [Structural components of professional competence of service sector workers] / Yu. V. Shmarion, O. V. Panarina // Diskussiya [Discussion]. 2011. № 10. [Electronic resource]. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/strukturnye-komponenty-professionalnoy-kompetentnosti-rabotnikov-sfery-uslug> (accessed: 20.09.2021). [in Russian].
11. Kas'yanova, T. I. Professional'nye standarty rabotnikov sfery social'nogo obsluzhivaniya: problemy vnedreniya [Professional standards of social service workers: problems of implementation] / T. I. Kas'yanova // materialy IV Mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoy konferencii «Strategii razvitiya social'nykh obshchestv, institutov i territorij» [materials of the IV International scientific and practical Conference «Strategies for the development of social communities, institutions and territories»]: in 2 vols. Ministerstvo obrazovaniya i nauki Rossijskoj Federacii; Nauchnyj ed. A. P. Bagirova. Publishing house UFU im. B. N. El'cina, Ekaterinburg 2018, P. 187–193. [in Russian].
12. Kondrakova, T. E. Formirovanie psihologicheskoy kompetentnosti specialista v oblasti servisa [Formation of psychological competence specialization of the psychological competition of a specialist in the field of service] / T. E. Kondrakova: thesis ... of PhD in Psychology: 19.00.07, Pyatigorsk, 2013. – 22 p. [in Russian]
13. Pupkova, M. P. Formirovanie konfliktologicheskoy kompetentnosti rabotnikov sfery obsluzhivaniya [Formation of conflictological competence of service sector employees] / M. P. Pupkova, I. V. Nikulina // Materialy XIII nauchno-metodicheskoy konferencii s mezhdunarodnym uchastiem «Aktual'nye problemy sovershenstvovaniya vysshego obrazovaniya» [materials of the XIII scientific and methodological conference with international participation «Actual problems of improving higher education»]. Publishing house of YAGU im. P. G. Demidova. 2018. P. 143–145. [in Russian].
14. Praktikum po kursu «Organizatsiya i planirovanie deyatel'nosti predpriyatij servisa» [Workshop on the course «Organization and planning of the activities of service enterprises»] / Yu. S. Dorohin, A. N. Sergeev, P. N. Medvedev, et al. /

Tula: Publishing house of TulGU, 2019. 94 p. [Electronic resource]. URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=42688235>. (accessed: 20.09.2021). [in Russian]

15. Praktikum po servisnoj deyatelnosti [Workshop on service activities] / A. N. Sergeev, N. N. Sergeev, D. M. Honelidze et al. Tula: Publishing house of TulGU, 2017. 138 p. [in Russian]

16. Federal'nyj gosudarstvennyj obrazovatel'nyj standart vysshego obrazovaniya – bakalavriat po napravleniyu podgotovki 43.03.01 Servis, utverzhdenyj prikazom Ministerstva truda i social'noj zashchity Rossijskoj Federacii Ministerstva obrazovaniya i nauki RF [Federal State educational standard of higher education-bachelor's degree in the field of training 43.03.01 Service, approved by the order of the Ministry of Labor and Social Protection of the Russian Federation of the Ministry of Education and Science of the Russian Federation] ot 08.06.2017 № 514. [Electronic resource]. URL: <https://base.garant.ru/71709044/> (accessed: 20.09.2021). [in Russian]

17. Professional'nyj standart «Specialist po tekhnicheskomu diagnostirovaniyu i kontrolyu tekhnicheskogo sostoyaniya avtotransportnyh sredstv pri periodicheskom tekhnicheskom osmotre», utverzhdenyj prikazom Ministerstva truda i social'noj zashchity Rossijskoj Federacii [Professional standard «Specialist in technical diagnostics and control of the technical condition of motor vehicles during periodic technical inspection», approved by Order of the Ministry of Labor and Social Protection of the Russian Federation] ot 23.03.2015 № 187n. [Electronic resource]. URL: <https://base.garant.ru/71003998/> (accessed: 20.09.2021). [in Russian]

18. Professional'nyj standart «Specialist po organizacii postprodazhnogo obsluzhivaniya i servisa», utverzhdenyj prikazom Ministerstva truda i social'noj zashchity Rossijskoj Federacii [Professional standard «Specialist in the organization of after-sales service and service», approved by Order of the Ministry of Labor and Social Protection of the Russian Federation] dated 31.10.2014 № 864n. [Electronic resource]. URL: <https://base.garant.ru/70809826/> (accessed: 20.09.2021). [in Russian]

DOI: <https://doi.org/10.23670/IRJ.2021.112.10.068>

ПРИМЕНЕНИЕ ЭЛЕКТРОННЫХ СРЕДСТВ ОБУЧЕНИЯ ОБУЧАЮЩЕЙ СРЕДЫ MOODLE НА ДИСТАНЦИОННЫХ ЗАНЯТИЯХ

Научная статья

Егорченкова Н.Б.^{1,*}, Коробова О.В.²

¹ ORCID: 0000-0001-7418-5720;

² ORCID: 0000-0003-1055-4675;

^{1,2} Волгоградский государственный университет, Волгоград, Россия

* Корреспондирующий автор (natalia.egorchenkova[at]volsu.ru)

Аннотация

В данной статье рассматривается проблема введения электронного обучения в высших учебных заведениях России на примере форм дистанционного обучения, практикуемых в Волгоградском государственном университете. Статья раскрывает понятие электронного обучения и детально рассматривает возможности смешанного обучения в системе высшего образования. Обобщается практический опыт применения новых форм и методик обучения. В качестве исследовательской задачи авторами была предпринята попытка выявить и описать основные обучающие стратегии электронного обучения. В статье выделяются три такие стратегии, а именно стратегия дополнения, стратегия интеграции и стратегия виртуализации. Каждая из стратегий анализируется с точки зрения применяемых цифровых средств обучения и доли их участия в образовательном процессе. Сделанные выводы вносят вклад в развитие новой отрасли знаний – электронной педагогики.

Ключевые слова: электронная педагогика, электронное обучение, смешанное обучение (Blended Learning), Moodle, цифровые инструменты обучения, высшее образование.

THE USE OF ELECTRONIC LEARNING TOOLS OF THE MOODLE LEARNING SYSTEM IN REMOTE CLASSES

Research article

Egorchenkova N.B.^{1,*}, Korobova O.V.²

¹ ORCID: 0000-0001-7418-5720;

² ORCID: 0000-0003-1055-4675;

^{1,2} Volgograd State University, Volgograd, Russia

* Corresponding author (natalia.egorchenkova[at]volsu.ru)

Abstract

This article discusses the problem of introducing e-learning in higher educational institutions of Russia on the example of forms of distance learning practiced at Volgograd State University. The article explores the concept of e-learning, examines in detail the possibilities of blended learning in the higher education system, and summarizes the practical experience of applying new forms and methods of teaching. The authors attempt to identify and describe the main learning strategies of e-learning. The article highlights three such strategies, namely, the complement strategy, the integration strategy and the virtualization strategy. Each of the strategies is analyzed from the point of view of the digital learning tools used and the share of their participation in the educational process. The conclusions made contribute to the development of a new branch of knowledge – electronic pedagogy.

Keywords: electronic pedagogy, e-learning, blended learning, Moodle, digital learning tools, higher education.

Введение

Цифровые технологии пронизывают сегодня все сферы нашего общества. Они оказывают свое влияние на экономику и политику, доминируют как способ коммуникации в рабочей и личной жизни. Эти изменения принимаются большей частью общества положительно, поскольку их потенциал очевиден. Дигитализация воспринимается как продукт и выражение нашего технического и экономического прогресса, несущие помимо положительных сторон и негативные моменты, которые нам придется осмыслить и минимизировать либо обернуть в свою пользу.

Не секрет, что на сегодняшний день вся система высшего образования России находится на пороге цифровой революции. Уже не возникает никаких сомнений в том, что электронное обучение (E-Learning), под которым мы будем понимать «обучение, поддерживаемое и обеспечиваемое информационными и коммуникативными технологиями» [9], должно стать неотъемлемой частью преподавания в высших учебных заведениях. В более упрощенном виде понятие электронного обучения можно определить как применение информационных и коммуникативных дистанционных технологий в учебном процессе [10]. В Законе РФ «Об образовании» под дистанционными образовательными технологиями понимаются «образовательные технологии, реализуемые в основном с применением информационных и телекоммуникационных технологий при опосредованном (на расстоянии) или не полностью опосредованном взаимодействии обучающегося и педагогического работника» [6]. Такие технологии подразумевают использование в процессе обучения электронных образовательных средств, представленных на сегодняшний день в большом количестве и разнообразии на разных электронных устройствах и платформах. Несмотря на определенную долю скепсиса, выражаемого частью педагогического сообщества в отношении обучающей ценности и доли участия электронных образовательных средств в преподавании, нет никаких сомнений в том, что эти средства несут высокий потенциал успешного дизайна индивидуального учебного процесса, создавая обучающие возможности, не зависящие от места и времени обучения [4].

Такие возможности предоставляют среди прочего обучающие онлайн-платформы, представляющие собой интернет-порталы, основанные на базе данных и оборудованные интерфейсами электронных средств обучения и форумами, дающими обратную связь. К электронным средствам обучения можно отнести многие инструменты, используемые в электронном обучении. Применяемый преподавателями ВУЗов арсенал цифровых средств обучения растет с каждым днем и на сегодняшний день их можно разделить на следующие типы:

- Классические цифровые инструменты коммуникации (презентации, электронная почта, банки данных, электронные книги, файлы разных форматов и т. д.)
- Инструменты социальной коммуникации (блоги, чаты, форумы, социальные сети и т. д.)
- Электронные проверяющие системы (электронные тесты)
- Аудио- и видеоматериалы
- Интерактивные инструменты и форматы (обучающие игры, виртуальные лаборатории, вебконференции и т. д.).

Такое многообразие обусловлено гетерогенностью направлений обучения в ВУЗах, а также гетерогенным составом большинства обучающихся групп.

Использование онлайн-платформ, в качестве дистанционных технологий, позволяет решить следующие задачи:

- формирование индивидуального плана и графика обучения;
- обучение студентов с ограниченными возможностями здоровья;
- организация командной работы над проектами;
- использование коммуникативных методов обучения;
- расширение формата географии;
- актуализация и визуализация информации;
- использование практико-ориентированных методов обучения;
- сочетание возможностей очного, заочного и дистанционного обучения в процессе образования [2]

Для лучшей интеграции обучающей платформы и электронных средств обучения в процесс электронного обучения обучающий портал должен предоставить возможности смешанного обучения (Blended Learning), включающего в себя очное обучение и расширяющего его потенциал. Это поможет обучающимся перейти к автономному обучению и позволит лучше организовать индивидуальное проектирование и контроль учебного процесса, так как обучающая платформа дает возможность обучающимся получить постоянный и легкий доступ к обучающим материалам и средствам.

Основные результаты

В качестве такой платформы можно рассматривать OpenSource-Software „MOODLE“ (Modular Object-Oriented Dynamic Learning Environment). Эта платформа, которая уже несколько лет успешно применяется в обучении в Волгоградском государственном университете, предоставляет в распоряжение обучающихся виртуальные учебные пространства по всем направлениям, годам обучения и предметам. С дидактической точки зрения, Moodle базируется на том, что предоставляемые средства обучения стимулируют у обучающихся интерес к исследовательскому подходу.

Не секрет, что несмотря на свою многолетнюю доступность средства и инструменты электронного обучения до сих пор не используются на регулярной основе в системе высшего образования России. В то время как западное высшее образование уже десятилетиями работает с принципами смешанного и электронного обучения, педагогика России делает на этом пути только свои первые шаги. В будущем российские ВУЗы смогут сохранить инновативные позиции только в том случае, если они начнут применять в процессе преподавания новые концепты и структуры организации учебного процесса. Очевидно, что такие преобразования требуют инновативного повышения квалификации преподавателей высших учебных заведений.

Так, Дитхельм Валь рекомендует для повышения квалификации преподавателей проведение инсценировки обучающей драматургии, которую он предлагает делить на четыре этапа [7]. На первом этапе участники изучают основы новой концепции обучения в теории. Затем основные методы изученной концепции применяются преподавателями на практике, в результате чего фиксируются результаты их применения. На третьем этапе происходит подробное осмысление, сравнение и описание этих результатов. На последнем, заключительном, этапе должно произойти формирование личного опыта из практических результатов и соответствующей теории.

Такого рода эксперимент был вынужденно, в силу введенных правительством страны карантинных мер, обусловленных тяжелой эпидемиологической обстановкой, проведен в высших школах России весной 2020 года, что привело к очень важным для всей системы высшего образования результатам. В конце марта 2020 года в России, как и во всем мире, полностью поменялся концепт обучения и электронное образование стало основой образовательного процесса в ВУЗах, что вынудило преподавателей изучать и применять на практике новые формы и методики обучения, в результате чего были введены, протестированы и получили успешное применение различные электронные средства обучения.

Как было сказано выше, большая часть процесса электронного обучения происходила в ВУЗах страны и в Волгоградском государственном университете, в частности, на обучающей платформе Moodle. Образовательное пространство платформы включает цифровые информационные и образовательные ресурсы и в своей структуре поделено на разные уровни высшего образования: бакалавриат, магистратура, аспирантура, дополнительное образование. После выбора соответствующего уровня высшего образования на платформе открываются направления обучения, представленные в ВУЗе. В каждом направлении можно выбрать год обучения, и для каждого года обучения доступны списки соответствующих предметов.

Пространство каждого учебного курса содержит аннотацию изучаемой дисциплины, учебную программу, разделы для лекций, семинаров, заданий, презентаций по содержанию дисциплины и форум.

В разделе для лекций помимо текстовых файлов преподаватели размещают ссылки на текущие веб-конференции, то есть занятия, проводимые на базе облачных конференц-платформ, таких как Zoom или Skype, в которых участники взаимодействуют посредством чата, микрофона и вебкамеры. Немаловажное значение имеют при этом возможности выбранной конференц-платформы, к которым мы можем отнести, например, возможность поделиться экраном или обменяться документами, функцию записи, виртуальные доски, возможности голосования. Существенным недостатком использования такого формата учебного занятия является тот факт, что виртуальность пространственных рамок снижает уровень возможностей контроля обучающихся, так как во время виртуального занятия трудно определить, насколько вовлечены в процесс обучения все его участники.

Эти вебконференции служили и служат заменой очным занятиям. В ходе дистанционного обучения стало очевидным, что такая форма предоставления знаний требует от преподавателей значительного повышения уровня их медийных компетенций. Так проведение онлайн-сессии, вне зависимости от того, лекция ли это, вебинар или практическое занятие, требует более тщательного планирования, чем очный урок. Ведущему онлайн-сессии, то есть преподавателю, приходится позаботиться не только о содержательном контенте занятия и структуре его представления, но и о модерации сессии и распределении ролей обучающихся. Кроме того, все технические вопросы должны быть решены до начала сессии. Преподаватель должен уметь пользоваться необходимым оборудованием и обучить этому заранее обучающихся, чтобы в процессе онлайн-сессии быть уверенным, что его аудитория в состоянии следовать за развертыванием занятия. Что касается собственно обучения иностранному языку, то вебконференции в случае необходимости могут полноценно заменить очные занятия, поскольку из всех электронных инструментов обучения они наиболее близки Face-to-Face-коммуникации. Более того, очным занятиям недостает некоторых возможностей, предоставляемых облачными конференц-платформами, например, совместное одновременное использование виртуальной доски для электронного мозгового штурма или распределение по залам для индивидуальной работы обучающихся или с обучающимися.

Остальные разделы курса также активно используются преподавателями. Так, в разделе для семинаров обычно размещаются дискуссионные вопросы, что позволяет учащимся подготовиться к занятию заранее. В раздел для заданий преподаватели загружают домашние задания или задания для самостоятельной работы. При этом в распоряжении преподавателей находятся разнообразные цифровые инструменты, наиболее употребимыми из которых оказались «задания», «тесты» и «файлы».

Инструмент «задание» характеризуется тем, что загруженный документ содержит задания, которые необходимо выполнить за ограниченное преподавателем время. «Тесты» используются для текущего контроля и модульных контрольных работ. «Тесты» позволяют проверять грамматические знания, а также навыки чтения и аудирования. Электронные тесты позволяют повышать мотивацию обучающихся дают им возможность увидеть, с одной стороны, свои пробелы, а с другой стороны, связь уже имеющихся знаний с новым материалом. Преимущество этих инструментов состоит в экономии времени преподавателя и быстрой и полной обратной связи с обучающимися. Инструмент «файл» служит для хранения и распространения обучающих материалов, таких как грамматические правила, вокабуляры и т.д.

Задания в электронном формате и интерактивные упражнения побуждают обучающихся усваивать материал самостоятельно, в индивидуальном темпе, вне временных и пространственных рамок. Из этого следует, что электронное обучение способствует индивидуализации учебного процесса.

Опыт, приобретенный преподавателями за время вынужденной работы в поле дистанционного обучения, показал, что в современной системе образования назрела необходимость в реформах и разработке новых или развитии уже имеющихся дидактических концептов. В новой отрасли педагогики, которую сегодня называют электронной педагогией, сохраняются традиционные, классические принципы, такие как сознательность, активность, наглядность обучения, систематичность и последовательность, доступность, связь теории с практикой и т.д. Однако характерными для электронной педагогики становятся новые принципы: интерактивность, стартовые знания, идентификация, педагогическая целесообразность применения электронных образовательных средств и др. [1, С. 11]. Дигитализация форматов обучения происходит сегодня в обобщенном виде по трем основным стратегиям. Это дополнение, интеграция и виртуализация.

Стратегия так называемого дополнения характеризуется применением цифровых элементов обучения в традиционном формате преподавания. Сюда можно отнести, например, демонстрацию видеофрагментов во время лекции, семинара или практического занятия. Другим вариантом реализации такой стратегии является использование мобильных устройств (телефонов или планшетов) для (совместной) работы на семинарах или практических занятиях. Эти устройства могут применяться как в индивидуальных заданиях, так и для работы в группах, например, для поиска информации при изучении новой темы или подготовке проекта на занятии. Кроме того, мобильные устройства обучающихся могут использоваться при работе в группах над презентациями, вебсайтами, обучающими видео. Встроенная в мобильные устройства камера позволяет документировать прогресс в обучении или создавать свои обучающие видео в процессе работы над темой занятия. Границы между использованием мобильных устройств и реальной коммуникацией во время занятия при этом размыты. Передаваемая на мобильные устройства информация часто вербализируется, детали проектов обсуждаются и одновременно вносятся в совместный цифровой документ. При этом сотрудничество не ограничивается присутствующими на занятии, в работе могут принимать участие и те обучающиеся, которые в силу каких-то обстоятельств не смогли присутствовать на занятии. Очень интересным форматом обучения при помощи мобильных устройств является проведение или составление виртуальных экскурсий, например на занятиях по страноведению.

Стратегия интеграции представляет собой смешанное обучение (Blended Learning), при котором онлайн занятия или онлайн упражнения являются органичным дополнением очных занятий. Одной из таких возможностей является такой принцип обучения, как перевернутый класс (Flipped Classroom). Этот формат занятия предполагает предоставление обучающимся возможности самостоятельного усвоения нового материала, представленного в

цифровом формате, с дальнейшим обсуждением и проработкой на очных занятиях [5, С. 65]. Преимущество данного формата обучения состоит в том, что за счет предварительной подготовки обучающихся преподаватель получает возможность провести очное занятие более интерактивно и динамично. Подготовленный материал можно обсудить и критически рассмотреть. Такой асинхронный метод работы позволяет индивидуализировать процесс обучения. Кроме того, в смешанном обучении могут использоваться социальные сети, мессенджеры, блоги, влоги. Эти цифровые инструменты позволяют расширять нашу реальность, добавляя виртуальные реальности. Под виртуальной, или цифровой, реальностью понимают искусственно созданные цифровые миры и пространства, видимые онлайн на экране цифрового устройства [8, С.438].

Наконец, стратегия виртуализации подразумевает полный перенос образовательного процесса в виртуальное пространство. Сюда мы можем отнести

- лекционные курсы в онлайн формате, предоставляемые как в записи, так и в режиме реального времени;
- кейсовый формат предоставления учебных материалов;
- семинарские и практические занятия в формате вебконференций и т.д. [3, С. 5].

Кроме того, существуют промежуточные стратегии, в основе которых лежат различные комбинации использования традиционных инструментов обучения и цифровых технологий.

Следует понимать, что цифровые инструменты и стратегии обучения должны применяться не в силу своей доступности в современном мире. Очевидно, что применение тех или иных комбинаций цифровых обучающих средств не означает обязательности улучшения результатов обучения. Реализация новых цифровых форматов обучения подразумевает повышение интерактивности и динамики на занятиях. С одной стороны, преподаватели получают возможность освободиться от определенных рутинных видов деятельности, таких как, например, проверка контрольных работ, которая может осуществляться автоматически. С другой стороны, обучающиеся могут более активно взаимодействовать друг с другом и с преподавателем.

Все возрастающее влияние цифровизации на все сферы нашей жизни кажется сегодня бесспорным. Вопрос состоит в том, как система высшего образования сможет отреагировать на эти изменения и сможет ли она использовать связанные с ними возможности, чтобы изменить культуру университетского обучения.

В качестве наиболее эффективной стратегии электронной педагогики зарекомендовало себя смешанное обучение, представляющее собой стратегию интеграции принципов электронного образования в классическую методику обучения. Тщательный расчет в зонировании очного и электронного образовательных пространств позволяет компенсировать сильные и слабые стороны электронного и очного обучения и тем самым повысить уровень обучения за счет индивидуализации учебного процесса и вынесения его за временные и пространственные рамки.

Заключение

Технологии электронной педагогики развивают у обучающихся навыки самостоятельной работы, критического и продуктивного мышления. Однако такой формат обучения оправдан и эффективен в качестве дополнения, обогащающего традиционный образовательный процесс, поскольку виртуальное учебное занятие не сможет в полной мере заменить живое общение преподавателя со студентами, составляющее основу культуры высшего образования и позволяющее оказывать влияние на формирование личности обучающегося.

Конфликт интересов

Не указан.

Conflict of Interest

None declared.

Список литературы / References

1. Андреев А.А. К вопросу об электронной педагогике / А. А. Моргунов // Cloud Of Science – Москва, 2013 - №1 – С. 10-13.
2. Валяева Е.Ф. Практика применения Zoom в процессе дистанционного обучения иностранному языку / Е.Ф. Валяева, А. В. Гуреева // Современное педагогическое образование. 2020. №6. [Электронный ресурс]. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/praktika-primeneniya-zoom-v-protseste-distantsionnogo-obucheniya-inostrannomu-yazyku> (дата обращения: 12.09.2021)
3. Корсак М.В. Виртуализация образовательного пространства как социокультурный феномен / М. В. Корсак, А. Л. Цынцарь // Педагогика и психология образования. 2017. №2 – С. 5 – 6. [Электронный ресурс] URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/virtualizatsiya-obrazovatel'nogo-prostranstva-kak-sotsiokulturnyy-fenomen> (дата обращения: 12.09.2021)
4. Николашина Е.А. Информационно-коммуникационные платформы в обучении иностранным языкам / Е. А. Николашина // Лингводидактика и лингвистика в вузе: традиционные и инновационные подходы: сборник научных статей по материалам III Международной научно-практической конференции, 14-15 мая 2021 г., - Ярославль: Изд-во ЯГТУ, 2021. – С 217-221
5. Прудникова Н.Н. Применение модели Flipped Learning в процессе формирования иноязычной компетенции студентов российских вузов / Н. Н. Прудникова // Актуальные проблемы современности: наука и общество. Российская академия народного хозяйства и государственной службы при президенте РФ, - Балаково, 2020 - №1 (26) – С. 63-69
6. Федеральный закон от 29.12.2012 N 273-ФЗ «Об образовании в Российской Федерации (ред. от 25.11.2013; с изм. и доп., вступ. в силу с 01.01.2014) // Российская газета, № 303, 31.12.2012.
7. Diethelm Wahl. Lernumgebungen erfolgreich gestalten. Vom trägen Wissen zum kompetenten Handeln / Wahl Diethelm // Julius Klinkhardt Verlagsbuchhandlung (Bad Heilbrunn) – 2013 - 3. Auflage. - 311 Seiten.

8. Lattemann C. Lernen in Virtuellen Welten / C. Lattemann, S. Stieglitz, S. Korreck // Business Services: Konzepte, Technologien, Anwendungen. 9. Internationale Tagung Wirtschaftsinformatik Band 2. Hansen, H., R., Karagiannis, D. & Fill, H.-G. (Hrsg.) Österreichische Computer Gesellschaft – 2009 - S. 431-440.

9. Seifert S. Gestaltung E-Learning-gestützter Lernumgebungen / Seifert, Back, Häusler // Müller/Iberer(Hg), E-Learning mit einfachen Mitteln - 2001

10. Seufert S. Volkswagen Coaching GmbH im Lernprozess, „Learning Design: Gestaltung E-Learning-gestützter Lernumgebungen / S. Seufert, D. Euler // Hochschulen und Unternehmen“ – Kapitl 4 unter Mitarbeit von Dietmar Albrecht und Bernd Mentzel: Volkswagen CoachingGmbH, SCIL-Arbeitsbericht 5, - 2005

Список литературы на английском языке / References in English

1. Andreev A.A. K voprosu ob jelektronnoj pedagogike [On the question about electronic peagogy] / A. A. Morgunov // 1 Cloud Of Science – Moskva, 2013 - №1 – P. 10-13. [in Russian]

2. Valjaeva E.F. Praktika primeneniya Zoom v processe distancionnogo obuchenija inostrannomu jazyku [Practice in the application of Zoom in process of foreign language teaching] / E.F. Valjaeva, A. V. Gureeva // Sovremennoe pedagogicheskoe obrazovanie [Modern Teacher Education]. 2020. №6. [Electronic resource]. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/praktika-primeneniya-zoom-v-protsesse-distantsionnogo-obucheniya-inostrannomu-yazyku> (accessed: 12.09.2021) [in Russian]

3. Korsak M.V. Virtualizacija obrazovatel'nogo prostranstva kak sociokul'turnyj fenomen [Virtualization of educational system as sociocultural phenomenon] / M. V. Korak, A. L. Cyncar' // Pedagogika i psihologija obrazovanija [Pedagogy and psychology of education]. 2017. №2 – P. 5 – 6. [in Russian]

4. Nikolashina E.A. Informacionno-kommunikacionnye platformy v obuchenii inostrannym jazykam [Information and communications platforms in foreign language teaching] / E. A. Nikolashina // Lingvodidaktika i lingvistika v vuze: tradicionnye i innovacionnye podhody: sbornik nauchnyh statej po materialam III Mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoy konferencii [Language Pedagogy and linguistics in institute of higher education: traditional and innovative mthods: collection of scientific articles for proceedings of the III International research and practical conference], 14-15 maja 2021 g., - Jaroslavl': Publishing house JaGTU, 2021. – P 217-221. [in Russian]

5. Prudnikova N.N. Primenenie modeli Flipped Learning v processe formirovanija inojazychnoj kompetencii studentov rossijskih vuzov [Applications of model Flipped Learning on the make a competence of other languages by students of russian in institutes of higher education] / N. N. Prudnikova // Aktual'nye problemy sovremennosti: nauka i obshhestvo. Rossijskaja akademija narodnogo hozjajstva i gosudarstvennoj sluzhby pri prezidente RF [Actual problems of modernity: science and society. Russian academy of national economy and civil service of President of the Russian Federation], - Balakovo, 2020 - №1 (26) – P. 63-69. [in Russian]

6. Federal'nyj zakon ot 29.12.2012 N 273-FZ «Ob obrazovanii v Rossijskoj Federacii [Federal act of 29.12.2012 №273-FA “About a the aducation in Russian Fderation]. (red. ot 25.11.2013; s izm. i dop., vstup. v silu s 01.01.2014) // Rossijskaja gazeta [Russian newspaper], № 303, 31.12.2012. [in Russian]

7. Diethelm Wahl. Lernumgebungen erfolgreich gestalten. Vom trägen Wissen zum kompetenten Handeln [Successfully design learning environments. From sluggish knowledge to competent action] / Wahl Diethelm // Julius Klinkhardt Verlagsbuchhandlung (Bad Heilbrunn) [Julius Klinkhardt Verlagsbuchhandlung] – 2013 - 3. Auflage. - 311 Seiten. [in German]

8. Lattemann C. Lernen in Virtuellen Welten [Learning in Virtual Worlds] / C. Lattemann, S. Stieglitz, S. Korreck // Business Services: Konzepte, Technologien, Anwendungen. 9. Internationale Tagung Wirtschaftsinformatik Band 2 [Business Services: Concepts, Technologies, Applications. 9. Internationale Tagung Wirtschaftsinformatik Band 2.]. Hansen, H., R., Karagiannis, D. & Fill, H.-G. (Hrsg.) Österreichische Computer Gesellschaft – 2009 - P. 431-440. [in German]

9. Seifert S. Gestaltung E-Learning-gestützter Lernumgebungen [Design of e-learning-supported learning environments] / Seifert, Back, Häusler // Müller/Iberer(Hg), E-Learning mit einfachen Mitteln [Müller/Iberer(Hg), E-learning with simple means]. - 2001. [in German]

10. Seufert S. Volkswagen Coaching GmbH im Lernprozess, „Learning Design: Gestaltung E-Learning-gestützter Lernumgebungen [Volkswagen Coaching GmbH im Lernprozess, "Learning Design: Gestaltung E-Learning-gestützter Lernumgebungen] / S. Seufert, D. Euler // Hochschulen und Unternehmen" - Chapter 4 in cooperation with Dietmar Albrecht and Bernd Mentzel: Volkswagen CoachingGmbH, SCIL-Arbeitsbericht 5, - 2005. [in German]

DOI: <https://doi.org/10.23670/IRJ.2021.112.10.069>**ЦИФРОВАЯ ОБРАЗОВАТЕЛЬНАЯ СРЕДА: ПРОБЛЕМЫ И ИХ РЕШЕНИЯ В ВУЗЕ**

Научная статья

Жадобина Н.Н.^{1,*}, Лукьянчина Е.В.²¹ ORCID: 0000-0003-1720-6163;² ORCID: 0000-0002-5896-3411;¹ Сургутский государственный университет, Сургут, Россия;² Сургутский государственный педагогический университет, Сургут, Россия

* Корреспондирующий автор (Zhadobina_nn[at]surgu.ru)

Аннотация

Статья посвящена исследованию проблем внедрения и использования в высших учебных заведениях цифровой образовательной среды, в том числе электронной информационно образовательной среды (ЭИОС). Рассмотрены основные федеральные и локальные акты двух вузов ХМАО-Югры, закрепляющие элементы ЭИОС и условия её применения. Обоснована необходимость совершенствования правовых основ цифровой образовательной среды на федеральном уровне. На основе опроса студентов предпринята попытка выявить факторы, оказывающие негативное воздействие на процесс развития современных информационно-коммуникационных технологий в образовательных организациях. Сформулированы некоторые предложения по устранению таких факторов, совершенствованию образовательного процесса, реализуемого с применением электронных средств обучения, что повысит удовлетворенность работы студентов и педагогов в обновленной цифровой образовательной среде.

Ключевые слова: цифровая образовательная среда, электронная информационная образовательная среда, высшее учебное заведение, правовые основы, информационно-коммуникационные технологии, образовательный процесс, электронные средства обучения, локальные акты образовательных организаций, технологические средства обучения, информационные локальные сети образовательной организации, образовательные Интернет-ресурсы.

**DIGITAL EDUCATIONAL ENVIRONMENT: PROBLEMS AND SOLUTIONS
IN THE CONTEXT OF A UNIVERSITY**

Research article

Zhadobina N.N.^{1,*}, Lukiyanchina Y.V.²¹ ORCID: 0000-0003-1720-6163;² ORCID: 0000-0002-5896-3411;¹ Surgut State University, Surgut, Russia;² Surgut State Pedagogical University, Surgut, Russia

* Corresponding author (Zhadobina_nn[at]surgu.ru)

Abstract

The article discusses the problems of the introduction and use of the digital educational environment in higher educational institutions, including the electronic information educational environment (EIEE). The study examines the main federal and local acts of the two universities of the Khanty-Mansi Autonomous Okrug–Yugra that establish the elements of the EIEE and the conditions for its application. It also substantiates the necessity of improving the legal foundations of the digital educational environment at the federal level. Based on a student survey, an attempt was made to identify factors that have a negative impact on the development of modern information and communication technologies in educational organizations. The study formulates proposals to eliminate such factors, improve the educational process implemented using electronic learning tools, which will increase the satisfaction of students and teachers in the updated digital educational environment.

Keywords: digital educational environment, electronic information educational environment, higher educational institution, legal framework, information and communication technologies, educational process, electronic learning tools, local acts of educational organizations, technological learning tools, information local networks of educational organizations, educational Internet resources.

Введение

На сегодняшний момент в период кризисных экономических явлений и развития постиндустриальной экономики в образовании часто говорится о развитии цифровой образовательной среды. Федеральный закон «Об образовании в Российской Федерации» не устанавливает такого понятия, как «цифровая образовательная среда». Вместе с тем, в нём закрепляется необходимость формирования в вузе электронной информационно-образовательной среды как необходимого условия использования электронного обучения и основного элемента формирования цифровой образовательной среды. В этих условиях образовательные организации вынуждены самостоятельно определять в своих локальных актах структуру электронной образовательной среды и порядок реализации образовательной деятельности с применением её элементов. По-разному используются и информационно-коммуникационные технологии в вузах.

Методы и принципы исследования

Объектом исследования являются отношения, складывающиеся в процессе формирования и использования цифровой электронно-образовательной среды в вузе. Рассмотрены и проанализированы нормативно-правовые акты Российской Федерации, регулирующие указанные отношения, а также локальные акты двух высших учебных заведений города Сургута – Сургутского государственного университета и Сургутского государственного педагогического университета. При этом использовался метод формального юридического анализа, метод опроса и

беседы. В ходе проведения опроса мы выявили проблемы, на которые необходимо обратить внимание при развитии цифровой образовательной среды вузов, определили пути решения выявленных проблем.

Основные результаты

В ходе проведенного анализа нормативно-правовых актов Российской Федерации, локальных актов образовательных организаций, сделаны выводы о понятии и структуре цифровой образовательной среды в вузе. Выявлены факторы, влияющие на эффективность её применения. Результаты проведенного опроса студентов показывают, что и применение цифровой образовательной среды в вузах проходит с разной эффективностью и устраивает учащихся не полностью. На это влияет множество факторов – от правовой неопределенности до технической необеспеченности и недостаточной квалификации преподавателей в сфере информационно-коммуникационных технологий.

Обсуждение

Отсутствие легально определенного понятия цифровой образовательной среды достаточно часто приводит к отождествлению его с понятием «электронная информационная образовательная среда» (ЭИОС). Такая среда, согласно пункту 3 статьи 16 федерального закона «Об образовании в Российской Федерации», включает в себя электронные информационные ресурсы, электронные образовательные ресурсы, совокупность информационных технологий, телекоммуникационных технологий, соответствующих технологических средств и обеспечивающей освоение обучающимися образовательных программ в полном объеме независимо от места нахождения обучающихся [1]. Представляется, что содержание понятия «цифровая образовательная среда» всё же шире понятия «электронно-информационная образовательная среда». Цифровая среда представляет собой разные информационно-коммуникационные технологии, которые реализовываются в соответствии с требованиями ФГОС (федерального государственного образовательного стандарта) для реализации ООП (основной образовательной программы) и освоения дисциплин. В состав цифровой образовательной среды включают использование современных цифровых инструментов, планирование учебного процесса, а также результатов промежуточного, итогового контроля, использование информационных библиотечных центров.

В приказе Министерства образования и науки Российской Федерации от 23.08.2017 г. № 816 «Об утверждении порядка применения организациями, осуществляющими образовательную деятельность, электронного обучения, дистанционных образовательных технологий при реализации образовательных программ» также говорится об организации образовательной деятельности в электронной информационно-образовательной среде, доступ к которой обеспечивается через сеть «Интернет» [2]. Во исполнение этого приказа вузы самостоятельно разрабатывают локальные акты, закрепляющие структуру и порядок формирования такой среды. Так, в Сургутском государственном университете в 2017 году принят Стандарт организации «Электронная информационно-образовательная среда». В нём под такой средой понимается системно организованная совокупность информационных и образовательных ресурсов, средств вычислительной техники, информационных, телекоммуникационных технологий, аппаратно-программного и организационно-методического обеспечения, ориентированная на удовлетворение потребностей пользователей в информационных услугах и ресурсах образовательного характера. Целями внедрения электронной информационно-образовательной среды является:

1. повышение доступности образования и расширение возможностей обучающихся
2. освоение образовательных программ независимо от места их нахождения и в любое время;
3. повышение эффективности и качества образования за счет интеграции электронных и классических форм обучения;
4. обеспечение индивидуальной траектории обучения;
5. обеспечение участия СурГУ в глобальном образовательном процессе [3].

В Сургутском государственном педагогическом университете в 2018 году принято Положение об электронной информационно-образовательной среде (ЭИОС) [4]. В структуру ЭИОС при этом включены электронные информационные ресурсы, электронные образовательные ресурсы, совокупность информационных технологий, телекоммуникационных технологий, соответствующих технологических средств и обеспечивающих освоение учащимися образовательных программ независимо от места нахождения студента. Однако, необходимо отметить, что на уровне этого локального акта вуза само понятие электронно-информационной образовательной среды не определено. Представляется, что понятие и структура цифровой образовательной среды, а также ЭИОС должны быть нормативно закреплены на федеральном уровне более конкретно, чем рамочным регулированием. Анализ локальных актов вузов показывает, что их возможности и желание закреплять новые условия осуществления образования сильно разнятся даже в одном регионе. В этих обстоятельствах, учитывая разные подходы и технические возможности образовательных организаций, возникает вероятность серьёзного отставания некоторых, особенно региональных вузов, в вопросе цифровизации образовательного процесса. Накопленный с 2017 года опыт применения в вузах цифровых технологий, обусловленный, в том числе, необходимостью дистанционного обучения при пандемии последние два года, позволяет сделать некоторые обобщения и выводы о возможности закрепления различных элементов цифровой образовательной среды. В основу цифровой образовательной среды мы включаем программное и техническое обеспечение, отображение образовательного процесса в информационной среде. Выделим факторы, влияющие на эффективное формирование цифровой образовательной среды (рис 1.) [5].

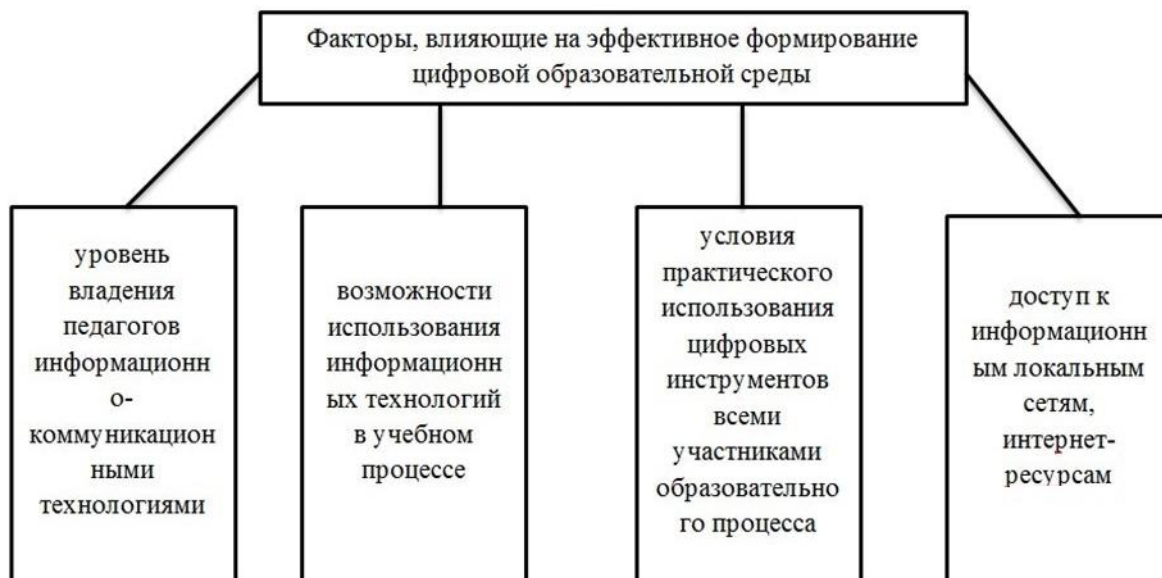

Рис. 1 – Факторы, влияющие на эффективное формирование цифровой образовательной среды

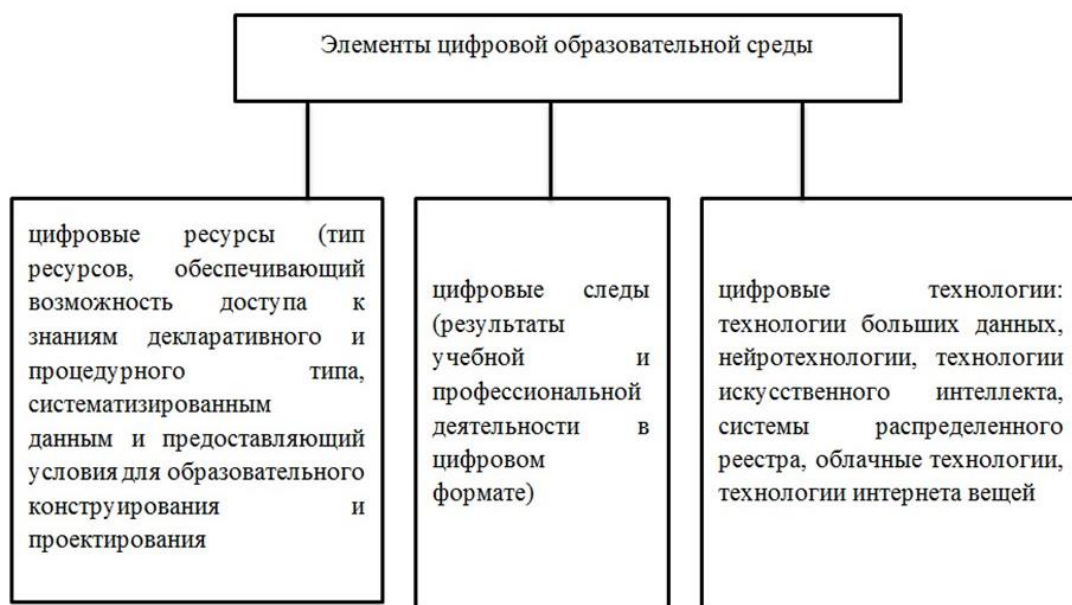

Рис. 2 – Элементы цифровой образовательной среды

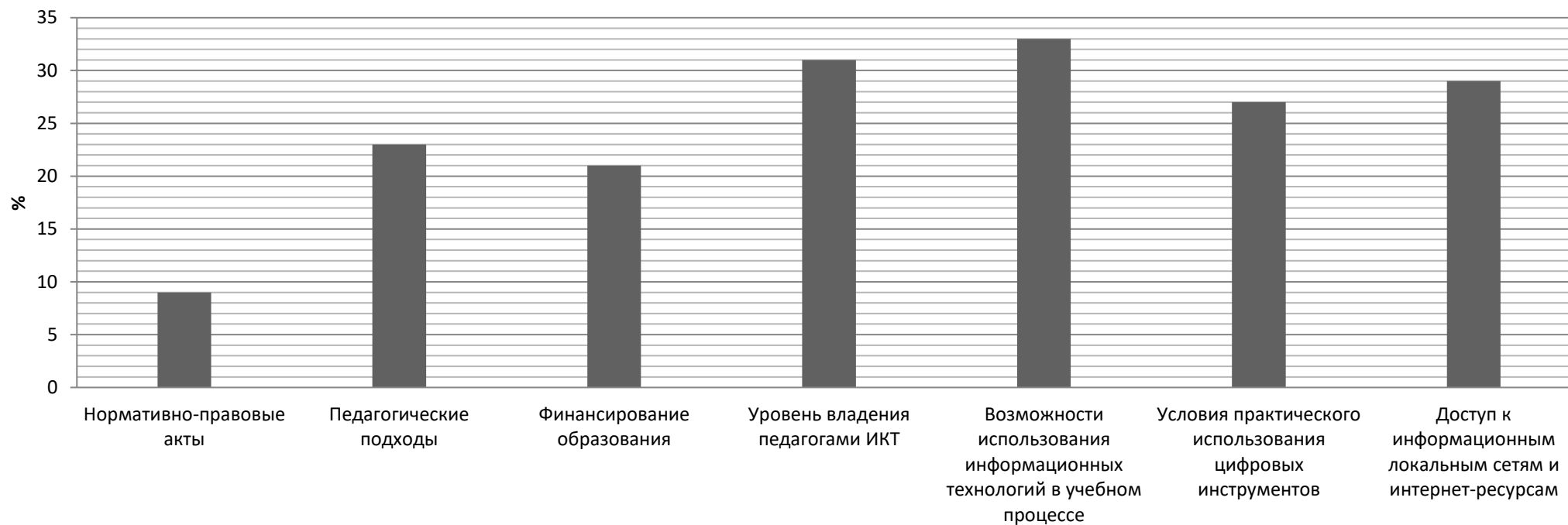

Рис. 3 – Распределение ответов на вопрос с множественным выбором:
«Как Вы считаете, что нужно поменять, чтобы цифровая среда была развита в РФ?»

Заключение

После изучения проблемы мы приходим к следующим выводам. Правовая и содержательная неопределенность в терминах «цифровая образовательная среда» и «электронная информационная образовательная среда» может привести к снижению эффективности применения новых образовательных технологий из-за различного закрепления в локальных актах вузов как структуры этих институтов образования, так и условий их реализации. Таким образом, для совершенствования цифровой образовательной среды в вузе необходим целый ряд действий – от устранения правовых пробелов, конкретизации нормативно-правового регулирования, до изменения системы обучения педагогов информационно-коммуникационным технологиям, поиска финансовых средств для технического обеспечения вузов. Необходимо развивать такие составляющие цифровой образовательной среды, как цифровые следы и цифровые технологии, регулярно осуществлять мониторинг удовлетворенности работы студентов и педагогов в обновленной цифровой образовательной среде.

Конфликт интересов

Не указан.

Conflict of Interest

None declared.

Список литературы / References

1. Об образовании в Российской Федерации: федеральный закон от 29 декабря 2012 г. № 273-ФЗ Система ГАРАНТ. [Электронный ресурс]. URL: <http://base.garant.ru/70291362/#ixzz75ezmBuPd> (дата обращения 11.09.2021)
2. Об утверждении порядка применения организациями, осуществляющими образовательную деятельность, электронного обучения, дистанционных образовательных технологий при реализации образовательных программ: приказ Министерства образования и науки Российской Федерации от 23.08.2017 г. № 816. Официальный интернет-портал правовой информации от 20.9.2017г. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.pravo.gov.ru> (дата обращения 11.09.2021).
3. Официальный сайт Сургутского государственного университета. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.surgu.ru/sotrudniku/dokumenty-sistemy-menedzhmenta-kachestva> (дата обращения 11.09.2021).
4. Официальный сайт Сургутского государственного педагогического университета. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.surgpu.ru/sveden/objects/elektronnaya-informacionno-obrazovatel'naya-sreda> (дата обращения 11.09.2021).
5. Мироненко Е.С. Цифровая образовательная среда: понятие и структура / Е.С. Мироненко // Социальное пространство. – 2019. – № 4 (21). [Электронный ресурс]. URL: <http://socialarea-journal.ru/article/28318> (дата обращения 11.09.2021).
6. Официальный сайт Министерства просвещения Российской Федерации [Электронный ресурс]. URL: <https://edu.gov.ru/national-project/projects/cos/> (дата обращения 11.09.2021).
7. Модулина О.Б. Электронный кейс как инструмент методического сопровождения педагога: из опыта работы региональной инновационной площадки департамента образования Ярославской области в 2012 году / О.Б. Модулина // МОУ ДПО «Информационно-образовательный Центр». – 2012. – 18 с.
8. Жигилей, И.М. Формирование профессиональных компетенций с помощью кейс-метода в высшем образовании / И.М. Жигилей // Преподаватель XXI век. – 2012. – № 1. – С. 29-36.
9. Лукиянчина, Е.В. Исследование готовности к деловой коммуникации студентов направления подготовки "Управление персоналом" / Е.В. Лукиянчина // Вестник ШГПУ. Изд-во Шадринского. гос. пед. ун-та, 2019. выпуск 41. Том 1. – С. 45-50.
10. Шамис В.А. Применение кейс-метода в учебном процессе ВУЗа / В.А. Шамис // Гуманитарные научные исследования. – 2016. – № 3. [Электронный ресурс]. URL: <http://human.snauka.ru/2016/03/14509> (дата обращения: 14.09.2021).

Список литературы на английском языке / References in English

1. Ob obrazovanii v Rossijskoj Federacii: federal'nyj zakon ot 29 dekabrya 2012 g. № 273-FZ [On Education in the Russian Federation: Federal Law No. 273-FZ of December 29, 2012] // System GARANT. [Electronic resource]. URL: <http://base.garant.ru/70291362/#ixzz75ezmBuPd> (accessed 11.09.2021) [in Russian]
2. Ob utverzhdenii porjadka primeneniya organizacijami, osushhestvlyajushhimi obrazovatel'nuju dejatel'nost', jelektronного obuchenija, distancionnyh obrazovatel'nyh tehnologij pri realizacii obrazovatel'nyh programm: prikaz Ministerstva obrazovaniya i nauki Rossijskoj Federacii ot 23.08.2017 g. № 816 [On approval of the procedure for the use of e-learning, distance learning technologies by organizations engaged in educational activities in the implementation of educational programs: Order of the Ministry of Education and Science of the Russian Federation No. 816 dated 23.08.2017] // Official Internet portal of Legal Information dated 20.9.2017. [Electronic resource]. URL: <http://www.pravo.gov.ru> (accessed 11.09.2021). [in Russian]
3. Oficial'nyj sajт Surgutskogo gosudarstvennogo universiteta [Official website of Surgut State University]. [Electronic resource]. URL: <http://www.surgu.ru/sotrudniku/dokumenty-sistemy-menedzhmenta-kachestva> (accessed 11.09.2021). [in Russian]
4. Oficial'nyj sajт Surgutskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta [Official website of Surgut State Pedagogical University]. [Electronic resource]. URL: <https://www.surgpu.ru/sveden/objects/elektronnaya-informacionno-obrazovatel'naya-sreda> (accessed 11.09.2021). [in Russian]
5. Mironenko E.S. Cifrovaja obrazovatel'naja sreda: ponjatie i struktura [Digital educational environment: concept and structure] / E.S. Mironenko // Social'noe prostranstvo [Social space]. – 2019. – № 4 (21). [Electronic resource]. URL: <http://socialarea-journal.ru/article/28318> (accessed 11.09.2021). [in Russian]
6. Oficial'nyj sajт Ministerstva prosveshhenija Rossijskoj Federacii [Official website of the Ministry of Education of the Russian Federation]. [Electronic resource]. URL: <https://edu.gov.ru/national-project/projects/cos/> (accessed 11.09.2021). [in Russian]

7. Modulina O.B. Jelektronnyj kejs kak instrument metodicheskogo soprovozhdenija pedagoga: iz opyta raboty regional'noj innovacionnoj ploshhadki departamenta obrazovaniya Jaroslavskoj oblasti v 2012 godu [Electronic case as a tool for methodological support of a teacher: from the experience of the regional innovation platform of the Department of Education of the Yaroslavl region in 2012] / O.B. Modulina // MOU DPO "Information and Educational Center". - 2012– - 18 p. [in Russian]

8. Zhigiley, I.M. Formirovanie professional'nyh kompetencij s pomoshh'ju kejs-metoda v vysshem obrazovanii [Formation of professional competencies using the case method in higher education] / I.M. Zhigiley // Prepodavatel' HHI vek [Teacher of the XXI century]. - 2012. - No. 1. - pp. 29-36. [in Russian]

9. Lukiyanchina, E.V. Issledovanie gotovnosti k delovoj kommunikacii studentov napravleniya podgotovki "Upravlenie personalom" [The study of readiness for business communication of students of the direction of training "Personnel management"] / E.V. Lukiyanchina // Vestnik ShGPU [Bulletin of SHSPU]. Publishing house of Shadrinsky. state. ped. un-ta, 2019. issue 41. Volume 1. - pp. 45-50. [in Russian]

10. Shamis V.A. Primenenie kejs-metoda v uchebnom processe VUZa [Application of the case method in the educational process of the university] / V.A. Shamis // Gumanitarnye nauchnye issledovaniya [Humanitarian scientific research]. - 2016. - No. 3. [Electronic resource]. URL: <http://human.snauka.ru/2016/03/14509> (accessed: 09/14/2021). [in Russian]

DOI: <https://doi.org/10.23670/IRJ.2021.112.10.070>

ПОДДЕРЖАНИЕ СКОРОСТНЫХ СПОСОБНОСТЕЙ У ВЫСОКОКВАЛИФИЦИРОВАННЫХ СУДЕЙ ПО ХОККЕЮ

Научная статья

Закиров А.И.*

ORCID: 0000-0002-6656-4824,

Уральский государственный университет физической культуры, Челябинск, Россия

* Корреспондирующий автор (artem.zakirov.87[at]mail.ru)

Аннотация

В статье представлены средства поддержания скоростных способностей судей высокой квалификации по хоккею. Отражено основное содержание ее отдельных методов. Представлены результаты тестирования уровня скоростной подготовленности судей по хоккею до и после реализации на основе применения специализированных ледовых и внеледových тестов. Показаны результаты математической обработки данных результатов эксперимента. Увеличение скорости действия игроков на площадке, количества сложных игровых ситуаций, напряженности самих матчей вызывают необходимость более активных действий со стороны судей и, соответственно, постоянного контроля к уровню их скоростной подготовленности. Департамент судейства Федерации Хоккея России (ФХР) предлагает применять аналогию в подготовке хоккейных судей в проекте единой физической и теоретической подготовки, основываясь на опыте подготовки хоккеистов.

В то же время двигательная деятельность судей, в отличие от деятельности хоккеистов, имеет ряд отличительных особенностей. Прежде всего, необходимо отметить, что у судей (как главных, так и лайнсменов) отсутствуют многие движения, связанные с проявлением скоростных качеств, т.е. различного вида перемещения, единоборства и др. Судье в большинстве случаев приходится выполнять коньковые упражнения с различной интенсивностью. При этом возможны многократные изменения скорости и направления движения. Таким образом, судья должен обладать способностью в течение всей игры передвигаться с максимальной скоростью, выполнять на этом фоне ускорения на короткие дистанции, а также в течение достаточно длительного времени выполнять двигательную деятельность с максимальной интенсивностью, без снижения скорости. Следует отметить, что все выявленные нами исследования, рассматривающие физическую подготовку судей по хоккею с шайбой, скорее обозначают векторы решения проблемы, но не раскрывают содержательную и методическую сторону вопроса. Единственным и наиболее целостным исследованием в отношении физической подготовки судей в хоккее с шайбой является диссертация Л. В. Вайсфельда, написанная в 1996 году [2].

Исследователи С. А. Раминг, Л. А. Рапопорт рассматривают систему подготовки хоккейных судей в нашей стране, сравнивая количественные показатели с другими странами, в которых хоккей получил наибольшее развитие – Финляндией, Швецией, Канадой, США, Швейцарией, Чехией. Авторы отмечают, что наша страна, несмотря на богатое историческое хоккейное наследие, развернутую систему подготовки хоккеистов, выдающиеся результаты отечественного хоккея на международных турнирах и очень высокую популярность данного вида спорта, отстает от всех перечисленных стран по показателю – процент хоккейных судей относительно количества хоккеистов [8].

Ключевые слова: спортивный судья, хоккей, физическая подготовка, скоростные способности, поддержание скорости.

MAINTAINING THE SPEED ABILITIES OF HIGHLY QUALIFIED HOCKEY REFEREES

Research article

Zakirov A.I.*

ORCID: 0000-0002-6656-4824,

Ural State University of Physical Education, Chelyabinsk, Russia

* Corresponding author (artem.zakirov.87[at]mail.ru)

Abstract

The article presents the means of maintaining the speed abilities of highly qualified hockey referees and presents the main content of some of the individual methods. The author presents the results of testing the level of speed training of hockey referees before and after the implementation based on the use of specialized ice and off-ice tests. The article demonstrates the results of mathematical processing of experimental data. The increase in the speed of the players' actions on the court, the number of difficult game situations, the intensity of the matches themselves cause the need for more active actions on the part of the referees and, accordingly, constant monitoring of their level of speed readiness. The Refereeing Department of the Russian Hockey Federation suggests applying an analogy in the training of hockey referees in the project of unified physical and theoretical training, based on the experience of training hockey players.

At the same time, unlike the activity of hockey players, the motor activity of referees has a number of distinctive features. First, it should be noted that the referees (both the main and linesmen) lack many movements associated with the manifestation of high-speed qualities, i.e. various types of movement, martial arts, etc. In most cases, the judge has to perform skating exercises with varying intensity. At the same time, multiple changes in speed and direction of movement are possible. This points to the fact that the referee must have the ability to move at maximum speed throughout the game, perform acceleration for short distances against this background, as well as perform motor activity with maximum intensity for a sufficiently long time and without reducing speed. It should be noted that all the examined studies on the physical training of ice hockey referees indicate the vectors of solving the problem but do not reveal the substantive and methodological side of the issue. The only and most comprehensive study regarding the physical training of referees in ice hockey is the dissertation by L. V. Weisfeld written in 1996 [2].

Researchers S. A. Raming, L. A. Rapoport examine the system of training hockey referees in our country, comparing quantitative indicators with other countries in which hockey has undergone the most development: Finland, Sweden, Canada, USA, Switzerland, Czech Republic. The authors note that Russia, despite its rich historical hockey heritage, an extensive system of training hockey players, outstanding results of domestic hockey at international tournaments and the very high popularity of this sport, is behind all these countries in terms of the percentage of hockey referees relative to the number of hockey players [8].

Keywords: sports referee, hockey, physical fitness, speed abilities, speed maintenance.

Актуальность

Высокие скорости хоккеистов высокой квалификации предъявляют повышенные требования к скоростной подготовленности судей по хоккею [3], [4], [7]. В настоящее время, многие проблемы в отношении скоростной подготовки судей по хоккею остаются недостаточно изученными [1], [6], [9]. Это в абсолютной мере касается поисков эффективных средств поддержания скоростных способностей высококвалифицированных судей, что особенно актуально применительно к судьям высокой квалификации. Наше исследование не выявило актуальных работ, рассматривающих содержание поддержания скоростных качеств судей высокой квалификации, что определило выбор темы данной статьи.

Цель исследования – разработать и экспериментально апробировать комплекс средств направленных на поддержание скоростных способностей судей по хоккею высокой квалификации.

Организация и методы исследования

Исследование проводилось в течение года на базе Челябинской городской общественной организации «Федерация хоккея». В опытно-экспериментальной работе приняли участие 20 судей высокой квалификации. Основными методами, применимыми в работе являются анализ, синтез, тестирование уровня скоростной подготовленности, методы математической статистики.

Результаты исследования и их обсуждение

Опираясь на методологию системного и индивидуального подхода, а также теоретические основы, такие как концепции периодизации спортивной тренировки и теория адаптации в тренировочном процессе, нами был разработан комплекс средств скоростной подготовки судей в хоккее с шайбой. Она представлена в табл. 1.

Таблица 1 – Комплекс средств поддержания скоростной подготовки судей высокой квалификации в годичном цикле подготовки

Задачи	Средства		Специфические методы
	ОФП	СФП	
Поддержание скоростных способностей	Бег 30 м	Ускорение 40 м. лицом вперед	Повторный
	Бег 60 м	Ускорение 40 м. спиной вперед	Целостно-конструктивный
	Бег на короткие дистанции из различных исходных положений	Ускорения из различных исходных положений	Повторный
	Плиометрика	Челночный бег 6х9 м.	Строго-регламентированный
	Различные подвижные игры	Игра ручной мяч	Игровой
	Запрыгивание на тумбу 30 см.	Различные эстафеты	Повторный
	Упражнения с внешним сопротивлением	Ускорения с утяжелительным жилетом 10 м.	Повторный

Комплекс средств поддержания скоростных способностей направлен на общую и специальную физическую подготовку в соответствии с концепцией периодизации спортивной тренировки. Задачи и средства обусловили различные специфические методы. На содержании средств развития скоростных способностей в данной работе останавливаться не будем, так как это уже находило отражение в открытой печати [5].

Реализация данных средств осуществлялась в течение года. Основным средством реализации были индивидуальные задания.

Перейдем к рассмотрению результатов опытно-экспериментального исследования.

Для оценки эффективности разработанных средств поддержания скоростных способностей у высококвалифицированных судей по хоккею применялась система спортивно-педагогических тестов, используемых Федерацией хоккея России для аттестации судей по хоккею.

Содержание спортивно-педагогических тестов и критерии их оценивания представлены в табл. 2.

Таблица 2 – Критерии оценки спортивно-педагогических тестов, применяемых для оценки уровня физической подготовленности судей начальной квалификации по хоккею

Оценка	СФП		ОФП	
	«40 м лицом вперед», сек.	«40 м спиной вперед», сек.	Бег 30 м	Бег 60 м
«Отлично»	5,70 и <	7,70 и <	5,1 и <	9,20 и <
«Хорошо»	5,71-5,90	7,71-7,90	5,20-5,70	9,90-10,10
«Удовлетворительно»	5,91 и >	7,91 и >	5,70 и >	10,10 и >

Далее рассмотрим структуру эксперимента.

В эксперименте приняли участие 20 судей высокой квалификации, из которых были скомплектованы экспериментальная и контрольная группы – по 10 человек в каждой. Эксперимент имел трехэтапную структуру:

- констатирующий эксперимент – измерение исходного скоростной подготовленности судей по хоккею на основе применения спортивно-педагогических тестов;
- формирующий эксперимент – реализация комплекса средств поддержания скоростной подготовки, построенная на основе общей и специальной нагрузки;
- контрольный эксперимент – оценка изменений уровня скоростной подготовленности судей по хоккею на основе применения спортивно-педагогических тестов.

Перейдем к результатам эксперимента.

В табл. 3 отражены полученные экспериментальные данные с математической обработкой результатов (применялся Т-критерий Стьюдента).

Таблица 3 – Динамика результатов тестирования уровня скоростной подготовленности судей по хоккею до и после эксперимента

Тесты	Измерения	Группы		Т _{эмп}	Р
		ЭГ ($\bar{X} \pm m$)	КГ ($\bar{X} \pm m$)		
«40 м лицом вперед», сек.	1	5,78±0,045	5,74±0,024	0,8	>0,05
	2	5,41±0,043	5,73±0,066	4,6	<0,05
	Т _{эмп}	5,3	0,3	–	–
	Р	<0,05	>0,05	–	–
«40 м спиной вперед», сек.	1	7,69±0,072	7,73±0,061	0,4	>0,05
	2	6,97±0,078	7,59±0,076	6,2	<0,05
	Т _{эмп}	6,6	1,8	–	–
	Р	<0,05	>0,05	–	–
Бег 30 м	1	5,56±0,158	5,61±0,173	0,676	<0,05
	2	5,33±0,116	5,54±0,135	3,732	<0,05
	Т _{эмп}	1,081	0,452	–	–
	Р	<0,05	>0,05	–	–
Бег 60 м	1	9,16±0,212	9,27±0,195	1,209	0,242
	2	8,94±0,207	9,14±0,196	2,224	0,039
	Т _{эмп}	9,05±0,156	9,205±0,092	–	–
	Р	<0,05	>0,05	–	–

Как показано в табл. 3, по результатам констатирующего эксперимента между контрольной и экспериментальной группой отсутствовали статистически достоверные отличия в уровне скоростной подготовленности. Это позволяло использовать данные группы для проведения опытно-экспериментальной работы.

На этапе формирующего эксперимента, под влиянием реализации разработанных средств развития скоростных способностей, по которой занималась экспериментальная группа в течение года, произошли статистически достоверные положительные изменения в уровне скоростной подготовленности. Это наблюдается во всех применяемых контрольных упражнениях.

У судей контрольной группы изменения носят статистически недостоверный характер, как показывают расчеты.

Сравнение контрольной и экспериментальной групп по результатам второго тестирования показывает, что судьи, составляющие экспериментальную группу, имеют статистически достоверно более высокий уровень скоростной подготовленности.

Если рассматривать результаты с точки зрения критериально-оценочных параметров, отраженных ранее в таблице 2, то можно отметить, что на этапе констатирующего эксперимента экспериментальная группа в тесте «40 метров лицом вперед» имела средний результат 5,78 секунды, а контрольная группа – 5,74 секунда. Оба результата соответствуют оценке «хорошо». После эксперимента результат контрольной группы остался в зоне оценки «хорошо», результат экспериментальной группы улучшился до 5,41 секунды, что соответствует оценке «отлично».

В упражнении «40 метров спиной вперед» результат экспериментальной группы в первом измерении составил 7,69 секунды, что относится к нижней границе оценки «отлично». В контрольной группе результат был 7,73 секунды (верхняя граница оценки «хорошо»). После эксперимента результат контрольной группы попал зону ближе к нижней границе «отличного» результата, спортсмены экспериментальной группы еще сильнее закрепились в зоне оценки «отлично».

В упражнении «Бег 30 м» и контрольная и экспериментальная группы показали средний результат первого измерения, соответствующий нижней границе оценки «отлично». По результатам эксперимента во втором измерении контрольная группа не улучшила свой результат, тогда как у экспериментальной группы результат стал лучше.

В упражнении «Бег 60 м» результат констатирующего эксперимента экспериментальной группы относится к зоне оценки «отлично», контрольной группы – к верхней границе оценки «отлично». По прошествии года судьи экспериментальной группы улучшили свой средний результат. Результат контрольной группы изменился не существенно.

Таким образом, применяемые средства поддержания скоростных способностей судей высокой квалификации позволяет добиться статистически достоверного прироста в уровне скоростной подготовленности и является более эффективной, чем самостоятельно применяемые занятия.

Выводы

Опытно-экспериментальная работа, проведенная при участии 20 судей высокой квалификации, носила дифференцированный характер. Экспериментальная группа занималась специально подобранными средствами с использованием индивидуальных заданий. Контрольная группа занималась самостоятельно. Показатели спортивно-педагогических ледовых и внеледовых тестов свидетельствуют, что по истечению эксперимента у судей экспериментальной группы статистически достоверно вырос уровень скоростной подготовленности. На основании анализа среднего результата с применением критериально-оценочной матрицы можно сделать вывод, что применяемые средства поддержания скоростных способностей способствует повышению уровня скоростной подготовленности судей до необходимых требований, предъявляемых Федерацией Хоккея России.

Конфликт интересов

Не указан.

Conflict of Interest

None declared.

Список литературы / References

1. Булаев М. А. О статусе и подготовке спортивного судьи на современном этапе развития спорта / М. А. Булаев // Вестник Академии детско-юношеского туризма и краеведения. 2017. № S1 (126). С. 99-103.
2. Вайсфельд, Л. В. Методика специальной физической подготовки судей высокой квалификации по хоккею с шайбой : автореф. дис. ... канд. пед. наук / Л. В. Вайсфельд. – М., ВНИИФК, 1996. – 24 с.
3. Евко М. С. Сравнительный анализ психофизиологических характеристик спортсменов и судей в хоккее с шайбой / М. С. Евко, И. Л. Левина // Проблемы совершенствования физической культуры, спорта и олимпизма. 2016. № 1. С. 69-72.
4. Еникеев Ш. Р. Аспекты подготовки хоккейных арбитров / Ш. Р. Еникеев, И. В. Солодов // Проблемы и перспективы физического воспитания, спортивной тренировки и адаптивной физической культуры: материалы Всероссийской с международным участием научно-практической конференции. Казань: ПГАФКСиТ, 2018. С. 209-212.
5. Закиров, А. И. Круговая тренировка как средство физической подготовки судей по хоккею / А. И. Закиров // Актуальные проблемы физической культуры, спорта и туризма : XV Международная науч.-практ. конф., Уфа, 14-15 мая 2021 года. – Уфа : ФГБОУ ВО «Уфимский государственный авиационный технический университет», 2021. – С. 89.
6. Книжников Н. Н. К вопросу о подготовке спортивных судей / Н. Н. Книжников // Перспективные направления в области физической культуры, спорта и туризма: материалы VIII всероссийской научно-практической конференции с международным участием / под ред. Л. Г. Пашенко. 2018. С. 242-245.
7. Мочалов Е. Е. Профессионально важные качества судей по хоккею с шайбой / Е. Е. Мочалов // Физическая культура, спорт, туризм: научно-методическое сопровождение: сборник материалов молодых ученых и студентов Всероссийской научно-практической конференции с международным участием. 2018. С.42-44.
8. Раминг С. А. Проблемы подготовки хоккейных арбитров в Российской Федерации / С. А. Раминг, Л. А. Рапопорт // Наука и образование: проблемы и перспективы: материалы Международной (заочной) научно-практической конференции / под ред. А. И. Вострецова. 2018. С. 315-319.
9. Рыбаков В. В. Блочно-модульная физическая подготовка хоккеистов высокой квалификации / В. В. Рыбаков, А. В. Уфимцев, В. А. Молчанов // Вестник Южно-Уральского государственного университета. Серия: Образование, здравоохранение, физическая культура. 2005. № 4-1. С. 237-242.

Список литературы на английском языке / References in English

1. Bulaev M. A. O statuse i podgotovke sportivnogo sud'i na sovremennom ehtape razvitija sporta [On the status and training of a sports referee at the current stage of sports development] / M. A. Bulaev // Vestnik Akademii detsko-junosheskogo turizma i kraevedeniya [Bulletin of the Academy of Youth Tourism and Local History]. 2017. № S1 (126), pp. 99-103 [in Russian]
2. Vaisfeld, L. V. Metodika special'noj fizicheskoy podgotovki sudej vysokoy kvalifikacii po khokkeju s shajjboj [Methodology of special physical training of highly qualified referees in ice hockey]: extended abstract of Candidate's thesis. Pedagogical Sciences / L. V. Vaisfeld– M., VNIIFK, 1996. - 24 p. [in Russian]
3. Evko M. S. Sravnitel'nyj analiz psikhofiziologicheskikh kharakteristik sportsmenov i sudej v khokkee s shajjboj [Comparative analysis of psychophysiological characteristics of athletes and referees in ice hockey] / M. S. Evko, I. L. Levina // Problemy sovershenstvovaniya fizicheskoy kul'tury, sporta i olimpizma [Problems of improving physical culture, sports and Olympism]. 2016. № 1, pp. 69-72 [in Russian]
4. Enikeev Sh. R. Aspekty podgotovki khokkejnnykh arbitrov [Aspects of the training of hockey referees] / Sh. R. Enikeev, I. V. Solodov // Problemy i perspektivy fizicheskogo vospitaniya, sportivnoj trenirovki i adaptivnoj fizicheskoy kul'tury: materialy Vserossijskoj s mezhdunarodnym uchastiem nauchno-prakticheskoy konferencii [Problems and prospects of physical education, sports training and adaptive physical culture: proceedings of the All-Russian scientific and practical conference with international participation]. Kazan: PGAFKSiT, 2018, pp. 209-212 [in Russian]
5. Zakirov, A. I. Krugovaya trenirovka kak sredstvo fizicheskoy podgotovki sudej po khokkeju [Circular training as a means of physical training of hockey referees] / A. I. Zakirov // Aktual'nye problemy fizicheskoy kul'tury, sporta i turizma : XV Mezhdunarodnaya nauch.-prakt. konf., Ufa [Topical problems of physical culture, sports and tourism : 15th International Scientific and Practical Conference, Ufa, May 14-15, 2021]. - Ufa: Ufa State Aviation Technical University, 2021. – p. 89 [in Russian]
6. Knizhnikov N. N. K voprosu o podgotovke sportivnykh sudej [On the issue of training sports referees] / N. N. Knizhnikov // Perspektivnye napravleniya v oblasti fizicheskoy kul'tury, sporta i turizma: materialy VIII vserossijskoj nauchno-prakticheskoy konferencii s mezhdunarodnym uchastiem [Promising directions in the field of physical culture, sports and tourism: materials of the 8th All-Russian Scientific and practical conference with international participation] / edited by L. G. Pashchenko. 2018, pp. 242-245 [in Russian]
7. Mochalov E. E. Professional'no vazhnye kachestva sudej po khokkeju s shajjboj [Professionally important qualities of ice hockey referees] / E. E. Mochalov // Fizicheskaya kul'tura, sport, turizm: nauchno-metodicheskoe soprovozhdenie: sbornik materialov molodykh uchenykh i studentov Vserossijskoj nauchno-prakticheskoy konferencii s mezhdunarodnym uchastiem [Physical culture, sport, tourism: scientific and methodological support: collection of materials of young scientists and students of the All-Russian scientific and practical conference with international participation]. 2018, pp.42-44 [in Russian]
8. Raming S. A. Problemy podgotovki khokkejnnykh arbitrov v Rossijskoj Federacii [Problems of training hockey referees in the Russian Federation] / S. A. Raming, L. A. Rapoport // Nauka i obrazovanie: problemy i perspektivy: materialy Mezhdunarodnoj (zaochnoj) nauchno-prakticheskoy konferencii [Science and education: problems and prospects: materials of the International (correspondence) scientific and practical conference] / edited by A. I. Vostretsov. 2018, pp. 315-319 [in Russian]
9. Rybakov V. V. Blochno-modul'naya fizicheskaya podgotovka khokkeistov vysokoy kvalifikacii [Block-modular physical training of highly qualified hockey players] / V. V. Rybakov, A. V. Ufimtsev, V. A. Molchanov // Vestnik Juzhno-Ural'skogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Obrazovanie, zdravookhranenie, fizicheskaya kul'tura [Bulletin of the South Ural State University. Series: Education, healthcare, physical education]. 2005. № 4-1, pp. 237-242 [in Russian]

DOI: <https://doi.org/10.23670/IRJ.2021.112.10.071>

РАЗВИТИЕ НАВЫКОВ ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО ОБЩЕНИЯ У ПОЛИЦЕЙСКИХ НА ИНОСТРАННОМ ЯЗЫКЕ

Научная статья

Ихсанова Л.И.*

Уфимский юридический институт МВД России, Уфа, Россия

* Корреспондирующий автор (e-mail98[at]yandex.ru)

Аннотация

Одним из основных компонентов профессионального мастерства сотрудника органов внутренних дел, определяющим успешность реализации возложенных на него обязанностей, являются навыки профессионального общения, то есть умение устанавливать психологический контакт с гражданами при решении оперативно-служебных задач. С каждым годом в нашей стране проводятся всё больше различных мероприятий международного уровня: спортивные соревнования и сборы, творческие, образовательные, экономические форумы и прочее. Таким образом, знание иностранного языка является обязательным навыком для сотрудника полиции любого звена. Общеизвестно, что первоначальной функцией любого языка является передача информации от одного субъекта другому. Очень важно при обучении иностранному языку делать упор на развитие разговорных навыков. Зачастую учащиеся имеют хороший словарный запас, неплохо усваивают грамматические правила и конструкции, но при этом не могут построить связную речь на иностранном языке. В данной статье приводятся примеры упражнений, направленных на активизацию и закрепление навыков устной речи, выработку навыков построения собственных диалогов в паре. Рассматриваются основные трудности обучения разговорной речи, причины их возникновения и пути решения указанных проблем.

Ключевые слова: разговорная речь, диалог, ситуативность, ролевые игры, речевые упражнения.

DEVELOPMENT OF PROFESSIONAL COMMUNICATION SKILLS OF POLICE OFFICERS IN A FOREIGN LANGUAGE

Research article

Ikhsanova L.I.*

Ufa Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Ufa, Russia

* Corresponding author (e-mail98[at]yandex.ru)

Abstract

One of the main components of the professional skills of a law enforcement officer, which determines the success of the implementation of the duties assigned to him, are the skills of professional communication, that is, the ability to establish psychological contact with citizens when solving operational and official tasks. Every year, more and more various international events are held in our country: sports competitions and training camps, creative, educational, economic forums, etc. Thus, knowledge of a foreign language is a mandatory skill for a police officer at any level. It is well known that the initial function of any language is to transfer information from one subject to another. It is very important when teaching a foreign language to focus on the development of speaking skills. Often, students have a good vocabulary, they learn grammatical rules and constructions well, but at the same time they cannot build connected speech in a foreign language. This article provides examples of exercises aimed at enhancing and consolidating the skills of oral speech, developing the skills of building one's own dialogues in pairs. Also the article considers the main difficulties of teaching spoken language, the reasons for their occurrence and the ways of solving these problems.

Keywords: spoken language, dialogue, situational awareness, role games, speech exercises.

Introduction

The purpose of police professional education is to form and develop the competencies and practical skills of students in the process of practice-oriented learning based on scientific knowledge and methods that enable them to competently solve specific and expected tasks of police officers.

The course of a foreign language is of a communicative-pragmatic and professionally oriented nature, is aimed not only at mastering the skills of communication in a foreign language by future law enforcement officers, but also in acquiring special knowledge in the chosen specialty, that is, increasing their professional competence. The study of a foreign language is also intended to expand the general horizon, develop the culture of communication, cadets' thinking, intercultural competence based on the acquisition of special terminology and international vocabulary.

A foreign language has a rich set of methodological tools that contribute to the formation of general intellectual abilities and skills necessary for a police officer in his professional activity: analytical and synthetic skills, the development of logical inference skills based on such mental operations as induction and deduction, the ability to model and predict, that are the skills that determine the creative activity of a specialist [5].

Knowledge of a foreign language is a mandatory component of the professional training of a modern specialist of any profile, and the level of proficiency should ensure the ability to use a foreign language not only for professional purposes, but also to meet scientific and cognitive interests, implement personal contacts and further self-education and self-improvement [6].

Almost all topics of the course are related to basic speech situations. Thus, first of all, emphasis is placed on teaching listeners of dialogical speech. The dialogues practiced in classes are presented in the framework of situations that can occur with listeners in their professional activity.

The main factors for the success of practically directed classes in a foreign language are:

- the use of exercises that carry a specific speech task;
- active work with conversational situations;
- the presence of situational communication;
- creation of real life conditions [2].

Now let's take a closer look at each of the points.

The use of exercises that carry a specific speech task

Classic exercises for repetition of lexical and grammatical material should be replaced with those that would activate the listening skills of the students.

For example:

- fill in the gaps in the dialogues;
- replace prepositions and words indicating directions with their antonyms;
- continue the dialogue and other similar tasks.

Such tasks allow the teacher to focus the listeners' attention on the practical material, immediately practice pronunciation and reading pattern phrases.

As for grammatical structures, their explanation is given along with speech situations and clichés, but not as a separate topic. Grammatical forms are mastered within the framework of memorizing necessary phrases and expressions, composing affirmative, negative and interrogative sentences [8].

It should be noted that speech is an activity and, as an activity, is based on certain skills, in our case, speaking. Often, the teacher is faced with the difficulty of turning the studied lexical and grammatical material into speech. One should not give an assignment to make up dialogues immediately after learning a new lexical or grammatical topic. The necessary vocabulary and grammar must be first automated, which is facilitated by the system of conditional speech, or pre-speech, exercises. In this regard, it is important to distinguish between communicative and non-communicative exercises. Communicative exercises appeal to the situations of communication, they are done without a textbook and can be very simple. In this case, the teacher gives the direction to use a certain structure — a speech pattern, giving a stimulus response [10].

These exercises are done orally and represent a specific system consisting of the following types of exercises:

1) imitative exercises (the meaning is the repetition of the form given by the teacher);

For example: «Compose a dialogue using the pattern, the phrases and expressions below».

2) substitution exercises (the task is to replace some lexical units with others in the same grammatical form);

For example: «Write your autobiography using a template».

3) exercises on expanding the speech pattern (the meaning is in the usage of previously studied vocabulary and grammar in combination with the studied structure);

For example: «Expand one of the lines of the dialogue with the words indicated in parentheses».

4) transformative exercises (the replacement of one already studied grammatical form with another studied one);

For example: «Replace underlined words with synonyms of modal verbs».

5) reproductive exercises (represent a transitional type from pre-speech to speech exercises, since the student must use the studied grammatical form, but the teacher does not specify it in the stimulus response).

For example: «Review the text or dialogue and compose a detailed retelling of it based on key phrases and expressions».

Only after the lexical and grammatical skills of using any speech sample have been formed, it is possible to proceed to speech exercises using the studied structure. In this case, the production (creation) of speech must go through the stage of reproduction (recreation). Reproduction of a speech utterance can be supported by the text (read or heard), drawings, plan, keywords [7].

Active work with conversational situations

M.I. Lyskova writes in her textbook «English in situations of professional communication of law enforcement officers» about the system of various transformational and substitutional exercises aimed at enhancing the speech-thinking activity of listeners, contributing to the formation of skills and abilities of drawing up a dialogue according to a model: «... promotes listeners' mastery of the tactics of building a dialogue in accordance with the speech intentions of the participants in the dialogue and taking into account the emerging and developing interaction between them, the relationship and the nature of the utterances of motivation and utterances of the response» [6, P. 5].

Training the situation when a foreign citizen is lost in the city and cannot find a stadium, a hotel or a cafe, phrases necessary to establish public order, issues of registration of personal data of a foreign citizen and assistance in finding lost or abandoned things occurs through role-based construction and varying different types of tasks, games, etc. [8].

The situation of role-based communication is a stimulus for the development of spontaneous speech, if it is dynamic, associated with the solution of certain problems and communication tasks [3]. The participants in the game must be placed in such conditions under which it is necessary to find out the social, emotional and cognitive aspects of interpersonal relations.

The main parameters that determine the nature of the role situation are the presence of a single plot corresponding to the chosen communicative situation, and role relationships between the participants in communication, which are often of an argumentative nature [4]. When learners take on a role, they play themselves or a character in a specific situation. Therefore, there are no spectators in the role game, no fear that communication will not take place, that the behavior of the participants will be misunderstood [1, P. 115].

The presence of situational communication

It should be noted that the situational training of police officers is not only an effective condition for the practical orientation of learning a foreign language, but also contributes to the activity of trainees according to the pedagogical experience. They themselves are very enthusiastic to offer situations from their professional activity in the maintenance of public order and

interaction with foreign citizens [8]. These are situations with transport police officers, who may ask foreign citizens to provide their luggage for inspection, show transport tickets or go through a metal detector at an airport, train station, etc.

Learning in conditions close to real

As a rule, police officers interact with foreign citizens in crowded places (busy tourist routes, stadiums, airports, train stations, shopping centers, etc.). It can be very noisy in such places. Thus, if possible, it is necessary to practice speech situations, dialogues outside the walls of the classroom, in conditions that are extremely close to real. It can be a street with the noise of passing cars, pedestrians and other distracting sounds, training grounds imitating various social places.

In situations where conducting such classes is impossible for one reason or another, one can try to create such conditions in the classroom. For example, when practicing dialogues, put an audio recording with imitation of street noise, conversations of passers-by, etc.

Thus, situational awareness, role-based construction and variation of different types of tasks, the use of role games and the development of speech material in conditions close to real, are the provisions for the implementation of the practical orientation of teaching police officers a foreign language.

The following difficulties in teaching dialogue should be noted.

1) Students are embarrassed to speak a foreign language, afraid to make mistakes, be criticized. As a rule, listeners come with different levels of language proficiency. The teacher should create a friendly atmosphere in the classroom, teach them to work in a team, where everyone will help each other.

2) Students do not understand the speech task, and therefore what needs to be done. Since the main body of students practically learns the language from scratch, it is important here to always support both the theory and the task itself in order to complete it with clear and accessible examples.

3) Students do not have enough language and speech tools to solve the problem. The teacher should give an example of frequently used phrases and speech clichés, on the basis of which listeners can make up their own dialogues.

4) Students are not involved in the dialogue for one reason or another. Basically, this problem is typical for listeners with poor knowledge of the language. One can try to vary the difficulty level of the same task, simplifying it or, on the contrary, complicating it.

5) Students cannot stand long-term communication in a foreign language. The reason lies in the lack of vocabulary. When making up dialogues, especially at the initial stage, one can give students keywords which will help them to compose their utterances.

6) The difficulty arises of how to start a dialogue, how to continue and end it. The teacher should explain the structure of the dialogue, on what principle it is built. Examples of phrases with which a dialogue can begin, as well as phrases found in the middle and end of the dialogue, also should be given.

Conclusion

Thus, work on a dialogue should consist of three stages: work on individual utterances, work on one dialogical unity, and work on a mini-dialogue, which may consist of 2-3 dialogical units. It should be noted that the most effective means of teaching foreign language communication is the system of role games.

Конфликт интересов

Не указан.

Conflict of Interest

None declared.

Список литературы / References

1. Гальскова Н. Д. Методика обучения иностранным языкам / Н. Д. Гальскова, А. П. Василевич, Н. В. Акимова: учеб. пособие. – Ростов н/Д, 2017. – С. 115–116.
2. Гез Н. И. Методика обучения иностранным языкам в средней школе / Н. И. Гез, М. В. Ляховицкий, А. А. Миролюбов. – М.: Высшая школа, 1982. – 255 с.
3. Григоров В. Б. Развитие навыков профессионального общения на английском языке / В. Б. Григоров: учеб. пособие. – М.: МГТУ ГА. – 2000. – 88 с.
4. Китайгородская Г. А. Методические основы интенсивного обучения иностранным языкам / Г. А. Китайгородская // Иностранный язык в школе. – 1988. – № 6. С. 42.
5. Кравчук Л. С. О роли иностранного языка в формировании профессиональной компетенции сотрудников полиции / Л. С. Кравчук, И. Н. Навроцкая, В. Д. Земляков // Историческая и социально-образовательная мысль. – 2015. – Т. 7. – №6. – [Электронный ресурс]. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/o-rol-i-inostrannogo-yazyka-v-formirovanii-professionalnoy-kompetentsii-sotrudnikov-politsii> (дата обращения: 26.08.2021).
6. Лыскова М. И. Английский язык в ситуациях профессионального общения сотрудников органов внутренних дел / М. И. Лыскова: учеб. пособие. – Тюмень: Тюменский институт повышения квалификации сотрудников МВД России. – 2012. – С. 5–7.
7. Маркова Е. М. Формирование речевых механизмов при обучении иностранцев коммуникации на русском языке / Е. М. Маркова // Коммуникативные исследования. – 2015. – № 4 (6). – [Электронный ресурс]. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/formirovanie-rechevyh-mehanizmov-pri-obuchenii-inostrantsev-kommunikatsii-na-russkom-yazyke> (дата обращения: 27.08.2021).
8. Мингазизова Г. Г. Педагогические условия реализации принципа практической направленности обучения иностранному языку сотрудников полиции / Г. Г. Мингазизова, О. Ю. Баринова // Вестник ЧГПУ им. И.Я. Яковлева. – 2018. – № 4 (100). – [Электронный ресурс]. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/pedagogicheskie-usloviya-realizatsii-principa-prakticheskoy-napravlenosti-obucheniya-inostrannomu-yazyku-sotrudnikov-politsii> (дата обращения: 05.09.2021).

9. Примерная программа по дисциплине «Иностранный язык» для подготовки магистров (неязыковые вузы). – М.: ФГБОУ ВПО МГЛУ, 2014.

10. Скрипникова Т. И. Теоретические основы методики обучения иностранным языкам / Т. И. Скрипникова: учебно-методическое пособие [Электронный ресурс]. – URL: <http://uss.dvfu.ru> (дата обращения: 05.09.2021).

Список литературы на английском языке / References in English

1. Galskova N. D. Metodika obuchenija inostrannym jazykam [Methodology of teaching foreign languages] / N. D. Galskova, A. P. Vasilevich, N. V. Akimova. – Rostov n/D, 2017. – 350 p. [in Russian]

2. Gez N. I. Metodika obuchenija inostrannym jazykam v srednej shkole [The methodology of teaching foreign languages in high school] / N. I. Gez, M. V. Lyakhovitsky, A. A. Miroljubov. – M.: Vysshaja shkola, 1982. – 255 p. [in Russian]

3. Grigorov V. B. Razvitie navykov professionalnogo obshhenija na anglijskom jazyke: ucheb. posobie [The development of professional communication skills in a foreign language] / V. B. Grigorov. – M.: MGTU GA. – 2000. – 88 p. [in Russian]

4. Kitajgorodskaja G. A. Metodicheskie osnovy intensivnogo obuchenija inostrannym jazykam [Methodological foundations of intensive teaching of foreign languages] / G. A. Kitajgorodskaja // Inostrannyj jazyk v shkole [Foreign language at school]. – 1988. – № 6. P. 42. [in Russian]

5. Kravchuk L. S. O roli inostrannogo jazyka v formirovanii professional'noj kompetencii sotrudnikov policii [On the role of a foreign language in the formation of the professional competence of police officers] / L. S. Kravchuk, I. N. Navrotskaya, V. D. Zemlyakov // Istoricheskaja i socialno-obrazovatel'naja mysl [Historical and socio-educational thought]. – V. 7. – № 6. – 2015. – [Electronic resource] URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/o-roli-inostrannogo-yazyka-v-formirovanii-professionalnoj-kompetentsii-sotrudnikov-politsii> (accessed: 26.08.2021). [in Russian]

6. Lyskova M. I. Angliiskii jazyk v situacijah professionalnogo obshhenija sotrudnikov organov vnutrennih del: [English in situations of professional communication of employees of internal affairs bodies] / M. I. Lyskova. – Tjumen: Tjumenskii institut povyshenija kvalifikacii sotrudnikov MVD Rossii, 2012. – 96 p. [in Russian]

7. Markova E. M. Formirovanie rechevyh mehanizmov pri obuchenii inostrancev kommunikacii na russkom jazyke [Formation of speech mechanisms in teaching foreigners to communicate in Russian] / E. M. Markova // Kommunikativnye issledovanija [Communicative research]. – 2015. – № 4 (6). – [Electronic resource]. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/formirovanie-rechevyh-mehanizmov-pri-obuchenii-inostrantsev-kommunikatsii-na-russkom-yazyke> (accessed: 27.08.2021). [in Russian]

8. Mingazizova G. G. Pedagogicheskie uslovija realizacii principa prakticheskoy napravlenosti obuchenija inostrannomu jazyku sotrudnikov policii [Pedagogical conditions for the implementation of the principle of practical orientation of teaching a foreign language to police officers] / G. G. Mingazizova, O. Y. Barinova // Bulletin of ChGPU im. I.Y. Yakovleva. – 2018. № 4 (100). – [Electronic resource]. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/pedagogicheskie-usloviya-realizatsii-principa-prakticheskoy-napravlenosti-obucheniya-inostrannomu-yazyku-sotrudnikov-politsii> (accessed: 05.09.2021). [in Russian]

9. Primernaja programma po discipline «Inostrannyj jazyk» dlja podgotovki magistrrov (nejazykovye vuzy) [An approximate program of the discipline «Foreign language» for the preparation of Masters (non-linguistic universities)]. – M.: FGBOU VPO MGLU, 2014. [in Russian]

10. Skripnikova T. I. Teoreticheskie osnovy metodiki obuchenija inostrannym jazykam: uchebno-metodicheskoe posobie [Theoretical foundations of methods of teaching foreign languages] / T. I. Skripnikova. [Electronic resource]. – URL: <http://uss.dvfu.ru> (accessed: 05.09.2021). [in Russian]

DOI: <https://doi.org/10.23670/IRJ.2021.112.10.072>

ФОРМИРОВАНИЕ Тьюторской компетенции педагога в общеобразовательной организации

Научная статья

Калинина Н.В.^{1,*}, Зырянова Ю.И.²

ORCID: 0000-0002-9603-1201;

^{1,2} Иркутский государственный университет, Иркутск, Россия

* Корреспондирующий автор (kalinina.nina299[at]yandex.ru)

Аннотация

Рассмотрены возможности общеобразовательной организации при формировании тьюторской компетенции педагога. Описана структура тьюторской компетенции. Отмечается, что формирование тьюторской компетенции педагога возможно в условиях общеобразовательной организации. Исходя из понимания тьюторской компетенции педагога как его способности сопровождать индивидуальные образовательные программы обучающихся утверждается, что процесс формирования тьюторской компетенции педагога в общеобразовательной организации будет эффективным, если организовать теоретико-методологическую подготовку педагогов в рамках деятельности методической службы общеобразовательной организации; включать педагогов в полифункциональную проектную деятельность, предполагающую проявление тьюторской позиции педагогов и реализации тьюторских технологий.

Ключевые слова: тьюторская компетенция, индивидуализация.

ON THE FORMATION OF THE TUTOR COMPETENCE OF A TEACHER IN A GENERAL EDUCATION ORGANIZATION

Research article

Kalinina N.V.^{1,*}, Zyryanova Yu.I.²

ORCID: 0000-0002-9603-1201;

^{1,2} Irkutsk State University, Irkutsk, Russia

* Corresponding author (kalinina.nina299[at]yandex.ru)

Abstract

The current study examines the possibilities of a general education organization in the formation of a tutor competence in teachers as well as describes the structure of the tutor's competence. It is noted that the formation of the tutor competence is possible in such types of institution. Based on the understanding of the tutor competence such as their ability to accompany individual educational programs of students, the authors argue that the process of forming the tutor competence in the general education organization will be effective if the theoretical and methodological training of teachers is organized within the framework of the methodological service of the general education organization as well as include teachers in multifunctional project activities that involve exercising the tutor position and the implementation of tutor technologies.

Keywords: tutor competence, individualization.

Введение

На современном этапе образование во все большей степени становится открытым, особое внимание уделяется процессу индивидуализации. Если в течение долгого времени педагог выступал перед обучающимися в роли основного источника знаний, то теперь он становится специалистом, сопровождающим активную образовательную деятельность личности, формируя у нее потребность в постоянном совершенствовании ключевых компетенций, прививая навыки самообразования, готовя к решению проблем, с которыми личность еще не встречалась. Деятельность по сопровождению индивидуальных образовательных программ обучающихся выступает ядром тьюторской компетенции педагога.

Вместе с тем, нами выделены следующие противоречия в образовательной практике: между необходимостью создания условий индивидуализации образовательной практики и недостаточной компетентностью педагогов в вопросах тьюторского сопровождения обучающихся; между возрастающей ролью самоопределения обучающихся и недостаточным пониманием смыслов и возможностей индивидуализацией образования педагогами в массовой практике.

Разрешая указанные противоречия, нами установлено, что формирование тьюторской компетенции педагога возможно в условиях общеобразовательной организации.

Методы и принципы исследования

Методы достижения поставленной цели исследования складывались из анализа научных источников, организации экспериментальной деятельности методической службы общеобразовательной организации, наблюдений и опроса. В ходе исследования было структурировано научно-методическое содержание в соответствии с поставленными задачами; организовано включение педагогов в полифункциональную проектную деятельность, предполагающую проявление тьюторской позиции педагогов и реализации тьюторских технологий; проведена серия опросов и наблюдений с последующим анализом методом сравнения и группировки. В исследовании приняли участие 48 педагогов уровней начального общего образования и основного общего образования.

Обращаясь к теоретическому анализу сущности тьюторской компетенции педагога, подчеркнем, что данное понятие наиболее полно употребляется при описании процесса индивидуализации. При этом Т. М. Ковалёва в своих работах отмечает, что следует отличать два принципиально разных понятия - процесс индивидуализации и

индивидуальный подход [7], [8]. Индивидуальный подход — это подход, предполагающий, что педагоги подбирают в соответствии с особенностями ребенка содержание и технологии обучения и воспитания. Индивидуализация — процесс, при котором активным в выборе содержания своего образования становится сам ребенок. При индивидуализации позиция ученика становится активной, то есть ученик выступает в качестве субъекта обучения. Осуществлять индивидуализацию в общеобразовательных организациях помогают тьюторы. Однако, не все образовательные учреждения могут ввести дополнительную ставку. Поэтому, формирование тьюторской компетенции у педагогов помогает решению задачи индивидуализации образовательного процесса. В исследованиях Е.Б. Колосовой подчеркивается, что владение тьюторской компетенцией характеризует педагога как работника особой сферы, действующего в рамках открытого образовательного пространства [9]. Тьюторская компетенция рассматривается нами как формируемая способность применять знания о теоретических и методических основах тьюторской деятельности; технологиях педагогической поддержки, а также способность сопровождать индивидуальные образовательные программы обучающихся. Современные исследователи А.П. Махов, Е.В. Калугина особое внимание обращают на тьюторскую позицию, рефлексивное управление [10] и проявление творческого подхода в тьюторских действиях [6]. Исходя из этого, в структуре тьюторской компетенции, мы выделяем взаимодействие ценностно-смыслового, когнитивно-креативного и организационно-управленческого компонентов. Ценностно-смысловой компонент характеризуется глубиной принятия и пониманием назначения системы тьюторских действий. Когнитивно-креативный определяется систематичностью гуманистических знаний, сформированностью умений генерировать новые идеи, проявлением инициативы и предложении нестандартных подходов в профессиональной деятельности. Организационно-управленческий включает в себя готовность к проявлению педагогической поддержки и сопровождению обучающихся, а также владение технологиями личностного целеполагания, достижения целей, мыследеятельностной модели образования. Выделение общих компонентов дает возможность разработать содержание теоретико-методологической подготовки педагогов. Основу содержания составили три блока: «Нормативно-правовое обеспечение тьюторской деятельности», «Введение в тьюторскую деятельность», «Практикум продуктивных технологий».

Реализация первого содержательного блока предполагало ознакомление педагогов с нормативно-правовой базой тьюторской деятельности. В разделе «Введение в тьюторскую деятельность» педагоги осмысливали и проводили рефлексивный анализ общих характеристик тьюторской деятельности, изучали современные ориентиры развития тьюторства, требования к тьютору в условиях современного образования. Третий, завершающий, раздел в данном блоке формирования тьюторской компетенции — «Практикум продуктивных технологий». В ходе освоения предлагаемого содержания педагоги знакомились с основами проектирования технологий тьюторского сопровождения обучающихся: образовательные форсайт-события, тьюториалы, тьюторские консультации. А.И. Адамский, Т.И. Боровкова, М.А. Дьячкова в технологиях тьюторского сопровождения видят большие возможности для развития мыслительных, коммуникативных и рефлексивных способностей обучающихся [1], [2], [3]. На данном этапе педагоги реализовывали полифункциональные образовательные проекты [4], [5]. Основой в данных проектах выступает познавательная метадеятельность обучающегося. В ходе познавательной метадеятельности ученик не только осваивает предметное содержание, но и включается в самопознание и самоопределение, рефлекссию, коммуникативную деятельность. Таким образом, тьюторские действия помогают обучающемуся определить своё образовательное пространство и эффективно применять различные ресурсы для построения индивидуальной образовательной программы.

Основные результаты

Одна из основных задач нашего исследования предполагала апробацию условия по включению педагогов в полифункциональную проектную деятельность, требующую проявления тьюторской позиции педагогов и реализации тьюторских технологий.

Эмпирические данные показали, что к основным трудностям, мешающим проявлению тьюторской позиции педагогов, можно отнести:

- недостаточность теоретической и практической готовности педагога к осуществлению тьюторской деятельности - 44 %;
- слабая мотивация к поиску новых методов и форм взаимодействия с обучающимися и родителями, приверженность традиционных форм взаимодействия – 18 %;
- сложности в управлении образовательным процессом - 16%;
- умение «видеть» ученика в образовательном процессе – 10%;
- другое - 12%.

В экспериментальной работе нам удалось показать, что создание и реализация педагогических условий в образовательной организации способствует формированию тьюторской компетенции у педагогов. Заявленные условия предполагают:

- включение педагогов в процессы рефлексии и осмысления тьюторской позиции педагога;
- организацию деятельности педагогов по освоению нормативно-правовой базы тьюторской деятельности, теоретической и технологической составляющей тьюторства;
- обогащение профессионального опыта педагогов через реализацию полифункциональных проектов с метапредметным контекстом.

Наблюдения, опросы и анализ продуктов образовательной деятельности показали положительную динамику формирования у педагогов тьюторской компетенции по всем заявленным компонентам исследуемого качества.

Заключение

В целом исследовательская работа показала, что организация теоретико-методологической подготовки педагогов в рамках деятельности методической службы общеобразовательной организации, а также включение педагогов в полифункциональную проектную деятельность, предполагающую проявление тьюторской позиции педагогов и реализации тьюторских технологий, «запускает» процесс формирования тьюторской компетенции в общеобразовательной организации, развивает у педагогов способность успешно действовать на основе практического опыта, умения и знаний при решении профессиональных задач антропологии.

Конфликт интересов

Не указан.

Conflict of Interest

None declared.

Список литературы / References

1. Адамский А. И. Актуальная задача для тьюторского сообщества – подготовка менеджеров-тьюторов / А. И. Адамский // Тьюторское сопровождение. – 2011. – №1(1). – С. 5–7.
2. Боровкова Т. И. Технология тьюторского сопровождения как практика / Т. И. Боровкова // Вектор науки. – 2020. – №1. – С.38–42
3. Дьячкова М. А. Тьюторское сопровождение образовательной деятельности: учебное пособие. Практикум / М. А. Дьячкова, О. Н. Томюк // ФГБОУ ВО «УрГПУ». – Екатеринбург, 2016
4. Инновационные процессы в образовании. Тьюторство. В 2ч. Часть 1: учебное пособие для вузов / под ред. С. А. Щенникова, А. Г. Теслинова, А. Г. Черняковский. – 3-е изд., испр. и доп. – М.: Юрайт, 2017. – 198с.
5. Калинина Н.В. Особенности транслирующей функции педагога в аспекте реализации метапредметности / Н.В. Калинина // Международный научно-исследовательский журнал. 2020.- Вып.12 (102). Часть 4. – С.40-45
6. Калугина Е. В. Моделирование процесса формирования тьюторской компетенции у будущих педагогов / Е.В. Калугина // Вестник ЮУрГПУ. - 2016. - №7. - С.44-48
7. Ковалева Т. М. Основные схемы тьюторского сопровождения / Т. М. Ковалева // Материалы курса «Основы тьюторского сопровождения в общем образовании»: лекции 1–4. – М.: Педагогический университет «Первое сентября», 2010. – С. 27–41.
8. Ковалева Т. М. Профессия «тьютор» / Т. М. Ковалева – М. – Тверь : «СФК-офис», 2012. – 303 с.
9. Колосова Е.Б. Тьютор как новая профессия в образовании. – Реализация принципа технологичности в образовательном процессе современной школы: сборник статей / М.: ГАОУ ВПО МИОО, 2012. – С.38-50.
10. Махов А.П. «Формирование тьюторской позиции педагога-специалиста предпрофильной подготовки» / А.П. Махов // Сборник тезисов научно-практической конференции с международным участием 22 апреля 2016 г., г. Минск «Профильное обучение в школе: модели, методы, технологии»; Минский областной ин-т развития образования. – Минск, 2016, С. 88-90

Список литературы на английском языке / References in English

1. Adamskiy A. I. Aktual'naja zadacha dlja t'jutorskogo soobshhestva – podgotovka menedzherov-t'jutorov [An urgent task for the tutor community is the training of managers-tutors] / A. I. Adamskiy // T'jutorskoe soprovozhdenie [Tutor support]. - 2011. - No. 1 (1). - P. 5–7. [in Russian]
2. Borovkova T.I. Tehnologija t'jutorskogo soprovozhdenija kak praktika [Tutor support technology as practice] / T.I. Borovkova // Vektor nauki [Vector of science]. –2020. – №1. - P.38–42. [in Russian]
3. Dyachkova M. A. T'jutorskoe soprovozhdenie obrazovatel'noj dejatel'nosti [Tutor support of educational activities: a tutorial. Workshop] / M. A. Dyachkova, O. N. Tomyuk // FGBOU VO "Ural State Pedagogical University". - Yekaterinburg, 2016 [in Russian]
4. Innovacionnye processy v obrazovanii. T'jutorstvo [Innovative processes in education. Tutoring]. At 2h. Part 1: textbook for universities / ed. S. A. Shchennikova, A. G. Teslinova, A. G. Chernyakovsky. - 3rd ed., Rev. and add. - M.: Yurayt, 2017. - 198p. [in Russian]
5. Kalinina N.V. Osobennosti translirujushhej funkicii pedagoga v aspekte realizacii metapredmetnosti [Features of the translating function of the teacher in the aspect of the implementation of meta-subject matter] / N.V. Kalinina // Mezhdunarodnyj nauchno-issledovatel'skij zhurnal [International scientific research journal]. 2020.- Issue 12 (102). Part 4. - P.40-45 [in Russian]
6. Kalugina EV Modelirovanie processa formirovanija t'jutorskoj kompetencii u budushhih pedagogov [Modeling the process of formation of tutor competence in future teachers] / Ye.V. Kalugin // Vestnik JuUrGGPU [Bulletin of the South Ural State Pedagogical University]. - 2016. - No. 7. - P.44-48 [in Russian]
7. Kovaleva TM Osnovnye shemy t'jutorskogo soprovozhdenija [Basic schemes of tutor support] / TM Kovaleva // Materialy kursa «Osnovy t'jutorskogo soprovozhdenija v obshhem obrazovanii»: lekicii 1–4 [Materials of the course "Basics of tutor support in general education": lectures 1–4]. - M. : Pedagogical University "September 1st", 2010. - P. 27–41. [in Russian]
8. Kovaleva T. M. Professija «t'jutor» [Profession "tutor"] / T. M. Kovaleva - M. - Tver: "SFK-office", 2012. - 303 p. [in Russian]
9. Kolosova E.B. T'jutor kak novaja professija v obrazovanii. – Realizacija principa tehnologichnosti v obrazovatel'nom processe sovremennoj shkoly: sbornik statej [Tutor as a new profession in education. - Implementation of the principle of adaptability in the educational process of a modern school: a collection of articles] / M. : GAOU VPO MIOO, 2012. - P. 38-50. [in Russian]
10. Makhov A.P. Formirovanie t'jutorskoj pozicii pedagoga-specialista predprofil'noj podgotovki [Formation of the tutor position of a teacher-specialist in pre-profile training] / A.P. Makhov // Sbornik tezisev nauchno-prakticheskoi konferencii s mezhdunarodnym uchastiem 22 aprelja 2016 g. [Collection of abstracts of the scientific-practical conference with international participation April 22, 2016, Minsk "Profile education at school: models, methods, technologies"]; Minsk Regional Institute of Education Development. - Minsk, 2016, P. 88-90 [in Russian]

DOI: <https://doi.org/10.23670/IRJ.2021.112.10.073>

ВОЗМОЖНОСТИ ПРИМЕНЕНИЯ СРЕДСТВ НАРОДНОЙ ПЕДАГОГИКИ В КОРРЕКЦИОННО-РАЗВИВАЮЩЕМ ПРОЦЕССЕ ДЛЯ ДЕТЕЙ ДОШКОЛЬНОГО ВОЗРАСТА С ОГРАНИЧЕННЫМИ ВОЗМОЖНОСТЯМИ ЗДОРОВЬЯ

Научная статья

Кокорева О.И.^{1,*}, Башинова С.Н.²

¹ Тульский государственный педагогический университет им. Л.Н. Толстого, Тула, Россия;

² Казанский федеральный университет, Казань, Россия

* Корреспондирующий автор (oxiko[at]list.ru)

Аннотация

Целью исследования является обоснование возможностей и определение условий использования средств народной педагогики в практике специального дошкольного образования. Задачи исследования заключаются в обосновании и апробации использования русских фольклорных произведений с целью коррекции нравственной и интеллектуальной сферы дошкольников с нарушениями развития. В статье дается обоснование возможностей использования фольклорных произведений малых жанров и кумулятивных сказок для развития мнемических процессов у детей с интеллектуальными нарушениями на основе авторских исследований. Приводятся условия использования адаптированных для детей текстов славянских мифов для развития эмоциональной отзывчивости у дошкольников с ЗПР психогенного генеза и связной речи у детей с речевыми нарушениями, апробированные в экспериментальных исследованиях.

Ключевые слова: народная педагогика, фольклорные произведения, коррекционно-развивающий процесс, дети с нарушениями развития.

ON THE POSSIBILITIES OF APPLYING MEANS OF FOLK PEDAGOGY IN THE CORRECTIONAL AND DEVELOPMENTAL PROCESS FOR PRESCHOOL CHILDREN WITH DISABILITIES

Research article

Kokoreva O.I.^{1,*}, Bashinova S.N.²

¹ Tolstoy Tula State Pedagogical University, Tula, Russia;

² Kazan Federal University, Kazan, Russia

* Corresponding author (oxiko[at]list.ru)

Abstract

The purpose of the study is to substantiate the possibilities and determine the conditions for using the means of folk pedagogy in special preschool education. The objectives of the study are to substantiate and test the use of Russian folklore works in order to correct the moral and intellectual sphere of preschoolers with developmental disabilities. The article substantiates the possibilities of using folklore works of small genres and cumulative fairy tales for the development of mnemonic processes in children with intellectual disabilities on the basis of original research. Also, it provides the conditions of using the texts of Slavic myths adapted for children for the development of emotional responsiveness in preschoolers with psychogenic developmental delay and coherent speech in children with speech disorders.

Keywords: folk pedagogy, works of folklore, correctional and developmental process, children with developmental disorders.

Позитивные изменения в общественном сознании, связанные с проявившимся в последнее время интересом к развитию и полноценному функционированию в социуме детей с ограниченными возможностями здоровья, привели к активизации поиска учеными и практиками средств, обеспечивающих комплексное коррекционно-развивающее и воспитательное воздействие на личность ребенка с особыми образовательными потребностями.

Таким требованиям, при создании определенных условий применения, отвечающих современному уровню развития теории и практики специального образования, в полной мере соответствуют средства народной педагогики. Выдающиеся классики педагогики Я. А. Коменский, А. С. Макаренко, Л. Н. Толстой, К. Д. Ушинский, В. А. Сухомлинский в своих трудах побуждали педагогов использовать народно-педагогический опыт в воспитании и обучении детей [10].

В современной специальной педагогике имеется ряд работ, авторы которых изучали различные аспекты проблемы применения средств народной педагогики в коррекционно-развивающем процессе для детей с сенсорными и интеллектуальными нарушениями.

Л.А. Головнич отмечала выраженное положительное влияние эмоционального рассказывания детям русских народных сказок в сопровождении показа игрушек и предметов-заместителей на развитие и коррекцию нравственной и интеллектуальной сферы старших дошкольников с нарушениями слуха, особенно на формирование у них эмпатии, сопереживания и сочувствия [4].

Можно сделать вывод о том, что обеспечение глухим и слабослышащим детям возможности полноценного восприятия других детских жанров русского фольклора способствует амплификации их речевого и эмоционального развития через раскрытие смысла эмоциональной, образной стороны слов и выражений, а также формированию мнемических процессов.

Ряд авторов предлагают методические рекомендации по использованию народных песен в качестве коррекционно-развивающего средства в логопедической работе с детьми, имеющими тяжелые нарушения речи, не только для развития фонематического слуха, но и формирования общих речевых навыков. Народные песни

рассматриваются и как вспомогательное средство развития и коррекции памяти таких детей, у которых, как вторичный дефект диагностируется низкий уровень воспроизведения словесного материала по памяти, низкая продуктивность запоминания слов, текстов и сложных вербальных инструкций [3].

Наши собственные исследования показали, что наиболее доступным средством развития мнемических процессов детей с задержкой психического развития, можно считать такие фольклорные формы, как русские народные кумулятивные сказки, пестушки, потешки, заклички, прибаутки.

Целенаправленное и систематичное использование малых фольклорных жанров оказывает положительное воздействие не только на эмоциональное развитие, но и на формирование мнемических процессов у дошкольников с задержкой психического развития (ЗПР). Дети с ЗПР учатся воспринимать фольклорные тексты, у них формируются навыки произвольного слушания, что, в свою очередь, благоприятно отражается на развитии памяти.

Воспроизведение детьми рифмованных текстов фольклорных произведений малых жанров, сопровождаемое соответствующими их содержанию действиями, обеспечивает их понимание и осмысленное запоминание. Многократно повторяющиеся и эмоционально окрашенные слова в потешках, пестушках, закличках, прибаутках доступны для восприятия и повторения ребенком с ЗПР.

Простые рифмованные тексты эмоционально привлекательны для дошкольника с ЗПР и стимулируют его на повторение звуков и слов. Напевность и мелодичность народных потешек и пестушек позволяют развивать слуховую память ребенка, обогащают словарь детей. Многие стихотворные произведения малых фольклорных жанров в фонематическом плане основаны на повторяющихся звукосоответствиях-наигрышах, которые можно произносить в разном темпе, используя различную интонацию. Это дает возможность ребенку с задержкой в развитии сначала прочувствовать содержание на эмоциональном уровне, а затем осмыслить его, что особенно существенно для детей данной категории.

Запоминающийся ритм, музыкальность произведений малых фольклорных жанров, которые имеют простой, быстро развивающийся сюжет и близки жизненному опыту маленького ребенка, оказывают положительное влияние на формирование у дошкольников мнемических процессов, особенно в сочетании с восприятием ярких красочных картинок, в занимательной форме иллюстрирующих отраженные в них события [6].

Особая роль в процессе развития осознанного восприятия и осмысленного воспроизведения текстового материала принадлежит элементарным по содержанию и сюжетной линии русским народным кумулятивным сказкам, которые могут широко использоваться в качестве коррекционно-развивающего средства для работы с детьми различной категории нарушений.

Зрительный образ, заданный при восприятии красочных иллюстраций, сопровождающих каждый элемент цепного повторяющегося действия сюжета, способствует формированию у детей умения сначала фиксировать, а затем вспоминать ощущения, связанные с ним, и вербально воспроизводить содержание эпизода. Последующая игра-драматизация на основе кумулятивной сказки может быть использована как коррекционно-психологическое средство для устранения негативных эмоций, улучшения межличностных отношений, обеспечения психологического комфорта [7].

В наших экспериментальных исследованиях изучалась также возможность использования адаптированных для детей текстов славянских мифов для развития эмоциональной отзывчивости у дошкольников с ЗПР психогенного генеза и связной речи у детей с речевыми нарушениями [5].

Обращение к славянским мифам, как коррекционно-развивающему средству может быть обосновано наличием в них элементарной сюжетной линии, эмоционально близких детям персонажей, действия которых позволяют ребенку не только осознать на основе понимания эмоциональных реакций смысл поступков героев, но и установить простейшие причинно-следственные связи между ними. Сжатость повествования в мифе, его ярко выраженная динамичность, яркость образов, занимательность сюжета предоставляют возможность разъяснить детям взаимосвязь мотивов, поступков персонажей и их последствий.

В качестве средства коррекции эмоциональной экспрессии детей с ЗПР, как показали наши исследования, эффективно образно-ролевое разыгрывание славянских мифов. Сущность и форма описания действий и средства языковой выразительности в них позволяют при разыгрывании обеспечить динамику персонажей, эмоционально-экспрессивное сопровождение. А вербальная характеристика героев, сопровождаемая выразительной передачей взрослым эмоциональных оттенков при рассказывании, рассматривание иллюстраций с усиленным отображением внешних признаков эмоциональных состояний, помогают ребенку понять чувства персонажа и передать их с помощью интонации и невербальных средств выразительности.

Технология использования славянских мифов для развития связной речи у детей с речевыми нарушениями предполагает поэтапное построение коррекционно-развивающей работы. На первом этапе мифы применяются для обучения пересказу. Работа с текстами включает в себя их смысловой, структурный, языковой анализ, моделирование содержания повествовательного текста на интерактивной доске сначала с помощью иллюстраций, затем схематических изображений, пересказ с опорой на модель и без нее. Используется прием творческого дополнения пересказа рассказом о том, что могло произойти потом.

На втором этапе детей обучают построению связных описательных высказываний по иллюстрациям к мифу и картинкам с портретным изображением персонажей. В описании используются лексика и грамматические конструкции, отработанные на первом этапе. На интерактивной доске выстраивается модель описательного высказывания, структурными компонентами которой являются графические изображения признаков, которые следует отразить в рассказе.

На третьем этапе материал мифов используется для обучения детей связным высказываниям типа рассуждений. Детям предлагаются загадки о персонажах и проблемные вопросы на установление причинно-следственных связей по содержанию, при ответе на которые следует привести соответствующие доказательства, с опорой на модель. Эффективность такой технологии была доказана нашими экспериментальными исследованиями.

Можно констатировать, что использование народно-педагогического потенциала будет способствовать не только развитию нравственных и эстетических, интеллектуальных качеств личности особого ребенка, но и повысить эффективность коррекционно-развивающего воздействия.

Конфликт интересов

Не указан.

Conflict of Interest

None declared.

Список литературы / References

1. Аникин, В.П. Русские народные пословицы, поговорки, загадки, детский фольклор / В.П. Аникин. – М.: Учпедгиз, 1957. – 240 с.
2. Аполлонова, Н.А. Приобщение дошкольников к русской национальной культуре / Н.А. Аполлонова // Дошкольное воспитание. – 2012. – №5-6. – С. 5-8.
3. Галанина, Н.А. Использование устного народного творчества в коррекции речевых нарушений у детей дошкольного возраста / Н.А. Галанина // Дошкольная педагогика. – 2008. – №5. – С. 32–37.
4. Головчиц Л.А. Дошкольная сурдопедагогика: Воспитание и обучение дошкольников с нарушениями слуха / Л.А. Головчиц // М.: ВЛАДОС, 2001. – 304 с.
5. Кокорева, О.И. Возможности и условия развития эмоциональной отзывчивости у старших дошкольников при ознакомлении со славянскими мифами и легендами / О.И. Кокорева // Образование и саморазвитие. Научный журнал. – 2014. -№ 1 (39). – С. 150-153.
6. Кокорева, О.И. Возможности использования фольклорных произведений для коррекции мнемических процессов у детей с задержкой психического развития / О.И. Кокорева // Особый ребенок: Обучение, воспитание, развитие. – Ярославль: РИО ЯГПУ, 2021. – С. 164-168.
7. Кокорева, О.И. Кумулятивная сказка как средство развития памяти детей шести лет с задержкой психического развития / О.И. Кокорева, А.С. Бочарова // Развитие гуманитарной науки в современном социокультурном пространстве. – Тула: Изд-во ТГПУ, 2015. - С. 76-79.
8. Павлова, Л. Фольклор для маленьких / Л. Павлова // Дошкольное воспитание. – 1991. - № 2. - С.41.
9. Соколова, Н.Д. Дети с ограниченными возможностями: проблемы и инновационные тенденции в обучении и воспитании / Н.Д. Соколова, Л.В. Калининкова. - М.: ГНОМ и Д, 2009. – 448 с.
10. Усова, А.П. Русское народное творчество в детском саду / А.П. Усова. – М.: Просвещение, 1972. – 78 с.

Список литературы на английском языке / References in English

1. Anikin, V.P. Russkie narodnye poslovicey, pogovorki, zagadki, detskij folklor [Russian folk proverbs, sayings, riddles, children's folklore] / V.P. Anikin. – М.: Uchpedgiz, 1957. – 240 p. [in Russian]
2. Apollonova, N.A. Priobshhenie doshkol'nikov k russkoj nacional'noj kul'ture [Introducing preschool children to Russian national culture] / N.A. Apollonova // Doshkolnoe vospitanie [Pre-school education]. – 2012. – №5-6. – P. 5-8. [in Russian]
3. Galanina, N.A. Ispolzovanie ustnogo narodnogo tvorchestva v korrekcii rechevyh narushenij u detej doshkolnogo vozrasta [Using folklore in the correction of speech disorders in pre-school children] / N.A. Galanina // Doshkolnaja pedagogika [Pre-school pedagogy]. – 2008. – №5. – P. 32–37. [in Russian]
4. Golovchic L.A. Doshkolnaja surdopedagogika: Vospitanie i obuchenie doshkolnikov s narushenijami sluha [Pre-school deaf education: Educating and training pre-school children with hearing difficulties] / L.A. Golovchic // М.: VLADOS, 2001. – 304 p. [in Russian]
5. Kokoreva, O.I. Vozmozhnosti i uslovija razvitija jemocionalnoj otzyvchivosti u starshih doshkolnikov pri oznakomlenii so slavyanskimi mifami i legendami [Opportunities and conditions for the development of emotional responsiveness in older preschool children when learning about Slavic myths and legends] / O.I. Kokoreva // Obrazovanie i samorazvitie. Nauchnyj zhurnal [Education and self-development. Scientific journal]. – 2014. -№ 1 (39). – P. 150-153. [in Russian]
6. Kokoreva, O.I. Vozmozhnosti ispolzovaniya folklornyh proizvedenij dlja korrekcii mnemicheskikh processov u detej s zaderzhkoj psihicheskogo razvitija [Possibilities of using folklore works to correct mnemonic processes in children with mental retardation] / O.I. Kokoreva // Osobyj rebenok: Obuchenie, vospitanie, razvitie [A special child: Education, upbringing, development]. – Jaroslavl: RIO JaGPU, 2021. – P. 164-168. [in Russian]
7. Kokoreva, O.I. Kumuljativnaja skazka kak sredstvo razvitija pamjati detej shesti let s zaderzhkoj psihicheskogo razvitija [Cumulative storytelling as a means of developing memory in six-year-old children with mental retardation] / O.I. Kokoreva, A.S. Bocharova // Razvitie gumanitarnoj nauki v sovremennom sociokulturnom prostranstve [Development of the humanities in today's socio-cultural space]. – Tula: Publishing house of TGPU, 2015. - P. 76-79. [in Russian]
8. Pavlova, L. Folklor dlja malenkih [Folklore for the little ones] / L. Pavlova // Doshkolnoe vospitanie [Pre-school education]. – 1991. - № 2. - P.41. [in Russian]
9. Sokolova, N.D. Deti s ograničennymi vozmozhnostjami: problemy i innovacionnye tendencii v obuchenii i vospitanii [Children with disabilities: challenges and innovative trends in learning and education] / N.D. Sokolova, L.V. Kalinnikova. - М.: GNOM i D, 2009. – 448 p. [in Russian]
10. Usova, A.P. Russkoe narodnoe tvorchestvo v detskom sadu [Russian folk art in kindergarten] / A.P. Usova. – М.: Prosveshhenie, 1972. – 78 p. [in Russian]

DOI: <https://doi.org/10.23670/IRJ.2021.112.10.074>

НЕКОТОРЫЕ СТАТИСТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ РЕЗУЛЬТАТОВ ЕДИНОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО ЭКЗАМЕНА

Научная статья

Костина Н.Н.*

ORCID: 0000-0003-3853-4860,

Елабужский институт Казанского (Приволжского) федерального университета, Елабуга, Россия

* Корреспондирующий автор (natnikost[at]mail.ru)

Аннотация

В работе изучаются особенности статистических распределений итогов единого государственного экзамена по математике и русскому языку на примере результатов таких экзаменов в Нижнекамском районе Республики Татарстан. Распределение случайных величин, определяемых баллами ЕГЭ, в ряде случаев оказывается близким к нормальному распределению, в других же случаях, вследствие влияния различных факторов, унимодальность статистического распределения существенно нарушается. С использованием стандартных методов корреляционного и регрессионного анализа в работе определяется теснота связи, характеризующей зависимость между дискретными случайными величинами, определяемыми результатами ЕГЭ по этим двум учебным дисциплинам.

Ключевые слова: единый государственный экзамен; гистограмма; распределение случайной величины; корреляция.

SOME STATISTICAL ASPECTS OF THE RESULTS OF THE UNIFIED STATE EXAM

Research article

Kostina N.N.*

ORCID: 0000-0003-3853-4860,

Elabuga Institute, affiliate of Kazan Federal University, Yelabuga, Russia

* Corresponding author (natnikost[at]mail.ru)

Abstract

The article examines the features of statistical distributions of the results of the unified state exam in mathematics and the Russian language on the example of the results of such exams in the Nizhnekamsk district of the Republic of Tatarstan. The distribution of random variables determined by the USE scores in some cases turns out to be close to the normal distribution, in other cases, due to the influence of various factors, the unimodality of the statistical distribution is significantly violated. Using standard methods of correlation and regression analysis, the research determines the closeness of the relationship that characterizes the dependence between discrete random variables determined by the results of the Unified State Exam in the two academic disciplines under study.

Keywords: unified state exam; histogram; random variable distribution; correlation.

Введение

Вот уже более десяти лет все выпускники школ Российской Федерации сдают единый государственный экзамен. В качестве основного показателя при анализе результатов, как правило, предъявляется средний вторичный балл по каждому предмету, а также сравнение этого балла с аналогичным показателем за предыдущие годы. И, конечно, для каждого чиновника от образования и не только желателен рост среднего балла от года к году, поскольку этот показатель в некотором роде являет собой и оценку работы системы образования. Здесь есть место для возможных ухищрений, направленных на улучшение результатов ЕГЭ. В частности, изменение сложности заданий, изменение шкалы перевода первичных баллов во вторичные и т.д. Несмотря на достаточно длительный временной отрезок накопления статистических данных по ЕГЭ, серьёзных работ по их анализу совсем немного. Часто это работы, исследующие зависимости между результатами по родственным дисциплинам в вузе и школе [4], где на примерах различных направлений подготовки в вузе исследуется зависимости успеваемости студентов на начальных курсах от результатов ЕГЭ, а также от некоторых других качественных и количественных факторов (гендерных признаков, форм обучения, региона и т.д.). В свою очередь в работах [6-8] исследуются зависимости результатов ЕГЭ от перечисленных выше факторов. При этом указанные исследования, как правило, проводились на относительно небольших выборках. В работе [2] приводится статистика выполнения разных видов заданий ЕГЭ и приводится анализ типичных ошибок. В данной работе статистика распределений изучалась на выборках от 582 до 1054 значений, что повышает статистическую значимость по сравнению с имеющимися исследованиями, изучающими статистические распределения на основе выборки объёмом в несколько десятков. Используемые в данной работе методы описаны в следующих источниках [3], [5], [9].

Цель работы

Провести анализ взаимосвязей результатов ЕГЭ по математике и русскому языку с целью оценки степени влияния результатов ЕГЭ по одной дисциплине на результаты ЕГЭ по другой.

Методы и принципы исследования

Мы рассмотрели некоторые аспекты распределения баллов по математике и русскому языку, а также некоторые междисциплинарные взаимосвязи этих результатов, которые имели место в так называемый «доковидный период». Нами были изучены статистические закономерности, имевшие место для результатов ЕГЭ в период с 2014 по 2018

годы. В настоящей работе отразим только часть из них. Корреляционные зависимости и виды статистических распределений в другие годы аналогичны тем, что будут описаны ниже. Приведем подробнее некоторые статистические характеристики итогов 2018 и 2017 годов по Нижнекамскому муниципальному району Республики Татарстан: математику (профильный уровень) сдавало 602 человека, русский язык – 1054 человека. Произведя группировку упорядоченных по возрастанию результатов профильной математики на 10 групп, получим следующую гистограмму вторичных баллов:

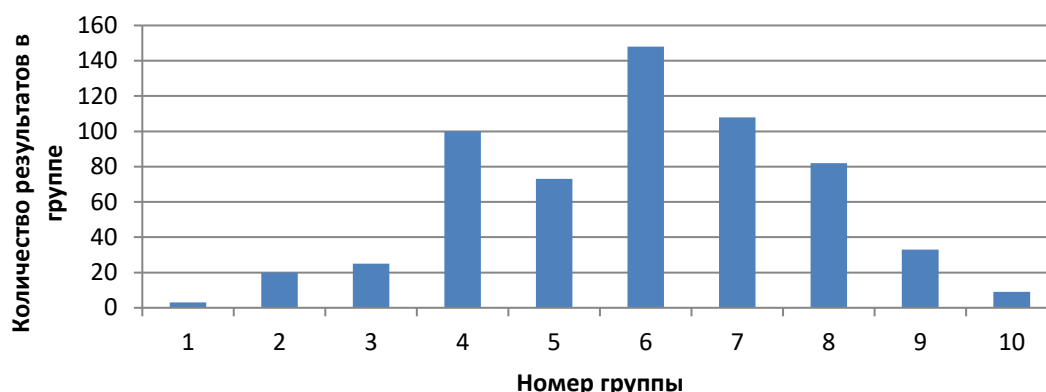

Рис. 1 – Гистограмма результатов профильной математики 2018

Аналогично, сгруппировав упорядоченные результаты 2018 года по русскому языку в 11 групп (количество групп определяем, исходя из общего числа результатов экзамена по предмету в соответствии с известной формулой Стерджесса $n = 1 + 3,322 \lg N$, где N – объём выборки, n – число групп), получим гистограмму вторичных баллов по русскому языку (см. рис. 2):

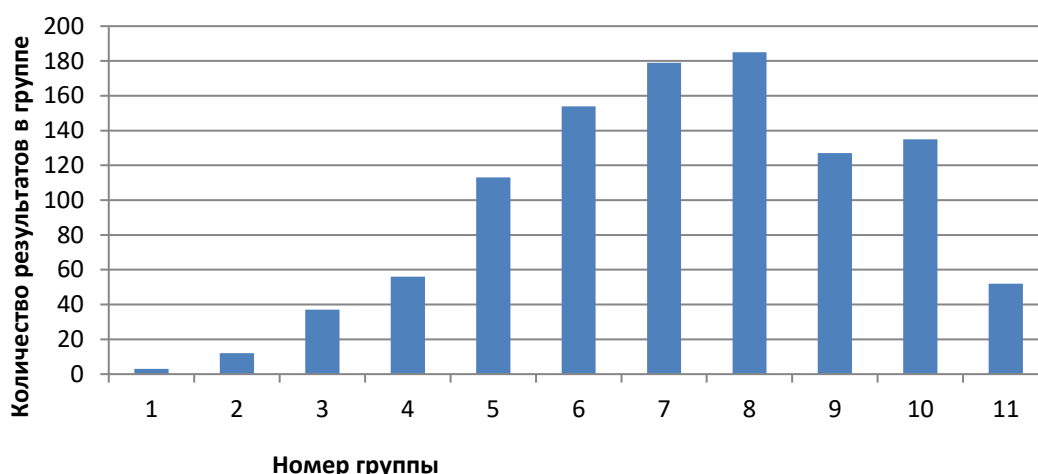

Рис. 2 – Гистограмма результатов русского языка 2018

В 2017 году в указанном выше районе математику (профиль) сдавало 582 человека, получаем гистограмму на рис. 3:

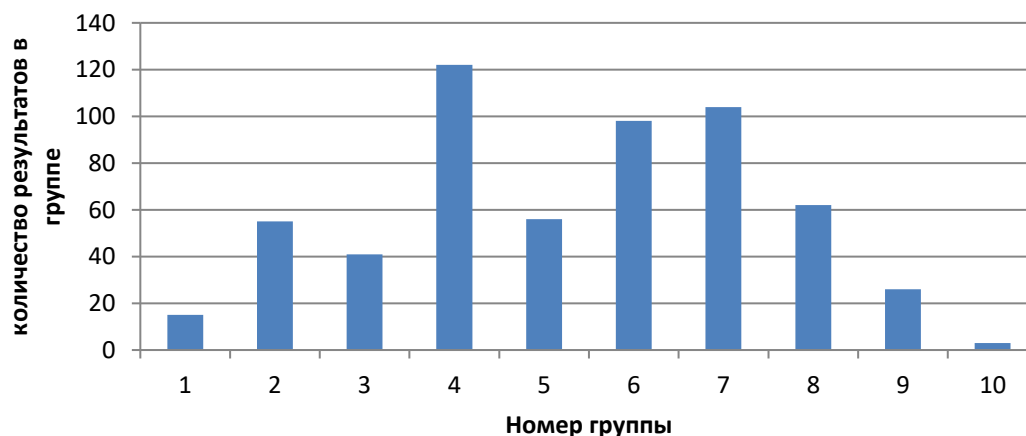

Рис. 3 – Гистограмма результатов профильной математики 2017

Из приведённой гистограммы видно, что унимодальность этого статистического распределения существенно нарушена, а само распределение далеко от нормального.

Русский язык в 2017 году сдавало 984 человека, строим соответствующую гистограмму на рис. 4:

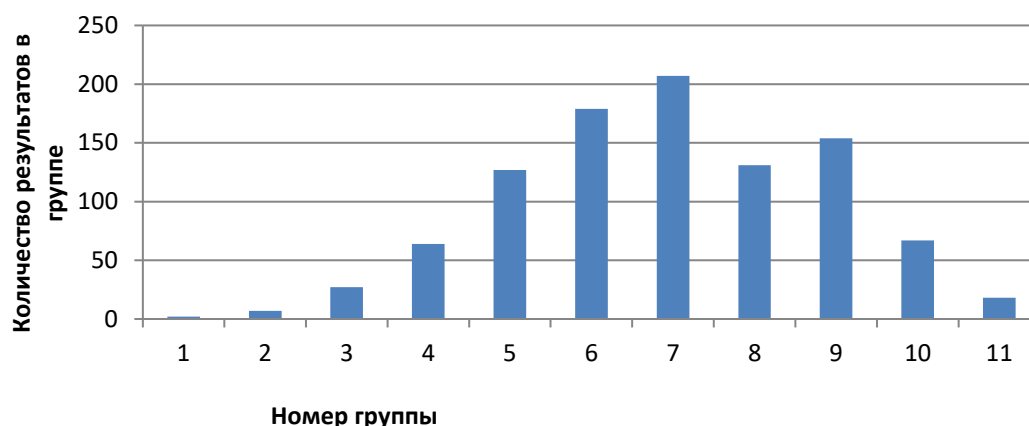

Рис. 4 – Гистограмма результатов русского языка 2017

Здесь нарушение унимодальности также имеет место, но уже не такое значительное.

Основные результаты

Проводя сравнение приведённых гистограмм, видим, что в обоих случаях распределения близки к нормальным, однако гистограммы не имеют единственного максимума. Кроме того, номера групп, соответствующие модам распределения, различны. Отличия от нормальности в распределениях может быть вызвано разным режимом освоения дисциплин учащимися: наличием либо значительной доли специальных классов с усиленной подготовкой к Единому государственному экзамену, либо значительной доли учеников, занимающихся у репетиторов, имеющих, как правило, более глубокие знания, а значит, и более высокие результаты сдачи ЕГЭ.

При оценке линейной корреляционной зависимости баллов ЕГЭ по русскому языку и профильной математике получили следующие значения r_{xy} – коэффициента корреляции, которые приведены в таблице 1:

Таблица 1 – Значения r_{xy} – коэффициента корреляции

Значения r_{xy} – коэффициента корреляции		
Год	Первичные баллы	Вторичные баллы
2014	0,6294	0,6386
2015	0,5748	0,5970
2016	0,4957	0,5245
2017	0,5335	0,5583
2018	0,5410	0,5584

Найдём коэффициенты детерминации для случайных величин, определяемых вторичными баллами ЕГЭ, в каждом из приведённых случаев. В 2014 году в соответствии с данной таблицей коэффициент линейной корреляции вторичных баллов ЕГЭ был равен 0,6386. Коэффициент детерминации определяется как квадрат коэффициента корреляции, то есть в данном случае с точностью до четырёх знаков после запятой имеем $r_{xy}^2 = 0,4078$. Это свидетельствует о том, что вариация вторичных баллов ЕГЭ по русскому языку на 40,78 % определяется вариацией вторичных баллов по математике. Для 2015 года имеем $r_{xy}^2 = 0,3564$, то есть в 2015 году вариация баллов ЕГЭ по русскому языку на 35,64 % определялась вариацией баллов по математике. Аналогично, для 2016 года получим $r_{xy}^2 = 0,2751$, для 2017 - $r_{xy}^2 = 0,3117$, для 2018 - $r_{xy}^2 = 0,3118$, а значит, вариация баллов ЕГЭ по русскому языку определяется вариацией баллов по математике соответственно на 27,51 %, 31,17 % и 31,18 %.

Обсуждение

Как известно, в 2015 году произошло разделение ЕГЭ по математике на базовый и профильный уровни. Этим, возможно, и вызвано изменение в значениях коэффициентов линейной корреляции, отражающих тесноту связи между двумя рассматриваемыми случайными величинами. Во всех случаях имеем положительную среднюю корреляцию. Она является значимой в соответствии с критерием Фишера-Снедекора на любом разумном уровне статистической значимости. Некоторые различия значений коэффициентов линейной корреляции, вычисленных по первичным и вторичным баллам Единого государственного экзамена, объясняются нелинейностью шкалы перевода первичных баллов во вторичные. Из проведённого анализа также следует, что вариация баллов по русскому языку в разные годы на 27-40 процентов определяется вариацией баллов по математике. Таким образом, можно сделать вывод, что ухудшение подготовки по одной из этих дисциплин вызовет не только уменьшение значений баллов ЕГЭ по этой дисциплине, но отразится и на уменьшении математического ожидания случайной величины, определяемой баллами ЕГЭ по другой учебной дисциплине.

Конфликт интересов

Не указан.

Conflict of Interest

None declared.

Список литературы / References

1. Арефьев В.П. Компьютерные технологии контроля качества инженерного образования / В.П. Арефьев, А.А. Михальчук // Открытое и дистанционное образование. Ассоциация образовательных и научных учреждений "Сибирский открытый университет". - Томск. -2005. - №4(20). -С.26-34
2. Единый государственный экзамен в Кировской области. Анализ результатов ЕГЭ-2018. Сборник информационно-аналитических материалов / Составитель Н.В. Носова. -Киров, -2018.
3. Лапотникова И.Н. Методы математической статистики для оценки результатов ЕГЭ / И.Н. Лапотникова // Ярославский педагогический вестник. ЯГПУ им. К.Д. Ушинского (Ярославль). - 2008.- № 1(54). -С.17-23.
4. Мелкумян, А. А. Исследование зависимостей оценок по физике в высшей и средней школе статистическими методами / А. А. Мелкумян, Л. А. Белопухов, А. С. Татур и др. //Материалы Международной школы-семинара «Физика в системе высшего и среднего образования России». - М. -2014. -С. 180–181.
5. Минкин А.В. Проблемы и перспективы применения мобильных устройств в работе преподавателя физической культуры / Минкин А.В., Костин А.В., Костина Н.Н. // Теория и практика физической культуры. - 2018. - №5. - С. 22-25.
6. Минько Э.В. Качество и востребованность образовательных услуг / Э.В. Минько, А.Э. Минько. Учебное пособие. - Саратов, 2017. - 120 с.
7. Нуриева Л.М. Национальный состав территорий и результаты ЕГЭ / Нуриева Л.М., Киселев С.Г. // Образование и наука. Российский государственный профессионально-педагогический университет. Екатеринбург. - 2018. - Т.20, №5. -С.9-31.
8. Силаева В.А. Сравнение результатов единых государственных экзаменов в Российских регионах / В.А. Силаева, А.М. Силаев // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Экономика и управление. Воронежский гос. ун-т. - Воронеж. -2018. №3. - С.132-141.
9. Статистика: учебник для бакалавров / под ред. И.И. Елисеевой. – 3-е изд., перераб. и доп. - М.: Изд-во Юрайт, 2013. - 558 с.
10. Третьякова Т.В. Мониторинг результатов ЕГЭ по математике и его использование в регионе и в образовательном учреждении / Т.В. Третьякова // Вопросы образования. -2007. № 2. - С. 188-200.

Список литературы на английском языке / References in English

1. Aref'ev V.P. Komp'yuternye tehnologii kontrolja kachestva inzhenerenogo obrazovanija [Computer Technologies of Quality Control of Engineering Education] / V.P. Aref'ev, A.A. Mihal'chuk // Otkrytoe i distancionnoe obrazovanie. Associacija obrazovatel'nyh i nauchnyh uchrezhdenij "Sibirskij otkrytyj universitet". [Open and Distance Education. Association of Educational and Scientific Institutions "Siberian Open University".] - Tomsk. -2005. - №4(20). - pp.26-34 [in Russian]
2. Edinyj gosudarstvennyj jekzamen v kirovskoj oblasti. Analiz rezul'tatov EGJe-2018. Sbornik informacionno-analiticheskikh materialov [Unified State Exam in the Kirov Region. Analysis of the Results of the Unified State Exam-2018. Collection of Information and Analytical Materials] / Compiled by N.V. Nosova. -Kirov, -2018. [in Russian]
3. Lapotnikova I.N. Metody matematicheskoy statistiki dlja ocenki rezul'tatov EGJe [Methods of Mathematical Statistics for Evaluating the Results of the Unified State Exam] / I.N. Lapotnikova // Jaroslavskij pedagogicheskij vestnik [Yaroslavl Pedagogical Bulletin]. JaGPU im. K.D. Ushinskogo (Jaroslavl'). - 2008.- № 1(54). - pp.17-23. [in Russian]
4. Melkumjan, A. A. Issledovanie zavisimostej ocenok po fizike v vysshej i srednej shkole statisticheskimi metodami [Study of the Dependencies of Grades in Physics in Higher and Secondary Schools by Statistical Methods] / A. A. Melkumjan, L. A. Belopuhov, A. S. Tatur et al. // Materialy Mezhdunarodnoj shkoly-seminara «Fizika v sisteme vysshego i srednego obrazovanija Rossii» [Materials of the International School-Seminar "Physics in the System of Higher and Secondary Education in Russia"]. - M. -2014. - pp. 180–181. [in Russian]
5. Minkin A.V. Problemy i perspektivy primenenija mobil'nyh ustrojstv v rabote prepodavatelja fizicheskoy kul'tury [Problems and Prospects of Using Mobile Devices in the Work of a Physical Education Teacher] / A.V. Minkin, A.V. Kostin, N.N. Kostina // Teorija i praktika fizicheskoy kul'tury [Theory and Practice of Physical Education]. - 2018. - №5. - pp. 22-25. [in Russian]
6. Min'ko Je.V. Kachestvo i vostrebovannost' obrazovatel'nyh uslug. Uchebnoe posobie. [Quality and Demand for Educational Services. Textbook.] / Je.V. Min'ko, A.Je. Min'ko.- Saratov, 2017.- p. 120 [in Russian]
7. Nurieva L.M. Nacional'nyj sostav territorij i rezul'taty EGJe [The National Composition of Territories and the Results of the Unified State Exam] / L.M. Nurieva, S.G. Kiselev // Obrazovanie i nauka [Education and Science]. Rossijskij gosudarstvennyj professional'no-pedagogicheskij universitet. Ekaterinburg. - 2018. -Vol.20, №5. - pp. 9-31. [in Russian]
8. Silaeva V.A. Sravnenie rezul'tatov edinyh gosudarstvennyh jekzamenov v Rossijskikh regionah [Comparison of the Results of Unified State Examinations in Russian Regions] / V.A. Silaeva, A.M. Silaev // Vestnik Voronezhskogo gosudarstvennogo universiteta. Serija: Jekonomika i upravlenie. [Bulletin of the Voronezh State University. Series: Economics and Management.] Voronezhskij gos. un-t. - Voronezh. -2018. №3. - pp.132-141. [in Russian]
9. Statistika: učebnik dlja bakalavrov [Statistics: Textbook for Bachelors] / Edited by I.I. Eliseevoj // – 3rd Ed., Revised and Updated - M.: Jurajt, 2013. - p. 558 [in Russian]
10. Tret'jakova T.V. Monitoring rezul'tatov EGJe po matematike i ego ispol'zovanie v regione i v obrazovatel'nom uchrezhdenii [Monitoring the Results of the Unified State Exam in Mathematics and Its Use in the Region and in an Educational Institution] / T.V. Tret'jakova // Voprosy obrazovanija [Problems of Education]. -2007. № 2.- pp. 188-200. [in Russian]

DOI: <https://doi.org/10.23670/IRJ.2021.112.10.075>**ЭЛЕКТИВНЫЙ КУРС КАК СПОСОБ ПОДГОТОВКИ СТУДЕНТОВ К КЛИНИЧЕСКОЙ ПРАКТИКЕ**

Научная статья

Мартынова Н.А.¹, Аликберова М.Н.², Басова Л.А.³, Калинин А.Г.⁴, Кубасов Р.В.^{5,*}¹ ORCID: 0000-0001-9581-379X;² ORCID: 0000-0002-9674-6098;³ ORCID: 0000-0001-6593-0231;⁴ ORCID: 0000-0002-0425-6359;⁵ ORCID: 0000-0003-1698-6479;¹⁻⁵ Северный государственный медицинский университет, Архангельск, Россия

* Корреспондирующий автор (romanas2001[at]gmail.com)

Аннотация

Актуальность: в современных условиях наряду с традиционными формами обучения на кафедрах анатомического профиля востребованы новые подходы и методы преподавания, методологические приемы с акцентуацией внимания на анатомических образованиях, наиболее востребованных в клинической практике. Материалы и методы: для определения факторов, влияющих на процесс усвоения студентами анатомических знаний, а также оценивания форм и методов преподавания проведен опрос 310 студентов младших курсов с целью выработки предложений о лучших педагогических практиках в этой области. Результаты: представлены итоги использования различных информационных технологий в реализации элективных курсов кафедр анатомического профиля. Приведены основные примеры страниц электронного учебника, используемого студентами, посещающими элективные занятия. Показано, что древовидная структура является наиболее подходящим вариантом изложения информационных материалов, а также иллюстраций к ним в основных разделах электронного учебного пособия. Установлена эффективность применения в процессе обучения аудиовизуальных технических средств, анимационных игр, симулирующих реальные ситуации при выполнении оперативных вмешательств, направленных на формирования основ клинических компетенций. Выводы: Элективный курс по клинической анатомии, предложенный студентам различных факультетов, обеспечил важный обзор ключевых анатомических концепций при подготовке их к экзаменам по предмету. Для улучшения успеваемости студентов в этих областях необходимо больше внимания уделять работе с пластинами, обсуждению топографо-анатомических взаимодействий на соответствующих распилах конечностей, шеи, груди и таза.

Ключевые слова: инновационные технологии, преподавание, анатомические дисциплины.**ELECTIVE COURSE AS A WAY TO PREPARE STUDENTS FOR CLINICAL PRACTICE**

Research article

Martynova N.A.¹, Alikberova M.N.², Basova L.A.³, Kalinin A.G.⁴, Kubasov R.V.^{5,*}¹ ORCID: 0000-0001-9581-379X;² ORCID: 0000-0002-9674-6098;³ ORCID: 0000-0001-6593-0231;⁴ ORCID: 0000-0002-0425-6359;⁵ ORCID: 0000-0003-1698-6479;¹⁻⁵ Northern State Medical University, Arkhangelsk, Russia

* Corresponding author (romanas2001[at]gmail.com)

Abstract

Relevance: today, along with traditional forms of teaching at anatomical departments, new approaches and teaching methods, methodological techniques with an emphasis on anatomical formations that are most in demand in clinical practice. Materials and methods: to determine the factors influencing the students' process of gathering knowledge on anatomy, as well as evaluating the forms and methods of teaching, a survey of 310 junior students was conducted in order to develop proposals on the best pedagogical practices in this area. Results: the article presents the results of the use of various information technologies in the implementation of elective courses of anatomical departments along with the key examples of the pages of an electronic textbook used by students attending elective classes. It is shown that the tree-like structure is the most suitable way of presenting information, as well as the accompanying illustrations in the main sections of the electronic textbook. The article also establishes the effectiveness of the use of audiovisual technical means, animated games simulating real situations during surgical interventions aimed at forming the foundations of clinical competencies in the learning process. Conclusions: the elective course in clinical anatomy offered to students of various faculties provided an important overview of key anatomical concepts in preparing them for exams on the subject. To improve student academic performance in these areas, it is necessary to pay more attention to working with plastinates, discussing topographic and anatomical interactions on the corresponding saws of the limbs, neck, chest and pelvis.

Keywords: innovative technologies, teaching, anatomical disciplines.**Введение**

Одним из важнейших компонентов, обеспечивающих полноценность практической подготовки студентов, является самостоятельная работа во время посещения элективных занятий [1]. Усвоение студентами готовых знаний, приобретение и закрепление полученных навыков, умение находить анатомические детали строения, а также личный пример преподавателя играет положительную роль, вызывая у студентов стремление к творчеству, интерес к

изучаемой дисциплине [2]. Предмет «нормальная анатомия» – единственный предмет на первом курсе, имеющий прямое отношение к медицине, поэтому справедливо выражение, что «с изучения анатомии начинается настоящая медицина». За последнее время существенно изменилось содержание практически всех теоретических и клинических дисциплин, что потребовало на кафедрах анатомического профиля изыскания новых форм и методов преподавания, новых методологических подходов и акцентуации внимания на анатомических образованиях, наиболее востребованных в клинической практике [3].

Целью настоящего исследования являлось анализ мнений студентов по внедрению инновационных методов обучения на занятиях по элективным курсам «анатомия человека» и «топографическая анатомия», а также выявление уровня базисных знаний по этим дисциплинам и разработка предложений по совершенствованию преподавания этих учебных дисциплин в медицинских образовательных организациях.

Материалы и методы

Для реализации поставленной цели, касающейся мнений студентов по внедрению инновационных методов обучения, нами на занятиях по элективным курсам «анатомия человека» и «топографическая анатомия» проведено одномоментное анкетирование студентов лечебного, педиатрического и стоматологического факультетов Северного государственного медицинского университета (СГМУ).

В исследовании приняли участие 310 студентов: из них студенты 1 и 2 курсов лечебного и педиатрического факультетов – 120 чел., 3 курса – 140 чел. и стоматологического факультета – 50 чел.

Разработанная анкета, включённая в рабочую программу дисциплины, содержала вопросы к студентам о стиле преподавания дисциплины, необходимости использования интерактивных методов, анимации, видео, специальных презентаций, а также автоматизированных комплексов оценки знаний. Период проведения анкетирования – первое занятие по изучаемому курсу.

Кроме того, нами использовалось специальное тестирование на знание основ нормальной и клинической анатомии, которые помогали определить, изменились ли результаты тестирования с предварительного теста на «выпускной», по окончании элективного курса. Все тесты по контролю знаний также утверждены кафедральными совещаниями и внесены в рабочие программы изучаемых дисциплин.

Результаты и их обсуждение

Проведенное нами анкетирование выявило, что подавляющее большинство студентов (96%) считают, что использование в преподавании анатомических дисциплин автоматизированных мультимедийных комплексов, ситуационных задач, интерактивного анатомического стола значительно повышают качество образовательного процесса.

Более 80 % студентов, принимавших участие в опросе, отметили, что внедрение новых технологий в учебный процесс позволяют им проявлять такие качества, как инициатива, креативность и наблюдательность. Благодаря такой форме обучения повышается заинтересованность в овладении профессией, значительно повышается усвоение и овладение материалом (положительный ответ у 89 % студентов).

Кроме того, около 80% респондентов считают, что применение интерактивного обучения способствует осмысливанию сложной для понимания информации, развивает теоретическое мышление, формирует познавательный интерес к дисциплине.

Полученные результаты показали, что использование нами модульного принципа обучения, а также электронного учебного пособия в качестве педагогического инструмента повышают качество усвоения клинической и топографической анатомии студентами различных факультетов.

Студенты 3 курса лечебного, педиатрического и стоматологического факультетов, проходившие элективный курс по предмету топографическая анатомия и оперативная хирургия, показали статистически более высокие результаты по итогам промежуточной аттестации (экзамен), по сравнению со студентами, такой курс не проходившими (средний балл 4,13 и 3,86, соответственно, $p \leq 0,001$).

У студентов 2 курса, проходивших наш элективный курс, текущая и промежуточная (зачет) успеваемость по вопросам, относящимся к анатомии сердца, живота, верхней и нижней конечностям, также оказалась значительно выше, в сравнении со студентами, обучающимися по стандартной схеме ($p=0,02$). А то же время, результаты тестирования по анатомии головы и шеи не показали существенно улучшения усвоения материала ($p=0,11$). Незначимые различия мы обнаружили также после тестирования некоторых вопросов по клинической анатомии груди ($p=0,16$).

Особенностью проведения элективных занятий, привлекающей большое количество студентов, является то, что часть занятий проводится в виде операционных дней. Из студенческой группы формируется операционная бригада, включающая анестезиологов, хирургов, операционных сестер. Далее операционная бригада самостоятельно выполняет заранее запланированные операции на экспериментальных животных (лабораторных крысах). В процессе проведения операционных дней студенты самостоятельно, под контролем преподавателя, с соблюдением всех правил асептики и антисептики, проводят подготовку рук, надевают стерильные халаты, маски, перчатки. Группа обучается выполнению премедикации и введения животного в наркоз. Затем бригада выполняет обработку операционного поля в условиях максимально приближенным к реальным.

Выполнение студентами операций на лабораторных животных позволяют им почувствовать тактильные параметры живых тканей, которые невозможно ощутить, обучаясь на современных муляжах, симуляторах и тренажерах. На занятиях преподаватель учит правильному, бережному отношению к тканям, грамотному прохождению слоев при проведении операционного доступа, остановке кровотечения. При необходимости он иногда показывает отдельные приемы хирургической техники сам. Мотивация студентов выполнить операцию так, чтобы животное осталось живым, без каких-либо осложнений, в т.ч. инфекционных, заставляет относиться к «пациентам» со

всей серьезностью и ответственностью, заставляет осознать – будет ли интересна ему в будущем работа хирурга. Такие операционные дни в цикле «дисциплины по выбору» являются, несомненно, привлекательными, интересными и полезными для студентов, определяют большое количество желающих попасть на эти дисциплины, что заставляет преподавателей применять конкурсный отбор среди желающих.

Многие положения теории профессионально-ориентированной практики представляют интерес для учебной деятельности кафедр не только медико-биологического, но и клинического профиля, в частности, для оперативной хирургии и топографической (клинической) анатомии, традиционно базирующихся на отечественной концепции воспитания у студентов клинического мышления.

В настоящее время для обучения студентов используется значительное количество современных информационных технологий [4]. Нами, в процессе усвоения студентами элективного курса, широко применяются мультимедийные презентации, электронные учебные пособия, компьютерное тестирование, а также работа с электронными информационно-образовательными системами, в т.ч. и дистанционные.

Подробными презентациями преподавателями кафедры подготовлен электронный контент «Оперативная хирургия», в частности подраздел «Хирургическая техника, инструментарий, правила разъединения и соединения тканей», в который включены учебные фильмы, анимация, а также фотографии инструментов с подробным описанием правил их использования.

Разработанная нами обучающая программа по правилам пользования хирургическим инструментарием нашла положительный отклик со стороны студенческой аудитории. Программа размещена на сайте университета, имеет свободный доступ, интуитивно простое оформление, а также адаптивный дизайн, позволяющий корректно отображать контент на дисплеях ПК и мобильных устройствах с любым разрешением.

Следует отметить, что данная программа снабжена достаточным количеством тестовых заданий, позволяющим студентам самостоятельно изучать новые хирургические инструменты, учитывая особенности их использования в современных технологиях применения оперативных вмешательств. Кроме того, в программе предусмотрена возможность ее использования в системе «АНДРОИД», что позволяет студентам неоднократно просматривать контенты, а также самостоятельно проверять правильность ответов, касающихся назначения тех или иных инструментов.

Программные комплексы по самообучению студентов верификации элементов поперечных распилов обеих конечностей грудной полости и таза – стали очередной ступенью внедрения инновационных технологий в учебный процесс на кафедре. В разработанной нами программе анатомические образования на фотографии распила и идентичном рисунке выделяются определенным цветом, что дает возможность обучающимся сопоставлять и верифицировать анатомические образования, работая в программе необходимое количество раз.

Большое значение в освоении студентами «Пироговских распилов» играют лекции, посвященные изучению основ компьютерной и магнитно-резонансной томографии, а также практические занятия, на которых демонстрируются снимки и фильмы с нормой и патологией, выявляемой на разных уровнях виртуальных распилов.

В последнее время в учебный процесс нами активно внедряется 3-D моделирование, элементы которого мы используем не только при ведении практических занятий, но и при чтении лекций. Данные технологии помогают студентам полнее представлять картину синтопических взаимоотношений в определенной анатомической области.

Несомненно, что такой подход помогает обучающимся грамотно верифицировать анатомические элементы и ориентироваться в синтопических и голотопических взаимоотношениях органов и тканей. Все это придает учебному процессу современную функционально-клиническую направленность, являясь реальным аспектом преемственности преподавания нормальной и топографической анатомии и лучевых методов исследования.

Хотя важность преподавания анатомии, как для студентов старших курсов, так и для аспирантов остается неоспоримой, в настоящее время существует соответствующая дискуссия о методах преподавания анатомии [5].

Еще совсем недавно препарирование и лекции были единственным способом преподавания анатомии во всем мире. В наши дни время, отведенное на преподавание анатомии, было резко сокращено до такой степени, что возникли опасения об уменьшении его ниже адекватного стандарта [6].

Так, традиционное анатомическое образование, основанное на топографической структурной анатомии, преподаваемой на лекциях и во время препарирования, было заменено множеством учебных модулей, включая проблемное обучение, пластические модели или интерактивный стол, а также интеграцию учебных программ [7].

Существует много споров о подходящих методах передачи анатомических знаний. Некоторые авторы считают, что из-за того, что студенты имели очень ограниченное представление об анатомии во время клинической подготовки, существует опасение, что они недостаточно подготовлены в анатомии при поступлении в ординатуру [8].

Между тем, компетентные клиницисты, особенно хирурги, нуждаются в глубоком понимании анатомии для безопасных клинических процедур. Поэтому разработка эффективных методов обучения анатомии имеет важное значение для обеспечения безопасной медицинской практики [9].

Уже давно не секрет, что многие анатомические кафедры медицинских образовательных организаций испытывают огромный дефицит в биологических либо пластированных материалах, способных наиболее полно передать студентам тактильные, пространственные и синтопические взаимоотношения органов и тканей. При этом студенты отмечают, что работа с трупным материалом и натуральными распилами полостей являлась важным фактором в их выборе будущей профессии [10]. Ограниченность учебного времени и ресурсов для проведения курсов общей анатомии в рамках учебных программ привели к тому, что многие медицинские школы отказались от трудоемкого обучения на основе работы с трупным материалом в пользу альтернативных методов обучения, включая медицинскую визуализацию, симуляционные и мультимедийные ресурсы. Лучший способ обучения современной анатомии – это объединение нескольких педагогических ресурсов, которые дополняют друг друга, и студенты, по-видимому, учатся более эффективно, когда интегрируются мультимодальные и системные подходы [11].

Более того, существует мнение, что некоторые профессии будут иметь больше преимуществ от определенных

образовательных методов или стратегий, чем другие. Полное вскрытие тела уместнее было бы зарезервировать для студентов-медиков, кто имеет хирургические карьерные намерения, в то время как преподавание, основанное на препарировании, пластикации, а также использования интерактивного стола больше подходит для студентов стоматологических, фармацевтических и смежных медицинских наук [12].

Многие авторы также полагают, что врачи без анатомии подобны кротам, которые работают в темноте, а фундамент изучения искусства оперирования должен быть заложен в анатомическом кабинете [13].

Выводы

Результаты проведенного нами исследования показали, что в процессе изучения элективного курса у студентов происходит формирование основных представлений о принципах медицинской визуализации с позиций клинической анатомии.

По результатам анкетирования на предмет оценки качества предоставляемых знаний студентам было выявлено, что практическую направленность предмета дополняют виртуальные технологии, которые способствуют лучшему овладению мануальными навыками.

Учитывая мнение студенческой аудитории, проведение подробного исследования может значительно улучшить качество учебного процесса.

Результативность совместного использования классического и интерактивного методов преподавания основаны на сочетании базового и дополнительного обучения студентов на элективных курсах. Итогом такого взаимодействия является обоснование выполнения основных хирургических манипуляций и оперативных вмешательств.

Мы предполагаем в дальнейшем усовершенствовать процесс создания трехмерных моделей внутренних органов, некоторых топографических областей и глубоких образований грудной, брюшной полостей и полости таза, а также завершить начатый ранее процесс создания виртуальных распилов конечностей.

Конфликт интересов

Не указан.

Conflict of Interest

None declared.

Список литературы / References

1. Skovholt K. Anatomy of a teacher–student feedback encounter. *Teaching and* / K. Skovholt // *Teacher Education*. – 2018. – Vol.69. – P. 142-153.
2. Scherer, J. A snapshot of anatomy teaching: Peer-led anatomy boot camps – Priming for success? / J. Scherer et al. // *Annals of Anatomy - Anatomischer Anzeiger*. – 2019. – Vol.221. – P. 141-147.
3. Hadie, S.N.H. Determining the impact of pre-lecture educational video on comprehension of a difficult gross anatomy lecture / S.N.H. Hadie et al. // *Journal of Taibah University Medical Sciences*. – 2019. – Vol.14(4). – P. 395-401.
4. Rabbo, F.A. Interactive anatomical teaching: Integrating radiological anatomy within topographic anatomy / F.A. Rabbo et al. // *Morphologie*. – 2016. – Vol.100(328). – P. 17-23.
5. Estai, M.S. Best teaching practices in anatomy education: A critical review / M. Estai, S. Bunt // *Annals of Anatomy - Anatomischer Anzeiger*. – 2016. – Vol.208. – P.151-157.
6. Brunk, I. Do they know too little? An inter-institutional study on the anatomical knowledge of upper-year medical students based on multiple choice questions of a progress test / I. Brunk, S. Schaubert, W. Georg // *Annals of Anatomy - Anatomischer Anzeiger*. – 2017. – Vol.209. – P.93-100.
7. Kagan, I.I. Traditions and peculiarities of the clinical anatomy education in Russia / I. I. Kagan // *Clin. Anat.* – 2002. – Vol. 15(2). – P.152–156.
8. Hořda, M.K. Alarming decline in recognition of anatomical structures amongst medical students and physicians / M.K. Hořda et al. // *Annals of Anatomy - Anatomischer Anzeiger*. – 2019. – Vol.221. – P.48-56.
9. Santini, A.G. A surgeon led clinically focused anatomy course increases student selection of general surgery as a career / A.G. Santini et al. // *Journal of Surgical Education*. – 2019. – Vol.76(3). – P. 694-699.
10. Triepels, C.P. Medical students' perspective on training in anatomy / C.P. Triepels et al. // *Annals of Anatomy - Anatomischer Anzeiger*. – 2018. – Vol.217. – P. 60-65.
11. Deng, X. Effectiveness evaluation of digital virtual simulation application in teaching of gross anatomy / X. Deng et al. // *Annals of Anatomy - Anatomischer Anzeiger*. – 2018. – Vol.218. – P. 276-282.
12. Bock, A. Improvement of anatomical knowledge and surgical skills in head and neck region – An interdisciplinary hands-on course for clinical students / A. Bock et al // *Annals of Anatomy - Anatomischer Anzeiger*. – 2019. – Vol.224. – P. 97-101.
13. Papa, V. Teaching anatomy in the XXI century: new aspects and pitfalls / V. Papa, M. Vaccarezza // *Scientific World Journal*. – 2013. – Vol. 2013. – P. 310-348.

DOI: <https://doi.org/10.23670/IRJ.2021.112.10.076>

ДИАГНОСТИКА ЗНАНИЙ СТУДЕНТОВ В ЦИФРОВОЙ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЙ СРЕДЕ ВУЗА ПРИ ИЗУЧЕНИИ МАТЕМАТИЧЕСКИХ ДИСЦИПЛИН

Научная статья

Макарченко М.Г.¹, Сидорякина В.В.^{2,*}, Забеглов А.В.³

² ORCID: 0000-0001-7744-015X;

^{1, 2, 3} Таганрогский институт имени А.П. Чехова (филиал) РГЭУ (РИНХ), Таганрог, Россия

* Корреспондирующий автор (cvv9[at]mail.ru)

Аннотация

Статья посвящена изучению проблем диагностики качества знаний студентов по математическим дисциплинам в цифровой образовательной среде высшего учебного заведения. Данная проблема непосредственно связана с современными технологиями компьютерного тестирования, которые позволяют проводить мониторинг усвоения знаний предметной области, их контроль и оценку. Организация диагностики качества знаний обучаемых предполагает разработку надежного инструментария и эффективных методов по оперативному управлению преподавателем данным процессом. На примере конкретной образовательной организации авторами предпринята попытка рассмотреть цифровые технологии, позволяющие проводить качественную диагностику знаний по математическим дисциплинам, а также повышать её результативность.

Ключевые слова: высшее образование, цифровая образовательная среда, цифровые технологии, диагностика знаний, компьютерное тестирование, математические дисциплины.

DIAGNOSTICS OF STUDENTS' KNOWLEDGE IN THE DIGITAL EDUCATIONAL ENVIRONMENT OF A UNIVERSITY IN THE STUDY OF MATHEMATICAL DISCIPLINES

Research article

Makarchenko M.G.¹, Sidoryakina V.V.^{2,*}, Zabeglov A.V.³

² ORCID: 0000-0001-7744-015X;

^{1, 2, 3} A. P. Chekhov Taganrog Institute, branch of the Rostov State University of Economics, Taganrog, Russia

* Corresponding author (cvv9[at]mail.ru)

Abstract

The article discusses the problems of diagnosing the quality of student knowledge in mathematical disciplines in the digital educational environment of a higher educational institution. This problem is directly related to modern computer testing technologies, which allow monitoring the assimilation of knowledge of the subject area, their control and evaluation. The organization of diagnostics of the quality of student knowledge involves the development of reliable tools and effective methods for the operational management of this process by the teacher. Using the example of a specific educational organization, the authors attempt to examine digital technologies that allow for high-quality diagnostics of knowledge in mathematical disciplines and increasing its effectiveness.

Keywords: higher education, digital educational environment, digital technologies, knowledge diagnostics, computer testing, mathematical disciplines.

Введение

Глобальные процессы цифровизации высшего образования и на их основе выработка новых концептуально – методологических подходов обучения представляется достаточно важной проблемой в теории и практике. Современная цифровая среда образовательных учреждений требует распространения и обновления качественного программного обеспечения, например, информационных систем, позволяющих получать доступ к различным образовательным ресурсам, электронным научным библиотекам, результатам современных научных исследований и др. [1], [2], [3]. Проникновение образовательных цифровых технологий в учебный процесс высших учебных заведений в сочетании с научно-педагогическим опытом профессорско-преподавательского состава создаёт возможности для эффективного расширения образовательных перспектив каждого студента [4], [5].

Составной частью цифровизации учебного процесса является внедрение системы компьютерной диагностики знаний обучающихся. Использование современных компьютерных технологий делает диагностику знаний эффективнее, подбор заданий разнообразнее, а процесс интереснее.

Компьютерная диагностика результатов обучения предполагает тщательную подготовку процесса, непосредственно организацию диагностики, подведение итогов и интерпретацию результатов. Важность каждого из этих действий является безусловной, однако, при рассмотрении проблемы внедрения компьютерной диагностики в учебный процесс, большинство исследований обращено к подготовке данного процесса, считая его наиболее трудоёмким. Здесь преподавателю необходимо выполнить планирование результатов обучения, а также создать инструментальную систему и базу данных.

Не претендуя на полноту перечисления, отметим авторов, чьи работы посвящены проблемам внедрения компьютерной диагностики в различные сферы образования: Е.И. Машбиц, В.А. Якунин, Н.Ф. Талызина, В.И. Нардюжев, А.В. Донкарев, Е.А. Суховиенко и др. Результаты исследований в данной области демонстрируют разнообразие существующих форм и методов компьютерной диагностики, среди которых особым образом выделяются тесты [6], [7], [8].

В настоящей работе авторами представлен опыт использования компьютерного тестирования знаний студентов при изучении математических дисциплин на примере конкретной образовательной организации.

Основные результаты

Для повышения качества учебного процесса педагогу требуется надежный инструмент для измерения и оценки знаний обучающихся. Важность своевременной диагностики и устранения пробелов в знаниях в процессе обучения обусловлена возможностями получения преподавателем необходимой информации о возникших затруднениях его подопечных и возможностью оперативно исправить обнаруженные проблемы. Внедрение цифровых технологий в учебный процесс повышает статус контролирующих мероприятий и их эффективность.

Для диагностики и управления учебно-познавательной деятельностью студентов в вузах широко применяется компьютерное тестирование. Высокая технологичность компьютерного теста даёт возможности автоматизировать процесс диагностики и оперативно обработать её результаты. В отличие от существующей традиционной методики тестового контроля, компьютерное тестирование позволяет использовать более «точные» методы контроля знаний обучающихся, снизить материальные расходы и временные затраты, а также демократизировать сам процесс [9].

На примере опыта организации учебного процесса в Таганрогском институте имени А.П. Чехова (филиал) ФГБОУ ВО «Ростовский государственный экономический университет (РИНХ)» рассмотрим системы компьютерного тестирования, используемые при изучении математических дисциплин. Коллективом кафедры математики в течение нескольких последних лет активно разрабатывалась система компьютерного тестирования с целью эффективной диагностики предметных знаний обучающихся педагогического направления подготовки при изучении дисциплин: Избранные вопросы математического анализа, Избранные вопросы алгебры и геометрии, Алгебра и теория чисел, Геометрия, Математическое моделирование, Применение построения математических моделей в естествознании и др. В настоящее время коллективом для этих целей используется преимущественно система электронного обучения и тестирования Moodle. Возможности модуля «Тест» в Moodle позволяют проводить диагностику качества знаний для студенческих групп и для отдельного студента с учётом его индивидуальных особенностей. В процессе тестирования контрольно-обучающей компьютерной системой формируется база данных по всем пользователям.

Контент тестовых заданий в рамках электронного курса, размещенного в банке вопросов данного модуля, педагог может модернизировать в течение учебного года, например, наполняя его содержание дополнительным набором тестовых вопросов. Здесь имеется гибкая система настройки, позволяющая каждому преподавателю сначала сформировать базу, содержащую тестовые вопросы по категориям, а уже потом эти тестовые вопросы включить в состав тестов. Выбор вопроса из данной категории может осуществляться случайным образом, что обеспечивает при каждой попытке разный набор вопросов [10, С. 106].

При составлении банка вопросов, не представляет затруднений размещение заданий на вычисление, ответом на которые может являться однозначный численный результат. Наиболее же распространёнными видами заданий, используемыми при разработке банка заданий, являются задания на числовой ответ, множественный выбор и соотнесение терминов и их смыслов.

Высокая результативность диагностики достигается при проведении процедуры первичного тестирования, позволяющего получить показатели начального уровня знаний обучающегося и с их учётом спроектировать маршрут изучения дисциплины. Использование преподавателем средств тестирования во время проведения практических занятий позволяет определить уровень понимания и усвоения студентами основ теоретического материала (знание определений понятий, формулировок теорем, математических формул, методов решения задач и др.), а также умение применить его при выполнении конкретных заданий. Итоговое тестирование позволяет педагогу объективно проверить и оценить качество знаний студентов в ходе изучения дисциплины или её модуля. В ряде случаев результаты компьютерного тестирования знаний обучающихся служат основанием для получения зачета или отметки на экзамене. Результаты тестирования определяются по шкале, которая согласуется с используемой в вузе балльно-рейтинговой системой. Результаты тестирования отображаются в форме таблиц и диаграмм, демонстрируя распределение полученных студентами баллов по диапазону оценок.

Несмотря на огромные преимущества использования компьютерных тестов при диагностике знаний студентов, по мнению авторов, требуется осмысление ряда следующих проблем:

1. Проблемы диагностики целостности, системности и структурированности математических знаний студентов. Эта проблема предполагает получение данных, которые говорили бы о том, что все аспекты, смыслы того или иного математического понятия студентом поняты (а не некоторые из них). К примеру, выбор определения из набора предложений еще не говорит о сформированной целостности соответствующего математического понятия, его надо уметь распознавать в задачных ситуациях, уметь опираться на его смыслы в ходе построения математических рассуждений и т.п. Современные средства диагностики должны «оцифровать» вводимую студентом информацию и адекватно на нее реагировать.

2. Проблемы диагностики реализации программных компетенций в процессе математической подготовки. Эти проблемы вызывают определенные предубеждения, вносящие сомнения в реестр однозначности сформированности той или иной компетенции средствами именно данной математической дисциплины. Определение уровня овладения компетенцией весьма затруднительно. Разработанные для этого тестовые задания, с одной стороны, должны быть полидисциплинарны, а с другой – они вряд ли смогут компенсировать другие проблемы, например, целостность и структурированность теоретического материала по конкретной математической дисциплине.

3. Проблемы своевременности обучающей отзывчивости средств диагностики качества знаний студентов в цифровой образовательной среде вуза в процессе изучения математических дисциплин. Современные средства диагностики в цифровом формате, как правило, достаточно быстро позволяют получить данные правильности или ошибочности выполненных тестовых заданий. Здесь речь идет не об этом. Речь идет о выявлении не столько результатов тестирования, сколько об указании тех учебных действий, которые не усвоены, а также о причинах такого положения дел. Пока в системе электронного обучения и тестирования Moodle преподаватель разберется в проблемах студента, пока письменно отреагирует, пока студент увидит замечания преподавателя и проанализирует их, пройдет время, длительность которого «обратно пропорциональна» качеству обучения. Своевременная взаимная

«отзывчивость» (именно содержательная отзывчивость) средств диагностики предоставляет нужную информацию субъектам обучения.

4. Проблемы диагностики обученности понимания смыслов теоретического материала. Каждый преподаватель знает, что глубину понимания невозможно установить без качественных вопросов. Формат тестов по математическим дисциплинам затрудняет включение качественных вопросов, определяющих уровень глубины понимания теоретического материала. Прямой опрос студента, личная беседа, наталкивают на качественный вопрос. Каждый студент должен знать свой уровень глубины осмысления теоретического материала, а не только «отличники».

Заключение

В настоящей статье обоснована актуальность использования компьютерного тестирования для проведения диагностики теоретических и практических знаний студентов при изучении математических дисциплин. Модуль «Тест» в системе электронного обучения и тестирования Moodle является довольно удобным средством контроля знаний студентов, позволяет автоматизировать этот процесс, редактировать и накапливать задания, легко и быстро интерпретировать результаты и т.д. Опираясь на опыт работы использования компьютерного тестирования, авторами выявлены некоторые проблемы, осмысление и учёт которых, позволит в будущем внести коррективы в процесс организации и проведения данного вида мероприятий.

Конфликт интересов

Не указан.

Conflict of Interest

None declared.

Список литературы / References

1. Фасоля А.А. Конвергенция современных информационно-коммуникационных технологий в образовании / А.А. Фасоля, С.А. Калищук // Мир образования – образование в мире. – 2017. – № 3 (67). – С. 196-200.
2. Андреев А.А. Дистанционное обучение: сущность, технология, организация / А.А. Андреев, В.И. Солдаткин. – М.: МЭСИ, 1999. – 196 с.
3. Шаршакова Л.Б. Педагогическая диагностика образовательного процесса: методич. Пособие / Л. Б. Шаршакова. – СПб : ГБОУ ДОД Дворец детского (юношеского) творчества «У Вознесенского моста», 2013. – 52 с.
4. Волков П.Б. Варианты диагностики ключевых компетенций студентов педагогических специальностей при оценке результатов обучения / П.Б. Волков, Р.С. Наговицын // Непрерывное образование: XXI век. – 2017. – № 4 (20). DOI: 10.15393/j5.art.2017.3725.
5. Артамонова М.В. Методические рекомендации по реализации требований к программно-дидактическим тестовым материалам в процессе внедрения системы тестирования учебных достижений студентов в вузе / М.В. Артамонова, А.А. Киричук, И.Б. Назарова, Т.Н. Тягунова. – М., 2006. – 83 с.
6. Черных А.И. Использование технологий компьютерного тестирования для контроля качества знаний студентов технологического университета / А.И. Черных, Т.Л. Шапошникова // Вестник Ставропольского государственного университета. – 2008. – №55. – С. 74-79.
7. Охотина Л.Н. Компьютерное тестирование знаний студентов по математике / Л.Н. Охотина // Педагогическая информатика. – 2007. – № 3. – С. 46-51.
8. Аманжолов С.А. Средства и методы контроля знаний студентов в цифровой образовательной среде вуза при изучении инженерно-графических дисциплин / С.А. Аманжолов // Общество: социология, психология, педагогика. – 2019. – № 1. DOI: 10.24158/sp.2019.1.10.
9. Будникова И.К. Компьютерное тестирование в системе Moodle / И.К. Будникова, Е.В. Приймак // Вестник технологического университета. – 2016. – Т.19. – №10. – С. 106-108.
10. Качалова Л. П. Контроль знаний / Л. П. Качалова – [Электронный ресурс] URL: <http://bongeo.teach.obr55.ru/p136aa1.html> (дата обращения: 02.11.2016).

Список литературы на английском языке / References in English

1. Fasolja A.A. Konvergencija sovremennyh informacionno-kommunikacionnyh tehnologij v obrazovanii [Convergence of modern information and communication technologies in education] / A.A. Fasolja, S.A. Kalishhuk // Mir obrazovanija – obrazovanie v mire [World of education-education in the world] – 2017. – № 3 (67). – Pp. 196-200. [in Russian]
2. Andreev A. A. Distancionnoe obuchenie: sushhnost', tekhnologija, organizacija [Distance learning: essence, technology, organization] / A. A. Andreev, V. I. Soldatkin. - M.: MESI, 1999 – 196 p. [in Russian]
3. Sharshakova L. B. Pedagogicheskaja diagnostka obrazovatel'nogo processa: metodich. Posobie [Pedagogical Diagnostics of the Educational Process: A Manual] / L. B. Sharshakova. - St. Petersburg: Dvorec detskogo (junosheskogo) tvorchestva «U Voznesenskogo mosta», 2013. – 52 p. [in Russian]
4. Volkov P.B. Variants of diagnostics of key competencies of students of pedagogical specialties in assessing learning outcomes / P.B. Volkov, R.S. Nagovitsyn // Continuing education: XXI century. – 2017. – № 4 (20). DOI: 10.15393 / j5.art.2017.3725. [in Russian]
5. Artamonova M.V. Methodological recommendations for the implementation of requirements for software and didactic test materials in the process of introducing a system for testing students' academic achievements at a university / M.V. Artamonova, A.A. Kirinyuk, I.B. Nazarova, T.N. Tyagunova. – M., 2006. – 83 p. [in Russian]
6. Chernykh A.I. The use of computer testing technologies to control the quality of knowledge of students of a technological university / A.I. Chernykh, T.L. Shaposhnikova // Bulletin of the Stavropol State University. - 2008. – № 55. - Pp. 74-79. [in Russian]

7. Okhotina L.N. Computer testing of students' knowledge in mathematics / L.N. Okhotina // Pedagogical informatics. – 2007. – №. 3. – Pp. 46-51. [in Russian]
8. Amanzholov S.A. Means and methods of control of students' knowledge in the digital educational environment of the university in the study of engineering and graphic disciplines / S.A. Amanzholov // Society: sociology, psychology, pedagogy. – 2019. – №. 1. DOI: 10.24158/spp.2019.1.10. [in Russian]
9. Budnikova I.K. Computer testing in the Moodle system / I.K. Budnikova, E.V. Priymak // Bulletin of the Technological University. – 2016. – Vol.19. – №. 10. - Pp. 106-108. [in Russian]
10. Kachalova L. P. Kontrol' znanij [Control of knowledge]. / L. P. Kachalova – [Electronic resource] URL: <http://bongeo.teach.obr55.ru/p136aa1.html> (accessed: 02.11.2016). [in Russian]

DOI: <https://doi.org/10.23670/IRJ.2021.112.10.077>**ЗАГАДКА КАК ДИДАКТИЧЕСКИЙ МАТЕРИАЛ ВВЕДЕНИЯ НОВОГО ТЕОРЕТИЧЕСКОГО ПОНЯТИЯ
В НАЧАЛЬНОЙ ШКОЛЕ**

Научная статья

Павлова Н.А.^{1,*}, Мустафина С.Ф.²¹ ORCID: 0000-0002-2935-801X;² ORCID: 0000-0002-0153-9492;^{1,2} Набережночелнинский государственный педагогический университет, Набережные Челны, Россия

* Корреспондирующий автор (VetaSnegina[at]yandex.ru)

Аннотация

В статье представлен методический опыт применения загадок в процессе изучения теоретического материала. Загадка может стать дидактическим материалом или инструментом для пропедевтики теоретических понятий разных предметных областей в начальных классах (ИЗО, математика, русский язык, литература, окружающий мир). Представленные образцы приемов помогут в организации урочной деятельности. Кроме того, загадка может стать ключевым инструментом в проведении внеурочных тематических занятий. Особый интерес вызывают алгоритмы построения урока, цель которого ввести новое теоретическое понятие и расширить представление о нем.

Статья носит обзорно-ознакомительный характер. Может быть полезна учителям-практикам начальной школы, начинающим исследователям в области методики преподавания в разных предметных областях.

Ключевые слова: загадка, методика применения, изучение теории, урочная деятельность, внеурочная деятельность.

**RIDDLES AS A DIDACTIC MATERIAL FOR THE INTRODUCTION OF A NEW THEORETICAL CONCEPT
IN ELEMENTARY SCHOOL**

Research article

Pavlova N.A.^{1,*}, Mustafina S.F.²¹ ORCID: 0000-0002-2935-801X;² ORCID: 0000-0002-0153-9492;^{1,2} Naberezhnye Chelny State Pedagogical University, Naberezhnye Chelny, Russia

* Corresponding author (VetaSnegina[at]yandex.ru)

Abstract

The article presents the methodological experience of using riddles in the process of studying theoretical material. The riddle can become a didactic material or a tool for propaedeutics of theoretical concepts of different subject areas in primary school (art, mathematics, Russian language, literature, the surrounding world). The presented samples of techniques will help in the organization of scheduled activities. In addition, the riddle can become a key tool in conducting extracurricular thematic classes. Of particular interest are the algorithms for constructing a lesson, the purpose of which is to introduce a new theoretical concept and expand the understanding of it.

The article is of a review and introductory nature. It can be useful for teachers-practitioners of primary school, novice researchers in the field of teaching methods in different subject areas.

Keywords: riddle, method of application, study of theory, scheduled activities, extracurricular activities.

Методисты давно обратили внимание на загадку как на дидактический материал, на основе которого происходит обучение младших школьников. Загадки «представляют собой своеобразный способ отражения национальной картины мира, раскрывая перед нами логику, мышление, мировосприятие и мироощущение того или иного этноса. Присущие загадкам иносказательность, богатство образных ассоциаций, смысловая ёмкость, структурно-семантическая завершенность и, несомненно, близость к народной речи позволяют рассматривать данные микротексты в качестве репрезентантов общей языковой системы, освоенной в практике лингвокультурной коммуникации» [10, С. 319].

Известно, что ученику начальной школы свойственно наглядно-предметное мышление. Так, дошкольник уже владеет умением определять свойства предметов, «однако внутренние свойства вещей остаются скрытыми. Выяснением внутренних отношений между предметами занимается наука, поэтому при поступлении в школу и правильной организации обучения у младшего школьника начинает формироваться тот тип мыслительной деятельности, который называется теоретической. Основной ее формой является научное понятие. Заметим, что научное понятие приобретает младшим школьником готовым и должно быть им осознано и понято в короткий срок» [8, С. 10].

Нашей задачей стало выявление особенностей изучения теоретических понятий в разных предметных областях (ИЗО, математика, русский язык, литература, окружающий мир) посредством применения народных и авторских загадок.

Методологической базой исследования стали труды Брайтовской С.И. [1], Гальперина П.Я. [2], Граховой С.И. [3], [4], Залесовой Н.В. [5], Илларионовой Ю.Г. [6], Менчинской Н.А. [7], Сомковой О.Н. [9], Усовой А.В. [11], Черемушкиной О.Ф. [12] и др.

Природа ребёнка – это любознательность, стремление познавать, открывать новое, поэтому на начальной ступени обучения необходимо поддерживать его стремление к познанию, к активной, творческой деятельности. Задачами педагога становятся:

- расширить и систематизировать теоретические понятия разных предметных областей;
- дать начальное представление о теоретических понятиях, применив тексты загадок;
- научить применять теоретические понятия в практике учебной деятельности;
- углубить мотивацию и активизировать деятельность учащихся в процессе обучения.

Загадка как дидактический материал введения научного понятия может применяться как инструмент для обнаружения слов, носителей признаков понятия; для обнаружения слов, из начальных букв которых можно «открыть» понятие, которое необходимо изучить; для выделения понятий, составляющих определение (правило), воспроизведение их существенных признаков и пр.

Для формирования теоретических понятий у обучающихся младших классов проводились уроки введения нового теоретического понятия по следующим алгоритмам:

- а) подготовка к уроку;
- б) проведение урока;
- в) обобщение результатов.

Урок введения нового теоретического понятия (рабочий алгоритм):

1. Оргмомент.
2. Актуализация знаний.
3. Подготовка к введению нового понятия.
4. Наблюдение над фактами языка.
5. Обобщение признаков вводимого понятия.
6. Применение понятия.
7. Рефлексия.
8. Задание на дом.

В организации деятельности на уроке рекомендуем применять следующие приемы, направленные на формирование и развитие теоретических понятий:

1. Обучающимся предлагалось заполнить кроссворд. Матрица кроссворда представлялась на доске или экране, и ученики по очереди записывали ответы на загадки. Ключевым словом кроссворда являлся изучаемый термин. Описываемый прием довольно часто используется на уроках начальных классов. Содержание кроссворда можно менять в зависимости от предметной области и изучаемой темы.

2. Обучающимся предлагалось стать поэтами. Производился разбор обязанностей поэта. Затем обучающимся предлагалось разделить на две группы и вспомнить загадки. Второй частью задания являлось объяснение терминов.

3. Обучающимся предлагалось самостоятельно заполнить пропуски в предложениях, например, «Загадка – это...»; «Загадка состоит из (?) частей» и т.д. Ответы обсуждались после выполнения работы.

4. «Составление паспорта». Данный прием относится к ТРИЗ-технологии. Берется термин и производится его разбор его признаков. Признаки зашифрованы в загадке.

5. «Используем все чувства». Предлагалось прочувствовать термин с позиции зрения, слуха, осязания, обоняния и вкуса.

Изначально обучающиеся испытывали затруднение при выполнении данного задания. На уроке литературного чтения на примере понятия «загадка» был произведен разбор:

- загадка – малый литературный жанр;
- слух – звуки скрипа снега под ногами;
- осязание – ощущение тайного;
- обоняние – запах мороза;
- вкус – березовый сок, родниковая вода и пр.

Домашним заданием являлся разбор понятия «народной загадки» с использованием всех чувств и привлечение к работе родителей. Итогом являлась таблица с графами: мнение обучающегося, мамы, папы и брата/сестры.

6. Следующий прием – тезисное оформление урока. Наиболее затруднительный прием. Это связано с тем, что у обучающихся еще недостаточно сформировано критическое мышление и они испытывали затруднение в кратком предоставлении учебного материала. В этом случае необходима постоянная помощь в виде наводящих загадок-вопросов.

Интересным видится предложенный алгоритм работы [3], [4] по изучению жанра загадки, который может быть адаптирован и к урокам начальной школы.

Работу над чтением, осмыслением и анализом текста загадки предлагается выстраивать последовательно, по мере углубления знаний обучающихся о данном жанре народного поэтического творчества.

Алгоритм анализа загадки (С.И. Грахова) [4]:

- 1) Прочитать загадку.
- 2) Разгадать.
- 3) Определить, к какой тематической группе принадлежит загадка.
- 4) Определить, какова загадка по структуре: простая или сложная.
- 5) Определить тип загадки: загадка-описание, загадка-иносказание, загадка-вопрос, загадка-задача.
- 6) Определить форму композиции загадки: монологическая, диалогическая, описательная.
- 7) Определить принцип построения загадки: принцип замещения, принцип выключения, принцип противопоставления, принцип вопроса.
- 8) Художественные особенности изучаемой загадки.

По мнению автора «данный алгоритм можно применять в организации обучающей игры. Например, школьникам предлагается перевоплотиться в фольклористов-исследователей, которым предстоит изучить жанр загадки и составить

небольшие описательные статьи для «Словаря загадок». Так, игра может превратиться в учебно-исследовательский проект» [3, С. 142].

В качестве внеклассной работы в методическую копилку рекомендуем следующие мероприятия:

1. Конкурс и выставка рисунков, связанных с изучением определенной темы. Рисунок должен содержать иллюстрацию к загадке на расшифровку какого-либо термина, понятия или явления. В данном конкурсе могут принимать участие и родители обучающихся, на них возлагается помощь в оформлении и проведении выставки и презентаций детских работ.

2. Экскурсия в библиотеку. Обучающиеся выполняли роль читателей. У каждого обучающегося был блокнот с ручкой и задание: найти книги с народными загадками. Выписать наиболее понравившиеся по теме, например, «Краски» (ИЗО), «Времена года» (литературное чтение, окружающий мир, ИЗО), «Цифры» (математика) и пр.

В работе представлен далеко не весь перечень методических приемов применения загадок при освоении теоретических понятий. Введение и обучение применению теоретических понятий – это целостный, системный процесс формирования критического мышления, проходящий поэтапно, когда на каждом этапе происходит усложнение задач, содержания, методов и приемов развития. Эффективность структурно-функциональной модели формирования теоретических понятий у младших школьников, представляющей собой систему взаимосвязанных блоков (цель, задачи, принципы, методы, критерии, комплекс психолого-педагогических условий, этапы, результат) не вызывает сомнения и может быть рекомендована к применению в практической деятельности.

Конфликт интересов

Не указан.

Conflict of Interest

None declared.

Список литературы / References

1. Брайтовская С.И. Простейшие исследовательские задания / С.И. Брайтовская // Начальная школа. – 1996. – №9. – С.72.
2. Гальперин П.Я. Методы обучения и умственное развитие ребенка / П.Я. Гальперин. – М.: Словис, 1985. – 364.
3. Грахова С.И. Загадка: жанровые особенности и алгоритм изучения в школе / С.И. Грахова, А.Д. Мухутдинова // Диалог культур в контексте образовательной деятельности: Всероссийская научно-практическая конференция. (20 октября 2020 г.) / отв. редакторы Н.М. Асратян, Э.Р. Ганиев, А.Г. Мухаметшин. – Набережные Челны: Издательство ФГБОУ ВО «НГПУ», 2020. – С. 139-142.
4. Грахова С.И. Фольклор в школе / С.И. Грахова. – Набережные Челны: Изд-во ФГБОУ ВО «НГПУ», 2017. – 110 с.
5. Залесова Н.В. Формирование научных понятий / Н.В. Залесова // Известия Уральского государственного университета. – 2009. – № 4(68). – С. 126-134.
6. Илларионова Ю.Г. Учите детей отгадывать загадки / Ю.Г. Илларионова. – М.: Просвещение, 1985. – 164с.
7. Менчинская Н.А. Проблемы учения и умственного развития школьника / Н.А. Менчинская. – М.: Профит, 1989. – 269с.
8. Микерова Г.Ж. Субъективные проблемы формирования языковых понятий у младших школьников / Г.Ж. Микерова, И.С. Мирошникова // Научный взгляд в будущее. – № 11. – 2018. – С. 9-14.
9. Сомкова О.Н. Возможности использования загадки для развития образного мышления и речи детей // Оптимизация учебно-воспитательного процесса в детском саду / О.Н. Сомкова // Сб. научн. тр. Ленинград, пед. инст-т им. А.И. Герцена. – СПб.: Новис, 1985. – 175 с.
10. Титова Н.Г. Доминантная функция загадки в русском и английском «сказочном» дискурсе / Н.Г. Титова // Вопросы современной науки и практики. – № 1 (37). – 2012. – С. 319-324.
11. Усова А.В. Формирование у школьников научных понятий в процессе обучения / А.В. Усова. – М.: Педагогика, 1986. – 174 с.
12. Черемушкина О.Ф. Формирование у обучающихся научных понятий в процессе обучения / О.Ф. Черемушкина // Вестник. – 2012. – №11. – С.127-129.

Список литературы на английском языке / References in English

1. Braytovskaya S.I. Prosteyshie issledovatel'skie zadaniya [The simplest research tasks] / S. I. Braytovskaya // Nachalnaya shkola [Elementary school]. - 1996. - No. 9. - p.72 [in Russian]
2. Galperin P.Ya. Metody obuchenija i umstvennoe razvitie rebenka [Methods of teaching and mental development of the child] / P. Ya. Galperin. - M.: Slovis, 1985– 364 [in Russian]
3. Grakhova S.I. Zagadka: zhanrovye osobennosti i algoritm izuchenija v shkole [Riddle: genre features and algorithm of studying at school] // Dialog kul'tur v kontekste obrazovatel'noj dejatel'nosti: Vserossijskaja nauchno-prakticheskaja konferencija. (20 oktjabrja 2020 g.) [Dialogue of cultures in the context of educational activity: All-Russian Scientific and practical Conference. (October 20, 2020)] / S. I. Grakhova, A. D. Mukhutdinova // edited by N.M. Asratyan, E.R. Ganiev, A.G. Mukhametshin. - Naberezhnye Chelny: Publishing House FGBOU VO "NGPU", 2020. - pp. 139-142 [in Russian]
4. Grakhova S.I. Fol'klor v shkole [Folklore at school] / S. I. Grakhova. - Naberezhnye Chelny: Publishing house of FGBOU VO "NGPU", 2017. - 110 p. [in Russian]
5. Zalesova N.V. Formirovanie nauchnykh ponyatii [Formation of scientific concepts] / N. V. Zalesova // Izvestija Ural'skogo gosudarstvennogo universiteta [Bulletin of the Ural State University]. – 2009. – № 4(68). – pp. 126-134 [in Russian]
6. Illarionova Yu.G. Uchite detej otgadyvat' zagadki [Teach children to guess riddles] / Yu. G. Illarionova. - M.: Prosveshchenie, 1985– 164 p. [in Russian]
7. Menchinskaya N.A. Problemy uchenija i umstvennogo razvitiya shkol'nika [Problems of teaching and mental development of a student] / N. A. Menchinskaya. - M.: Profit, 1989– - 269 p. [in Russian]

8. Mikerova G.ZH. Sub"ektivnye problemy formirovanija jazykovykh ponjatij u mladshikh shkol'nikov [Subjective problems of the formation of linguistic concepts in younger schoolchildren] / G. Zh. Mikerova, I.S. Miroshnikova // Nauchnyj vzgljad v budushhee [Scientific outlook into the future]. - No. 11. - 2018. - pp. 9-14 [in Russian]
9. Somkova O.N. Vozmozhnosti ispol'zovanija zagadki dlja razvitija obraznogo myshlenija i rechi detej [Possibilities of using riddles for the development of imaginative thinking and speech of children] / O. N. Somkova // Optimizacija uchebno-vospitatel'nogo processa v detskom sadu/ Sb. nauchn. tr. Leningrad, ped. inst-t im. A.I. Gercena. [Optimization of the educational process in kindergarten/ Collection of studies of the Herzen University]. - St. Petersburg: Novis, 1985. - 175 p. [in Russian]
10. Titova N.G. Dominantnaja funkcija zagadki v russkom i anglijskom «skazochnom» diskurse [The dominant function of the riddle in the Russian and English "fairy-tale" discourse] / N. G. Titova // Voprosy sovremennoj nauki i praktiki [Issues of modern science and practice]. – № 1 (37). – 2012. – pp. 319-324 [in Russian]
11. Usova A.V. Formirovanie u shkol'nikov nauchnykh ponjatij v processe obuchenija [Formation of scientific concepts among schoolchildren in the learning process] / A. V. Usova. - M.: Pedagogika, 1986. - 174 p. [in Russian]
12. Cheremushkina O.F. Formirovanie u obuchajushhikhsja nauchnykh ponjatij v processe obuchenija [Formation of students' scientific concepts in the learning process] / O. F. Cheremushkina // Vestnik. - 2012. - No. 11. - pp.127-129 [in Russian]

DOI: <https://doi.org/10.23670/IRJ.2021.112.10.078>

ПРОФЕССИОНАЛЬНОЕ РАЗВИТИЕ ПЕДАГОГОВ НЕГОСУДАРСТВЕННОГО ОБРАЗОВАТЕЛЬНОГО УЧРЕЖДЕНИЯ

Научная статья

Рагожина О.А.*

Павловская гимназия, Москва, Россия

* Корреспондирующий автор (cirr1[at]mail.ru)

Аннотация

В статье рассматриваются подходы к профессиональному развитию педагогов в условиях негосударственного образовательного учреждения. Цель исследования заключалась в разработке модели профессионального развития, основанной на интеграции формального, неформального и информального образования. В ходе исследования решались задачи систематизации основных факторов, обуславливающих необходимость непрерывного профессионального развития педагогов; выявления ключевых характеристик моделей национальных систем профессионального развития учителей в странах, показывающих высокие результаты обучения учащихся, на основе данных международных исследований; разработки модели профессионального развития педагогов негосударственного образовательного учреждения, направленной на стимулирование педагогов к профессиональному общению, передаче и обогащению своего педагогического опыта. Материалы исследования могут быть использованы при проектировании системы профессионального развития педагогов учреждений образования различных типов и форм собственности.

Ключевые слова: профессиональное развитие педагогов, негосударственное образовательное учреждение.

PROFESSIONAL DEVELOPMENT OF TEACHERS IN A PRIVATE EDUCATIONAL INSTITUTION

Research article

Ragozhina O.A.*

Pavlovskaya Gymnasium (Pavlovskaya gimnaziya), Moscow, Russia

* Corresponding author (cirr1[at]mail.ru)

Abstract

The article examines approaches to the professional development of teachers in a private educational institution. The purpose of the study was to develop a model of professional development based on the integration of formal, non-formal and informal education. The study tackles the problems of systematization of the main factors that cause the need for continuous professional development of teachers; identifying the key characteristics of models of the national system of professional development of teachers in the countries showing high student performance based on data from international studies; the development of a model of professional development of teachers of private educational institutions to encourage teachers to professional communication, transfer and processing of individual teaching experience. The research materials can be used in designing the system of professional development of teachers of educational institutions of various types and forms of ownership.

Keywords: professional development of teachers, private educational institution.

Эффективность инноваций в образовании, как и в обществе в целом, определяется профессиональным развитием педагогов. Этим объясняется смещением фокуса современной образовательной политики многих стран мира в том числе и России, на поиск подходов и моделей профессионального развития педагогов [1].

Несмотря на широкий спектр трактовок термина «профессиональное развитие» большая часть исследователей акцентируют внимание в его понимании на «качественном активном преобразовании своего внутреннего мира» (Л.М. Митина [2]), «процессе формирования личности, который ориентирован на высокие профессиональные достижения, овладение профессионализмом и осуществляется в профессиональной деятельности» (Б.Г. Ананьев, Е.М. Иванова, А.Н. Леонтьев, С.Л. Рубинштейн [цит. по 3]), «процессе активного преобразования личностью своего внутреннего мира посредством формирования и развития профессионально значимых в педагогической деятельности знаний, умений и навыков; способностей и качеств личности» (Б.Г. Ананьев, К.А. Абульханова-Славская, В.А. Петровский, В.И. Слободчиков [цит. по 4]). В каждой из этих трактовок подчеркивается ведущая роль самого педагога.

Перечислим основные факторы, обуславливающие необходимость непрерывного профессионального развития педагогов.

1. Исследования в области образования, расширяющие понимание эффективных практик. В последние годы в России проводится большое число международных исследований, связанных с оценкой качества образования. Так, одним из ключевых направлений сегодня является формирование функциональной грамотности обучающихся, что инициирует пересмотр подходов к содержанию обучения в рамках предметных и метапредметных областей, а также технологиях его освоения.

2. Изменяющийся ландшафт проблем и потребностей, которые должны учитываться в процессе работы с обучающимися, их семьями и социумом. Многокультурный состав учащихся, с которыми приходится работать педагогам, инклюзия, необходимость осваивать и эффективно применять на практике информационные и коммуникационные технологии – только часть проблем, требующих своего разрешения в практической деятельности современного учителя.

3. Изменения образовательной политики. Вызовы современной эпохи, трансформации на рынке труда, развитие технологий вызывают необходимость гибкого реагирования системы образования, обеспечения ее соответствия требованиям государства, общества и личности.

4. Растущие профессиональные обязанности педагогов, связанные с усложнением современного мира и увеличением роли образования в развитии общества.

Анализ моделей национальных систем профессионального развития учителей в странах, показывающих высокие результаты обучения школьников на основе данных международных исследований, позволил выявить следующие характеристики [5], [6], [7]:

- строгий отбор на педагогические специальности;
- увеличение удельного веса педагогической практики в процессе подготовки в вузе;
- вовлечение студентов и педагогов в исследовательскую и проектную деятельности;
- практикоориентированность образовательных программ профессионального развития;
- сочетание формального, неформального и информального образования с использованием ресурсов различных образовательных организаций и педагогических сообществ;
- формирование среды профессионального и мультипрофессионального общения;
- обеспечение условий непрерывного профессионального развития учителей;
- повышение значимости программ «входа в профессию» как одного из ключевых элементов системы непрерывного профессионального развития;
- использование технологии наставничества для повышения уровня компетентности молодых педагогов.

Особенностями современных негосударственных образовательных учреждений являются: реализация индивидуального подхода к учащимся, наличие различных моделей обучения, ориентированных на развитие субъектности обучающихся. Их деятельность характеризуется синергетическим подходом и оптимальностью управления, наличием концепции и стратегии развития, ориентации на социальные запросы [8].

Очевидно, что негосударственные образовательные учреждения предъявляют повышенные требования к педагогам, которые должны обладать способностью и готовностью к непрерывному профессиональному росту и самореализации. Профессиональный рост происходит в процессе развития и определяется как повышение работником своих индивидуальных возможностей в профессиональной деятельности, обеспечивается посредством формального, неформального и информального образования [9].

На рисунке 1 представлена модель профессионального развития педагогов негосударственного образовательного учреждения, основанная на интеграции формального, неформального и информального образования.

Рис. 1 – Модель профессионального развития педагогов негосударственного образовательного учреждения

Профессиональное развитие педагогов негосударственной образовательной организации, которое выступает ключевым фактором повышения качества образования и конкурентоспособности, может быть обеспечено созданием на его базе самообучающейся организации, деятельность которой направлена на обучение и самообучение сотрудников, вовлечения их в инновационную педагогическую деятельность.

Основными характеристиками самообучающейся организации являются:

- управление процессами обучения, который включает его подготовку, переподготовку и повышение квалификации, и самообучения своих персонала для развития их компетенций и расширения возможностей овладения современными и перспективными технологиями.
- вложение ресурсов в процесс обучения и самообучения сотрудников, в совершенствование ее деятельности, содержательной и технологической вооруженности.
- поддержание конкурентоспособности компании за счет обеспечения высокого уровня профессионализма сотрудников как человеческого капитала и главного ресурса.

Самообучающаяся организация обеспечивает органичное сочетание формального, неформального и информального образования. Разновидностью неформального образования является участие педагогов в деятельности профессиональных педагогических сообществ [10]. Их отличием является наличие общих задач и опыта в повседневной профессиональной деятельности. Цель создания и функционирования сообщества состоит в совершенствовании профессиональных компетенций и личностного развития педагогов посредством общения с коллегами, в процессе которого вырабатываются совместные решения актуальные как для педагогов данного сообщества, так и для системы образования в целом. Участие педагога в деятельности профессионального сообщества осуществляется на личном интересе и носит добровольный характер. На базе негосударственного образовательного учреждения могут быть создана сеть профессиональных педагогических сообществ с учетом интересов и дефицитов

самых педагогов, потребностей учреждения, трендов развития образования. Такая сеть, основанная на корпоративном подходе, позволяет активно вовлекать педагогов в инновационную деятельность, открывает возможности и мотивирует для самообразовательной деятельности, что в итоге способствует развитию, как самого учреждения, так и его педагогов.

Профессиональные педагогические сообщества могут стать ресурсом для самообразования и саморазвития педагогов на основе формата сотрудничества, творческого общения без формализма и бюрократических препон. Включаясь в деятельность профессиональных педагогических сообществ, педагог может передать свой уникальный педагогический опыт и получить признание коллег, что выступает важным стимулом для профессионального и личностного развития.

Профессиональное развитие педагога будет более продуктивным, если оно осуществляется во взаимосвязи с саморазвитием как мобилизацией внутренних резервов личности педагога. Саморазвитие проявляется в активности человека по изменению себя, обогащении внутреннего мира, в духовных потребностях, занятиях творчеством, раскрытию своего личностного потенциала – всей той деятельности, которая способствует становлению индивидуальности. Источником профессионального роста педагога может выступать практика, но только в случае, если она подвергается постоянной рефлексии.

Конфликт интересов

Не указан.

Conflict of Interest

None declared.

Список литературы / References

1. Зеер Э.Ф. Концепция профессионального развития человека в системе непрерывного образования / Э. Ф. Зеер // Педагогическое образование в России. – 2012. – № 5. – С. 122 – 127.
2. Митина Л.М. Психология личностно-профессионального развития субъектов образования / Л.М. Митина. – М.; СПб. : Издательство «Нестор-История», 2014. – 376 с.
3. Иванова О.А. Профессиональное развитие педагогов в условиях образовательной организации / О.А. Иванова, Н.В. Антонов // Вестник Нижневартковского государственного университета. – 2019. – № 1. – С. 51–57.
4. Сериков В.В. Личностный подход в образовании: Концепция и технология / В.В. Сериков // Вестник Тюменского государственного университета. Гуманитарные исследования. Humanitates. – 2016. – Т. 2. – № 1. – С. 201–215.
5. Матвеева Е.Ф. Менеджералистский подход в системе оценки эффективности педагогической деятельности: опыт Гонконга и Сингапура / Е.Ф. Матвеева // Наука и Школа. – 2019. – № 2. – С. 222–229.
6. Матвеева Е.Ф. Современные мировые тенденции в системе подготовки и повышения квалификации учителей в Гонконге / Е.Ф. Матвеева // Профессиональное образование в России и за рубежом. – 2017. – № 2 (26). – С. 175–180.
7. Модели и практики профессионального развития учителей в зарубежных системах образования / Л.Ю. Грачева, Э.Р. Баграмян, М.Н. Цыганкова и др. // Образование и наука. – 2020. – Том 22. – № 6. – С. 176–200
8. Частные школы России: состояние, тенденции и перспективы развития. Аналитический доклад / Л. Н. Духанина, Т. А. Мерцалова, А. А. Беликов [и др.]. – М.: НИУ ВШЭ, 2019. – 80 с.
9. Рагожина О.А. Профессиональное развитие педагогов в условиях негосударственного образовательного учреждения / О.А. Рагожина // Вестник Майкопского государственного технологического университета. – 2019. – 3/42. – С. 122–131.
10. Сергеева Т.Ф. Профессиональные педагогические сообщества как инновационный ресурс системы образования / Т.Ф. Сергеева, А.И. Рытов // Мир науки, культуры, образования. – 2012. – № 5. – С. 128–130.

Список литературы на английском языке / References in English

1. Zeer E.F. Konceptija professional'nogo razvitija cheloveka v sisteme nepreryvnogo obrazovaniya [The concept of human professional development in the system of continuous education] / E.F. Zeer // Pedagogicheskoe obrazovanie v Rossii [Pedagogical education in Russia]. – 2012. – № 5. – P. 122 – 127. [in Russian]
2. Mitina L.M. Psihologija lichnostno-professional'nogo razvitija sub'ektov obrazovaniya [Psychology of personal and professional development of subjects of education] / L.M. Mitina. – M. ; SPb. : Publishing house «Nestor-History», 2014. – 376 p. [in Russian]
3. Ivanova O.A. Professional'noe razvitie pedagogov v uslovijah obrazovatel'noj organizacii [Professional development of teachers in the conditions of an educational organization] / O.A. Ivanova, N.V. Antonov // Vestnik Nizhnevartovskogo gosudarstvennogo universiteta [Bulletin of Nizhnevartovsk State University]. – 2019. – № 1. – P. 51–57. [in Russian]
4. Serikov V.V. Lichnostnyj podhod v obrazovanii: Konceptija i tehnologija [Personal approach in education: Concept and technology] / V.V. Serikov // Vestnik Tjumenskogo gosudarstvennogo universiteta. Gumanitarnye issledovanija. Humanitates [Bulletin of the Tyumen State University. Humanities research. Humanitates]. – 2016. – Vol. 2. – № 1. – P. 201–215. [in Russian]
5. Matveeva E.F. Menedzheralistskij podhod v sisteme ocenki jeffektivnosti pedagogicheskoy dejatel'nosti: opyt Gonkonga i Singapura [Management approach in the system of assessing the effectiveness of pedagogical activity: the experience of Hong Kong and Singapore] / E.F. Matveeva // Nauka i Shkola [Science and School]. – 2019. – № 2. – P. 222–229. [in Russian]
6. Matveeva E.F. Sovremennye mirovyje tendencii v sisteme podgotovki i povyshenija kvalifikacii uchitelej v Gonkonge [Modern global trends in the system of training and professional development of teachers in Hong Kong] / E.F. Matveeva // Professional'noe obrazovanie v Rossii i za rubezhom [Professional education in Russia and abroad]. – 2017. – № 2 (26). – P. 175–180. [in Russian]
7. Modeli i praktiki professional'nogo razvitija uchitelej v zarubezhnyh sistemah obrazovaniya [Models and practices of professional development of teachers in foreign education systems] / L.Yu. Gracheva, E.R. Baghrmjan, M.N. Tsygankova, et al. // Obrazovanie i nauka [Education and Science]. – 2020. – Vol. 22. – № 6. – P. 176–200 [in Russian]

8. Chastnye shkoly Rossii: sostojanie, tendencii i perspektivy razvitija. Analiticheskij doklad [Private schools in Russia: state, trends and development prospects. Analytical report] / L. N. Dukhanina, T. A. Mertsalova, A. A. Belikov [et al.]. – М.: NRU HSE, 2019. – 80 p. [in Russian]

9. Ragozhina O.A. Professional'noe razvitie pedagogov v uslovijah negosudarstvennogo obrazovatel'nogo uchrezhdenija [Professional development of teachers in a non-state educational institution] / O.A. Ragozhina // Vestnik Majkopskogo gosudarstvennogo tehnologicheskogo universiteta [Bulletin of the Maikop State Technological University]. – 2019. – 3/42. – P. 122–131. [in Russian]

10. Sergeeva T.F. Professional'nye pedagogicheskie soobshhestva kak innovacionnyj resurs sistemy obrazovanija [Professional pedagogical communities as an innovative resource of the education system] / T.F. Sergeeva, A.I. Rytov // Mir nauki, kul'tury, obrazovanija [World of science, culture, education]. – 2012. – № 5. – P. 128–130. [in Russian]

DOI: <https://doi.org/10.23670/IRJ.2021.112.10.079>

РОЛЬ НОВЫХ ТЕХНОЛОГИЙ ИЗУЧЕНИЯ ПЕДАГОГИЧЕСКИХ ДИСЦИПЛИН В ПРЕОДОЛЕНИИ ПОЗНАВАТЕЛЬНЫХ ЗАТРУДНЕНИЙ СТУДЕНТОВ

Научная статья

Сергеева А.А.*

ORCID: 0000-0003-3331-2548,

Тульский государственный педагогический университет им. Л.Н. Толстого, Тула, Россия

* Корреспондирующий автор (zayac8607[at]mail.ru)

Аннотация

В статье проанализирована значимость преодоления студентами познавательных затруднений различных групп (ценностно-мотивационных, организационно-педагогических, собственно познавательных, рефлексивных) в процессе изучения педагогических дисциплин в вузе. Раскрыта роль новых технологий обучения студентов (технология «перевернутого класса», технология проектного обучения, технология корпоративного обучения) как средства преодоления ими познавательных всех видов познавательных затруднений. Приведены конкретные примеры использования новых технологий в процессе изучения отдельных тем педагогических дисциплин «Педагогика» и «Технология и организация воспитательных практик», указан их потенциал в преодолении того или иного затруднения.

Ключевые слова: познавательное затруднение, студент педагогического вуза, технология обучения, процесс изучения педагогических дисциплин.

ON THE ROLE OF NEW TECHNOLOGIES FOR STUDYING PEDAGOGICAL DISCIPLINES IN OVERCOMING COGNITIVE DIFFICULTIES OF STUDENTS

Research article

Sergeeva A.A.

ORCID: 0000-0003-3331-2548,

Tula State Pedagogical University, Tula, Russia

* Corresponding author (zayac8607[at]mail.ru)

Abstract

The article analyzes the importance of students overcoming cognitive difficulties of various groups (value-motivational, organizational-pedagogical, cognitive, reflexive) in the process of studying pedagogical disciplines at a university. The author also determines the role of new student learning technologies ("flipped classroom" technology, project-based learning technology, corporate learning technology) as a means of overcoming cognitive difficulties of all kinds. The study provides specific examples of using new technologies in the process of studying certain topics of pedagogical disciplines "Pedagogy" and "Technology and organization of educational practices" while also highlighting their potential in overcoming various obstacles.

Keywords: cognitive difficulty, a student of a pedagogical university, learning technology, the process of studying pedagogical disciplines.

Введение

В условиях динамичного развития системы образования к студенту предъявляются новые требования. Учебный процесс в вузе постоянно требует от него активного и эффективного включения во все виды деятельности, участие в разного рода мероприятиях, которые позволяют продемонстрировать сформированность профессиональных компетенций. Для этого студенту необходимо быстро преодолевать все познавательные затруднения, возникающие в процессе обучения.

Вслед за исследователями в области педагогики высшей школы мы рассматриваем познавательное затруднение в учебной деятельности студента как барьер в понимании и освоении содержания учебной дисциплины по различным причинам, его воспроизведении и дальнейшем продуктивном использовании [1], [2], [3].

Проведенный нами в 2019-2020, 2020-2021 учебных годах мониторинг показал, что многие студенты начальных курсов педагогического вуза испытывают комплекс познавательных затруднений, препятствующих эффективному обучению:

1) ценностно-мотивационные затруднения, которые связаны с недостаточной сформированностью мотивов обучения в педагогическом вузе и ценностных ориентаций на профессионально-педагогическую деятельность;

2) организационно-педагогические затруднения, возникающие у студентов вследствие недостаточно сформированных представлений о логике, структуре, технологиях, методах и приемах организации образовательной деятельности в университете;

3) собственно познавательные затруднения, возникающие из-за недостаточной сформированности у студентов еще в период обучения в школе познавательных универсальных учебных действий (конспектирования, тезирования, выделения главного, структурирования текста и т.д.);

4) рефлексивные затруднения, возникающие вследствие несформированности умений самоанализа и самооценки студентами собственной образовательной деятельности.

Итоги проведенного мониторинга подтвердили результаты проанализированных нами психолого-педагогических исследований. Показано, что студенты в процессе образовательной деятельности в вузе сталкиваются с познавательными затруднениями различного характера, которые препятствуют их эффективному обучению.

Важно отметить, что работа по устранению данных затруднений должна носить комплексный и системный характер и охватывать все дисциплины, изучаемые студентами, в том числе и педагогические [4], [5].

Принципиальное значение в таком случае играют новые технологии обучения, которые необходимо использовать в образовательном процессе, в том числе и с целью оказания помощи студентам в преодолении ими познавательных затруднений различных типологических групп.

Анализ психолого-педагогической литературы позволяет нам определить новые технологии обучения студентов как наиболее рациональные пути организации образовательного процесса в вузе, при которых цель обучения достигается максимально быстро и эффективно [6], [7], [8], [9]. Важно отметить, что использование новых технологий обучения студентов направлено не только на освоение ими универсальных, общепрофессиональных и профессиональных компетенций, но и становление и совершенствование личностных качеств, необходимых в будущей профессионально-педагогической деятельности.

В ТГПУ им. Л.Н. Толстого в процессе изучения педагогических дисциплин «Педагогика» и «Технология и организация воспитательных практик» мы используем комплекс новых технологий обучения студентов как средства преодоления ими познавательных затруднений различного характера и овладения компетенциями.

Технология кооперативного обучения

Данная технология представляет собой организованную образовательную деятельность в малых группах, члены которых работают совместно (кооперируются) для достижения максимальной эффекта [10]. При использовании данной технологии в вузе преподаватель дает задание, после чего вся учебная группа делится на микрогруппы, которые работают над заданием до тех пор, пока каждый студент не выполнит поставленные перед ним индивидуальные задачи.

В процессе изучения многообразия образовательных технологий (курс «Педагогика», раздел «Технология практической педагогической деятельности») мы проводим занятие с использованием технологии кооперативного обучения. Студенты разбиваются на микрогруппы, каждой из которых предлагается подготовить кейс, посвященный той или иной образовательной технологии, используемой в школе. Отметим, что данная работа направлена на формирование позитивной взаимной зависимости (члены микрогрупп полагаются друг на друга, чтобы достичь своей цели), персональной ответственности (все члены команды ответственны за свою часть работы, так как успех всей команды зависит от индивидуальной работы каждого).

Приобретаемые навыки работы в команде позволяют студентам преодолеть их ценностно-мотивационные затруднения, сформировать представления о роли профессионально-педагогической деятельности. Также студенты учатся доверять друг другу, кооперироваться для решения задач, принимать рациональные решения, избегать конфликтов и планировать время работы. Таким образом, создаются предпосылки для преодоления организационно-педагогических и рефлексивных затруднений.

Технология проблемного обучения

Данная технология представляет собой систему методов и средств обучения, основой которого выступает моделирование реального процесса за счет создания проблемной ситуации и управления поиском решения проблемы [11].

В рамках практических занятий по дисциплине «Технология и организация воспитательных практик» студентам предлагается решить разнообразные проблемные ситуации, с которыми сталкивается классный руководитель как организатор воспитательных практик (дисциплинарные, коммуникативные, деятельность и др. ситуации).

Использование технологии проблемного обучения позволяет успешно повышать мотивацию студентов к образовательной деятельности в вузе, развивать их интерес к профессионально-педагогической деятельности, а также творческие способности и коммуникативные умения. Все это является предпосылками для успешного преодоления студентами собственно познавательных, рефлексивных и ценностно-мотивационных затруднений.

Технология проектного обучения

Данный вид технологии представляет собой «модель учебной деятельности, позволяющей отойти от пассивного способа преподавания к активному, ориентированному на обучение студента в сотрудничестве» [12]. Данная технология широко используется нами при изучении обеих педагогических дисциплин. Так, в рамках самостоятельной работы по «Педагогике» студенты работают над индивидуальными проектными заданиями по различным направлениям: разработка программы диагностики детской одаренности, разработка проекта воспитательного мероприятия, разработка проекта КТД для учащихся различных возрастных групп и т.д.

В изучения дисциплины «Технология и организация воспитательных практик» студенты работают в командах, решая проблемные ситуации из реальной образовательной практики с последующей презентацией полученных результатов.

Использование данной технологии в сравнении с традиционным обучением позволяет более глубоко изучать теоретический материал, стимулировать самоконтроль и мотивацию студентов, продолжить формирование у них исследовательских навыков и умений осуществлять поиск решения проблемы. Такая работа в итоге позволяет преодолеть и не допустить возникновения организационно-педагогических, ценностно-мотивационных, собственно познавательных и рефлексивных затруднений у студентов.

Технология «перевернутый класс»

Данная технология относится к педагогической модели, в которой типичные элементы лекции, практического занятия и самостоятельной работы частично меняются местами, что позволяет снижать пассивность обучения, повышая степень его активности [13].

Смысл использования данной технологии в процессе изучения состоит в том, что студенты осваивают теоретический материал не в аудитории, пассивно слушая лекции, а дома посредством среды электронного обучения Moodle, при необходимости прибегая к основной и дополнительной литературе. Освобождающееся аудиторное время используется нами для более эффективных форм учебной работы – анализа реальной образовательной практики, решения педагогических ситуаций, что позволяет закрепить теоретический материал, освоенный дома, не только на практических, но и нестандартных лекционных занятиях.

Так, при изучении методов воспитания в курсе «Педагогика» преподаватель на лекции выполняет роль организатора и наставника, он участвует в обсуждении реальных педагогических ситуаций, комментирует решения, предлагаемые студентами, помогает организовать видео встречу с классными руководителями школ региона, которые готовы поделиться с будущими коллегами опытом воспитательной работы.

Такая работа позволяет преодолеть студентам ценностно-мотивационные, организационно-педагогические и рефлексивные затруднения. Было отмечено, что использование технологии «перевернутого класса» позволяет повысить посещаемость занятий, стимулировать у студентов интерес к взаимодействию и сотрудничеству, повысить мотивацию к изучению педагогических дисциплин.

Заключение

Подводя итог, отметим, что использование новых технологий обучения студентов педагогического университета позволяет преодолеть и минимизировать возникновение познавательных затруднений различного рода. Добавим также, что описанная нами работа должна носить комплексный и системный характер. Только в этом случае можно добиться эффективного преодоления познавательных затруднений, формирования мотивации к обучению в педагогическом вузе и дальнейшей профессиональной деятельности.

Конфликт интересов

Не указан.

Conflict of Interest

None declared.

Список литературы / References

1. Извольская А.А. Ценностное отношение к педагогическому знанию как фактор преодоления познавательных затруднений у студентов 1 курса / А.А. Извольская // Гуманитарные ведомости ТГПУ им. Л.Н. Толстого. – 2014. - №2. – С. 51-60.
2. Виликотская Л.А. Объективные и субъективные причины затруднений студентов в учебной деятельности // Актуальные вопросы гуманитарного образования / Л.А. Виликотская, В.В. Пономарев // Межвузовский сборник научных трудов. Под редакцией С.В. Демидова, Соколова А.С. - Рязань, 2014. – С. 44-50.
3. Савельева Н.Н. Проектирование системы адаптации первокурсников к обучению в вузе (направление-педагогика) / Н.Н. Савельева. Автореф. дисс. ... канд. пед. наук. - Владивосток, 2007.
4. Яковлева В.Н. Анализ затруднений, возникающих в самостоятельной учебной деятельности студентов в процессе их иноязычной подготовки, пути их преодоления / В.Н. Яковлева // Современный российский менеджмент: состоящие проблемы, развитие / сборник статей XXIV Международной научно-практической конференции. Под редакцией Б.Н. Герасимова. 2016. – С. 122-126.
5. Скорохватова Г.В. Анализ педагогической деятельности и оценка затруднений студентов при проведении учебной практики / Г.В. Скорохватова, Е.М. Чепак // Развитие теоретических основ физического воспитания и спорта / Сборник статей межвузовской научно-практической конференции "Герценовские чтения". Российский государственный педагогический университет им. А. И. Герцена. 2018. – С. 22-26.
6. Крюкова В.В. Новые технологии обучения и оценки знаний студентов вуза / В.В. Крюкова, В.А. Ковалевская, Н.Б. Славолубова // Вестник Кузбасского государственного технического университета / Учредители: Кузбасский государственный технический университет им. Т.Ф. Горбачева (Кемерово), 2003. – С. 143-145.
7. Калилец Л.М. Использование новых методов и технологий в профессиональном обучении студентов // Иноязычное образование: векторы развития / Л.М. Калилец // материалы Международной научно-практической видеоконференции. 2015. – С. 49-53.
8. Фальченко О.Д. Новое в технологии обучения: внедрение образовательных технологий, формирующих навыки научно-исследовательской деятельности студентов // Современное образование в России и за рубежом: теория, методика и практика / О.Д. Фальченко, В.Е. Ковалев // Сборник материалов V Международной научно-практической конференции. 2016. – С. 60-63.
9. Соломин В.П. Новые информационные технологии в обучении студентов педвуза // Информатика – современное состояние и перспективы развития / В.П. Соломин, В.М. Зеленин // 71 Герценовские чтения: Тезисы докладов. Российский государственный педагогический университет им. А. И. Герцена, 1998. – С. 38-41.
10. Кутбиддинова Р.А. Активизация учебной деятельности студентов посредством интерактивных методов // Вестник университета / Р.А. Кутбиддинова. Учредители: Государственный университет управления. - Москва. – С. 210-214.
11. Варлакова Ю.Р. Развитие креативности бакалавров педагогического образования в вузе посредством проблемного обучения / Ю.Р. Варлакова // Инновационные технологии нового тысячелетия / сборник статей Международной научно-практической конференции. 2016. – С. 104-106.
12. Проектирование в сфере образования : Учебно-методическое пособие / Е. В. Декина, Т. А. Куликова, Н. А. Пронина и др. ; Тульский государственный педагогический университет им. Л.Н. Толстого. – Москва : Общество с ограниченной ответственностью "КноРус", 2019. – 148 с.

13. Колчин А.А. О перспективах педагогической технологии "перевернутый класс" в преподавании дисциплин социально-гуманитарного цикла в вузе / А.А. Колчин, Д.И. Колчина // Вузовское образование как новая реальность : сборник материалов Международной научно-практической интернет-конференции, Москва, 12 марта 2020 года. – Москва: Негосударственное образовательное частное учреждение высшего образования "Московский экономический институт", 2020. – С. 71-75.

Список литературы на английском языке / References in English

1. Izvolskaya A.A. Cennostnoe otnoshenie k pedagogicheskomu znaniju kak faktor preodolenija poznavatel'nykh zatrudnenij u studentov 1 kursa [Value attitude to pedagogical knowledge as a factor of overcoming cognitive difficulties in 1st-year students] / A. A. Izvolskaya // Gumanitarnye vedomosti TGPU im. L.N. Tolstogo [Humanities Bulletin of L.N. Tolstoy TSPU]. - 2014. - No. 2. - pp. 51-60 [in Russian]

2. Vilikotskaya L.A. Ob"ektivnye i sub"ektivnye prichiny zatrudnenij studentov v uchebnoj dejatel'nosti [Objective and subjective reasons for students' difficulties in learning activities] / L. A. Vilikotskaya // Aktual'nye voprosy humanitarnogo obrazovanija. Mezhdunarodnyj sbornik nauchnykh trudov [Topical issues of humanitarian education. Intercollegiate collection of scientific papers]. Edited by S.V. Demidova, Sokolova A.S. - Ryazan, 2014. - pp. 44-50 [in Russian]

3. Savelyeva N.N. Proektirovanie sistemy adaptacii pervokursnikov k obucheniju v vuze (napravlenie- pedagogika) [Designing a system of adaptation of first-year students to study at a university (direction - pedagogy)] / N. N. Savelyeva: extended abstract of Candidate's Thesis. Pedagogical Sciences. - Vladivostok, 2007 [in Russian]

4. Yakovleva V.N. Analiz zatrudnenij, vznikajushchikh v samostojatel'noj uchebnoj dejatel'nosti studentov v processe ikh inozachnoj podgotovki, puti ikh preodolenija [Analysis of difficulties arising in the independent educational activity of students in the process of their foreign language training, ways to overcome them] / V. N. Yakovleva // Sovremennyyj rossijskij menedzhment: sostojanie problemy, razvitie [Modern Russian management: the state of the problem, development] / collection of articles of the XXIV International Scientific and Practical Conference. Edited by B.N. Gerasimov. 2016. - pp. 122-126 [in Russian]

5. Skorokhvato G.V. Analiz pedagogicheskoj dejatel'nosti i ocenka zatrudnenij studentov pri provedenii uchebnoj praktiki [Analysis of pedagogical activity and assessment of students' difficulties in conducting educational practice] / G. V. Skorokhvato, E. M. Chepakov // Sbornik statej mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoj konferencii "Gercenovskie chtenija" [Development of theoretical foundations of physical education and sports / Collection of articles of the interuniversity scientific and practical conference "Herzen readings"]. Russian State Pedagogical University named after A. I. Herzen. 2018. - pp. 22-26 [in Russian]

6. Kryukova V.V. Novye tekhnologii obuchenija i ocenki znanij studentov vuza [New technologies of teaching and assessment of knowledge of university students] / V. V. Kryukova, V. A. Kovalevskaya, N. B. Slavolyubova // Vestnik Kuzbasskogo gosudarstvennogo tekhnicheskogo universiteta [Bulletin of the Kuzbass State Technical University] / Founders: Kuzbass State Technical University named after T.F. Gorbachev (Kemerovo), 2003. - pp. 143-145 [in Russian]

7. Kalilets L.M. Ispol'zovanie novykh metodov i tekhnologij v professional'nom obuchenii studentov [The use of new methods and technologies in professional training of students] / L. M. Kalilets // Inozachnoe obrazovanie: vektory razvitiya / materialy Mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoj videokonferencii [Foreign language education: vectors of development. materials of the International scientific and practical videoconference]. 2015. - pp. 49-53 [in Russian]

8. Falchenko O.D. Novoe v tekhnologii obuchenija: vnedrenie obrazovatel'nykh tekhnologij, formirujushchikh navyki nauchno-issledovatel'skoj dejatel'nosti studentov [New in teaching technology: the introduction of educational technologies that form the skills of students' research activities] / O. D. Falchenko, V. E. Kovalev // Sovremennoe obrazovanie v Rossii i za rubezhom: teorija, metodika i praktika / Sbornik materialov V Mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoj konferencii [Modern education in Russia and abroad: theory, methodology and practice / Collection of materials of the V International Scientific and Practical Conference]. 2016. - pp. 60-63 [in Russian]

9. Solomin V.P. Novye informacionnye tekhnologii v obuchenii studentov pedvuza [New information technologies in teaching pedagogical university students] / V. P. Solomin, V. M. Zelenin // Informatika – sovremennoe sostojanie i perspektivy razvitiya / 71 Gercenovskie chtenija: Tezisy dokladov [Informatics - current state and prospects of development / 71 Herzen readings: Abstracts]. Russian State Pedagogical University named after A. I. Herzen, 1998. - pp. 38-41 [in Russian]

10. Kutbiddinova R.A. Aktivizacija uchebnoj dejatel'nosti studentov posredstvom interaktivnykh metodov [Activation of students' learning activities through interactive methods] // Bulletin of the University / R. A. Kutbiddinova // Founders: State University of Management. - Moscow. - pp. 210-214 [in Russian]

11. Varlakova Yu.R. Razvitie kreativnosti bakalavrov pedagogicheskogo obrazovanija v vuze posredstvom problemnogo obuchenija [Development of creativity of bachelors of pedagogical education in higher education through problem-based learning] / Yu. R. Varlakova // Innovacionnye tekhnologii novogo tysjacheletija / sbornik statej Mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoj konferencii [Innovative technologies of the new millennium / collection of articles of the International Scientific and Practical Conference]. 2016. - pp. 104-106 [in Russian]

12. Proektirovanie v sfere obrazovanija : Uchebno-metodicheskoe posobie [Designing in the field of education: An educational and methodological manual] / E. V. Dekina, T. A. Kulikova, N. A. Pronina, et al.; Tula State Pedagogical University named after L.N. Tolstoy. - Moscow : Obshhestvo s ogranichennoj otvetstvennost'ju "KnoRus", 2019. - 148 p. [in Russian]

13. Kolchin A.A. O perspektivah pedagogicheskoj tehnologii "perevjornutyj klass" v prepodavanii disciplin social'no-gumanitarnogo cikla v vuze [On the prospects of the pedagogical technology "inverted classroom" in teaching disciplines of the social and humanitarian cycle at the university] / A. A. Kolchin, D. I. Kolchin // Vuzovskoe obrazovanie kak novaja real'nost' : sbornik materialov Mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoj internet-konferencii [University education as a new reality: a collection of materials of the International scientific and practical Internet Conference], Moscow, March 12, 2020. - Moscow: Non-state educational private institution of higher Education "Moscow Economic Institute", 2020. - pp. 71-75 [in Russian]

DOI: <https://doi.org/10.23670/IRJ.2021.112.10.080>

АКТУАЛЬНОСТЬ SOFT SKILLS В ПРОФЕССИОНАЛЬНОМ ПЛАНЕ БУДУЩИХ СПЕЦИАЛИСТОВ СОЦИАЛЬНОЙ СФЕРЫ

Научная статья

Столярова С.А.^{1,*}, Логунова О.В.², Ковчина Н.В.³

¹ ORCID: 0000-0002-9875-2301;

² ORCID: 0000-0002-5662-6884;

³ ORCID: 0000-0002-3323-380X;

^{1, 2, 3} Сибирский государственный университет науки и технологий имени академика М.Ф. Решетнева,
Красноярск, Россия

* Корреспондирующий автор (saprygina.svetlana[at]yandex.ru)

Аннотация

В статье раскрывается актуальность развития soft skills будущих специалистов социальной сферы. Авторы изучают подходы к развитию soft skills обучающихся различных направлений подготовки. Рассмотрены педагогические методы, применяемые в контексте развития soft skills обучающихся вузов. Проведен анализ соотношения универсальных компетенций будущих специалистов социальной сферы и soft skills специалистов. На основании проведенного анализа федерального государственного образовательного стандарта высшего образования (ФГОС ВО 3++) по направлению подготовки 39.03.02 Социальная работа и имеющихся классификаций soft skills обучающихся и сотрудников выделены soft skills будущих специалистов социальной сферы.

Ключевые слова: soft skills, профессиональная подготовка, вуз, обучающийся, универсальные компетенции, социальная сфера.

THE RELEVANCE OF SOFT SKILLS IN THE PROFESSIONAL PLAN OF FUTURE SPECIALISTS IN THE SOCIAL SPHERE

Research article

Stolyarova S.A.^{1,*}, Logunova O.V.², Kovchina N.V.³

¹ ORCID: 0000-0002-9875-2301;

² ORCID: 0000-0002-5662-6884;

³ ORCID: 0000-0002-3323-380X;

^{1, 2, 3} Reshetnev Siberian State University of Science and Technology, Krasnoyarsk, Russia

* Corresponding author (saprygina.svetlana[at]yandex.ru)

Abstract

The article determines the relevance of the development of soft skills of future specialists in the social sphere. The authors study approaches to the development of soft skills of students in various fields of training and examine the pedagogical methods used in the context of the development of soft skills of university students. The article carries out an analysis of the ratio of universal competencies of future specialists in the social sphere and soft skills of specialists. Based on the analysis of the federal state educational standard of higher education (FGOS VO 3++) in the field of training 39.03.02, Social work and the available classifications of soft skills of students and employees, soft skills of future social professionals are identified.

Keywords: soft skills, professional training, university, student, universal competencies, social sphere.

Введение

Современный рынок труда предъявляет все большие требования к выпускникам вузов, в том числе и будущим специалистам социальной сферы. Это обусловлено изменениями, происходящими в различных секторах экономики и введением профессиональных стандартов, согласно которым сотрудники должны обладать широким набором компетенций. К их числу можно отнести «жесткие навыки» (hard skills), включающие компетенции, определяемые спецификой профессиональных задач и «гибкие навыки» (soft skills), включающие надпрофессиональные навыки и личностные качества. Как отмечает А.Г. Нагорная к soft skills можно отнести «навыки, помогающие решать различные задачи и работать с другими людьми, влияющие на профессиональное становление личности, карьерное развитие, самореализацию в современных условиях рынка труда» [4, С. 32].

В последние годы сформировался социальный заказ со стороны работодателей к специалистам, способным принимать самостоятельно решения, нести ответственность за результаты и последствия своих действий, работать слаженно в команде, что контекстно отражает soft skills. В этой связи целью настоящей статьи является определение умений и навыков, составляющих soft skills будущего специалиста социальной сферы.

Изучение soft skills и методы их развития у обучающихся вуза

Понятие soft skills в российской педагогике используется сравнительно недавно и еще не сформировалось единого понимания рассматриваемого феномена. Преимущественно под soft skills понимаются надпрофессиональные умения и навыки, необходимые для эффективного и самостоятельного выполнения задач профессиональной деятельности в разных рабочих ситуациях. Обзор научной периодики показал, что изучению soft skills и методам их развития посвящено значительное количество работ. Различные аспекты изучения soft skills обучающихся раскрыты в трудах Э.Ф. Зеера, В.В. Игнатовой, Н.В. Ковчиной, А.Г. Нагорной, Л.К. Раицкой, Л.Н. Степановой, Е.В. Тихоновой, О.Л. Чулановой, В. Шпилова и других.

Значение soft skills в самоосуществлении личности отмечают Э.Ф. Зеер и Л.Н. Степанова, которые в результате эмпирического исследования пришли к выводу, что недостаточная развитость soft skills может затруднять освоение профессиональных навыков [7]. Это актуализирует необходимость создания условий, способствующих развитию soft skills у обучающихся в вузе, так как им предстоит работать в условиях жесткой конкуренции, уметь адаптироваться к изменяющимся условиям, быть готовым к принятию ответственности за результаты своих действий перед другими, уметь взаимодействовать с коллегами для достижения наиболее оптимальных результатов трудовой деятельности. В работах представителей красноярской научной школы под руководством В.В. Игнатовой также подчеркивается актуальность развития soft skills в процессе профессиональной подготовки обучающегося в вузе. Как отмечают исследователи школы, обучение soft skills сопряжено с «мотивацией, духовно-творческим развитием личности, формированием ее ответственности, лидерством, менеджментом, работой в команде, сотворческой деятельностью, управлением временем, проведением презентаций, переговоров, самоэффективностью» [2, С. 45]. Таким образом обозначаются умения и навыки, составляющие основу soft skills.

Л.К. Раицкая и Е.В. Тихонова в результате исследования преподавателей и обучающихся нескольких российских вузов определили учебные дисциплины наиболее предпочтительные в контексте развития soft skills обучающихся технического университета: иностранные языки, менеджмент и социально-гуманитарные дисциплины [6, С. 357]. Выбор объясняется спецификой обозначенных дисциплин. При их изучении обучающийся проявляет личностные качества (умение работать в команде, способность к коммуникации, лидерство) в процессе выполнения заданий преподавателя.

Потенциал психолого-педагогических дисциплин в контексте развития soft skills раскрывается А.Г. Нагорной, которая также отмечает влияние методов обучения на развитие soft skills. Это подтверждается педагогическим экспериментом, в результате которого установлено, что формирование soft skills у обучающихся более результативно при применении методов интенсивного обучения в сравнении с традиционными методами. К подобным выводам пришли Л.К. Раицкая и Е.В. Тихонова, которые выделили наиболее эффективные методы обучения в развитии soft skills: кейс-стади, имитационная игра (симуляция), групповой проект [6, С. 358]. Исходя из этого, приходим к выводу, что на развитие soft skills обучающихся вуза влияют методы обучения и специфика изучаемой дисциплины. Наиболее предпочтительными в развитии soft skills являются дисциплины, при изучении которых имеется возможность применить групповые, интерактивные, эвристические методы, методы проблемного обучения, а также те дисциплины, которые являются общими и направлены на разностороннее развитие личности обучающегося.

А.И. Ивонина, О.Л. Чуланова, Ю.М. Давлетшина отметили риски развития soft skills. К ним отнесены: риск потери затраченных средств на обучение и развитие компетенций; репутационный риск; риск неудовлетворенности своими компетенциями; неудачи в совершенствовании компетенций; эмоциональная нагрузка [1]. Минимизация рисков возможна при применении предварительного анализа степени развития каждой из компетенций, мотивации, четкой постановки цели и задач. Изучение образовательной программы и опрос обучающихся по направлению подготовки «Управление персоналом» позволили выделить учебные дисциплины, ориентированных на развитие soft skills у обучающихся: психология, командообразование, организационная культура, психология управления, этика делового общения, конфликтология, предпринимательство, культурология, педагогика, организационная культура, коммуникации в управлении [1]. Отметим, что перечисленные дисциплины относятся к дисциплинам социально-гуманитарного цикла.

О.Л. Чуланова отмечает сложность наглядного проявления и оценки сформированности soft skills. Соответственно наряду с теоретическими знаниями о soft skills обучающихся необходимым является их практическое закрепление. Подтверждение данной точки зрения находит отражение и в трудах С.И. Осиповой, Н.В. Гафуровой и Э.А. Рудниченко. Ученые описывают опыт развития soft skills у обучающихся по направлению «Металлургия». На теоретическом уровне soft skills обучающимися изучаются в процессе освоения дисциплин «Командообразование» и «Личностное развитие»; на практическом – в процессе включения в социально общественные практики (участие в студенческом самоуправлении, самоорганизация и личностный рост, волонтерство, интеллектуальное творчество, профессионально-ролевая деятельность, здоровьесбережение) [5, С. 96]. Авторы подчеркивают значимость приобретения и закрепления практических навыков, которые необходимо сочетать с теоретическими знаниями о soft skills.

С позиций данной работы особый интерес представляет подход В. Шипилова к развитию soft skills сотрудников, так как одними из методов развития данных навыков являются обучение на опыте других (менторинг), самообучение и развитие в процессе работы, выполнение специальных заданий [10]. Несмотря на то, что данный подход В. Шипиловым обосновывался применительно к действующим сотрудникам организации, считаем возможным его применение в процессе прохождения учебной / производственной практик обучающимися. С этой целью дневники практик дополняются соответствующими разделами и выдается задание об описании применения в процессе прохождения практики одного из методов развития soft skills.

Анализ научной периодики показал, что развитие soft skills у обучающихся вуза является неотъемлемой частью их профессиональной подготовки. Наибольшим потенциалом в контексте развития soft skills у обучающихся вуза обладают дисциплины социально-гуманитарного цикла. При этом исследователями отмечается недостаточное внимание к наполнению данными дисциплинами учебных планов по различным направлениям подготовки. В большинстве исследований отмечается, что в развитии soft skills наиболее предпочтительны интерактивные, эвристические, игровые, исследовательские методы обучения. При этом, с нашей точки зрения, недостаточное внимание в представленных исследованиях уделяется раскрытию потенциала практической подготовки обучающихся в контексте развития soft skills. Хотя в исследованиях отмечается значение практикоориентированной подготовки будущих бакалавров.

Перечень soft skills будущих специалистов социальной сферы

В последние годы особое внимание психологов, педагогов, HR-специалистов обращено на изучение и выявление надпрофессиональных навыков. В научной литературе предприняты попытки классификации soft skills и hard skills специалистов различных направлений подготовки.

Л.К. Раицкой и Е.В. Тихоновой на основании контент-анализа статей, индексируемых в Scopus с 1999 по 2018 годы, предложена следующая классификация soft skills обучающихся [6, С. 355]:

1. *социально-коммуникативные навыки* (коммуникативные навыки, межличностные навыки, групповая работа, лидерство, социальный интеллект, ответственность, этика общения);
2. *когнитивные навыки* (критическое мышление, навыки решения проблем, новаторское (инновационное) мышление, управление интеллектуальными нагрузками, навыки самоучения, информационные навыки, тайм менеджмент);
3. *атрибуты личности и составляющие эмоционального интеллекта* (эмоциональный интеллект, честность, оптимизм, гибкость, креативность, мотивация, эмпатия).

При составлении данной классификации исследователи отметили, что в изучаемых работах недостаточное внимание уделяется развитию эмоционального интеллекта, хотя навыки данной группы являются основой для развития всех остальных умений. Значение эмоционального интеллекта в контексте профессионального развития специалистов обосновывается в исследованиях О.Л. Чулановой и ее учеников [1], [9].

Л.К. Раицкая и Е.В. Тихонова при анализе различных классификаций soft skills пришли к выводу, что самыми распространёнными являются коммуникативные (социальные) навыки [6, С. 355]. К вопросу развития коммуникативных навыков будущих специалистов социальной сферы обращается О.В. Логунова. При анализе профессиональных стандартов специалистов в области социального обслуживания она приходит к выводу, что к числу необходимых знаний и умений специалиста относятся навыки, связанные с межличностным взаимодействием специалиста с другими людьми, социальными группами [3].

Несколько иная классификация soft skills предложена В. Шпиловым. Она включает четыре группы навыков:

1. *коммуникативные навыки*: умение слушать, убеждение и аргументация, нетворкинг (построение и поддержание бизнес-отношений), ведение переговоров, проведение презентаций, базовые навыки продаж, самопрезентация, публичные выступления, командная работа, нацеленность на результат, деловое письмо, клиентоориентированность;
2. *навыки self-менеджмента*: управление эмоциями, управление стрессом, управление собственным развитием, планирование и целеполагание, тайм-менеджмент, энергия, энтузиазм, инициативность, настойчивость, рефлексия, использование обратной связи;
3. *навыки эффективного мышления*: системное мышление, креативное мышление, структурное мышление, логическое мышление, поиск и анализ информации, выработка и принятие решений, проектное мышление, тактическое и стратегическое мышление (для руководителей);
4. *управленческие навыки*: управление исполнением, планирование, постановка задач сотрудникам, мотивирование, контроль реализации задач, наставничество (развитие сотрудников) – менторинг, коучинг, ситуационное руководство и лидерство, ведение совещаний, подача обратной связи, управление проектами, управление изменениями, делегирование [10].

Данная классификация несколько расширяет набор soft skills и дополнена блоком управленческих навыков. Отметим, что данная классификация была разработана на основе практического опыта деятельности. Далее при определении soft skills будущих специалистов социальной сферы будем опираться на обе классификации, так как они, с нашей точки зрения, являются взаимодополняющими.

Далее обратимся к анализу ФГОС ВО 3++ по направлению подготовки 39.03.02 Социальная работа, по которому ведется подготовка обучающихся в СибГУ им. М.Ф. Решетнева. Рассмотрим универсальные компетенции, в которых отражены навыки, непосредственно не отражающие специфики будущей профессиональной деятельности. При раскрытии содержания универсальных компетенций в стандарте определены категории компетенций. Перечислим их: системное и критическое мышление (УК-1); разработка и реализация проектов (УК-2); командная работа и лидерство (УК-3); коммуникация (УК-4); межкультурное взаимодействие (УК-5); самоорганизация и саморазвитие (в том числе здоровьесбережение) (УК-6, УК-7); безопасность жизнедеятельности (УК-8); экономическая культура, в том числе финансовая грамотность (УК-9); гражданская позиция (УК-10) [8]. Отметим, что в самих формулировках категорий универсальных компетенций уже отражены soft skills, которые должны быть сформированы в процессе профессиональной подготовки для успешного выполнения должностных обязанностей, а в формулировках универсальных компетенций они расширяются и дополняются сопутствующими навыками

Анализ универсальных компетенций ФГОС ВО 3++ по направлению подготовки 39.03.02 Социальная работа с опорой на классификации soft skills, предложенные Л.К. Раицкой, Е.В. Тихоновой и В. Шпиловым выделены soft skills будущих бакалавров социальной работы, обучающихся в СибГУ им. М.Ф. Решетнева, которые востребованы в настоящее время в условиях продолжающейся пандемии: гибкость, ответственность, исполнительность, пунктуальность, лидерство, умение работать в команде, умение вести переговоры, умение принимать решения, работоспособность, стрессоустойчивость, способность к коммуникации, умение управлять конфликтом, креативность, критическое мышление, умение управлять временем (тайм менеджмент), инициативность, умение взаимодействовать с коллегами (получателями социальных услуг), социальный интеллект, самостоятельность, способность к самоанализу, аналитическое мышление, умение работать с большим объемом информации, умение договариваться, умение слушать / слышать, умение дополнять и развивать идеи других людей. Данный перечень будет расширяться и дополняться иными навыками по мере роста должностных полномочий и жизненного опыта.

Заключение

Таким образом, развитие soft skills у будущих специалистов социальной сферы является одним из компонентов их профессиональной подготовки в вузе. Это контекстно отражено в универсальных компетенциях, которые должны быть освоены обучающимися по направлению подготовки 39.03. 02 Социальная работа. В последние годы накоплен значительный опыт развития soft skills обучающихся различных направлений подготовки, преимущественно технических. Однако считаем необходимым развивать данные навыки у обучающихся независимо от направления подготовки и уровня квалификации, так как они являются достаточно трудноизмеримыми и требуют специально созданных условий для их проявления в процессе обучения.

Конфликт интересов

Не указан.

Conflict of Interest

None declared.

Список литературы / References

1. Ивонина А. И. Современные направления теоретических и методических разработок в области управления: роль soft-skills и hard skills в профессиональном и карьерном развитии сотрудников [Электронный ресурс] / А. И. Ивонина, О. Л. Чуланова, Ю. М. Давлетшина // Интернет-журнал «Науковедение». – № 1 (2017). Том 9. – URL : <http://naukovedenie.ru/PDF/90EVN117.pdf> (дата обращения: 10.09.2021).
2. Ковчина Н. В. Социальное взаимодействие в профессиональной сфере: к вопросу о soft skills / Н. В. Ковчина, В. В. Игнатова, Л. А. Барановская и др. // Alma mater: Вестник высшей школы. – 2017. – № 7. – С. 44-46. DOI: 10.20339/AM.07-17.044
3. Логунова О. В. К вопросу о коммуникативной компетентности личности специалиста социальной работы [Электронный ресурс] / О. В. Логунова // Вестник Восточно-Сибирской открытой академии. – 2020. – № 38. – URL: vsoa.esrae.ru/213-1232 (дата обращения: 10.09.2021).
4. Нагорная А. Г. Формирование гибких навыков (soft skills) в процессе изучения дисциплины «Педагогические технологии межкультурной коммуникации» в техническом вузе [Электронный ресурс] / А. Г. Нагорная // Международный научно-исследовательский журнал. – 2020. – № 1 (100). – Ч. 2. – С. 32-39. – URL: <https://research-journal.org/pedagogy/formirovanie-gibkix-navykov-soft-skills-v-processe-izucheniya-discipliny-pedagogicheskie-tehnologii-mezhkulturnoj-kommunikacii-v-texnicheskom-vuze/> (дата обращения: 10.09.2021). DOI: 10.23670/IRJ.2020.100.10.041.
5. Осипова С. И. Формирование Soft skills в условиях социально общественных практик студентов при реализации образовательной программы в идеологии Международной инициативы CDIO [Электронный ресурс] / С. И. Осипова, Н. В. Гафурова, Э. А. Рудницкий // Перспективы науки и образования. – 2019. – № 4 (40). – С. 91-101. – URL: <https://pnojurnal.wordpress.com/2019/09/08/osipova-gafurova-rudnitsky/> (дата обращения: 10.09.2021). DOI: 10.32744/pse.2019.4.8
6. Райцкая Л. К. Soft skills в представлении преподавателей и студентов российских университетов в контексте мирового опыта [Электронный ресурс] / Л. К. Райцкая, Е. В. Тихонова // Вестник РУДН. Серия: Психология и педагогика. – № 3. – Т. 15. – С. 350-363. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/soft-skills-v-predstavlenii-prepodavateley-i-studentov-rossijskih-universitetov-v-kontekste-mirovogo-opyta/viewer> (дата обращения: 10.09.2021).
7. Степанова Л. Н. Soft skills как предикторы жизненного самоосуществления студентов [Электронный ресурс] / Л. Н. Степанова, Э. Ф. Зеер // Образование и наука. – 2019. – № 21 (8). – С. 65-89. – URL: <https://doi.org/10.17853/1994-5639-2019-8-65-89> (дата обращения: 10.09.2021).
8. Федеральный государственный образовательный стандарт высшего образования по направлению подготовки 39.03.02 Социальная работа [Электронный ресурс] : URL: <https://clck.ru/WQE3t> (дата обращения: 10.09.2021).
9. Чуланова О. Л. Идентификация компонентов эмоциональной компетентности руководителя как базовой в структуре soft skills / О. Л. Чуланова // Материалы Афанасьевских чтений. – 2019. – № 3. – С. 46-59.
10. Шипилов В. Перечень навыков soft skills и способы их развития [Электронный ресурс] / В. Шипилов. – URL: https://www.cfin.ru/management/people/dev_val/soft-skills.shtml (дата обращения: 10.09.2021).

Список литературы на английском языке / References in English

1. Ivonina A. I. Sovremennye napravleniya teoreticheskikh i metodicheskikh razrabotok v oblasti upravleniya: rol' soft-skills i hard skills v professional'nom i kar'ernom razvitiy sotrudnikov [Modern Directions of Theoretical and Methodological Developments in the Field of Management: The Role of Soft-Skills and Hard Skills in Professional and Career Development of Employees] / A. I. Ivonina, O. L. Chulanova, Yu. M. Davletshina // Internet-zhurnal «Naukovedenie» [Internet journal «Science of Science»]. – No. 1 (2017). Volume 9. – [Electronic resource]. URL: <http://naukovedenie.ru/PDF/90EVN117.pdf> (accessed: 10.09.2021). [in Russian]
2. Kovchina N. V. Social'noe vzaimodejstvie v professional'noj sfere: k voprosu o soft skills [Social Interaction in the Professional Sphere: Soft Skills] / N. V. Kovchina, V. V. Ignatova, L. A. Baranovskaya et al. // Alma mater: Vestnik vysshej shkoly [Alma Mater: Higher School Herald]. – 2017. – No. 7. – Pp. 44-46. [in Russian]
3. Logunova O. V. K voprosu o kommunikativnoj kompetentnosti lichnosti specialista social'noj raboty [To the Question of the Communicative Competence of the Personality of the Specialist of Social Work] / O. V. Logunova // Vestnik Vostochno-Sibirskoj otkrytoj akademii [Bulletin of the East Siberian Open Academy]. – 2020. – No. 38. – [Electronic resource]. URL: vsoa.esrae.ru/213-1232 (accessed: 10.09.2021). [in Russian]
4. Nagornaya A. G. Formirovanie gibkix navykov (soft skills) v processe izucheniya discipliny «Pedagogicheskie tehnologii mezhkul'turnoj kommunikacii» v tehicheskom vuze [Soft Skills Formation in Students Studying Pedagogical Technologies of Intercultural Communication Discipline in Technical University] / A. G. Nagornaya // Mezhdunarodnyj nauchno-issledovatel'skij zhurnal [International Research Journal]. – 2020. – No. 1 (100). – Part 2. – Pp. 32-39. – [Electronic resource]. URL: <https://research-journal.org/pedagogy/formirovanie-gibkix-navykov-soft-skills-v-processe-izucheniya-discipliny-pedagogicheskie-tehnologii-mezhkulturnoj-kommunikacii-v-texnicheskom-vuze/> (accessed: 10.09.2021). [in Russian]

5. Osipova S. I. Formirovanie Soft skills v usloviyah social'no obshchestvennykh praktik studentov pri realizacii obrazovatel'noj programmy v ideologii Mezhdunarodnoj iniciativy CDIO [Formation of Soft Skills in the Conditions of Social and Public Practices of Students in the Implementation of the Educational Program in the Ideology of the CDIO International Initiative] / S. I. Osipova, N. V. Gafurova, E. A. Rudnitsky // Perspektivy nauki i obrazovaniya [Perspectives of Science and Education]. – 2019. – No. 4 (40). – Pp. 91-101. – [Electronic resource]. URL: <https://pnojurnal.wordpress.com/2019/09/08/osipova-gafurova-rudnitsky/> (accessed: 10.09.2021). [in Russian]
6. Raitskaya L. K. Soft skills v predstavlenii prepodavatelej i studentov rossijskih universitetov v kontekste mirovogo opyta [Perceptions of Soft Skills by Russia's University Lecturers and Students in the Context of the World Experience] / L. K. Raitskaya, E. V. Tikhonova // Vestnik RUDN. Seriya: Psihologiya i pedagogika [RUDN Journal of Psychology and Pedagogics]. – 2018. – No.15 (3). – Pp. 350-363. – [Electronic resource]. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/soft-skills-v-predstavlenii-prepodavateley-i-studentov-rossijskih-universitetov-v-kontekste-mirovogo-opyta/viewer> (accessed: 10.09.2021). [in Russian]
7. Stepanova L. N. Soft skills kak prediktory zhiznennogo samoosushchestvleniya studentov [Soft Skills as Predictors of Students' Life Self-Fulfillment] / L. N. Stepanova, E. F. Zeer // Obrazovanie i nauka [The Education and Science Journal]. – 2019. – No. 21(8). – Pp. 65-89. – [Electronic resource]. URL: <https://doi.org/10.17853/1994-5639-2019-8-65-89> (accessed: 10.09.2021). [in Russian]
8. Federal'nyj gosudarstvennyj obrazovatel'nyj standart vysshego obrazovaniya po napravleniju podgotovki 39.03.02 Social'naja rabota [Federal State Educational Standard of Higher Education: 39.03.02 Social Work]. [Electronic resource]. URL: http://fgosvo.ru/uploadfiles/FGOS%20VO%203++/Bak/390302_B_3_15062021.pdf (accessed: 10.09.2021). [in Russian]
9. Chulanova O. L. Identifikacija komponentov jemocional'noj kompetentnosti rukovoditelja kak bazovoj v strukture soft skills [Identifying the Components of the Leader's Emotional Competence as Basic in the Structure of Soft Skills] / O. L. Chulanova // Materialy Afanas'evskih chtenij [Proceedings of the Afanasyev's Readings]. – 2019. – No. 3. – Pp. 46-59. [in Russian]
10. Shipilov V. Perechen' navykov soft skills i sposoby ih razvitiya [The List of Soft Skills and Methods of their Development] / V. Shipilov. – [Electronic resource]. URL: https://www.cfin.ru/management/people/dev_val/soft-skills.shtml (accessed: 10.09.2021). [in Russian]

DOI: <https://doi.org/10.23670/IRJ.2021.112.10.081>

РОЛЬ ПРОСМОТРОВОГО ЧТЕНИЯ В ИЗУЧЕНИИ ПРОФЕССИОНАЛЬНО-ОРИЕНТИРОВАННОГО ИНОСТРАННОГО ЯЗЫКА

Научная статья

Тимофеева Т.В.*

Приморская государственная сельскохозяйственная академия, Уссурийск, Россия

* Корреспондирующий автор (tatimen.chik[at]gmail.com)

Аннотация

Статья рассматривает важность навыка просмотрового чтения в изучении и использовании профессионально-ориентированного иностранного языка. Дается определение просмотровому чтению, выделяются 4 его подвида. Автор обращает внимание на сферу применения этого вида чтения в повседневной жизни, определяет его задачи. Уточняются области применения профессионально-ориентированного иностранного языка и роль просмотрового чтения в них. При этом выделяется ряд умений, тренировка которых позволяет развить этот навык, описываются преимущества использования просмотрового чтения на иностранном языке. Рассмотрены способы обучения студентов просмотровому чтению.

Ключевые слова: просмотровое чтение, текст, профессионально-ориентированный иностранный язык, переработка информации.

ON THE ROLE OF REVISION READING TECHNIQUE IN STUDYING A PROFESSIONALLY ORIENTED FOREIGN LANGUAGE

Research article

Timofeeva T.V.*

Primorskaya State Academy of Agriculture, Ussuriysk, Russia

* Corresponding author (tatimen.chik[at]gmail.com)

Abstract

The article examines the importance of the skill of revision reading technique in the study and use of a professionally-oriented foreign language. The author provides a definition of revision reading technique, distinguishes its 4 types, draws attention to the scope of this type of reading in everyday life as well as defines its goals. The areas of application of a professionally-oriented foreign language and the role of viewing reading in them are clarified. At the same time, the study highlights a number of skills, studying which allows for developing this skill, the advantages of using revision reading in a foreign language are also described. The article examines the methods of teaching students revision reading.

Keywords: revision reading, text, professionally-oriented foreign language, information processing.

В наш век информационных технологий к специалистам в любой области предъявляются высокие требования. Они должны обладать не только профессиональным мастерством и квалификацией, но и быть всесторонне развитым человеком, уметь применять в работе ряд разносторонних способностей. В то же время в огромном избытке существующей информации не так-то просто сориентироваться. В эпоху невероятно быстрого развития науки, техники подразумевается, что человек должен владеть огромным количеством этих знаний, а для этого необходимо переработать немалое количество информации, в которой, чтобы не потеряться, нужно уметь отделить главное от второстепенного. В решении этой задачи может помочь просмотровое чтение.

Клычникова З.И. определяет просмотровое чтение как вид чтения, целью которого является выяснение того, о чем идет речь в книге (статье). Чтецу нужно получить общее представление о содержащейся в тексте информации и решить, насколько она нужна или интересна ему [3, С.49].

Щукин А.Н. выделяет четыре подвида просмотрового чтения:

1. Конспективное чтение, при котором выделяются главные идеи текста, составляющие его логико-фактологическую основу.

2. Реферативное чтение, предполагающее усвоение наиболее важной информации из текста. При этом виде чтения важно умение отделять нужную информацию от ненужной.

3. Обзорное чтение с целью определения главной мысли текста, ответа на вопрос «О чем текст?»

4. Ориентировочное чтение – просмотр текста для установления наличия необходимой информации в нем. [10]

Каждый человек использует этот вид чтения в повседневной жизни, будь то просмотр газетной статьи, ознакомление с инструкцией по применению медицинского препарата или технического прибора, поиск нужной информации в интернете. Навыку просмотрового чтения дети учатся уже в начальной школе. Незаменим он и при обучении иностранному языку, тем более профессионально-ориентированному.

Профессионально-ориентированный иностранный язык является широко востребованным среди студентов, научных сотрудников, работников различных отраслей, работодателей. В противовес английскому для общих целей, традиционно преподаваемому в школах и имевшему широкое распространение повсеместно еще несколько десятков лет назад, профессионально-ориентированный иностранный язык имеет более узкую направленность. В частности он может охватывать техническую, научную, медицинскую, туристическую, военную, банковскую и другие сферы [9].

Если рассматривать области применения профессионально-ориентированного иностранного языка, то это окажется получение информации из иностранных источников, выступление на конференциях, симпозиумах, общение с иностранными коллегами, изучение инструкций в профессиональной области и т.д. [7, С.81] Соответственно, умение аналитической работы с информацией является наиболее важным при изучении профессионально-ориентированного

иностранного языка. Цель просмотрового чтения – развить это умение. Читателю не нужно переводить текст дословно, раскодировать каждую единицу текста, необходимо оценить степень важности представленной информации и уловить ее суть через беглое прочтение (просматривание) текста.

В частности, для подготовки к научной конференции докладчику необходимо просмотреть несколько статей на иностранном языке, выделить основное в соответствии с поставленной целью, сжать информацию до нужного объема и, если конференция проходит на русском языке, адаптировать иноязычную лексику для русскоязычной аудитории. При поиске нужной профессиональной информации в иноязычных источниках для использования в работе специалист также применяет просмотровое чтение: он сначала «пробегаёт» глазами несколько статей (книг, сайтов) с целью узнать, есть ли там полезная для него информация, при этом обращая внимание на название разделов, подписи к рисункам, более подробно останавливаясь на введении и заключении.

Навык просмотрового чтения не возникает спонтанно, он требует регулярной тренировки ряда умений:

1. Умение игнорировать незнакомые единицы речи, которые не влияют на понимание основного содержания текста. Полное понимание сообщения возможно и при наличии некоторого количества неизвестных языковых элементов в силу избыточности информации любого речевого сообщения. [8, С.1201]. Очень сложно знать всю иностранную лексику из читаемого текста, особенно если этот текст – научная статья или заметка из профессиональной области. Задача читателя – понять суть сообщения, опуская незнакомые слова, «не закликаясь» на них.

2. Вычленение нужной информации из всего объема текста, умение опускать не относящуюся к теме информацию. При решении поставленной задачи получить общее представление о содержащейся в тексте информации и определить степень полезности этого текста читатель должен уметь отделять главное от второстепенного. Этот навык не связан напрямую с иностранным языком, он актуален также и для чтения на родном языке.

3. Умение читать и понимать текст без мысленного его перевода на родной язык. Для формирования этого навыка необходим достаточный уровень владения иностранным языком, солидный запас лексики и достойное знание грамматики. Читатель не должен задумываться о значении каждого слова, а должен понимать материал с первого беглого прочтения.

4. Овладение механизмами смысловой компрессии информации. В ситуации профессионально-ориентированного иностранного языка смысловая избирательность и, как следствие, смысловая компрессия становятся ключевым аспектом обучения и изучения. [4]

5. Тренировка внимания, умение его распределять, т.к. во время чтения мы одновременно воспринимаем текст, осмысливаем содержание и запоминаем информацию.

В свою очередь просмотровое чтение на иностранном языке несет ряд преимуществ: запоминание грамматических конструкций; обогащение пассивного, а затем и активного словаря профессиональной лексикой; тренировка орфографии благодаря частому просмотру графической формы слов. Но для этого практика просмотрового чтения должна быть регулярной.

Для обучения просмотровому чтению необходимо подбирать ряд тематически связанных текстовых материалов и создавать ситуации просмотра. Скорость просмотрового чтения не должна быть ниже 500 слов в минуту, а учебные задания должны быть направлены на формирование навыков и умений ориентироваться в логико-смысловой структуре текста, умений извлекать и использовать материал текста источника в соответствии с конкретным коммуникативным заданием. Просмотровому чтению можно обучаться на статьях 5-10 тысяч печатных знаков, имеющих ярко выраженные графические ориентиры (заголовки, иллюстрации и т.п.) [8, С.1201]

Таким образом, способность к просмотровому чтению имеет огромное значение именно для профессионально-ориентированного иностранного языка, поскольку основная цель использования этого вида чтения – получение информации из иностранного источника (в письменной и устной формах). Для этого требуется переработка большого количества информации, где важен не дословный перевод слово в слово, а общее понимание, выделение сути высказывания. Все это и обеспечивается просмотровым чтением. Но для устойчивого развития этого навыка требуется регулярная тренировка ряда умений и регулярная практика этого вида деятельности.

Конфликт интересов

Не указан.

Conflict of Interest

None declared.

Список литературы / References

1. Алиева Э. Формируем стимулы к чтению. На основе инновационных подходов. / Э. Алиева // Библиотечное дело. – 2019. - №3. – С. 8-10.
2. Бирюкова Ю.Н. Виды чтения при обучении переводу научно-технических текстов / Ю.Н. Бирюкова // Полилингвистичность и транскультурные практики. - 2014. - №2. [Электронный ресурс] URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/vidy-chteniya-pri-obuchenii-perevodu-nauchno-tehnicheskikh-tekstov> (дата обращения: 16.09.2021).
3. Клычникова З.И. Психологические особенности обучения чтению на иностранном языке. Пособие для учителя / З.И. Клычникова. - М.: Просвещение, 1983. – 206 с.
4. Коротких Е.Г. Семантико-прагматическая компрессия текста в обучении английскому языку для специальных целей / Е.Г. Коротких, Н.В. Носенко // Современные проблемы науки и образования. - 2020. - №2. [Электронный ресурс] URL: <https://science-education.ru/ru/article/view?id=30665> (дата обращения: 17.06.2021).

5. Курбанова Ш.Х. Роль просмотрового чтения при обучении профессионально-ориентированному иностранному языку в вузе / Ш.Х. Курбанова // Проблемы педагогики. - 2018. - №2 (34). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/rol-prosmotrovogo-chteniya-pri-obuchenii-professionalno-orientirovannomu-inostrannomu-yazyku-v-vuze> (дата обращения: 15.09.2021).

6. Мелентьева Ю.П. Чтение электронных публикаций как элемент обучения и образования. / Ю.П. Мелентьева // Научные и технические библиотеки. - 2019. - №4. - С. 76-83.

7. Тимофеева Т.В. Практическое использование иностранного языка как фактор повышения мотивации студентов неязыкового вуза к его изучению в период пандемии / Т.В. Тимофеева // Международный научно-исследовательский журнал. - 2021. - №3(105) Часть 3. - С. 80-83.

8. Фёдорова М.Л. Просмотровое чтение при обучении профессионально-ориентированному иностранному языку в вузе / М.Л. Фёдорова // Молодой ученый. - 2016. - № 9 (113). - С. 1200-1202.

9. Чилингарян К.П. Английский для специальных (АСЦ) целей в современном обществе / К.П. Чилингарян // Международный журнал экспериментального образования. - 2014. - № 3-1. - С. 145-150.

10. Щукин А.Н. Обучение речевому общению на русском языке как иностранном: Учебно-методическое пособие для преподавателей русского языка как иностранного. - М.: Русский язык. Курсы, 2012. - 783 с.

Список литературы на английском языке / References in English

1. Alieva E. Formiruem stimuly k chteniyu. Na osnove innovacionnyh podhodov. [We form incentives for reading. Based on innovative approaches] / E. Alieva // Library science. - 2019. - No.3 - P. 8-10. [in Russian]

2. Biryukova Yu.N. Vidy chteniya pri obuchenii perevodu nauchno-tehnicheskikh tekstov [Types of reading when teaching translation of scientific and technical texts] / Yu. N. Biryukova // Polylingualism and transcultural practices. - 2014. - №2. [Electronic resource] URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/vidy-chteniya-pri-obuchenii-perevodu-nauchno-tehnicheskikh-tekstov> (accessed: 16.09.2021) [in Russian].

3. Klychnikova Z.I. Psihologicheskie osobennosti obucheniya chteniyu na inostrannom yazyke. Posobie dlya uchitelya [Psychological features of teaching reading in a foreign language. Teacher's Guide] / Klychnikova Z.I. - Moscow: Prosveshchenie, 1983. - 86 p. [in Russian]

4. Korotkih E.G. Semantiko-pragmaticheskaya kompressiya teksta v obuchenii anglijskomu yazyku dlya special'nyh celej [Semantic and pragmatic text compression in English Language Teaching for Special Purposes] / E.G. Korotkih, N.V. Nosenko // Modern problems of science and education. - 2020. - No. 2. - [Electronic resource] URL: <https://science-education.ru/ru/article/view?id=30665> (accessed: 16.09.2021) [in Russian]

5. Kurbanova Sh.H. Rol' prosmotrovogo chteniya pri obuchenii professional'no-orientirovannomu inostrannomu yazyku v vuze [The role of viewing reading in teaching a professionally oriented foreign language at a university] / Kurbanova Sh.H. // Problems of pedagogy. - 2018. - №2 (34). - [Electronic resource] URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/rol-prosmotrovogo-chteniya-pri-obuchenii-professionalno-orientirovannomu-inostrannomu-yazyku-v-vuze> (accessed: 16.09.2021) [in Russian].

6. Melentieva Yu.P. Chtenie elektronnykh publikacij kak element obucheniya i obrazovaniya [Reading electronic publications as an element of training and education] / Yu. P. Melentieva // Scientific and technical libraries. - 2019. - №4. - P. 76-83. [in Russian]

7. Timofeeva T.V. Prakticheskoe ispol'zovanie inostrannogo yazyka kak faktor povysheniya motivacii studentov neyazykovogo vuza k ego izucheniyu v period pandemii [Practical use of a foreign language as a factor of increasing the motivation of students of a non-linguistic university to study it during the pandemic] / T.V. Timofeeva // International Scientific Research Journal. - 2021. - No.3(105) Part 3. - P. 80-83. [in Russian]

8. Fyodorova M.L. Prosmotrovoe chtenie pri obuchenii professional'no-orientirovannomu inostrannomu yazyku v vuze [Revision reading when teaching a professionally-oriented foreign language at a university] / M.L. Fyodorova // Young scientist. - 2016. - No. 9 (113). - P. 1200-1202. [in Russian]

9. Chilingaryan K.P. Anglijskij dlya special'nyh (ASC) celej v sovremennom obshchestve [P. English for Special purposes in modern society] / K.P. Chilingaryan // International Journal of Experimental Education. - 2014. - No. 3-1. - P. 145-150. [in Russian]

10. Shchukin A.N. Obuchenie rechevomu obshcheniyu na russkom yazyke kak inostrannom: Uchebno-metodicheskoe posobie dlya преподавателей russkogo yazyka kak inostrannogo. [Communication teaching of Russian as a foreign language: An educational and methodological guide for teachers of Russian as a foreign language.] / Shchukin A.N. - Moscow: Russkij yazuk. Kursy, 2012. - 783p. [in Russian]

DOI: <https://doi.org/10.23670/IRJ.2021.112.10.082>

ДОПОЛНИТЕЛЬНАЯ ОБРАЗОВАТЕЛЬНАЯ ПРОГРАММА КАК ФАКТОР ПОВЫШЕНИЯ КАЧЕСТВА ОСВОЕНИЯ ДИСЦИПЛИНЫ «ФИЗИКА»

Научная статья

Юшкова Е.Ю.*

Сибирский государственный университет науки и технологий имени академика М.Ф. Решетнева, Красноярск, Россия

* Корреспондирующий автор (yushkovaeyu[at]mail.sibsau.ru)

Аннотация

Обобщен многолетний опыт работы кафедры технической физики Сибирского государственного университета науки и технологий имени академика М.Ф. Решетнева (СибГУ) в специализированных классах школ г. Красноярска. Выделены основные проблемы, связанные с подготовкой абитуриентов для нашего университета на современном этапе: незаинтересованность школьников в получении высшего профессионального образования по направлениям химико-лесного комплекса, слабые естественнонаучные знания, отсутствие навыков самообразования.

Обосновано использование дополнительной образовательной программы, осуществляющую логическую связь между школьным и университетским курсами физики, описаны ее цели, задачи и потребители. Программой предусмотрены лекции, лабораторные работы и решение задач. Самостоятельная работа школьников включает проектную и исследовательскую деятельность, тематика которой максимально приближена к направлениям, реализуемым в университете.

По мнению авторов, реализация в средней школе данной образовательной программы по физике способствует повышению качества освоения дисциплины, создает дополнительные условия для формирования творческих способностей школьника и мотивирует его на сознательный выбор будущей профессии.

Ключевые слова: сотрудничество университета и средней школы. дополнительная образовательная программа, качество образования.

AN ADDITIONAL EDUCATIONAL PROGRAM AS A FACTOR OF IMPROVING THE QUALITY OF MASTERING PHYSICS

Research article

Yushkova E.Yu.*

Reshetnev Siberian State University of Science and Technology, Krasnoyarsk, Russia

* Corresponding author (yushkovaeyu[at]mail.sibsau.ru)

Abstract

The current article summarizes the long-term experience of the Department of Technical Physics of the Reshetnev Siberian State University of Science and Technology in specialized classes of schools in Krasnoyarsk. The author highlights the key problems associated with the preparation of applicants for our university at the present stage: the disinterest of schoolchildren in obtaining higher professional education in the areas of chemical and forestry complex, weak natural science knowledge, lack of self-education skills.

The study substantiates the use of an additional educational program that provides a logical connection between school and university physics courses as well as describes its goals, objectives and consumers. The program includes lectures, laboratory work and problem solving. Independent work of schoolchildren includes project and research activities, the subject of which is as close as possible to the activities implemented at the university.

According to the authors, the implementation of this educational program in physics in secondary school contributes to improving the quality of mastering the discipline, creates additional conditions for the formation of creative abilities of students and motivates them to make a conscious choice of a future profession.

Keywords: university and high school cooperation, additional educational program, quality of education.

Введение

Подготовка специалиста в техническом университете начинается с привлечения в вуз контингента, мотивированного на получение образования по данному техническому направлению, имеющего достойную естественнонаучную школьную подготовку и способного к эффективной учебной деятельности. Реалии современной системы российского образования не позволяют общеобразовательной школе справиться с подготовкой такого контингента. Необходимы разработка и реализация механизмов взаимодействия общего и высшего профессионального образования.

В настоящее время вузами накоплен громадный опыт по сотрудничеству со школой. Трудно перечислить все университеты, реализующие в школах дополнительные образовательные программы, ведущие работу в кружках, секциях, развивающие школьное олимпиадное движение, организующие и курирующие проектную и исследовательскую деятельность школьников. Еще сложнее найти вузы, в которых работа со школой в той или иной форме не ведется совсем. Количество литературных источников, посвященных этой теме, огромно. Анализируя эти источники и собственный многолетний опыт довузовской подготовки, мы выделили основные проблемы, связанные с подготовкой абитуриентов для нашего университета на современном этапе.

На рынке образовательных услуг с каждым годом возрастает количество предложений. Система ЕГЭ дает возможность абитуриенту из любого региона поступать в ведущие вузы страны, поэтому зачастую в региональные вузы приходят не самые успешные выпускники. Кроме того, часто направления, по которым осуществляют образовательную деятельность региональные вузы, будучи важными для региона, не всегда являются

привлекательными для молодежи. Наш университет ведет подготовку специалистов, в том числе, для химического и лесного комплексов (ХЛК), имеющих большое значение для экономики Сибири и Забайкалья. Конкурс на эти направления невысок, процент абитуриентов, сознательно связывающих свою будущую профессиональную деятельность с ХЛК, также низок. Необходима большая работа по пропаганде этих направлений. Подобная деятельность невозможна без взаимодействия университета с общеобразовательной школой.

Особое внимание необходимо уделять укреплению фундаментальной составляющей образования. Объем и содержание необходимых востребованных специальных профессиональных знаний в условиях динамизма рынка труда постоянно меняются. Нарастает противоречие между универсальностью и специализацией подготовки. Естественнонаучные дисциплины формируют научное мировоззрение, культуру мышления, направлены на интеллектуальное развитие личности, имеют высокую степень универсальности. Однако, уровень естественнонаучной подготовки наших первокурсников, и, в первую очередь подготовки по физике, систематически падает [1], [2]. Несоответствие знаний абитуриентов требованиям высшей школы является большой проблемой для университета. Мы ведем большую работу по адаптации первокурсников [3], но усилиями вуза эту проблему решить не удастся. Необходимо формирование единого образовательного пространства «школа – вуз».

Большой проблемой является наблюдающееся в последнее время вытеснение в образовательном пространстве механизма развития логического мышления и механизмов формирования творческой и самостоятельной личности. Это обусловлено доступностью информации, привязанности молодежи к сети Интернет. С помощью различных поисковых систем легко найти любую учебную информацию, решение практически любой задачи. Найденная информация не всегда бывает продуманной и хорошо форматированной, ее получение не требует значительных интеллектуальных усилий. Стереотип подобного отношения к учебной деятельности формируется в школьные годы. В результате в вуз зачастую приходят абитуриенты, имеющие сформировавшуюся привычку «легкого» приобретения информации. Неэффективность такого подхода к образованию очевидна. При этом устойчивые навыки самообразования у наших первокурсников практически отсутствуют.

Таким образом, в современных условиях возрастает актуальность систематического сотрудничества университета с общеобразовательной школой. Для эффективной учебной деятельности в высшей школе необходима комплексная система мероприятий, включающая школьный и вузовский этапы.

Настоящая работа посвящена разработке и реализации дополнительной образовательной программы «Физика», обеспечивающей преемственность основных образовательных программ средней и высшей школы и способствующей повышению мотивации получения образования по направлениям ХЛК.

Дополнительная образовательная программа по физике: основные принципы и требования

Одной из форм взаимодействия университета и школы является организация специализированных классов. Министерство образования Красноярского края, муниципальное образование город Красноярск, СибГУ и ряд школ нашего города заключили четырехстороннее соглашение в области образования, предметом которого является сотрудничество сторон по созданию и функционированию специализированных классов, в том числе и технической направленности. В этих классах наряду с реализацией основной общеобразовательной программы осуществляется и программа дополнительного образования (ДОП).

Кафедра технической физики Сибирского государственного университета науки и технологий имени академика М.Ф. Решетнева активно работает в профильных инженерно-технических классах. Мы участвуем в подготовке к ЕГЭ, олимпиадам разного уровня, вовлекаем школьников в проектную и исследовательскую деятельность, ведем профориентационную работу. Важнейшая часть нашей деятельности - реализация дополнительной образовательной программы.

При создании образовательных программ наиболее сложным является обеспечение преемственности и сопряжения программ, относящихся к разным уровням образования. Эта проблема в течение многих лет остается одной из важнейших задач теории и практики образования [4]. В широком смысле преемственность является основой непрерывного образования (каждый предыдущий уровень рассматривается как исходный для всех последующих). В узком смысле о преемственности программ говорят как об отношениях между отдельными учебными дисциплинами и учебными курсами. Сопряженными считают программы, содержание которых частично перекрывается. Сопряжение возможно не только в рамках одной дисциплины, но и между отдельными дисциплинами и даже их отдельными разделами.

Школьный курс физики является основой университетского курса общей физики. Преемственность основных образовательных программ средней и высшей школы должны обеспечивать государственные стандарты. По мнению преподавателей многих вузов именно нарушение преемственности стало одной из причин несоответствия уровня подготовки школьников требованиям высшей школы. Причинами нарушения этой преемственности являются, в том числе, увеличение разнообразия программ школьного образования и вытеснение из школьной программы фундаментальной составляющей. Зачастую основной целью изучения физики в школе становится подготовка к ЕГЭ, что приводит к формальному, одностороннему подходу к освоению дисциплины. При таком подходе выпускник школы не только не владеет необходимым объемом знаний, умений и навыков, но и не связывает физику со своей будущей специальностью, не осознает ее роли в своем будущем профессиональном и личностном становлении. Возникает разрыв между базовой школьной подготовкой и требованиями вуза.

Дополнительная образовательная программа, в определенном смысле, должна корректировать нарушение преемственности, осуществлять логическую связь между школьным и университетским курсами физики. Не дублируя содержание школьного или вузовского курсов, программа нацелена на развитие физических идей, детализацию физических явлений, рассмотрение мировоззренческих вопросов, корректировку когнитивных способностей школьника. При этом необходимым условием ДОП по физике является ее адекватность математической подготовке школьника в каждом классе.

В контексте нашей задачи пропаганды направлений ХЛК дополнительная образовательная программа должна позиционировать физику как основу современных наукоемких технологий, в том числе технологий лесного и химического комплексов. Мотивацию изучения физики можно повысить, рассматривая ее изучение в школе и далее в вузе как фундамент своей будущей профессиональной успешности на рынке труда. В ДОП должны быть включены вопросы связи конкретных физических знаний с конкретными технологиями. Понятно, что на школьном уровне эти вопросы излагаются качественно и простым языком. Далее школьник станет студентом и на новом уровне вернется к физическим идеям и методам, на которых основаны научно-технические достижения их будущей профессиональной деятельности, заново оценит роль физической науки в техническом прогрессе.

Реализация дополнительной образовательной программы

При разработке ДОП по физике мы в первую очередь определили ее цели и задачи. Основной целью ДОП является содействие более глубокому изучению школьного курса физики, формированию культуры мышления и научного мировоззрения. К задачам реализации программы мы отнесли развитие устойчивого интереса к физике и повышение мотивации ее изучения, повышение познавательной активности учащихся, установление связи содержания физики с современными научно – техническими проблемами в том числе, с проблемами ХЛК, развитие творческих способностей учащихся и приобретение навыков исследовательской деятельности.

Далее были определены потребители программы. Дополнительная образовательная программа по физике рассчитана на четыре года обучения и реализуется в 8-11 классах. При этом мы выяснили, что школьники одного и того же класса одной и той же школы имеют на входе разные уровни знаний, несмотря на то, что в специализированные инженерно – технические классы отбирались учащиеся с самой хорошей естественнонаучной подготовкой.

Сложной задачей было формирование состава и структуры курса, целей и задач каждого модуля. Исторически физика на разных уровнях образования делится на одинаковые разделы (механика, молекулярная физика и термодинамика, электромагнетизм, оптика (геометрическая, волновая и квантовая), строение атома и атомного ядра, физика конденсированного состояния). В школе реализуется концентрическая концепция изучения физики: сначала раздел изучается в 7-9 классах, затем на более высоком уровне в 9-11 классах. Наша ДОП следует такой концепции формирования контента, содействуя более глубокому освоению и пониманию материала.

Программой предусмотрены лекционные и семинарские занятия. Как уже отмечалось, мы стараемся не дублировать школьную программу, поэтому количество лекций ограничено. На лекционных занятиях рассматриваются в основном вопросы применения уже известных школьникам физических знаний в современных технологиях.

Семинарские занятия включают лабораторные работы и решение задач.

Лабораторные работы проводятся на базе университета. Мы придаем большое значение формированию первичных навыков проведения физического эксперимента, простейшей обработке результатов и их интерпретации. Принято считать, что для современного школьника или студента виртуальное взаимодействие с лабораторным оборудованием более интересно. Кроме того, использование виртуальных работ может иметь преимущество по финансовым соображениям, соображениям безопасности и т.д. Однако в реальной профессиональной деятельности инженер или технолог сталкивается с реальным оборудованием, производству не нужен «виртуальный» специалист. Наш опыт работы показывает, что работа на реальных установках очень нравится школьникам, повышает их познавательную активность и мотивацию изучения дисциплины. По нашему мнению, полностью заменять реальный физический лабораторный практикум виртуальным нецелесообразно.

Качественное освоение физики невозможно без решения задач. Особое значение этот вид учебной деятельности приобретает в современных условиях доступности любой информации и решения любой задачи. Цель реализации программы – сделать эту работу неформальной, научить школьников не просто применить ту или иную формулу, а глубоко разобраться в сути физического явления или процесса, освоить общие приемы и методы решения. Для активизации школьников в ходе урока мы практикуем работу в мини-группах: решение предложенной задачи в группах из 3-4 человек с последующим представлением всему классу, совместное обсуждение и выбор наиболее рационального и интересного варианта.

Большое внимание мы уделяем качественным задачам. Зачастую именно решение качественной задачи помогает более детально разобраться в сути физического явления. Мы имеем большой банк качественных задач, большая часть которых связана с физическими явлениями в древесине, явлениями переноса, работой различных машин и механизмов.

В ходе уроков по решению задач мы выявляем особо одаренных и мотивированных детей для привлечения их к участию в олимпиадах разного уровня.

Самостоятельная работа учащихся связана с проектной и исследовательской деятельностью, о чем будет сказано ниже.

Для мониторинга качества освоения любой образовательной программы необходима система контрольных мероприятий, определение средств, форм контроля и формулировка критериев оценки. В нашем случае проектирование такой системы не предусмотрено. Это связано с тем, что школьники (особенно в 9 и 11 классах) достаточно загружены контрольными мероприятиями по основной общеобразовательной программе. По согласованию со школьными учителями мы по возможности дополняем содержание текущих проверочных работ.

Организация проектной и исследовательской деятельности

Одной из задач общеобразовательной школы является подготовка школьников к сознательному и обоснованному выбору профессии, выявление у учащихся интереса, склонностей и способностей к определенной сфере деятельности. Как уже отмечалось, одной из важнейших задач нашего университета является подготовка абитуриента,

мотивированного на обучение по направлениям, связанным с химико – лесным комплексом. Совместная работа по совершенствованию подготовки школьников к профессиональной деятельности, эффективное взаимодействие школы и вуза, целенаправленная профориентационная работа может привести к положительному результату.

Спектр проводимых профориентационных мероприятий достаточно широк [2], [5]. Это зимние политехнические школы, летние лабораторные школы, научно-практические конференции, олимпиады. Школьники знакомятся с предприятиями ХЛК региона, с содержанием профессиональной деятельности, с успешными выпускниками нашего вуза.

В научно-практических конференциях активно участвуют учащиеся специализированных классов, для которых проектная и исследовательская деятельность является основной частью самостоятельной работы.

К исследовательской деятельности школьники привлекаются в 8-ом классе, в самом начале освоения ДОП. Преподаватели университета предлагают темы исследований и проектов, стараясь максимально привлечь внимание школьников к направлениям, реализуемым в университете. Например:

- Тепловые свойства древесины при положительных (отрицательных) температурах;
- Физические методы определения скорости высыхания лаковых покрытий на древесине (мебели и т.п.);
- Физика деформирования древесины при изменении влажности (температуры);
- Физические процессы и явления в атмосфере;
- Физика приборов для измерения солнечной радиации, температуры (контактного и бесконтактного), влажности, атмосферного давления в стационарных и полевых условиях и т.п.

Список тем, связанных с ХЛК, можно продолжить. Разумеется, далеко не всем школьникам эти темы кажутся интересными. Учащиеся могут выбрать другие исследования и проекты, предложить свои варианты.

Как правило, в 8-9 классах школьник ограничивается реферативной работой и знакомством с соответствующими лабораториями университета. К практической деятельности и выполнению несложных экспериментов в рамках выбранного проекта в 10 классе приступает около 60% учащихся. Учащиеся 10-х классов - наиболее активные участники проектной деятельности. Со своими работами они выступают на конференциях разного уровня, достигая хороших результатов. Учащиеся 11-классов в проектной деятельности участвуют реже, уделяя основное внимание подготовке к ЕГЭ.

Заключение

Сотрудничество средней и высшей школы на современном этапе развития системы образования становится все более актуальным. Оно реализуется по разным направлениям, среди которых выделяются качественная естественнонаучная подготовка школьников и их ранняя профессиональная ориентация на специальности, актуальные для региона. Велика роль физики, формирующей научное мировоззрение, системное видение всей предметной области деятельности и культуру мышления.

Одним из способов повышения качества освоения физической науки является преемственность образовательных программ разных уровней обучения. Реализация дополнительной образовательной программы по физике позволяет не только систематически усложнять и расширять содержание дисциплины, неоднократно осмысливать материал на новой качественной основе, но и создавать дополнительные условия для стимуляции творческих начал личности. Включение в ДОП вопросов, связанных с потенциальной профессиональной деятельностью, развивает у школьников мотивацию к получению инженерного образования.

Конфликт интересов

Не указан.

Conflict of Interest

None declared.

Список литературы / References

1. Вопилова Л.В. Компьютерное тестирование как метод непрерывного контроля, диагностики и коррекции знаний по физике / Л.В. Вопилова, О.Ю. Маркова // Вестник КГПУ – 2013. – № 3(25). – С.81–84.
2. Кудрявцева О.А. Организация непрерывного образовательного процесса по дисциплине «Физика» в системе «школа - вуз» при подготовке бакалавров лесной отрасли / О.А. Кудрявцева, О.Ю. Маркова // Хвойные бореальной зоны. – 2016. – № 3-4 – С.169 -173.
3. Захаров Ю.В. Усиление адаптационных ресурсов и физической составляющей подготовки специалистов ХЛК / Ю.В. Захаров, Е.Ю. Юшкова // Хвойные бореальной зоны. – 2016. – № 3-4 – С.163 -168.
4. Сенашенко В.С. Преемственность и сопряжение основных образовательных программ в структуре непрерывного образования / В.С. Сенашенко, Н.А. Вострикова, В.А. Кузнецова // Высшее образование в России. – 2009. – № 10. – С.3-10.
5. Юшкова Е.Ю. Возможные пути повышения мотивации изучения фундаментальных дисциплин в техническом вузе. / Е.Ю. Юшкова // Глобальный научный потенциал. –2017. –№ 8(77). –С.13-17.

Список литературы на английском языке / References in English

1. Vopilova L.V. Komp'yuternoe testirovanie kak metod nepreryvnogo kontrolya, diagnostiki i korrektsii znaniy po fizike [Computer testing as a method of continuous monitoring, diagnostics and correction of knowledge in physics] / L.V. Vopilova, O.Ju. Markova // Vestnik KGPU [KSPU Bulletin] – 2013. – № 3(25). – P.81–84. [in Russian]
2. Kudrjajtseva O.A. Organizacija nepreryvnogo obrazovatel'nogo processa po discipline «Fizika» v sisteme «shkola-vuz» pri podgotovke bakalavrov lesnoy otrasli [Organization of a continuous educational process in the discipline "Physics" in the "school - university" system for the preparation of bachelors of the forestry industry] / O.A. Kudrjajtseva, O.Ju. Markova // Hvoynye boreal'noi zony [Conifers of the boreal zone] – 2016. – № 3-4 – P.169 -173. [in Russian]

3. Zaharov Yu.V. Usilenie adaptacionnyh resursov i fizicheskoi sostavljayuschei podgotovki specialistov HLK [Strengthening the adaptive resources and the physical component of the training of HLC specialists] / Yu.V. Zaharov, E. Yu Yushkova // Hvoynye boreal'noi zony [Conifers of the boreal zone]. – 2016. – № 3-4 – P.169 -173 [in Russian]
4. Senachenko V.S. Preemstvennost' i sopryuzhenie osnovnyh obrazovatel'nyh program v structure nepreryvnogo obrazovania [Continuity and integration of basic educational programs in the structure of lifelong education] / V.S Senachenko, N.A. Vostrikova, V.A. Kuznecova // Vysshee obrazovanie v Rossi [Higher education in Russia] – 2009. – № 10. – P.3-10. [in Russian]
5. Yushkova E.Yu. Vozmozhnye puti povyshenia motivacii izuchenia fundamental'nyh disciplin v technicheskom vuze [Possible ways to increase the motivation for studying fundamental disciplines in a technical university]. / E.Yu. Yushkova // Global'nyj nauchnyj potencia [Global scientific potential]. –2017. –№ 8(77). – P.13-17. [in Russian]

DOI: <https://doi.org/10.23670/IRJ.2021.112.10.083>

КОМИЧЕСКОЕ В ТОЛКОВАНИИ КРИТИКОВ-СЛАВЯНОФИЛОВ

Научная статья

Абалуева С.Н.*

ORCID: 0000-0003-4729-7035,

Тихоокеанский государственный университет, Хабаровск, Россия

* Корреспондирующий автор (abaluevasnezana[at]gmail.com)

Аннотация

В статье исследуется категория комического в ее преломлении во взглядах славянофилов, объединившихся вокруг журнала «Москвитянин». Особое внимание уделяется публикациям, посвященным прозе Н. В. Гоголя; именно вокруг произведений классика обострились вопросы, связанные с эстетической и социальной функциями сатиры и юмора в литературе. Ведущие сотрудники «Москвитянина» не согласились с Белинским, рассматривавшим произведения писателя с позиции «натуральной школы»; в творчестве Гоголя он видел образец, по которому формировались приемы данной школы, а сам Гоголь воспринимался им ее родоначальником. Славянофилы, в свою очередь, выступавшие от имени «эстетики по-русски» или «эстетики христианской» (С. П. Шевырев), стремились к созданию именно национальной эстетики, оценивали художественный мир Гоголя, акцентируя в его приемах комического духовные начала.

Цель статьи в том, чтобы выявить особенности понимания категории комического критиками-славянофилами, исследовать их понимание эстетической и социально-этической функций сатиры и юмора, взятые в их конкретном национальном выражении. Новизна работы определяется тем, что анализируются литературно-критические тексты, ранее мало привлекавшие внимание. Результаты проведенного исследования имеют важное значение для дальнейших исследований эстетических взглядов славянофилов, сущности комического в его национальном преломлении.

Ключевые слова: «Москвитянин», комическое, «натуральная школа», славянофилы, национальная эстетика, духовность.

THE COMIC IN THE INTERPRETATION OF THE SLAVOPHILE CRITICS

Research article

Abalueva S.N.*

ORCID: 0000-0003-4729-7035,

Pacific State University, Khabarovsk, Russia

* Corresponding author (abaluevasnezana[at]gmail.com)

Abstract

The article examines the category of the comic in its refraction in the views of the Slavophiles who united around the "Moskvityanin" magazine. Special attention is paid to publications that feature the prose of N. V. Gogol; It is around the works of this classical author that the issues related to the aesthetic and social functions of satire and humor in literature have become acute. The leading employees of Moskvityanin did not agree with Belinsky, who considered the writer's works from the position of a "natural school"; in Gogol's work, he saw a model according to which the methods of this school were formed, while Gogol himself was perceived by him as its originator. The Slavophiles, in turn, who spoke on behalf of "aesthetics in Russian" or "Christian aesthetics" (S. P. Shevyrev), sought to create a national aesthetic, evaluated the artistic world of Gogol, emphasizing spiritual principles in his comic techniques.

The purpose of this article is to identify the aspects of the understanding of the category of the comic by Slavophile critics, to explore their understanding of the aesthetic and socio-ethical functions of satire and humor in their specific national way of expression. The novelty of the research is determined by the fact it conducts an analysis of those literary and critical texts that previously attracted little attention. The results of the conducted research are of great importance for further research of the aesthetic views of the Slavophiles and the essence of the comic in its national refraction.

Keywords: "Moskvityanin", comic, "natural school", Slavophiles, national aesthetics, spirituality.

Введение

Истории славянофильского направления и взглядам его участников посвящено большое количество литературы. Формально появление славянофильства связывают с «Философическими письмами» П. Я. Чаадаева (1828-1830). Н. Бердяев считал, что П. Я. Чаадаев и В. С. Печерин «представляли у нас религиозное западничество, которое предшествовало самому возникновению западнического и славянофильского направления» [5, С. 68]. При разности позиций у западников и славянофилов их роднит философский универсализм, понимание бытия как целого. В обоих взглядах «был мечтательный элемент, они противопоставили свою мечту невыносимой николаевской действительности» [5, С. 71]. Идеалистический характер понятий этих двух направлений объясняет исход их воззрений: славянофилы погружаются в религию, западники – в социализм. Но у истоков, по мысли Бердяева, находится вера Чаадаева «в великую миссию России», «русская мессианская идея» [5, С. 68].

Славянофилы не отрицали западную цивилизацию, но они были полны желания создать «учение о своеобразии России и ее пути и хотели объяснить ее отличия от Запада» [5, С. 70]. Вопрос о будущем для славянофилов теснейшим образом связан с православием. В понимании А. С. Хомякова, например, в основании истории лежат «вера как движущее начало» «жизни народов» и идея «свободы и необходимости, духовности и вещественности» [16, С. 178]. В центре

философии Хомякова – народ как носитель «христианской правды», «православного сознания». Русский народ сумел сохранить мирозерцание религиозного бытия, поэтому он – творец будущей истории. В трактовке будущего России идеалом выступает общность людей, связанных православной верой, провозглашающих единые духовные ценности, «гарантирующие духовную целостность личности, истинность познания, примирения в христианской любви, свободы каждого и единства всех» [16, С. 180].

Само общество, согласно славянофильской мысли, строится по типу семейных отношений, которые противопоставлены западному индивидуализму. Это – объединение людей, отказавшихся от своего эгоизма, своего рода нравственное множество, в котором личность не теряет себя, но отрекается от своей исключительности [16, С. 206]. В понимании славянофилов, русский человек цельный, в нем присутствует кротость и смирение, «одушевленная любовью разумность», он способен на подвиг каждодневной духовной работы [16, С. 208]. Тип русского человека сложился посредством единства «ума» и «сердца», это «синтетический тип», когда ум и сердце существуют едиными интересами и целями [16, С. 83]. Отсюда отличительные черты славянофильского учения о познании. Для славянофильской теории познания характерен «гносеологический антирационализм»; это такое познание, которое можно назвать интуитивным, «сердечным» познанием. Возможны варианты: «творческий акт» по К. С. Аксакову, «сердечная мысль» по А. Григорьеву. Таким образом, у славянофилов «на первый план выступает не дискурсивное мышление, но интуитивное», «познание – сердцем» [16, С. 82]. «Гнозис» оказывается духовным и «как бы моральным познанием» [16, С. 84].

Идеи славянофилов об единстве «логики ума» и «логики сердца» в познании не могли оставаться без последствий для их эстетических взглядов. Они постоянно писали о необходимости соблюдения единства этического и эстетического в акте художественного творчества. Разум, который верует, достигает той цельности бытия, которую уже невозможно разложить на «составляющие этического и эстетического порядка» [16, С. 88]. «Художественное» мышление необходимо возвышается «до сочувственного согласия с верою» [9, С. 318]. Сотрудники журнала «Москвитянин» (1841-1856) и в более резкой форме критики, представлявшие журнал «Маяк» (1840-1845), рассматривали категории эстетического, художественного и духовного в их единстве. «Славянофилы проецировали на эстетику константы национального образа мышления, освещали ее со стороны духовной культуры» [13, С. 9]. В частности, С. П. Шевырев «призывал следовать традициям национальной эстетики и «эстетики христианской», дающим возможность подняться от эстетического любования красотой до ее духовного созерцания» [13, С. 29].

Однако идея создания новой эстетики не была лишена противоречий. От желания автора выразить этическую оценку, добавить поучительные и назидательные элементы страдала художественная сторона изображения. «Роль повествования как этического «события» отвергало его художественную значимость» [13, С. 52]. Поставив во главу угла воспитательную функцию произведения, художник отказывал себе в свободном творчестве. Славянофилы хотели «примирить искусство с религией», и более того, «примирить религию с жизнью» [16, С. 56]. Здесь они, как Белинский, были подвержены идее «искусствоцентризма», только с той разницей, что искусство, по их мнению, должно быть параллельно «христоцентричным»; стоит преодолеть в творчестве эгоизм, так сразу же станет возможно создание произведений, «утверждающих духовную красоту» мира; литература будет в состоянии духовно «преобразить современного человека» [16, С. 66]. Но впоследствии славянофилы пришли к мнению, что истины христианские невозможно донести в форме литературного творчества в полной мере. Внутренний мир личности художника и христианские идеалы не смогут совпасть полностью. Славянофилы недоработали свою концепцию воплощения духовной цельности в искусстве, признавая, что пока не могут ответить на вопросы о верных формах для «Русской мысли» и «Русского чувства» [17, С. 118].

В. А. Кошелев выделил в незавершенной эстетической картине славянофилов следующие моменты:

- 1) произведение искусства должно отвечать «требованиям простоты, естественности, непридуманности»;
- 2) отношения между художником и объектом изображения подразумевают отсутствие лишней «рассудочности»;
- 3) художник воспринимает мир «естественно» и «органично», с учетом диалектики «правды» и «лжи», обличая дурное в человеке и действительности, он должен обязательно указать на идеал;
- 4) «чистого» искусства не существует; художник всегда остается представителем народа и времени;
- 5) слово должно функционировать в произведении в его полноте охвата жизни, как было в античные времена, когда оно еще «не содержало субъективного человеческого начала», то есть слово должно выполнять только номинативную функцию;

6) «сюжет ... имеет субъективное начало, всегда носит на себе печать авторского построения со всеми его погрешностями», поэтому сюжет – не главное в словесном искусстве, [10, С. 124, 145, 120, 123].

Для объективности повествования сосредоточенность на сюжетной интриге вредит. Писатель изображает действительность образно, а не логически. Интерес читателя должен сосредотачиваться не на конкретных частных коллизиях, а на образе, который вырисовывается всем произведением в целом. Так, в «Мертвых душах» Гоголя событийная сторона оказывается на периферии, важно то, что все произведение обобщенно выражает образ народа.

Славянофилы более крайних взглядов, как сотрудники журнала «Маяк», и более умеренных, собравшиеся вокруг журнала «Москвитянин», стремились создать «модели» «русской повести», «русского романа», где фабуле и сюжету отводилась служебная роль. Например, вступая в полемику с типом героя, созданным Лермонтовым в его романе, они, как правило, использовали элементы авантюрного сюжета, но рассказ о «герое времени» «включался в контекст ценностей «большого мира», куда не вписывалась авантюрная модель действия». Правда, как выяснено, «большой мир» пребывал в отвлеченной фантазии, его наличие допускалось в рассуждениях, диалогах героев, а не в предметно-изобразительном плане («божий мир», «божье небо», «святая земля», «наши обычаи») [13, С. 50]. Известны «русские повести», составленные на первый взгляд по канонам европейской литературы, по образцу распространенных в литературе сюжетных схем, но только с установкой на дальнейшую деканонизацию этих схем и выдвижения на первый план дидактического, «поучительного» начала. Если герой в сюжете подвергался «испытанию», то обязательно с позиции «принятого готового идеала». Пренебрежение сюжетом в привычном значении термина было связано с тем, что

для славянофилов главное в художественном произведении – характер, который «не укладывается в его страсти, настроение и бытовые привычки. Если писатель ограничивается таким поверхностным рассказом, то сюжет его произведения фатально, без претензии на широкий охват действительности, движется от завязки к развязке – через цепь происшествий, приковывающих читателя» [13, С. 73]. Таким образом, подтверждается мысль, что в славянофильской эстетике «сюжет выполнял не столько функцию эстетического, сколько этического события» [13, С. 63].

Особое значение для славянофильской эстетики имело творчество Гоголя. И. А. Виноградов рассматривает позицию Гоголя как «убежденного славянофила-государственника» [7, С. 189]. На материале «Выбранных мест из переписки» исследователь доказывает, что Гоголь разделял и защищал положения славянофильства, но выступал против их оторванности от практической стороны русской жизни.

Таким образом, отечественные литературоведы освещали и изучали русское славянофильство в различных его аспектах. Без внимания не оставляли в том числе их эстетические представления, но вопрос о том, как они понимали категорию комического и каковы были истоки их полемики с представителями так называемой «западной эстетики», до настоящего времени не нашел должного освещения.

Комический «элемент» прозы Гоголя в толковании славянофильской критики 1840-х гг.

П. А. Вяземский, характеризуя литературную обстановку конца 1840-х гг., писал, что люди, провозглашающие свою приверженность западным учениям, именно в Гоголе старались найти «союзника и оправдателя себе»; они воспринимали его и как замечательного живописца, и как «обличителя народных недостатков и недугов общественных». Вяземский высказывается и о славянофилах, мечтающих о том, чтобы «мы шли к усовершенствованию своим путем, росли и крепили в собственных началах», и с недоумением отмечает: то, что они положительно оценивают картины, созданные Гоголем, «это для меня непостижимо» [8, С. 316].

Действительно, оба лагеря, западнический во главе с Белинским и славянофильский, понимали злободневность гоголевского творчества. Для Белинского бесценен вклад Гоголя в формирование реалистического метода, в создание приемов типизации и сатиры. В творчестве Гоголя критик видел начало нового направления в литературе, а именно «натуральной школы». Ю. Ф. Самарин, в свою очередь, указывал, что «натуральная школа» разработала свои основные положения, взяв за основу популярный в 40-х годах во Франции жанр физиологического очерка и обосновав актуальность этого жанра для русской литературы появлением мощного гоголевского таланта. «... Натуральная школа обязана происхождением своим Гоголю, с которым она имеет общего только содержание, у него заимствованное, и влиянию новейшей французской литературы. Она основана на двойном подражании, следовательно, лишена всякой самостоятельности и так же далека от действительности, как покойный романтизм» [15, С. 15]. В творчестве писателей «натуральной школы» Самарин не видит доброй цели. Если вспомнить социальную подоплеку литературы Франции, то ее задачи носили революционный характер: «возбуждение страсти» народных масс и желание «очернить настоящее, чтобы выставить в соблазнительном свете будущее» [15, С. 10]. Белинский, в свою очередь, не отрицал французские истоки «натуральной школы», акцентируя внимание именно на социальных задачах литературы. Он настаивал на том, чтобы «наша литература» не должна быть исключительно элитарной, основываться только на высоких образцах. В ней должны быть произведения беллетристического характера, из которых каждый мог бы почерпнуть знания о современных им общественных проблемах. Именно здесь для «натуральной школы» встает вопрос о большом значении гоголевской сатиры как средстве обличения социального уклада.

Славянофилы стремились обосновать значение гоголевской сатиры в ином ключе. Для них сатира предстает в качестве формы, за которой кроется содержание более высокого толка, нежели трактует его «натуральная школа». Не обличительной стороной силен юмор Гоголя, а сокрытым за ним духовным чувством. Самарин рассуждал о «литературном подвиге» Гоголя, который первый ввел в литературу изображение пошлого человека, но эта тема – не только следствие его наблюдательности, а итог собственных нравственных исканий. Гоголь «слабости, пороки и пошлость» почувствовал в себе самом, пропустил через собственную душу, и поэтому «имел право на обличение» [15, С. 10]. Но цели современных писателей физиологического жанра Самарину непонятны. Главным недостатком «натуральной школы» он считает карикатуры на народ. Если и есть необходимость в социальной функции литературы, то ею должно стать дело сближения читателя с народом. Писатели «не знают» простой народ и посредством сатирико-схематического изображения сами отвергают тех людей, на защиту которых должны были встать. Самарин общественную функцию литературы видит в пробуждении сочувствия образованных слоев к своему народу. Эта благая цель может быть воплощена только в «спокойном» изображении действительности, но сатира, будучи средством унижающего обличения, не может служить правдивому изображению русской действительности.

К. С. Аксаков в своей рецензии на «Мертвые души» так же, как и Самарин, пытался минимизировать роль сатиры. Он сближал поэму с жанром эпоса в его исконном понимании древними греками. «Мертвые души» отражают эпическую картину русского мира, в них изображена эпоха такой, какая она есть, и все произведение проникнуто мыслью о единстве национального духа. «В поэме Гоголя явления идут одне за другими, спокойно сменяя друг друга, объемлемые великим эпическим созерцанием, открывающим целый мир, стройно предстающий со своим внутренним содержанием и единством, с своею тайною жизни» [1, С. 78]. Интересную точку зрения по этому поводу высказал В. А. Кошелев: К. С. Аксаков переосмыслил функцию гоголевской сатиры, с опорой на поэму Гоголя он «выделил в литературе в качестве особой и единственно имеющей «поэтическое значение» комическую сторону» [10, С. 120]. В литературе комическое необходимо постольку, поскольку оно отражает «ложное положение всего общества» [10, С. 120]. Увидев в «Мертвых душах» образец древнего эпического (объективного) созерцания, Аксаков противопоставил поэму 1) художественным опытам романтической литературы и 2) «субъективности» «натуральной школы», особенно наглядно проявившейся, по его мнению, в сатирическом пафосе их произведений. «Юмор в наше время есть то, что необходимо сопровождает самое полное и спокойное созерцание поэта, <...> но это не тот юмор, который выдает, выставляет субъект, уничтожая действительность <...> но тот, который связует субъект и действительность, сохраняя и тот и другую...» [3, С. 90]. Писатели «натуральной школы» так и не смогли избавиться

от своей негативной субъективности в отношении к русской действительности, когда как Гоголь в своем взгляде на обыденную жизнь возвышался над ней посредством юмора. Художник, считает Аксаков, должен быть свободен от практических целей, обязан перешагнуть через свои эмоции и интересы, оставаться беспристрастным и справедливым. Юмор же дан художнику в помощь – это средство, которое облегчает восприятие реальности.

Анализ высказываний славянофилов показывает, что проблема комического в литературе находилась под постоянным вниманием. Их понимание было концептуальным, продиктовано необходимостью обосновать национальное своеобразие русской литературы. Особенно интенсивно размышлял на эту тему С. П. Шевырев. Показательна его рецензия на поэму «Мертвые души», в которой он находил следующее противоречие: как художник, Гоголь использует «весь скарб низменной природы смешного», он смеется, а как человек, Гоголь – лирик, он грустит и плачет при виде «низменной» действительности [14, С. 56]. Но посредством творческой фантазии, имеющей духовное происхождение, эти противоречия примиряются в нем – цельном художнике. «Талант Гоголя был бы весьма односторонен, если бы ограничивался одним комическим юмором, если бы обнимал только одну низменную сферу действительной жизни, если бы личное (субъективное) чувство его не переливалось из яркого хохота в высокую бурю восторженной страсти и, если бы потом обе половины чувства не мирились в его светлой, творящей, многообъемлющей фантазии» [14, С. 63].

Но если две стороны находят согласие в Гоголе-творце, то в готовом произведении Шевырев вновь рассматривает противоборство юмора и фантазии: «...комический юмор препятствует творческой фантазии, способной возвыситься над субъективностью чувств поэта, свободно, полно и спокойно созерцать жизнь» [14, С. 64]. Примирительной силой здесь может быть только более глубокое и верное постижение действительности, как юмором, так и фантазией. Там, где автор в угоду сатирическому эффекту ушел от реальности, проявляются слабые места произведения. Шевырев настороженно относится к комическому в литературе, что имеет свою подоплеку. Европейские физиологические очерки давали яркие, в определенной степени карикатурные зарисовки на действительность и быт. Новые социальные задачи искусства отражались в сатирической литературе и графике. Появившееся в нашей литературе сборники «Физиология Петербурга» (1845) и «Петербургский сборник» (1846) воспринимались Шевыревым не как социальная сатира, а как карикатуры на поведение и быт, как зарисовки, изображающие реальность в заведомо искаженном виде. Шевырев предостерегал от низведения типического, характерного в жизни до карикатурности. «Комический демон иронии» видит в человеке одну плохую черту, преувеличивая ее до крайности [14, С. 71]. Шевырев считал, что в «Мертвых душах» можно выделить карикатурные, сугубо комические характеры. Однако там, где дается предыстория героя, характеры глубже и реалистичней, таковы Плюшкин и, конечно же, сам Чичиков. «Комический демон шутики иногда увлекает до того фантазию Поэта, что характеры выходят из границ своей истины <...> По большей части мы видим в них одну отрицательную, смешную сторону, полобхвата, а не весь обхват русского мира» [14, С. 71-73]. Именно в изображении только отрицательных сторон действительности Шевырев и его соратники видят односторонность «натурального» направления.

Уже отмечено, что Шевырев стоял на позициях создания «эстетики христианской» с ее национально-русской окраской. «Еще в начале XIX века в русской литературе укоренились понятия и представления об искусстве, имевшие западноевропейское происхождение, в чем не было ничего необычного. Русская эстетика была занята поиском универсального (интернационального) языка для объяснения художественных явлений. Она заимствовала язык интерпретации искусства, выработанный к тому периоду на Западе. Но уже в 1840-е гг. появились противники этого (преимущественно гегелевского) дискурса в теории искусства. С. П. Шевырев, чьи эстетические взгляды во многом сформировались под влиянием все той же западной эстетики, тем не менее, задумывался над учреждением основ национальной эстетики. Прилагал старания к тому, чтобы сформулировать тезисы «эстетики христианской», «стараясь снять извечную конфронтацию между искусством и верой» [13, С. 9]. Религиозный подтекст размышлений Шевырева во многом определил трактовку комического и его неоднозначный взгляд на поэму Гоголя, а также его решительное неприятие методов «натуральной школы».

Мысли Шевырева о комическом были развиты им в статье «Теория смешного» (1851), где он прослеживает черты комизма «по-русски» от ранних фольклорных источников до современного ему этапа развития литературы. Критику важно подчеркнуть, что в памятниках народной словесности «сохранились многие прекрасные черты русского комизма». «Наклонность к смешному» – «органическая черта русского народа» [19, С. 371]. Последующие поколения, начиная от Ивана Грозного, Петра Первого и заканчивая Грибоедовым, органично наследуют эту высокую черту характера. В этот ряд Шевырев ставит и Гоголя; он со своим «Ревизором» вливается в процесс преемственности лучших традиций русской словесности. В комедиях Гоголя отразились «типические признаки известного времени», которые могут быть понятны «всем векам и народам», «но уже не возбуждают в нас живого участия». Но «в теории комедии, – пишет Шевырев, – весьма важен другой, щекотливый вопрос об ее отношении к современному обществу» [19, С. 380]. И решает он этот вопрос с позиции воспитывающей силы русской комедии, в которой сатирический элемент должен служить делу воспитания читателя. И неизменно «грусть и добрый смех так глубоко смешивались воедино для важной цели» – «клеить дурачество» [19, С. 373]. Русская литература тем самым помогает развитию общества. Имея в душе своей «высокое уважение к добродетели» [19, С. 384], русский человек умеет посмеяться над собой. Смех помогает осознать пороки, преодолеть их и «идти вперед». Комедия всегда злободневна. Эта жизненность русской комедии помогает воспитанию своего народа. Преодолевая сегодняшние пороки, осмеяв их, писатель ведет общество в будущее. «Если общество из среды своей воспитало художника, который может в комическом создании сознать свои недостатки, – значит, оно сделало шаг вперед, оно готово уже сбросить их...» [19, С. 381]. Писатель-комик для каждого времени – свой, взращенный современной ему средой.

Заключение

Таким образом, славянофильское понимание комического шло в русле осмысления национального своеобразия искусства. Оно тесно связано с попытками славянофилов создать методологию национальной (христианской)

эстетики, где посредством приемов комического будут воспитываться духовные начала русского человека. Важная роль в этом отводилась гоголевской сатире. Она воспринималась славянофилами не как средство обличения действительности (полемика с «натуральной школой»), а как необходимый толчок к осознанию каждого личными дурных качеств. Гоголь, изображая пошлую действительность, был выше обыденности, цель его сатиры в пробуждении душевной рефлексии и последующего внутреннего очищения.

Конфликт интересов

Не указан.

Conflict of Interest

None declared.

Список литературы / References

1. Аксаков К. С. Несколько слов о поэме Гоголя: Похождения Чичикова или Мертвые души / К. С. Аксаков // Эстетика и литературная критика. – М.: Искусство, 1995. – С. 74-85.
2. Аксаков К. С. О некоторых современных собственно литературных вопросах / Аксаков К. С. // Эстетика и литературная критика. – М.: Искусство, 1995. – С. 43-74.
3. Аксаков К. С. Объяснение (по поводу рецензии В. Г. Белинского на «Несколько слов о поэме Гоголя...») / Аксаков К. С. // Эстетика и литературная критика. – М.: Искусство, 1995. – С. 85-94.
4. Белинский В. Г. Собрание сочинений в 9 томах / В. Г. Белинский. – М.: Художественная литература, 1876. – 6624 с.
5. Бердяев Н. А. Русская идея / Н. А. Бердяев. – СПб.: Азбука-классика, 2008. – 301 с.
6. Виноградов И. И. Славянофильство и западничество в споре о поэме Н. В. Гоголя «Мертвые души»: невостребованное и забытое / И. И. Виноградов // Два века русской классики, 2020. – Т. 2. – №1. – С. 62-140.
7. Виноградов И. И. Феномен западничества в славянофильстве: взгляд Гоголя / И. И. Виноградов // Литературный факт. – 2019. – №2. – с. 189-224.
8. Вяземский П. А. Языков и Гоголь / П. А. Вяземский // Полное собрание сочинений князя П. А. Вяземского. – Санкт-Петербург: издание графа С. Д. Шереметева, 1879. – Т.2. – С. 304-334.
9. Киреевский И. В. Критика и эстетика / И. В. Киреевский. – М.: Искусство, 1979. – 440 с.
10. Кошелев В. А. Эстетические и литературные воззрения русских славянофилов (1840-1850-е гг.) / В. А. Кошелев. – Ленинград: Наука, 1984. – 196 с.
11. Кулешов В. И. Славянофилы и русская литература / В. И. Кулешов. – М.: Художественная литература, 1970. – 288 с.
12. Мехтиев В. Г. Журнал «Маяк»: духовная оппозиция эстетическим идеям журналистики 1840-х гг. и романтизму М. Ю. Лермонтова / В. Г. Мехтиев. – Хабаровск: Изд-во ХГПУ, 2004. – 205 с.
13. Мехтиев В. Г. Эстетические и художественные грани классической традиции / В. Г. Мехтиев. – Хабаровск: Изд-во ТОГУ, 2018. – 140 с.
14. Русская эстетика и критика 40-50-х гг. 19 века / Текст, вступ. статья и прим. В. К. Кантора и А. Л. Осовата. – М.: Искусство, 1982. – 544 с.
15. Самарин Ю. Ф. О мнениях «Современника» исторических и литературных / Ю. Ф. Самарин // Русская эстетика и критика 40-50-х гг. 19 века. – М.: Искусство, 1982. – С. 2-23.
16. Славянофильство и современность. Сб-к статей / Отв. ред. Б. Ф. Егоров, В. А. Котельников, Ю. В. Стенник. – СПб.: Наука, 1994. – 261 с.
17. Хомяков А. С. Письмо в Петербург по поводу железной дороги / А. С. Хомяков // Полное собрание сочинений Алексея Степановича Хомякова в 8 томах. – Т.3. – Изд. 4-е. – М.: И.Н. Кушнерев и К, 1911. – С.104-118.
18. Цейтлин А. Г. Становление реализма в русской литературе / А. Г. Цейтлин. – М.: Наука, 1965. – 317 с.
19. Шевырев С. П. Теория смешного, с применением к русской комедии. Статья 2. / С. П. Шевырев // Москвитянин. – 1851. – Т.1. – №1. – С. 373-385.
20. Шевырев С. П. Христианская философия. Беседы Баадера. / С. П. Шевырев // Москвитянин. – 1841. – Т.3. – №6. – С. 378-437.

Список литературы на английском языке / References in English

1. Aksakov K. S. Neskol'ko slov o pojeme Gogolja: Pohozhdenija Chichikova ili Mertvyje dushi [A few words about Gogol's poem: The adventures of Chichikov or Dead souls] / K. S. Aksakov // Jestetika i literaturnaja kritika [Aesthetics and literary criticism]. – М.: Art, 1995. – P. 74-85. [in Russian]
2. Aksakov K. S. O nekotoryh sovremennyh sobstvenno literaturnyh voprosah [About some contemporary specifically literary questions] / K. S. Aksakov // Jestetika i literaturnaja kritika [Aesthetics and literary criticism]. – М.: Art, 1995. – P. 43-74. [in Russian]
3. Aksakov K. S. Ob'jasnenie (po povodu recenzii V. G. Belinskogo na «Neskol'ko slov o pojeme Gogolja...») [Explanation (regarding Belinsky's review of "A few words about Gogol's poem...")] / K. S. Aksakov // Jestetika i literaturnaja kritika [Aesthetics and literary criticism]. – М.: Art, 1995. – P. 85-94. [in Russian]
4. Belinsky V. G. Sbranie sochinenij [Collected works] in 9 volumes / V. G. Belinsky // М.: Fiction, 1876. – P. 6624. [in Russian]
5. Berdyaev N. A. Russkaja ideja [Russian idea] / N. A. Berdyaev // SPb.: Alphabet-classic, 2008. – P. 301. [in Russian]
6. Vinogradov I. I. Slavjanofil'stvo i zapadnichestvo v spore o pojeme N. V. Gogolja «Mertvyje dushi»: nevostrebovannoe i zabytoe [Slavophilism and Westernism in the dispute about Gogol's poem "Dead souls": unclaimed and forgotten] / I. I. Vinogradov // Dva veka russkoj klassiki [Two centuries of Russian classics], 2020. – V.2. – №1. – P. 62-140. [in Russian]
7. Vinogradov I. I. Fenomen zapadnichestva v slavjanofil'stve: vzgljad Gogolja [The phenomenon of Westernism in Slavophilism: Gogol's view] / I. I. Vinogradov // Literaturnyj fakt [Literary fact]. – 2019. – №2. – P. 189-224. [in Russian]

8. Vyazemsky P. A. Jazykov i Gogol' [Yazykov and Gogol] / P. A. Vyazemsky // Polnoe sobranie sochinenij knjazja P. A. Vjazemskogo [Complete works of prince P. A. Vyazemsky]. – St. Petersburg: graph S. D. Sheremetev's edition, 1879. – V.2. – P. 304-334. [in Russian]
9. Kireevsky I. V. Kritika i jestetika [Criticism and aesthetics] / I. V. Kireevsky. – M.: Art, 1979. – P. 440. [in Russian]
10. Koshelev V. A. Jesteticheskie i literaturnye vozzrenija russkih slavjanofilov (1840-1850-e gg.) [Aesthetic and literary views of Russian Slavophiles (1840-1850)] / V. A. Koshelev. – Leningrad: Science, 1984. – P. 196. [in Russian]
11. Kuleshov V. I. Slavjanofily i russkaja literatura [Slavophiles and Russian literary] / V. I. Kuleshov. – M.: Fiction, 1970. – P. 288. [in Russian]
12. Mekhtiev V. G. Zhurnal «Majak»: duhovnaja oppozicija jesteticheskim idejam zhurnalistiki 1840-h gg. i romantizmu M. Ju. Lermontova [Journal “Mayak”: spiritual opposition to the aesthetic ideas of journalism in the 1840s and Lermontov's romanticism] / V. G. Mekhtiev. – Khabarovsk: Khabarovsk State Humanitarian University, 2004. – P. 205. [in Russian]
13. Mekhtiev V. G. Jesteticheskie i hudozhestvennye grani klassicheskoy tradicii [Aesthetic and artistic facets of the classical tradition] / V. G. Mekhtiev. – Khabarovsk: Pacific State University, 2018. – P. 140. [in Russian]
14. Russkaja jestetika i kritika 40-50-h gg. 19 veka [Russian aesthetics and criticism of the 40-50s 19th century] / Text, article, notes by V. K. Kantor, A. L. Ospovat. – M.: Art, 1982. – P. 544. [in Russian]
15. Samarin Yu. F. O mnenijah «Sovremennika» istoricheskikh i literaturnyh [About historical and literary views of “Sovremennik”] / Yu. F. Samarin // Russkaja jestetika i kritika 40-50-h gg. 19 veka [Russian aesthetics and criticism of the 40-50s 19th century]. – M.: Art, 1982. – P. 2-23. [in Russian]
16. Slavjanofil'stvo i sovremennost' [Slavophilism and modernity]. Digest of articles / Ed.: B. F. Egorov, V. A. Kotelnikov, Yu. V. Stennik. – SPb.: Science, 1994. – P. 261. [in Russian]
17. Khomyakov A. S. Pis'mo v Peterburg po povodu zheleznoj dorogi [Letter to St. Petersburg about the railway] / A. S. Khomyakov // Polnoe sobranie sochinenij Alekseja Stepanovicha Homjakova [Complete works] in 8 volumes. – V.3. – M.: I. N. Kushnerev and K, 1911. – P. 104-118. [in Russian]
18. Zeitlin A. G. Stanovlenie realizma v russkoj literature [The formation of realism in Russian literature] / A. G. Zeitlin. – M.: Science, 1965. – P. 317. [in Russian]
19. Shevyrev S. P. Teorija smeshnogo, s primeneniem k russkoj komedii. Stat'ja 2. [The comic theory (applied to Russian comedy)] / S. P. Shevyrev // Moskvitjanin [Moskvityanin]. – 1851. – V.1. – №1. – P. 373-385. [in Russian]
20. Shevyrev S. P. Hristianskaja filosofija. Besedy Baadera [Christian philosophy. Baader's conversations] / S. P. Shevyrev // Moskvitjanin [Moskvityanin]. – 1841. – V.3. – №6. – P. 378-437. [in Russian]

DOI: <https://doi.org/10.23670/IRJ.2021.112.10.084>

ХАРАКТЕРИСТИКА ЛИЧНОСТИ ПОДСУДИМОГО В СУДЕБНОЙ РЕЧИ (РИТОРИЧЕСКИЙ АСПЕКТ)

Научная статья

Баишева З.В.*

Институт права Башкирского государственного университета, Уфа, Россия

* Корреспондирующий автор (zbaisheva[at]yandex.ru)

Аннотация

В статье рассматривается одна из важнейших микротем в судебной речи по уголовным делам – характеристика личности подсудимого. На материале выступлений известных русских юристов второй половины XIX в. А.Ф. Кони и С.А. Андреевского автор обосновывает мысль об особой значимости характеристики личности подсудимого (подзащитного) в структуре доказательства истинности позиции как обвинителя, так и защитника, а также о целесообразности психологической характеристики личности и поведения подсудимого. Делается вывод о практической значимости выявления и описания психологических характеристик действующих лиц судебной драмы, представленных в речах талантливых русских ораторов – юристов, для современных обвинителей и защитников в плане построения ими эффективных судебных выступлений. Цель статьи – привлечь внимание исследователей к изучению данной микротемы не только в правовом и процессуальном аспектах, но и в риторическом.

Ключевые слова: судебная речь, характеристика личности подсудимого (подзащитного), психологический анализ личности, психологический анализ преступления.

CHARACTERISTICS OF THE DEFENDANT'S PERSONALITY IN COURTROOM SPEECH (RHETORICAL ASPECT)

Research article

Baisheva Z.V.*

The Institute of law of Bashkir state University, Ufa, Russia

* Corresponding author (zbaisheva[at]yandex.ru)

Abstract

The article examines one of the most important microthemes in the courtroom speech in criminal cases, which is the characteristics of the defendant's personality. Based on the material of speeches of famous Russian lawyers of the second half of the 19th century, A. F. Koni and S. A. Andreevsky, the author of the article substantiates the idea of the special significance of the characteristics of the personality of the defendant (client) in the structure of proving the truth of the position of both the prosecutor and the defender, as well as the expediency of the psychological characteristics of the personality and behavior of the defendant. The author also draws conclusions on the practical significance of identifying and describing the psychological characteristics of the actors of the judicial drama represented in the speeches of talented Russian courtroom speakers for modern prosecutors and defenders in terms of building effective courtroom speeches. The purpose of the article is to attract the attention of researchers to the study of this microtheme not only in legal and procedural aspects but also in rhetorical ones.

Keywords: judicial speech, personality characteristics of the defendant (client), psychological analysis of the personality, psychological analysis of the crime.

Введение

Выбор темы статьи обусловлен необходимостью исследования в риторическом аспекте важнейшей микротемы в судебной речи – характеристики личности подсудимого, а также выработки рекомендаций для практикующих судебных деятелей по максимально эффективному применению названной микротемы в обвинительной и защитительной речи.

Вопросы изучения личности подсудимого постоянно в кругу внимания исследователей. В последние два десятилетия появился целый ряд работ, посвященных характеристике личности подсудимого (подзащитного). В них исследуются методы [5] и тактика изучения данных о личности подсудимого в судебном разбирательстве [11], роль профессиональных участников в этом процессе [1], влияние данных о личности на назначение наказания и исполнение приговора [7], [15], пределы исследования личности подсудимого при рассмотрении уголовных дел в суде, а также неразрывное единство изучения личности подсудимого с процессом доказывания [4], обосновывается важность классификационного подхода к исследованию личности подсудимого, типизации подсудимых и на этой основе разработки методик, тактических комплексов, которые могут быть использованы в рамках судопроизводства как для поддержания государственного обвинения, так и для осуществления эффективной защиты [9]. Следует также назвать ряд диссертационных исследований, в которых личность подсудимого рассматривается в том или ином аспекте: в аспекте участия личности в судебном разбирательстве уголовного дела [8], как комплексного социально-правового явления [6], характеристика личности подсудимого с учетом возрастных особенностей [12] и др.

Все исследователи говорят о том, что характеристика личности подсудимого является важнейшей частью судебной речи. Вместе с тем отмечаются недостатки характеристик, даваемых в суде. Так, М. Устимов и А. Васяев (специалисты Коллегии адвокатов Москвы «ЮрПрофи») на основе анализа судебной практики называют основные недостатки представленных в судах характеристик личности подсудимого: в них отсутствуют данные о социальном облике личности до совершения преступления, не отражается процесс его нравственного формирования, не указываются обстоятельства, характеризующие личность подсудимого (черты его характера, сведения об образе жизни и связях подсудимого и другие данные), не изучается психологический облик личности (его стремления, жизненные цели, его способности, основополагающие особенности его характера) [14]. В целом характеристики носят

формальный характер, порой характеристика не содержит в полном объеме даже тех данных, которые должны быть обязательно представлены по положению закона. Понятно, что такие характеристики ничего не дают для достижения цели судебного разбирательства.

Во всех названных работах проблемы характеристики личности подсудимого (подзащитного) исследуются в правовом, процессуальном аспекте. Мы же рассматриваем данную микротему в риторическом аспекте: в какой композиционной части судебной речи она должна быть представлена, в каком объеме, с какой микротемой должна сочетаться, как она влияет на убеждение слушателей (судей) в истинности позиции обвинителя или защитника, какие ораторские приемы используются ритором для усиления эффективности и т.п.

Таким образом, актуальность нашего исследования обусловлена недостаточной изученностью указанной проблемы и наличием множества недочетов в практическом представлении характеристики личности подсудимого в судебной речи и эффективном применении этой микротемы для целей обвинения или защиты в рамках судебного разбирательства. Научная новизна исследования определяется тем, что мы предпринимает анализ характеристики личности подсудимого в новом, риторическом, аспекте.

Основная часть

Мы согласны с мнением тех юристов, которые говорят о целесообразности именно психологической характеристики личности, о необходимости выяснения и указания черт характера подсудимого. Именно эти данные нужны для того, чтобы рассмотреть и доказать, один он совершил преступное деяние или ему кто-то помогал, мотивы совершения преступления и др. С этой целью мы считаем необходимым обратиться к наследию русских судебных ораторов XIX в., так как именно там мы находим множество примеров убедительных судебных выступлений, в которых немалую роль в доказательстве позиции обвинения или защиты сыграла именно характеристика личности подсудимого.

Как справедливо отмечают Е.В. Осипова и И.И. Прейбис, «вопросы тактики изучения личности подсудимого судом активно разрабатывались известными юристами прошлого» [11], в том числе и прежде всего А.Ф. Кони. Так, в обвинительной речи по делу об убийстве Филиппа Штрама известный юрист дает характеристику личности подсудимого Александра Штрама сразу после изложения фактических обстоятельств дела. Характеристика дается на основе показаний свидетелей и начинается с «отечески добродушного и сочувственного к подсудимому показания свидетеля Бремера» [10, С. 163]: «Мы видим его молодым юношей, находящимся в учении, добрым, отличным и способным работником, несколько робким, боящимся пройти мимо комнаты, где лежит покойница; он нежен и сострадателен, правдив и работящ» [10, С. 163]. Для чего обвинителю нужно указывать положительные качества подсудимого, совершившего жестокое убийство? Ответ на этот вопрос обнаруживается в речи чуть позже: Александр Штрам утверждал и в ходе следствия, и на суде, что его мать «не только не присутствовала при убийстве, но даже не знала о нем» [10, С. 166]. Обвинитель же, исходя именно из особенностей личности подсудимого, доказывает, что Александр «один, собственными силами мог совершить то действие, которым была пресечена жизнь» [10, С. 166] Филиппа Штрама, но не мог сделать один «все необходимое для сокрытия преступления» [10, С. 167]. Именно в силу качеств своей личности Александр «должен был быть сам не свой, и всякая работа, которая обыкновенно делается в 10 минут, должна была требовать, по крайней мере, 20 минут, потому что у него все должно было вываливаться из трепещущих рук и от торопливости, и от невольного ужаса» [10, С. 167], поэтому должен был быть кто-то, кто помог ему скрыть следы преступления. Далее на основе других известных обстоятельств дела А.Ф. Кони доказывает, что таким помощником могла быть только мать Александра Штрама.

Обвинитель описывает среду, в которой жил и рос Александр (нищета, беспробудно пьяная сестра), его окружение, образ жизни (женщины, вино, друзья, которые нигде не работают и при этом живут весело и беззаботно). А.Ф. Кони подчеркивает, что все это оказало влияние на формирование его личности: «В столкновениях с этой не особенно хорошей средой заглушаются, сглаживаются некоторые нравственные начала, некоторые хорошие, честные привычки, принесенные от старого честного Бремера» [10, С. 163]. Обвинитель показывает, что под влиянием этой среды и этого окружения у подсудимого возник замысел совершить преступление, т.е. убийство было совершено не спонтанно, а подготавливалось и продумывалось заранее. Вместе с тем, если ранее обвинитель выявил и доказал на основе характеристики личности потерпевшего, что мотивом совершения убийства могла быть только корысть, то теперь стало понятно, что более всего завладеть деньгами Филиппа Штрама мог стремиться именно Александр.

В характеристике, данной обвинителем, явно представлен воспитательный момент, адресованный всем присутствующим в зале суда: А.Ф. Кони дает негативную оценку членам компании «друзей» Александра, которые фактически подталкивают его к совершению преступления. Так, Скрыжаков, когда «приятель его Штрам задумывает дурное дело, идет рекомендовать его целовальнику, чтобы тот дал в долг водки "для куражу"» [10, С. 164]. Обвинитель отмечает, что «компания друзей все теснее окружает свою жертву» [10, С. 164]. Не случайно Александр назван жертвой: А.Ф. Кони подчеркивает, что именно под влиянием этой компании подсудимый меняется нравственно, постепенно превращается в преступника, в того, кто способен совершить убийство ради денег.

Таким образом, обвинитель проводит психологический анализ личности подсудимого: анализирует качества характера Александра Штрама и на основе этого анализа доказывает, что именно Александр совершил преступление, что скрыть следы преступления он один не мог, что ему помогли это сделать, что мотивом совершения убийства была корысть, что преступление было совершено не вдруг, а было продумано (замысел возник и сформировался постепенно в кругу «друзей»). Мы видим, что характеристика личности подсудимого в обвинительной речи в целом и каждым своим составляющим работает на доказательство его виновности.

В защитительной речи роль характеристики личности подсудимого (подзащитного) также значительна. Например, в речи С.А. Андреевского по делу о краже изумрудной брошки характеристика личности подзащитной является одним из важных доказательств ее невиновности. После анализа и опровержения улик, приведенных в обвинительной речи, опираясь на многочисленные показания свидетелей, защитник утверждает, что подзащитная М-ва «вовсе не такой

«человек», чтобы совершить кражу» [2], и относит ее к тем натурам, «к которым никак не примешаешь обвинение в краже» [2]. С.А. Андреевский делает акцент именно на свойствах ее личности, на качествах ее характера. Защитник перечисляет эти свойства ее натуры, аргументируя их фактами: «Она совсем бескорыстна. Она о деньгах всего меньше думает. У нее есть недополученное наследство, о котором она даже никогда не справляется. Жила она всегда по средствам, никаких убыточных вкусов не имеет, сама она весьма часто одолжала Елагиных деньгами, но никогда у них не занимала; ни малейшего повода польститься на брошку у нее не было: кокетство ей совершенно чуждо; ее дети от первого брака устроены прекрасно и не требуют никаких расходов, ее второй муж ей ни в чем не отказывает, обольщать кого-нибудь другого она никогда и не помышляла; романов у нее нет, ни на какие приключения она не способна, никаких сомнительных дел в ее жизни не бывало. Это натура чистая и милая в самом душевном смысле этого слова» [2]. И все понимают, что каждое названное здесь свойство характера подзащитной и каждый указанный факт биографии является доказательством ее невиновности.

Защитительная речь может быть целиком построена на характеристике личности подзащитного. Так, речь С.А. Андреевского в защиту Андреева, по сути, представляет собой характеристику личности подзащитного, в которую искусно вставлены другие микротемы, необходимые для того, чтобы провести глубокий психологический анализ личности подсудимого и преступления, совершенного им. Защитник рассказывает о первом браке Андреева, о его отношениях с первой женой, о знакомстве с Левиной и о создании новой семьи. Это не простой пересказ фактов, а психологический рассказ, из которого слушатели узнают свойства характера Андреева, понимают его чувства к Левиной. Кратко перечисленные факты раскрывают неприглядную сущность Сарры Левиной. Добропорядочность Андреева, его честность и искренность его чувств, с одной стороны, и безнравственность Левиной, с другой, - ярко представлены, на наш взгляд, в следующем предложении: «Сознавая себя невольным грешником, он мучился за причиняемые жене оскорбления и в то же время не мог винить Левину, видя в ее скандалах доказательство ее ревности, ее взаимности, ее желания соединиться с ним нераздельно, к чему он и сам стремился всем сердцем» [3].

Для того чтобы понять, почему Андреев совершил страшное преступление, нужно знать, как он относился к жене. Опираясь на показания свидетелей, С.А. Андреевский утверждает, что Андреев «безумно» любил свою жену, и объясняет свою мысль: Андреев всю жизнь трудился, «роскоши не понимал», «в сущности, вся работа уходила на других». «Надо же было иметь и этому хорошему человеку что-либо такое, что бы составляло его личное счастье, его отдых, его утешение» [3]. И это утешение, и высшую радость он нашел в своей второй жене: «Он не знал, как отблагодарить ее... Исполнял все ее прихоти. Отдавал ей все, что у него было» [3].

Далее следует характеристика личности потерпевшей Сарры Левиной (наглая, лживая, бездушная, бесцеремонная). С.А. Андреевский анализирует, оценивает ее отношение к мужу и к Пистолькорсу и показывает, что именно ее самоуверенность, бездушность и эгоизм привели к катастрофе.

Затем представлена картина совершения преступления (изложение фактических обстоятельств дела). Эта картина нужна защитнику, чтобы убедить судей в том, что Андреев совершил преступление в состоянии сильного душевного волнения: «Я назову душевное состояние Андреева «умоисступлением» <...> в общежитическом смысле слова. Человек «выступил из ума», был «вне себя»... Его ноги и руки работали без его участия, потому что душа отсутствовала...» [3]. Цель оратора – показать и доказать, что психическое состояние, в котором находился Андреев в момент совершения преступления, стало следствием наглаго, безнравственного поведения потерпевшей, и это психическое состояние сопровождалось потерей способности контролировать и реально оценивать свое поведение, что и поспособствовало тому, что нравственно добропорядочный человек совершил абсолютно нехарактерное для него насильственное действие.

Передавая картину совершения преступления, С.А. Андреевский широко использует различные средства выразительности. Эпитеты, развернутые сравнения, метафоры, параллелизм, повторы и др. помогают слушателям понять чувства, психическое состояние Андреева, ощутить эмоции, владевшие в тот момент подсудимым: «Эта женщина, спасенная Андреевым от ссылки, поднятая им из грязи, взлелеянная, хранимая им, как сокровище, в течение 16 лет, — эта женщина хочет «скрутить его в бараний рог», истребить его без следа, раздавить его своей ногой!» [3]; «Откуда-то изнутри в Андрееве поднялась могучая волна, которая захлестнула собой и разум, и сердце, и совесть, и волю, и память о грозящем законе» [3] и др.

Множество ярких средств выразительности, которые позволяют оратору передать психическое состояние Андреева образно, понятно, не загромождая речь лишними фактами, находим на протяжении всей речи. Например, вот как оратор передает чувства Андреева, который узнал от жены о ее предстоящем уходе к другому. Эта новость явилась для Андреева полной неожиданностью: «В жизни Андреева произошло нечто вроде землетрясения, совсем как в Помпее или на Мартинике. Чудесный климат, все блага природы, ясное небо. Вдруг показывается слабый свет, дымок. Затем черные клубы дыма, гарь, копоть. Все гуще. Вот уже и солнца не видать. Полетели камни. Разливается огненная лава. Гибель грозит отовсюду — почва колеблется. Безвыходный ужас. Наконец неожиданный подземный удар, треск, и — все погребено. Все это от начала до конца продолжалось в течение ужасных двенадцати дней» [3]. Несомненно, такое сравнение не может оставить слушателей равнодушными. Все это работает на защиту Андреева.

В этой речи средства выразительности играют особую роль, очень важную, - они обладают мощной аргументативной силой. На наш взгляд, психологическая аргументация здесь на порядок выше логической. Неслучайно С.А. Андреевского называли мастером психологической защиты.

Исследованный нами материал, конечно, недостаточен, для того чтобы сделать глубокие, однозначные выводы. Однако мы можем обозначить некоторые особенности представления и применения характеристики личности подсудимого в судебной речи знаменитыми русскими судебными ораторами второй половины XIX в. Эта микротема в речах по уголовным делам оказывается неотъемлемой составляющей системы убеждения слушателей в истинности позиции обвинителя и защитника. Об особой роли характеристики личности подсудимого в судебных выступлениях талантливых русских юристов того времени свидетельствуют, в частности, слова П.С. Пороховщикова: «Наши

лучшие ораторы нередко ограничивались одним намеком на самое событие преступления, отдавая все свое внимание характеристике и психологии» [13, С. 113]. Характеристика личности подсудимого представляет собой глубокий психологический анализ качеств характера личности, его поведения, его действий. Именно разносторонний психологический анализ личности позволяет оратору разобраться, мог ли подсудимый по своему характеру совершить преступление, мог ли совершить преступное деяние один или необходима была чья-либо помощь; преступление совершено под давлением случайных обстоятельств либо оно было продумано и подготовлено; каковы мотивы совершения преступления; каково отношение подсудимого к совершенному им преступному деянию и т.п. По сути, именно психологическая характеристика личности подсудимого (подзащитного) позволяет найти ответы на важные уголовно-правовые и уголовно-процессуальные вопросы: «о целесообразности привлечения лица к уголовной ответственности; о квалификации действий обвиняемого; о причинах и условиях, способствовавших преступлению; о наличии обстоятельств, смягчающих или отягчающих ответственность; о виде, размере наказания; о выборе места лишения свободы; о применении условного осуждения; о мере пресечения и т.д.» [14].

Заключение

Таким образом, характеристика личности подсудимого обязательна в судебной речи по уголовному делу; ее расположение в судебном выступлении определяется обстоятельствами дела, а также индивидуальными особенностями оратора. Исследование данной микротемы важно не только в правовом и процессуальном аспектах, но и в риторическом, так как значим не только объем связанных с личностью сведений, обстоятельств, необходимых для доказывания, но и умелое представление всего этого материала в речи (расположение, логическая и риторическая аргументация), чтобы позиция обвинителя или защитника оказалась наиболее убедительной. Целесообразно исследование выступлений известных русских судебных ораторов второй половины XIX в., так как именно там находим «множество образцов» [13, С. 102] психологической характеристики действующих лиц судебной драмы, образцов, по которым современные обвинители и защитники могут учиться приемам психологического разбора преступного деяния и поведения преступника.

Конфликт интересов

Не указан.

Conflict of Interest

None declared.

Список литературы / References

1. Алтаев Е.А. Изучение личности подсудимого государственным обвинителем / Е.А. Алтаев // Актуальные проблемы российского права. – 2007. – № 2 (5). – С. 401-407.
2. Андреевский С.А. Речь по делу о краже изумрудной брошки / С.А. Андреевский. [Электронный ресурс]. - URL: <https://hatituli.ru/rech-po-delu-o-krazhe-izumrudnoj-broshki/> (дата обращения: 3.09.2021).
3. Андреевский С.А. Речь по делу Андреева / С.А. Андреевский. [Электронный ресурс]. - URL: <https://hatituli.ru/rech-po-delu-andreeva/> (дата обращения: 3.09.2021).
4. Воскобитова Л.А. Личность подсудимого через призму правосудия: криминологические и уголовно-процессуальные аспекты / Л.А. Воскобитова, О.А. Малышева, С.А. Насонов // Всероссийский криминологический журнал. – 2020. – Т. 14. – № 5. С. 777-785.
5. Воскобитова Л.А. Социальные технологии и юридическое познание: монография / Л.А. Воскобитова, В.И. Пржиленский. – М.: Норма: Инфра-М, 2017. – 191 с.
6. Гуськова А.П. Личность обвиняемого в уголовном процессе: Проблемы теории и практики: автореф. дисс. ... докт. юрид. н.: 12.00.09 / Антонина Петровна Гуськова. - Оренбург, 1997. – 42 с.
7. Джагрунов А.А. К вопросу об учете личности виновного при назначении наказания / А.А. Джагрунов // Альманах современной науки и образования. – 2013. – № 7 (74). - С. 43-47.
8. Емельянов Д.В. Теория и практика участия подсудимого в судебном разбирательстве уголовного дела: автореф. дисс. ... канд. юрид. н.: 12.00.09 / Дмитрий Валерьевич Емельянов. – М., 2009. – 28 с.
9. Кисленко С.Л. Роль криминалистической классификации и типизации подсудимых в формировании криминалистических рекомендаций по поддержанию государственного обвинения в суде / С.Л. Кисленко // Lex Russica. – 2020. – №4 (161). – С. 69-83.
10. Кони А.Ф. По делу об убийстве Филиппа Штрама / А.Ф. Кони. Собрание сочинений. В 8 т. Т. 3. - М.: Юридическая литература, 1967. – С. 158-173.
11. Осипова Е.В. Судебная тактика при изучении личности подсудимого [Электронный ресурс] / Е.В. Осипова, И.И. Прейбис // Известия Тульского государственного университета. Экономические и юридические науки. – 2018. – № 2-2. - С. 88-95. - URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/sudebnaya-taktika-pri-izuchenii-lichnosti-podsudimogo> (дата обращения: 7.09.2021).
12. Просвирнин В.Г. Особенности предмета доказывания по уголовным делам несовершеннолетних: автореф. дисс. ... канд. юрид. н.: 12.00.09 / Вячеслав Георгиевич Просвирнин. - Воронеж, 2001. – 24 с.
13. Сергеич П. (Пороховщиков П.С.) Искусство речи на суде / П. Сергеич. - Тула: Автограф, 2000. – 320 с.
14. Устимов М. Характеристика подсудимого [Электронный ресурс] / М. Устимов, А. Васяев // ЮрПрофи: портал коллегии адвокатов Москвы. - URL: <https://www.urprofy.ru/stati/stati-po-yuridicheskoy-tematike/harakteristika-podsudimogo> (дата обращения: 7.09.2021).
15. Шкарлет Н.А. Теория и практика учета судом личности подсудимого при условном осуждении / Н.А. Шкарлет // Российское правосудие. – 2019. – № 10. - С. 101-105.

Список литературы на английском языке / References of English

1. Altaev E.A. Izuchenie lichnosti podsudimogo gosudarstvennym obvinitelem [Studying the Identity of the Defendant by the State Prosecutor] / E.A. Altaev // Aktual'nye problemy rossijskogo prava [Actual Problems of Russian Law]. – 2007. - № 2 (5). – pp. 401-407. [in Russian]
2. Andreevskij S.A. Rech' po delu o krazhe izumrudnoj broshki [Speech on the Case of the Theft of the Emerald Brooch] / S.A. Andreevskij // [Electronic resource]. - URL: <https://hatituli.ru/rech-po-delu-o-krazhe-izumrudnoj-broshki/> (accessed: 3.09.2021). [in Russian]
3. Andreevskij S.A. Rech' po delu Andreeva [Speech on the Andreev Case] / S.A. Andreevskij // [Electronic resource]. - URL: <https://hatituli.ru/rech-po-delu-andreeva/> (accessed: 3.09.2021). [in Russian]
4. Voskobitova L.A. Lichnost' podsudimogo cherez prizmu pravosudija: kriminologicheskie i ugolovno-processual'nye aspekty [The Identity of the Defendant Through the Prism of Justice: Criminological and Criminal Procedural Aspects] / L.A. Voskobitova, O.A. Malysheva, S.A. Nasonov // Vserossijskij kriminologicheskij zhurnal [All-Russian Journal of Criminology]. – 2020. - Vol. 14. - № 5. pp. 777-785. [in Russian]
5. Voskobitova L.A. Social'nye tehnologii i juridicheskoe poznanie: monografija [Social Technologies and Legal Cognition: Monograph] / L.A. Voskobitova, V.I. Przhilenskij // – M.: Norma: Infra-M, 2017. – p. 191 [in Russian]
6. Gus'kova A.P. Lichnost' obvinjaemogo v ugolovnom processe: Problemy teorii i praktiki: avtoref. diss. ... dokt. jurid. n.: 12.00.09 [The Identity of the Accused in Criminal Proceedings: Problems of Theory and Practice: abstract of dissertation ... of Doctor of Legal Sciences N.: 12.00.09] / A.P. Gus'kova // - Orenburg, 1997. – p. 42 [in Russian]
7. Dzhagrunov A.A. K voprosu ob uchete lichnosti vinovnogo pri naznachenii nakazaniya [On the Question of Taking Into Account the Identity of the Guilty Person When Imposing Punishment] / A.A. Dzhagrunov // Al'manah sovremennoj nauki i obrazovanija [Almanac of Modern Science and Education]. – 2013. - № 7 (74). - pp. 43-47. [in Russian]
8. Emel'janov D.V. Teorija i praktika uchastija podsudimogo v sudebnom razbiratel'stve ugolovnogo dela: avtoref. diss. ... kand. jurid. n.: 12.00.09 [Theory and Practice of the Defendant's Participation in the Trial of a Criminal Case: abstract of dissertation ... of Candidate of Legal Sciences N.: 12.00.09] / D.V. Emel'janov // – M., 2009. – p. 28 [in Russian]
9. Kislenko S.L. Rol' kriminalisticheskoy klassifikacii i tipizacii podsudimyh v formirovanii kriminalisticheskikh rekomendacij po podderzhaniju gosudarstvennogo obvinenija v sude [The Role of Criminalistic Classification and Typification of Defendants in the Formation of Criminalistic Recommendations for the Maintenance of Public Prosecution in Court] / S.L. Kislenko // Lex Russica. – 2020. - №4 (161). – pp. 69-83. [in Russian]
10. Koni A.F. Po delu ob ubijstve Filippa Shtrama [On the Case of the Murder of Philip Shtram] / A.F. Koni // Collected Works in 8 Volumes. Vol. 3. - M.: Juridicheskaja literatura, 1967. – pp. 158-173. [in Russian]
11. Osipova E.V. Sudebnaja taktika pri izuchenii lichnosti podsudimogo [Judicial Tactics in the Study of the Defendant's Personality] [Electronic resource] / E.V. Osipova, I.I. Prejbis // Izvestija Tul'skogo gosudarstvennogo universiteta. Jekonomicheskie i juridicheskie nauki. [Bulletin of Tula State University. Economic and Legal Sciences.] – 2018. - № 2-2. - pp. 88-95. - URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/sudebnaya-taktika-pri-izuchenii-lichnosti-podsudimogo> (accessed: 7.09.2021). [in Russian]
12. Prosvirnin V.G. Osobennosti predmeta dokazyvanija po ugolovnym delam nesovershennoletnih: avtoref. diss. ... kand. jurid. n.: 12.00.09 [Features of the Subject of Proof in Criminal Cases of Minors: abstract of dissertation ... of Candidate of Legal Sciences N.: 12.00.09] / V.G. Prosvirnin // - Voronezh, 2001. – p. 24 [in Russian]
13. Sergeich P. (Porohovshnikov P.S.) Iskusstvo rechi na sude [The Art of Speech in Court] / P. Sergeich // - Tula: Avtograf, 2000. – p. 320 [in Russian]
14. Ustimov M. Harakteristika podsudimogo [Characteristics of the Defendant] [Electronic resource] / M. Ustimov, A. Vasjaev // JurProfi: portal kollegii advokatov Moskvy. - URL: <https://www.urprofy.ru/stati/stati-po-yuridicheskoy-tematike/harakteristika-podsudimogo> (accessed: 7.09.2021). [in Russian]
15. Shkarlet N.A. Teorija i praktika ucheta sdom lichnosti podsudimogo pri uslovnom osuzhdenii [Theory and Practice of Accounting by the Court of the Identity of the Defendant During Probation] / N.A. Shkarlet // Rossijskoe pravosudie [Russian Justice]. – 2019. - № 10. - pp. 101-105. [in Russian]

DOI: <https://doi.org/10.23670/IRJ.2021.112.10.085>**МОТИВИРУЮЩИЕ ПРИЗНАКИ КОНЦЕПТА ПОБЕДА**

Научная статья

Бодриков А.Б.*

ORCID: 0000-0001-7905-384X,

Институт иностранных языков, Санкт-Петербург, Россия;

* Корреспондирующий автор (bodrik1987[at]yandex.ru)

Аннотация

Цель статьи – описать мотивирующие признаки концепта *победа*. Задачи: 1. Проанализировать словарные статьи «победа» в этимологических словарях русского языка. 2. На основе языкового материала из Национального корпуса русского языка определить актуальность мотивирующих признаков концепта *победа*. Научная новизна работы заключается в обращении к первопризнакам концепта *победа* в русской лингвокультуре. Актуальность исследования состоит в осмыслении первичных признаков изучаемого концепта. В ходе анализа десяти этимологических словарей было выявлено 22 мотивирующих признака концепта *победа*. Мотивирующие признаки объединяются в шесть блоков:

1. Война ('в бою', 'бить', 'война', 'враг', 'одержат' верх', 'одоление');
2. Внутреннее противоборство ('искушение', 'соблазн', 'убеждать');
3. Эмоциональное состояние ('торжество', 'триумф', 'успех');
4. Горе ('беда', 'несчастье');
5. Результат битвы ('награды', 'побыть', 'поражение', 'почести', 'разорение' 'принуждать', 'трофеи');
6. Жизнь ('быть').

Самыми частотными являются такие признаки концепта *победа*, как: 'быть', 'одержат' верх', 'война', 'поражение', 'враг', 'торжество', 'успех', 'в бою', 'одоление', 'триумф' (приведены по степени частотности). Остальные мотивирующие признаки имеют низкую степень актуализации.

Ключевые слова: концепт, мотивирующие признаки, структура концепта, лингвокультурология, концептология.

MOTIVATING FEATURES OF THE CONCEPT POBEDA

Research article

Bodrikov A.B.*

ORCID: 0000-0001-7905-384X,

Institute of Foreign Languages, St. Petersburg, Russia;

* Corresponding author (bodrik1987[at]yandex.ru)

Abstract

The purpose of the article is to describe the motivating features of the concept *pobeda* (victory). Tasks: 1. To analyze the dictionary entries for the word "Pobeda" in the etymological dictionaries of the Russian language. 2. to determine the relevance of the motivating features of the concept under study on the basis of the language material from the National Corpus of the Russian language. The scientific novelty of the work is to address the first signs of the concept in Russian linguistic culture. The relevance of the study lies in understanding the primary features of the concept under study.. In the course of the analysis of ten etymological dictionaries, the author identifies 22 motivating signs of the concept. Motivating signs are combined into six blocks:

1. War ('v boju', 'bit', 'vojna', 'vrag', 'oderzhat' verkh', 'odolenie' — 'in battle', 'to beat', 'war', 'enemy', 'to gain the upper hand', 'overcoming');
2. Internal confrontation ('iskushenie', 'soblazn', 'ubezhdad' — 'temptation', 'enticement', 'to convince');
3. Emotional state ('torzhestvo', 'triumf', 'uspek' — 'exultation', 'triumph', 'success');
4. Grief ('beda', 'neschast'e' — 'trouble', 'misfortune');
5. The result of the battle ('nagrady', 'pobyt', 'porazhenie', 'pochesti', 'razorenie' 'prinuzhdad' — 'rewards', 'stay', 'defeat', 'honors', 'ruin', 'compel', 'trophies');
6. Life ('byt' — 'to be').

The most frequent signs of the concept *pobeda* are 'byt', 'oderzhat' verkh', 'vojna', 'porazhenie', 'vrag', 'torzhestvo', 'uspek', 'v boju', 'odolenie', 'triumf' (based on the degree of frequency). The remaining motivating features have a low degree of actualization.

Keywords: concept, motivating features, concept structure, linguoculturology, conceptology.

Введение

В русской лингвокультуре существуют концепты, актуализирующие значимые смыслы для всего народа. Одним из таких концептов является *победа*.

Рабочим термином в статье является мотивирующий признак. «Мотивирующим называется такой признак, который послужил основанием для именованья некоего фрагмента мира» [1, С. 18-19].

Милитарные концепты – обширная область предстоящего исследования. Обращение к этой сфере жизни актуально, т.к. затрагивает лингвокультурологическую специфику языка.

Методы и материал исследования

Работа выполнена в рамках Санкт-Петербургско-Кемеровской школы концептуальных исследований. Основными в статье являются: метод компонентного анализа словарных дефиниций основного репрезентанта концепта, описательный, концептуальный и интерпретативный методы исследования.

Литературный обзор

В научной литературе отмечен ряд статей, в который описываются отдельные аспекты концепта *победа*. Т.Г. Смотровая сопоставила концепты *победа* и поражение [2], [3, С. 98-113]. В русской и английской лингвокультурах концепт *победа* был рассмотрен Д.Ю. Зориным и В.Б. Крячко [4, С. 44-46]. А.В. Лучанинова описала способы реализации концепта «Победа» в институциональном спортивном медиа-дискурсе сферы скачек британской и русской лингвокультур [5].

По смежным темам существует ряд концептуальных исследований. Среди них можно назвать диссертацию В.Б. Крячко, посвященную анализу концепта *война* [6]. Н.С. Скворцова обратилась к концепту «Успех», объективированному фразеологическими единицами современного английского языка [7]. О концептах воинской славы [8] и концепте *воин* писали М.В. Пименова и А.Б. Бодриков [9].

В лингвистической литературе отсутствуют работы, в которых были проанализированы мотивирующие признаки концепта *победа*. Этим объясняется научная новизна проведенного исследования.

Результаты

Для решения первой поставленной задачи было исследовано 12 этимологических словарей. В двух из них отсутствует словарная статья «победа»: в «Этимологическом словаре русского языка» А. Преображенского и «Историко-этимологическом словаре современного русского языка» П.Я. Черных словарной статьи «победа» не обнаружено.

Н.В. Горяев к слову *победа* приводит старославянское слово *побѣтъ*, образованное от формы *быть* [10, С. 268]. Эту же версию встречаем в словаре И.И. Срезневского [11, С. 989]. Автор словаря указывает дополнительную сему *победы* 'война' [11, С. 990]. «Словарь древнерусского языка XI – XIV вв.» приводит сему 'триумф' [12, С. 252-253], отсутствующую в других этимологических словарях.

Г.А. Крылов обосновывает совершенно иную этимологию слова *победа*: «заимствование из старославянского, где образовано от глагола *побѣдити* «победить», образованного в свою очередь префиксальным методом от *бѣдити* «убеждать», исходным для которого послужило существительное *бѣда* (беда)» [13, С. 297]. Эту же версию поддерживает Н.М. Шанский и его соавторы [14, С. 345]. М. Фасмер исходным у *победы* указывает слово *беда*, у прилагательного *победный* было значение «несчастный» [15, С. 293].

Г.П. Цыганенко возводит слово *победа* к праславянскому слову со значением «боевой успех». Древнерусское слово *победа* и старославянское *побѣда* развились из слова **roboida* «успех в бою» (у которого приставка *ро-*, суффикс *d* и основа *boi* глагола *boiti* «бить»). Г.П. Цыганенко приводит еще одну этимологию слова *победа*, частично уже высказанную ранее Н.В. Горяевым и И.И. Срезневским: старославянское слово *побѣда* образовано от глагола *побѣдити* с помощью приставки *по-* от глагола *бѣдити* «принуждать», которое, в свою очередь, образовано от существительного *бѣда*. В этом случае победа – это «принуждение», «нанесение врагу беды, разорения» [16, С. 308].

А.К. Шапошников отмечает: «В рус. языке XI–XVII вв. изв. побѣда в знач. «поражение» [17, С. 142-143]. А.К. Шапошников считает, что слово победа пришло из церковнославянского языка: «Из цслав. побѣда, производного с оконч. -а от основы глаг. побѣдити, приставочного производного от глаг. бѣдити «убеждать» [17, С. 142-143]. Это же мнение высказывает М.Н. Свиридова в своем словаре [18, С. 275].

Этимологические словари приводят от двух сем слова *победа* (словари Н.В. Горяева, Г.А. Крылова, М.Н. Свиридовой, Н.М. Шанский и соавторы) до восьми: «Словарь русского языка XI – XVII вв.» [19] и девяти (в словаре Г.П. Цыганенко), являющимися мотивирующими признаками концепта *победа*. Обобщенные данные приводятся в таблице 1.

Таблица 1 – Мотивирующие признаки концепта *победа* по данным этимологических словарей русского языка

№ №	Мотивирующие признаки концепта <i>победа</i>	Горяев Н.В. Сравнительный этимологический словарь русского языка.	Крылов Г.А. Этимологический словарь русского языка.	Свиридова М.Н. Этимологический словарь современного русского языка.	Словарь древнерусского языка XI – XIV вв.	Словарь русского языка XI – XVII вв.	Срезневский Л.В. Материалы к словарю древнерусского русского языка.	Фасмер М. Этимологический словарь русского языка.	Цыганенко Г.П. Этимологический словарь русского языка.	Шанский Н.М., Иванов В.В., Шанская Т.В. Краткий этимологический словарь.	Шапошников А.К. Этимологический словарь современного русского языка
1.	‘беда’	-	+	+	-	+	-	+	+	+	+
2.	‘в бою’	-	-	-	-	-	-	-	+	-	-
3.	‘бить’	-	-	-	-	-	-	-	+	-	-
4.	‘быть’	+	-	-	-	-	-	-	-	-	-
5.	‘война’	-	-	-	-	+	+	-	-	-	-
6.	‘враг’	-	-	-	-	-	-	-	+	-	-
7.	‘искушение’	-	-	-	-	+	-	-	-	-	-
8.	‘награды’	-	-	-	+	+	-	-	-	-	-
9.	‘несчастье’	-	-	-	-	-	-	+	+	-	-
10.	‘одержать верх’	-	-	-	-	+	-	-	-	-	-
11.	‘одоление’	-	-	-	+	+	-	-	-	-	-
12.	‘побывать’	+	-	-	-	-	+	-	-	-	-
13.	‘поражение’	-	-	-	+	+	-	+	+	-	+
14.	‘почести’	-	-	-	-	+	-	-	-	-	-
15.	‘принуждать’	-	-	-	-	-	-	-	+	-	-
16.	‘разорение’	-	-	-	-	-	-	-	+	-	-
17.	‘соблазн’	-	-	-	-	+	-	-	-	-	-
18.	‘торжество’	-	-	-	-	-	+	-	-	-	-
19.	‘триумф’	-	-	-	+	-	-	-	-	-	-
20.	‘трофей’	-	-	-	-	+	-	-	-	-	-
21.	‘убеждать’	-	+	+	-	-	-	-	+	+	+
22.	‘успех’	-	-	-	+	-	-	-	+	-	-

Изучение словарных статей в этимологических словарях русского языка позволило определить 22 мотивирующих признака концепта *победа*.

Обсуждение

Актуальность выявленных мотивирующих признаков определяется по языковому материалу из Национального корпуса русского языка:

‘беда’ (*От нашей победы остались только беды, от их побед вряд ли им лучше стало, но зато у них победители в лицах: Гинденбург, Вильгельм и разные.* М. М. Пришвин. Дневники): 14 актуализаций;

‘в бою’ (*Победа в жестоких боях на юге была достигнута максимальным напряжением всех сил, массовым героизмом народа.* [Судьба войны решалась на Юге // «Наука в России», 2014): 96 актуализаций;

‘бить’ (*Я не умирать еду, а жить, одерживать победу, бить врагов Родины своей.* В. Н. Гельфанд. Дневники 1941-1943 гг.): 16 актуализаций;

‘быть’ (*Они одержали ряд знаменательных побед, которые, кстати, были проигнорированы самим главнокомандующим фронтом, а потому не получили широкого развития.* К. Пахалюк. Народная армия и герои): 1180 актуализаций;

‘война’ (*Победа в информационной войне означает подчинение противника и абсолютную власть над ним.* В. А. Рубанов. Пропагандой выиграть нельзя, доминированием в технологиях – можно): 573 актуализации;

‘враг’ (*Наконец, после одной из побед над внешними врагами всех пленников королевских сожгли на большом костре посреди площади.* Л. А. Чарская. Дуль-Дуль, король без сердца): 500 актуализаций;

‘искушение’ (*И герой Христианский, чтоб силу страстей ослабить, и получить победу над искушениями, имеет нужду величайший сносить подвиг*. архиепископ Платон. Слово в день рождения Его Императорского Высочества); 5 актуализаций;

‘награды’ (*За великой победой следовали награды*. А. Козлов. Аустерлиц); 40 актуализаций;

‘несчастье’ (*Полтавская победа была несчастьем для России: она потянула за собой два столетия великих напряжений, разорений, несвободы – и новых, и новых войн*. А. И. Солженицын. Архипелаг ГУЛаг); 12 актуализаций;

‘одержатъ верх’ (*Катерина Медичи <...> как будто радовалась победе, одержанной последней над ненавистной Дианой*. К. Биркин. Временщики и фаворитки XVI, XVII и XVIII столетий); 574 актуализации;

‘одоление’ (*Ну, с купцами потом и празднует победу-одоление*. И. С. Шмелев. Лето Господне); 58 актуализаций;

‘побывать’ (-); 0 актуализаций;

‘поражение’ (*Он сам не ожидал много хорошего от следующего дня; <...> в его голове созрела мысль, долженствовавшая обратить в победу поражение, казавшееся неизбежным*. Ф. Ф. Торнау. Воспоминания о кампании 1829 года в Европейской Турции); 508 актуализаций;

‘почести’ (*Возвращающаяся тако во здравии и целости с своими Аврааму от брани тоя с победою, сrete его Мельхиседек с благословением и почестию...* митрополит Стефан. Проповеди); 10 актуализаций;

‘принуждать’ (*Но вот они увидели, что враги безнаказанно вторглись в их страну, одерживают победу за победою над их войсками, принуждают их государство просить мира...* Н. Г. Чернышевский. Пролог); 2 актуализации;

‘разорение’ (*Несмотря на победы и разорение Ктесифона, где римляне захватили богатую добычу и красивых наложниц парфянского царя, весна не принесла больших изменений*. А. П. Ладинский. В дни Каракаллы); 4 актуализации;

‘соблазн’ (*Спасибо за великую победу, одержанную Государем: он победил соблазн власти и от своего могущества уделил часть народу своему*. В. Ф. Джунковский. Воспоминания); 5 актуализаций;

‘торжество’ (*Указом Президиума Верховного Совета СССР 9 мая был объявлен днем Победы – праздником всенародного торжества*. Р. Б. Ахмедов. Промельки); 189 актуализаций;

‘триумф’ (*Полтавская победа – блистательный триумф петровского времени*. Полтавская виктория 27 июня 1709 года // «Наука и жизнь», 2009); 41 актуализация;

‘трофей’ (*После Полтавской победы трофей был пожалован Петром I лейб-шквдрону (эскадрону) князя Меншикова, входившему в лейб-режимент*. С. Смирнов. Долгая жизнь трофея); 28 актуализаций;

‘убеждать’ (*Леко подтвердил свой успех выдающимися победами в самых представительных турнирах, продолжая таким образом убеждать мир в правомочности своих притязаний на шахматную корону*. И. Зайцев. Артисты или спортсмены?); 12 актуализаций;

‘успех’ (*Победа пары Полякова с Чесноковым определила успех, причем Дима очень прилично смотрелся в паре*. Ш. Тарпищев. Самый долгий матч); 132 актуализации.

Как показывает исследование языкового материала, все мотивирующие признаки концепта *победа* являются актуальными, кроме признака ‘побывать’. Примеров актуализации этого признака в языковом материале не обнаружено.

Заключение

Выявленные в этимологических словарях мотивирующие признаки можно представить в виде шести блоков:

1. Война (‘в бою’, ‘бить’, ‘война’, ‘враг’, ‘одержатъ верх’, ‘одоление’);
2. Внутреннее противоборство (‘искушение’, ‘соблазн’, ‘убеждать’);
3. Эмоциональное состояние (‘торжество’, ‘триумф’, ‘успех’);
4. Горе (‘беда’, ‘несчастье’);
5. Результат битвы (‘награды’, ‘побывать’, ‘поражение’, ‘почести’, ‘разорение’, ‘принуждать’, ‘трофей’);
6. Жизнь (‘быть’).

Самыми частотными являют такие мотивирующие признаки концепта *победа*, как ‘быть’ (1180 актуализаций), ‘одержатъ верх’ (574 актуализации), ‘война’ (573 актуализации), ‘поражение’ (508 актуализаций), ‘враг’ (500 актуализаций), ‘торжество’ (189 актуализаций), ‘успех’ (132 актуализации), ‘в бою’ (96 актуализаций), ‘одоление’ (58 актуализаций), ‘триумф’ (41 актуализация). Остальные мотивирующие признаки имеет низкую степень актуализации.

Конфликт интересов

Не указан.

Conflict of Interest

None declared.

Список литературы / References

1. Пименова М. В. Концепт *сердце*: образ, понятие, символ: монография / М. В. Пименова. – Кемерово: КемГУ, 2007. – 500 с. (Серия «Концептуальные исследования». Вып. 9).
2. Смотров Т. Г. Концепты *победа* и поражение в статической и динамической картинах мира: дис. ... канд. филол. наук: 10.02.01 / Татьяна Геннадиевна Смотров. – Таганрог, 2005. – 162 с.
3. Смотров Т. Г. Победа и поражение / Т. Г. Смотров // Антология концептов. Под ред. В.И. Карасика, И.А. Стернина. – Волгоград: Парадигма, 2006. – Том 4. – С. 98-113.
4. Зорин Д. Ю. Концепт *победа* в русской и английской лингвокультурах / Д. Ю. Зорин, В. Б. Крячко // Альманах современной науки и образования. – Тамбов: Грамота. – 2016. – 3. – С. 44-46.
5. Лучанинова А. В. Реализация концепта «Победа» в институциональном спортивном медиа-дискурсе сферы скачек британской и русской лингвокультур / А. В. Лучанинова // Вестник Адыгейского государственного университета. Серия 2: Филология и искусствоведение. 2010. [Электронный ресурс]. URL:

<https://cyberleninka.ru/article/n/realizatsiya-kontsepta-pobeda-v-institutsionalnom-sportivnom-media-diskurse-sfery-skachek-britanskoy-i-russkoy-lingvokultur> (дата обращения 08.04.2021).

6. Крячко В. Б. Концептосфера "война" в английской и русской лингвокультурах: автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.20 / Владимир Борисович Крячко. – Волгоград, 2007. – 24 с.

7. Скворцова Н. С. Репрезентация концепта «Успех» фразеологическими единицами современного английского языка / Н. С. Скворцова // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. 2014. [Электронный ресурс]. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/reprezentatsiya-kontsepta-uspeh-frazeologicheskimi-edinitsami-sovremennogo-angliyskogo-yazyka> (дата обращения 08.04.2021).

8. Пименова М. В. Русская языковая картина мира в аспекте символов воинской славы / М. В. Пименова, А. Б. Бодриков // Гуманитарный вектор. – 2019. – Т. 14. – №5. – С. 16-21.

9. Пименова М. В. Милитарные концепты в русской языковой картине мира (на примере концепта *воин*) / М. В. Пименова, А. Б. Бодриков // Вестник Кемеровского государственного университета. – 2019. – Т. 21. – № 4. – С. 1131-1138. DOI: 10.21603/2078-8975-2019-21-4-1131-1138

10. Горяев Н. В. Сравнительный этимологический словарь русского языка / Н. В. Горяев. – Тифлис: Типография канц. Главнач. гр. ч. на Кавказе, 1896. – 540 с. – С. 268.

11. Срезневский И. И. Материалы к словарю древнерусского русского языка по письменным памятникам: в 3 т. / И. И. Срезневский. – Санкт-Петербург: Типография Императорской Академии наук, 1902. – Т. II. – Стлб. 989.

12. Словарь древнерусского языка XI – XIV вв. – М.: Прогресс, 1987. – Т. VI. – С. 252-253.

13. Крылов Г. А. Этимологический словарь русского языка / Г. А. Крылов. – СПб.: ООО «Полиграфуслуги», 2005. – С. 297.

14. Шанский Н. М. Краткий этимологический словарь русского языка / Н. М. Шанский, В. В. Иванов, Т. В. Шанская. – М.: Просвещение, 1971. – С. 345.

15. Фасмер М. Этимологический словарь русского языка: в 4 т. / М. Фасмер. – М.: Прогресс, 1986. – Т. III. – С. 293.

16. Цыганенко Г. П. Этимологический словарь русского языка / Г. П. Цыганенко. – 2 изд., перераб. и доп. – К.: Рад. шк., 1989. – С. 308.

17. Шапошников А. К. Этимологический словарь современного русского языка: в 2-х т. / А. К. Шапошников. – М.: Флинта, Наука, 2010. – Т. II. – С. 142-143.

18. Свиридова М. Н. Этимологический словарь современного русского языка / М. Н. Свиридова. – М.: Аделант, 2014. – С. 275.

19. Словарь русского языка XI – XVII вв. – М.: Наука, 1989. – Вып. 15. – С. 120.

Список литературы на английском языке / References in English

1. Pimenova M.V. Konzept serdce: obraz, ponyatie, simvol [Heart concept: image, concept, symbol] / M.V. Pimenova. Kemerovo, KemGU, 2007, 500 p. (Series "Conceptual studies". Iss. 9). [in Russian]

2. Smotrova T.G. Koncepty pobeda i porazhenie v staticheskoj i dinamichejskoj kartinah mira [Concepts of victory and defeat in a static and dynamic picture of the world: Thesis of dis.] / T.G. Smotrova. Taganrog, 2005, 162 p. [in Russian]

3. Smotrova T.G. Pobeda i porazhenie [Victory and defeat]. Antologiya konceptov [Anthology of concepts]. Ed. V.I. Karasik, I.A. Sternin. Volgograd, Paradigma, 2006, Vol. 4, pp. 98-113. [in Russian]

4. Zorin D.Yu. Konzept pobeda v russkoj i anglijskoj lingvokul'turah [The concept of victory in Russian and English linguocultures] / T.G. Smotrova, V.B. Kryachko // Al'manah sovremennoj nauki i obrazovaniya [Almanac of modern science and education]. Tambov, Gramota, 2016, Vol. 3, pp. 44-46. [in Russian]

5. Luchaninova A.V. Realizaciya koncepta «Pobeda» v institucional'nom sportivnom media-diskurse sfery skachek britanskoy i russkoj lingvokul'tur [Implementation of the concept "Victory" in the institutional sports media discourse in the field of races of British and Russian linguocultures] / A.V. Luchaninova // Vestnik Adygejskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 2: Filologiya i iskusstvovedenie [Bulletin of the Adyghe State University. Series 2: Philology and art history]. 2010. [Electronic resource]. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/realizatsiya-kontsepta-pobeda-v-institutsionalnom-sportivnom-media-diskurse-sfery-skachek-britanskoy-i-russkoy-lingvokultur> (accessed 08.04.2021). [in Russian]

6. Kryachko V.B. Konceptosfera "vojna" v anglijskoj i russkoj lingvokul'turah [The concept of "war" in the English and Russian linguocultures: Thesis of dis.] / V.B. Kryachko. Volgograd, 2007, 24 p. [in Russian]

7. Skvortsova N.S. Reprezentaciya koncepta «Uspek» frazeologicheskimi edinicami sovremennogo anglijskogo yazyka [Representation of the concept "Success" by phraseological units of the modern English language] / N.S. Skvortsova // Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo lingvisticheskogo universiteta. Gumanitarnye nauki [Bulletin of the Moscow State Linguistic University. Humanitarian sciences]. [Electronic resource]. 2014. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/reprezentatsiya-kontsepta-uspek-frazeologicheskimi-edinitsami-sovremennogo-angliyskogo-yazyka> (accessed 08.04.2021). [in Russian]

8. Pimenova M.V. Russkaya yazykovaya kartina mira v aspekte simvolov voinskoj slavy [Russian language picture of the world in the aspect of symbols of military glory] / M.V. Pimenova, A.B. Bodrikov // Gumanitarnyj vektor [Humanitarian vector]. 2019, Vol. 14, Iss. 5, pp. 16-21. [in Russian]

9. Pimenova M.V. Militarne koncepty v russkoj yazykovoj kartinе mira (na primere koncepta vojn) [Military concepts in the Russian language picture of the world (on the example of the concept of a warrior)] / M.V. Pimenova, A.B. Bodrikov Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta [Bulletin of the Kemerovo State University]. 2019, Vol. 21, Iss. 4, pp. 1131-1138. DOI: 10.21603 / 2078-8975-2019-21-4-1131-1138 [in Russian]

10. Goryaev N.V. Sravnitel'nyj etimologicheskij slovar' russkogo yazyka [Comparative etymological dictionary of the Russian language] / N.V. Goryaev. Tiflis, Printing house in the Caucasus, 1896, pp. 268. [in Russian]

11. Sreznevsky L.V. Materialy k slovarju drevnerusskogo russkogo yazyka po pis'mennym pamyatnikam [Materials for the dictionary of the Old Russian language on written monuments] / L.V. Sreznevsky. St. Petersburg, Printing house of the Imperial Academy of Sciences, 1902, Vol. II, Stlb. 989. [in Russian]

12. Slovar' drevnerusskogo yazyka XI – XIV vv. [Dictionary of the Old Russian language XI - XIV centuries]. Moscow, Progress, 1987, Vol. VI, pp. 252-253.
13. Krylov G.A. Etimologicheskij slovar' russkogo yazyka [Etymological dictionary of the Russian language] / G.A. Krylov. St. Petersburg, Polygraphuslugi, 2005, pp. 297.
14. Shansky N.M. Kratkij etimologicheskij slovar' russkogo yazyka [Brief etymological dictionary of the Russian language] / N.M. Shansky, V.V. Ivanov, T.V. Shanskaya. Moscow, Nauka, 1971, pp. 345. [in Russian]
15. Fasmer M. Etimologicheskij slovar' russkogo yazyka [Etymological dictionary of the Russian language] / M. Fasmer. Moscow, Progress, 1986, Vol. III, pp. 293.
16. Tsyganenko G.P. Etimologicheskij slovar' russkogo yazyka [Etymological dictionary of the Russian language] / G.P. Tsyganenko. Kiev, 1989, pp. 308. [in Russian]
17. Shaposhnikov A.K. Etimologicheskij slovar' sovremennogo russkogo yazyka [Etymological Dictionary of the Modern Russian Language] / A.K. Shaposhnikov. Moscow, Flinta, Nauka, 2010, Vol. II, pp. 142-143. [in Russian]
18. Sviridova M.N. Etimologicheskij slovar' sovremennogo russkogo yazyka [Etymological Dictionary of the Modern Russian Language] / M.N. Sviridova. Moscow, Adelant, 2014, pp. 275. [in Russian]
19. Slovar' russkogo yazyka XI – XVII vv. [Dictionary of the Russian language XI - XVII centuries]. Moscow, Nauka, 1989, Iss. 15, pp. 120. [in Russian]

DOI: <https://doi.org/10.23670/IRJ.2021.112.10.086>

СЕМАНТИКО-СТИЛИСТИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ РАЗГОВОРНО-ПРОСТОРЕЧНОЙ ЛЕКСИКИ В ПОЭЗИИ Е.ЕВТУШЕНКО

Научная статья

Вороничев О.Е.¹, Моспанова Н.Ю.^{2,*}

¹ ORCID: 0000-0001-7983-9025;

² ORCID: 0000-0002-5959-6027;

^{1,2} Брянский государственный университет имени академика И.Г. Петровского, Брянск, Россия

* Корреспондирующий автор (mo_nati76[at]mail.ru)

Аннотация

В статье анализируются разговорные и просторечные лексические средства, участвующие в создании идиостиля русского, советского поэта Е.Евтушенко.

Семантическое, стилистическое, словообразовательное своеобразие таких слов, особенности функционирования разговорно-просторечных элементов в лирическом дискурсе поэта еще не были предметом специального рассмотрения в научных исследованиях.

При анализе лексического материала использован семантический метод, метод контекстуального анализа, анализа словарных дефиниций. Исследуются тематические группы разговорно-просторечной лексики, способность образования просторечных значений на основе прямого и переносного типов лексических значений. С опорой на поэтический контекст и толковые словари выявляются семантика и коннотативные компоненты в значении разговорно-просторечных лексических средств. Обращается внимание на характеризующую и экспрессивную функцию разговорно-просторечных слов в речи персонажей и автора.

Ключевые слова: Е.Евтушенко, поэзия, идиостиль, разговорно-просторечная лексика, семантические и стилистические особенности.

SEMANTIC AND STYLISTIC FEATURES OF COLLOQUIAL VOCABULARY IN THE POETRY OF E.YEVTUSHENKO

Research article

Voronichev O.E.¹, Mospanova N.Yu.^{2,*}

¹ ORCID: 0000-0001-7983-9025;

² ORCID: 0000-0002-5959-6027;

I.G. Petrovsky Bryansk State University, Bryansk, Russia

* Corresponding author (mo_nati76[at]mail.ru)

Abstract

The article analyzes the colloquial lexical means involved in the creation of the individual style of the Russian and Soviet poet E.Yevtushenko.

The semantic, stylistic, word-formation originality of such words, the peculiarities of the functioning of colloquial-vernacular elements in the lyrical discourse of the poet have not yet been the subject of scientific research.

In analyzing the lexical material, the study utilized the semantic method, the method of contextual analysis, and the analysis of dictionary definitions. The thematic groups of colloquial vocabulary, the ability to form colloquial meanings based on direct and figurative types of lexical meanings are investigated. Based on the poetic context and explanatory dictionaries, the article also determines the semantics and connotative components in the meaning of colloquial lexical means. The authors also draw attention to the characterizing and expressive function of colloquial words in the speech of the characters and the poet.

Keywords: E.Yevtushenko, poetry, individual style, colloquial vocabulary, semantic and stylistic features.

Введение

Изучение языка поэзии советской и постсоветской эпохи в лице ее видных, общественно значимых представителей помогает понять ведущие тенденции развития литературного языка в целом и языка художественной литературы в особенности. Поэтому обращение к поэзии выразителей общественного настроения целой эпохи, точнее, к языковым средствам ее репрезентации, актуально.

Творчество Е.Евтушенко, ставшего популярным в период «оттепели», бурных общественных перемен 50-60 гг. 20 века, привлекало внимание филологов как с точки зрения тематических и жанрово-стилистических особенностей его поэзии, так и с точки зрения языка: репрезентации ключевых концептов, особенностей словотворчества (неологизмов, советизмов как маркеров времени) и др. (Прищепа В.П., Корнакова Е.С., Сидоров В.Ю., Петриченко М.А., Намитокова Р.Ю. и др.). Вместе с тем в лингвистических исследованиях просторечная лексика как значимая идиостилевая черта поэзии Евтушенко пока ещё детально не рассматривалась.

Е.Евтушенко является оригинальным продолжателем традиции общего процесса демократизации поэтической речи. «...Чуткая интуиция, тонкий лиризм Евтушенко, могучий общественный темперамент, реализованный и в поступке, и в художественном слове, создают фигуру крупную и своеобразную» [7]. Его поэзия отражает энергию своего времени: гражданский пафос, исповедальность, с одной стороны, и характеризует авторский стиль, с другой.

Е.Евтушенко – «очень русский поэт», который «придал стиху живую пластичную интонацию разговорной речи» [12, С. 47].

Исследование разговорно-просторечной лексики в русской поэзии имеет давнюю традицию. Этой проблеме посвящены работы В.В.Виноградова, А.Н.Еремина, В.В.Химика, М.В.Холодковой и др.

«Элементы разговорной речи в поэзии – не простое отражение авторской речевой нормы... их применение – прием, рассчитанный на вполне определенный стилистический эффект» [1, С. 141]. Как справедливо замечает А.Н.Еремин, просторечные лексемы в художественной литературе позволяют увидеть иную, «новую картину жизни» [5, С. 34].

Цель нашего исследования – анализ разговорно-просторечной лексики в произведениях Е.Евтушенко как одной из особенностей идиостиля поэта.

Для реализации поставленной цели решаются следующие задачи:

- проанализировать лексико-семантические особенности разговорно-просторечной лексики с опорой на данные лексикографических источников;
- выделить словообразовательные, грамматические особенности разговорно-просторечной лексики, способы образования разговорно-просторечных значений.
- выявить стилистическую роль указанных групп лексики.

Основные результаты

Разговорная лексика является одним из признаков разговорного стиля, неоднородного по своему составу, что объясняется особыми условиями его функционирования как средства общения. Просторечие находится на границе литературного языка в силу своей большей сниженности и отклонения от нормы.

Границы разговорной и просторечной лексики подвижны, что отражено в характеристике помет в словарях современного русского литературного языка. Эти пометы могут, с одной стороны, определять стилевую принадлежность, с другой – его эмоционально-экспрессивную окрашенность. Одно и то же слово в разных словарях может иметь разные пометы. Так, в толковых словарях (СОШ, МАС) в качестве функционально-стилистических помет используются «разг.» (разговорное) и «прост.» (просторечное). В «Большом словаре русской разговорной экспрессивной речи» (Химик В.В.) термин «просторечие» не используется, но вводится помета «разг.-сниж.» (разговорно-сниженное). Аналогично – в Толковом словаре Т.Ф.Ефремовой [6]. В нашей работе представлена традиционная точка зрения.

Разговорная и просторечная лексика находятся в постоянном взаимодействии, часто их разграничение затруднено, именно поэтому в лингвистической литературе используется термин «разговорно-просторечная лексика».

Разговорно-просторечная лексика формирует общее понятие «разговорности», которое, в свою очередь, связано с понятием «прозаизации». Это проявляется в простоте речевых средств (бытовые понятия и конкретные действия), отсутствии тропов, конкретности изображаемых событий и деталей (среда, портрет и т.д.), послуживших основой лирического переживания [1].

Это можно сказать и о лирике Е.Евтушенко. В своем творчестве поэт стремится представить читателю все, что он видит, слышит, выразить свое восприятие и отношение. Он «как бы идет не в рост, а в ширь, продолжая захватывать все новые и новые участки...» [12, С. 50].

Это нашло отражение и в языке, в частности, в тематических группах разговорно-просторечной лексики, выделенных нами. В основном это слова обиходно-бытовой лексики, характеризующие человека:

- по возрасту и родственным отношениям: *старикашка, девчонки, пацан, баба, сеструшка, старуха, батька и др.* Например: «И, невзрачный, потешный, странноватый на вид, **старикашка** подсевший мне бессвязно твердит, как в парах самогонных в синеватом дыму золотой самородок являлся ему» («Я у рудничной чайной...»). Ср.: Старикашка – «унич. Мужчина, достигший старости» [10, С. 762]. «Был наш двор проходной как большая страна. Нацеплял **пацанам** из репьев ордена...» («Проходной двор»). Ср.: Пацан – «прост. Мальчик, мальчишка» [10, С. 496]; «разг. То же, что: мальчишка» [6].

- по внешним признакам. Как правило, это группа слов для обозначения частей тела человека (чаще о голове): *башка, морда, рожа, рыло, зенки, гляделки, мордья, буркалы, ряшка и др.* Например: «...парень с честной **мордой** и честностью своею страшно гордый...» («Картинка детства») — Ср.: Морда – «То же, что лицо (прост.)» [10, С. 365]. Иная помета в словаре Ефремовой: «разг.-сниж. Лицо человека» [6], что связано с подвижностью лексической системы языка.

В этой группе можно выделить синонимические пары и ряды, называющие глаза (*зенки – гляделки*) и лицо (*морда – рожа – рыло – мордья – ряшка*).

Межтекстовые просторечные *зенки* и *глядельки* синонимичны («орган зрения»), приводятся в толковых словарях с пометой «просторечное». Они находятся на границе литературного языка: одно является грубым просторечным, другое – не только просторечное, но и имеет «флёр» диалектности.

В стихотворении «Краденые кони» автор-повествователь рассказывает про конокрада Прохора, хитрого и жестокого человека. История лишена всякого романтизма, и лишь в начале произведения выражено авторское отношение к предмету повествования: «Гривы переливистые, **зенки** черносливые, а на сахар – с первого куса. Если кони краденые, значит, богом даденные, – это конокрадов присказка» («Краденые кони»). Прилагательное «переливистые», авторский неологизм «черносливые» (актуализация семы «цвет» и «блеск») имеют положительную коннотацию.

Просторечное слово «зенки», выражающее отношение героя, «вклинивается» в слова, рождающие поэтические ассоциации, как бы подготавливает читателя к основной теме произведения. Таким образом, оно органично вписывается в текст, окрашенный негативной оценочностью, являясь характеристикой «низового» героя.

По-иному обстоит дело с употреблением существительного *глядельки*: «В двери вбили мы глазки дверные, но не разглядеть в **глядельки** эти, кто соседи наши по России, кто соседи наши по планете» («Плач по коммунальной квартире»). В этом стихотворении автор обыгрывает значение слова *глазок* – «приспособление для наблюдения,

встроенное во входную дверь» [10, С. 132]. Таким образом, слово *гляделки*, являясь межтекстовым контекстуальным синонимом, приобретает авторское значение, идентичное значению слова *глазок*, указывая на функциональное назначение предмета. Слово *гляделки* теряет свою принадлежность к диалектизмам, становясь бытовым просторечием, возможно, с некоторым оттенком пренебрежительности и сожаления об утраченном времени.

- по личностным качествам и манере поведения: *мерзавец, пустобрёх, хам, крикун, горлопан, болтун, сквалыга, враль, охальник, живоглот, шваль, шалава, жлоб, фифа, идиотка, разиня, лизоблюд* и др. Как правило, такие слова содержат в словарях (МАС, СОШ) оценочную помету «бран.» или «неодобр.» или комментарий в толковании – «употребляется как бранное слово». Например: «*На ладони танкиста, пропавшей войной, **фифа** адрес писала помадой губной...*» («*Проходной двор*»). Ср. Фифа – «прост. неодобр. Женщина, девушка, обращающая на себя внимание своей внешностью, нарядом, поведением» [10, С. 853].

- по роду и характеру деятельности: *завскладом, шабашник, плакальщица, торгош, парикмахерша, педикюрша, пожарник* и др. Например: «***Торгош** тебя ставит в игрушечке-«Ладе» со шлюхой, измазанной в шоколаде, и цедит, чтоб не задремать за рулем: «А ну-ка Высоцкого мы крутанем!»... Тебя торгоши не отнимут. Ты наш...*» («*Киоск звукозаписи*»). Ср.: Торгош – «устар. неодобр. Человек, занимающийся торговлей» [10, С. 803]. Однако, полагаем, оттенок устарелости здесь снимается, и актуализируется коннотативные семы оценочности, выражающие, с одной стороны, горечь, а с другой стороны – презрение («*Киоск звукозаписи*» – памяти В.Высоцкого).

Некоторые разговорно-просторечные номинативы частотны в функции обращения: *милок, мужик, паря, баба, выюнош* и др.

Отвлеченная лексика с общим значением оценки представлена такими репрезентантами, как: *мура, дрянь, брехня, толкучка, толкотня, закусон, занудство* и др. Например: «*Граждане не хотят его слушать. Гражданам бы выпить и откушать и сплясать, а прочее — **мура!***» («*Граждане, послушайте меня...*»). Ср.: Мура – «прост. Чепуха, ерунда» [10, С. 370]. Изначально это слово характеризовалось как диалектизм. В словаре В.И.Даля оно отмечено как областное со значением «крошенный хлеб в квасу» [2, Т. 2, С. 359]. В современном просторечном значении ассоциативно возникает компонент «несущественное, незначительное».

Еще в одну группу объединяются слова, называющие конкретные предметы (объекты): *телефончик, картишки, бордель, стакашек (род.п. к стакан), шапчонка, столовка, сталинка* и др. Такие лексемы имеют, как правило, разговорный характер, что в большинстве случаев обусловлено наличием в них уменьшительно-уничижительных или уменьшительно-пренебрежительных суффиксов субъективной оценки; некоторые являются жаргонными, например: *шарашка* (в СССР разговорное название НИИ тюремного типа, в которых работали осуждённые учёные, инженеры и техники).

Признаковые слова входят в различные тематические группы разговорно-просторечной лексики: *драный, боязно, затишно, внутрих, втихую, задарма, скукота, хана, приставучая, задрипанный, чутошный, зряшно*. Например: «*Ладно, плюйте, плюйте, плюйте — все же радость **задарма**. Вы всегда плюете, люди, в тех, кто хочет вам добра*» («*Казнь Стеньки Разина*»). Ср.: задарма – «прост. То же, что даром» [10, С. 230]. *Зряшно* – закричать, заплакать – *зряшно: не услышат небо и земля...* («*Саможалость*»). Ср.: Зряшный – «разг. Ненужный, напрасный» [10, С. 234].

Велика роль разговорно-просторечных глаголов в раскрытии картины личной и общественной жизни индивида. Они объединяются в следующие тематические группы:

- глаголы с общим значением движения, перемещения: *почапать, шататься, ввалиться, мельтешить* и др. Например: «***Я почапала** на Каму, я в котле сварила кашу. Каша с Камою горька — Кама слезная река*» («*Ярмарка в Симбирске*»)

Глагол *шпарить* – глагол с широкой сочетаемостью, обусловленной его лексическим значением «прост. Употребляется для обозначения быстрого, энергичного действия» [10, С. 900]. В тексте реализуются различные ядерные компоненты значения, в качестве общего отметим коннотативный экспрессивный компонент. Например: «*И срамные девки тоже, под хмельком вскочив с рогожи, огурцом намазав рожки, **шпарили** рысью — в ляжках зуд... Стеньку Разина везут!*» («*Казнь Стеньки Разина*»). Ср. шпарить – очень быстро бежать. «*В пене, как в гарусе, но не при парусе, вниз по Витиму скользя, **шпарили** на карбасе, смотрим на карту все...*» («*Многообещающая коса*»). Ср.: шпарить – быстро плыть.

- глаголы со значением говорения (звучания): *спорют* (орфография поэта – Н.М.), *не бреши, травить, нудить, ржать, выть, галдеть, шамкать, гоготать, напелсти, орать, базарить* и др. Например: «*Старик, фальшивя, тянет старое танго, а зал вовсю ему **гогочет**: «Иго-го!» Старик пускает, надрываясь, петуха, а зал в ответ ему пускает: «Ха-ха-ха!»*» («*Ревю стариков*»)

- глаголы со значением состояния (физического, психического): *очухаться, удавиться, придураться, понаверить, встопорщиться, одурачивать, дурить, серчать, приткнуться, не вляпаться, скурвиться, одуреть, прикорнуть, дрыхнуть* и др. Например: «*Дай бог не **вляпаться** во власть...*» («*Дай бог!*»).

- глаголы, обозначающие действие, направленное на объект (действие с объектом): *обкорнать, всучить/всучивать, дернуть (спирта), посягнуть, лакать (о животных), стырить, расколошматить, утереть (сопли), вгрызаться (в книгу), профукать, цацкаться, нянчиться, пикиать, прикнопить, лапать, пичкать* и др. Например: «*Нас раскидало, как в море льдины, **расколошматило**, но не разбив*» («*Письмо в Париж*»).

Некоторые глаголы, в силу своей полисемантической, относятся сразу к нескольким тематическим группам. Так, лексема *переть* (в словаре общая помета «прост.», 5 ЛСВ – [10, С. 511]) отнесена нами к двум группам: глаголы движения и глаголы, обозначающие действие, направленное на объект (действие с самим объектом). Именно в этих двух значениях слово употреблено в стихотворении Е.Евтушенко «*Проходной двор*»: «*Ничего, что все люди проходят насквозь, что с авоськами женщины **прут** на авось*». – «1.неодобр. Идти, двигаться». Значение актуализируется в контексте в сочетании со словами *авоськи* и *на авось*. «*Кто-то **пер** на горбу весь разошедший шкаф. Чьи-то тени блуждали с похмельем в башках*». - «3. Тащить что-то тяжелое, громоздкое».

Эти и другие узуальные значения лексемы *переть* находим в стихотворениях «Казнь Стеньки Разина», «Цветы для бабушки», «Первый день поэзии», «Размышления у черного хода», «Неразделенная любовь», «Монолог голубого песка», «Пролог (Я разный...)». Например: «**Прет** купец, треща с гороха. Мчатся вскачь два скомороха...» («Казнь Стеньки Разина»); - «1. неодобр. Идти, двигаться»; «Лечу сквозь голоса, сквозь ветки, свет и щебет, и - бабочки в глаза, и - сено **прет** сквозь щели!» («Пролог (Я разный...)»). – «4. С силой выходить наружу, обнаруживать»; «Был крестный ход у пригородной церкви... На «Волгах», «Жигулях» и «Запорожцах» наехали – к Христу не продерешься! Рыгали, **перли**, ближними хрустя. Лапеш пошел – попутная потеха...» («Крестный ход») – «2. Идти, двигаться куда-нибудь, не считаясь с препятствиями». Сема «не считаясь с препятствиями» становится более яркой и поддерживается контекстом (ближними хрустя). Таким образом, значения дополняют друг друга, внося оттенок неодобрительности.

Одним из способов образования разговорно-просторечных значений является метафорический перенос. В таком случае во вторичном значении появляются коннотативные эмоционально-оценочные семы: *ржать*, *лаять*, *вгрызаться*, *вить* (завить, повить), *докатиться*, *галдеть*, *дернуть*, *напести*, *раздирать*, *нянчиться*, *жрать*. Например: «Не помню, сколько их, **галдевиших**, било» («Картинка детства»). «Сожрали мелочи неповторимую любовь еще одну» («Не отдала еще...»). Это переносное значение оказывается более частотным в поэзии Е.Евтушенко.

Разговорная и просторечная глагольная лексика, с одной стороны, выполняет характеризующую функцию, в первую очередь, участвуя в создании образа героя: «Она подружилась с Тонечкой, белесой девочкой **тощенькой**, отцом-забудыгой замученной, до бледности в школе заученной» («Лифтерше Маше под сорок...»). В разговорном слове *тощенькая* - характеризующее значение, тогда как в просторечном *забудыга* присутствует еще и негативная авторская оценка, экспрессия.

Разговорно-просторечные слова в речи героев выражают их настроение, внутреннее состояние, а следовательно, в поэтических строках реализуется и экспрессивная функция: «Таких встречаешь, брат, не часто... В тайге все проще, чем в Москве. Да ты не думай, что начальство! Такая ж **баба**, как и все...». В словах героя целая гамма чувств (пренебрежение, бахвальство и др.). Обида, горечь слышится в словах Стеньки Разина, которого везут на казнь: «Грешен тем, что в мире злоства был я добрый **остолоп**. ... Нет царей хороших, **дурень**...» («Казнь Стеньки Разина»).

С другой стороны, разговорные и просторечные слова характеризуют и речь самого автора (лирического героя), выступая средством передачи авторской экспрессии, оценочности: «Я предаю тебя, как **сволочь**, и нет мне удержу никак, ты меня глазами молишь: «Зачем ты так? Зачем ты так?» («Зачем ты так?»), и стилизации под народную речь: «Граждане **не хочут** его слушать. Гражданам бы выпить да откушать и сплясать, а прочее – мур!» («Граждане, послушайте меня...»);

Разговорно-просторечные элементы в речи автора как бы «уравнивают» собеседников: «Витьке я сказал: «**Не нуди!**» Да полюбишь еще ты, Витька...» («В Кулундинской степи»). Нудеть – «(прост, неодобр.). Говорить нудно, монотонно, а также жаловаться или настойчиво прося чего-нибудь» [10, С. 423]. В примере актуализируется только часть значения лексемы: сема «жаловаться (на жизнь)». Императив с отрицательной частицей НЕ в контексте имеет значение побуждения к прекращению действия, с добавочным оттенком успокоения, желания обнадеежить.

Экспрессии добавляют и разговорные и просторечные фразеологизмы, которых немало в стихотворениях поэта: *валять дурака*, *дойти до ручки*, *тертый калач*, *черт сломаёт ногу*, *идти на рожон*, *не сыскать днем с огнем*, *ломать комедь* и др. Например: «Я оборву струну жестокого романса, гитару пополам – к чему **ломать комедь!**» («Я разлюбил тебя»). Ломать комедию (ломать комедь – устар.) – «разг., неодобр. Притворство, лицемерие в каких-нибудь действиях» [10, С. 286].

Эмоционально яркие фразеологизмы содержат отрицательные коннотации, что, по мнению лингвистов, вообще характерно для русского языка (А. Вербицкая, Т.А.Трипольская и др.). В текстах они подвергаются авторскому преобразованию: «...Вор лицемерно обвиняет **вора с чужой горящей шапкою** на нем...» («Как не хватает Сахарова нам...»). Ср.: на воре шапка горит – «О том, кто случайно выдает о себе то, что сам хочет скрыть» [10, С. 891]. Поэт дает характеристику общественно-политической ситуации конца 1990-ых – начала 2000 века с ее безнравственностью и лживостью и пишет: «Никто из нас не может быть пристыжен, хотя б одним, кто не замазан сам!» Говоря о своей непростой судьбе, о стремлении противостоять ей, он замечает: «Горочки меня не укатали – числился я в сивках ни за что» («Никогда я в жизни не состарюсь...»). Ср.: фразеологизм *укатали сивку крутые горки*.

Эволюция авторского отношения к разговорно-просторечной лексике прослеживается в постепенном снижении частотности её употребления в текстах более позднего периода. Изменилось время, изменился сам поэт. Пришла пора воспоминаний о дальних путешествиях, об ушедших товарищах, о любви, пора подведения некоторых итогов. Лирическая тема стала преобладающей, недаром один из его последних сборников называется «Со мною вот что происходит...».

Показателем разговорно-просторечного стиля является употребление словообразовательных средств и грамматических форм.

Словообразование, выполняя своеобразную упорядочивающую и организующую функцию, выступает способом концептуализации действительности, а потому словообразовательные средства могут создавать дополнительные оценочные значения, выступая ярким экспрессивным средством в поэтическом тексте.

Разговорный характер придают суффиксы: *галочка*, *походочка*, *вприсядочку*, *шапчонка*, *галантненько*, *халатик*, *цыпочка*, *чукчата*, *алданочка*, *спасибочки*, *повадочка* и др. Например: «**Спасибочки**. Как-нибудь сами мы выстоим под небесами...» («Карликовые березы»). «**Походочкой** расслабленной, с **челочкой** на лбу Вхожу, плясун прославленный, в гудящую избу.» («Свадьбы»).

В стихотворениях поэта много номинативов с разговорно-просторечными суффиксами со значением лица: *плясун*, *забудыга*, *сквалыга*, *палачка* (ж.р. к палач), *стукачка*, *соплюшка* (сопляк), *простак* и др. Например: «История не

палачка. История – плакальщица ...» («Плач по плакальщицам»). «Эх вы, орущие **соплюшки, сопляки**, Ведь вы — грядущие старушки, старики...» («Ревю стариков»)

Разговорно-просторечные грамматические формы встречаются и в речи героев, и в речи автора, часто являясь единственной, но емкой социально-психологической характеристикой персонажа:

- глагольные, в которых сохраняются старомосковская орфоэпическая черта как элемент стилизации речи под городское просторечие: *ходят, смотрют, хочут, спорют*. Например: «Бабка открыла калитку зыбучую: "Пытка под старость - незнамо за что. **Ходют и ходют** - ну прямо замучили..."» («Елабужский гвоздь»);

- признаковые: *попростей, покамест, задарма, нашенский, жутковатенько и др.* Например: «Когда перед собранием шепчут: «Бросьте!.. Вы молодой, и лучшие вы пишете, а в драку лезть **покамест** не спешите» («Злость»).

Фрагменты картины мира в их языковом воплощении отражают живую разговорную речь не только на уровне отдельных лексем, но и на внутритекстовом уровне в явлении синонимии и антонимии.

Чаще всего синонимы в тексте совпадают по ядерным семам, но противопоставляются периферийными оттенками значения, оценочности. Так, в стихотворении «Благодарность» противопоставляются гипонимы *мужчина, женщина* и синонимы к ним (*мужик, баба*), которые в свою очередь вступают в антонимические отношения по коннотативным семам: *мужик – баба* (просторечные): «...мы **женщину** сместили. Мы ее унизили до равенства с **мужчиной**... Мужчины стали чем-то вроде **баб**, а **женщины** — почти что **мужиками**.» («Благодарность»).

Просторечные синонимы существительного *лицо* частотны у поэта в стихотворениях обличительного характера: Ср.: «нельзя заменить на прекрасные **лица** все **рыла**» («Бесконечное дело»). Или: «На **мордах** с медом на устах след окровавленности. **Лицо**, однажды **мордой** став, не восстанавливается...» («Померкло блюдечко во мгле..»)

В стихотворении «Неразделенная любовь» контекстуальными синонимами становятся лексемы *дама* и *баба* с общим ядерным компонентом «женщина», сопоставленные в речи героя и автора и различающиеся коннотативными семами и эмоционально-экспрессивной окраской: «Я, к примеру, никогда бы так не страдал из-за какой-то **бабы**...». («Неразделенная любовь»). Одним этим словом, являющимся примером речевой агрессии, автор дает исчерпывающую характеристику персонажа, замечая: «О, сколько их, таких здоровяков, страдающих отсутствием страданий. Для них есть **бабы**: нет прекрасной **дамы**.» («Неразделенная любовь»). Ср.: Баба – «2. вообще о женщине, (иногда с пренебр.... оттенком) (прост.)» - [10, С. 33]. Ср.: дама – «2. Форма вежливого ... упоминания (вообще о женщинах; разг.)» [10, С. 151].

Интересен пример употребления двух стилистически разных значений многозначного слова, одно из которых является просторечным, в одном стихотворении: «Спасение наше – друг в друге: в сжимающем сердце испуге вдвоем не остаться, расстаться и в руки чужие достаться. Родители нам не защита. Мы дети друг друга – не чьи-то. Нам выпало **нянчиться** с нами. Родители наши – мы сами.» («Спасение наше друг в друге»). В слове *нянчиться* разговорным является второе значение «хлопотать, возиться с кем/чем-нибудь (перен., разг., неодобр.)» [10, С. 424], созданное на основе переноса основного значения «ухаживать за кем-нибудь». В поэтическом тексте совмещаются оба значения этого слова, и в переносном значении актуализируется часть значения – «возиться», т.е. «2. Заниматься чем-либо ... трудным...», «3. ...уделять много времени (разг.)» [10, С. 92]. Семы «заботиться» и «воспитывать» обусловлены контекстом.

Заключение

Разговорно-просторечная лексика – важный элемент в идиостиле Е.Евтушенко. Она характеризует время и человека в нем, позволяет составить его социальный, интеллектуальный, психологический портрет.

Нами были выделены некоторые, наиболее актуальные группы этой лексики. Такие слова выполняют в поэтических текстах характеризующую и экспрессивную функцию, которые часто совмещаются в словах автора и персонажа, участвуют в описании коммуникативной ситуации.

Просторечная лексика является преобладающей по сравнению с разговорной. Как правило, она имеет отрицательные коннотации и чаще употребляется в стихотворениях гражданской направленности.

Использование разговорно-просторечной лексики повышает экспрессию, оценочность, эмоциональность текста, что позволяет автору выразить свое отношение к содержанию речи.

Конфликт интересов

Не указан.

Conflict of Interest

None declared.

Список литературы / References

1. Григорьева А.Д. Язык поэзии 19-20 вв.: Фет. Современная лирика / А.Д. Григорьева, Н.Н. Иванова. – М., 1985.
2. Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка: В 4 т. / В.И.Даль. – М.: Гос. изд-во ин. и нац. словарей, 1956.
3. Евтушенко Е. Все стихи / Е.Евтушенко. - [Электронный ресурс] URL: https://royallib.com/book/evtushenko_evgeniy/evgeniy_evtushenko_vse_stihi.html (дата обращения 22.07.2021)
4. Евтушенко Е. «Со мною вот что происходит...»: стихотворения / Евгений Евтушенко. – СПб: Азбука, Азбука-Аттикус, 2019.
5. Еремин А.Н. Проблемы лексической семантики русского просторечия: автореф. дис. ... д-ра филол. наук: 10.02.01: утв. 15.02.02 / Александр Николаевич Еремин. - М.: МПГУ, 2001. – 58 с.
6. Ефремова Т. Ф. Новый словарь русского языка. Толково-словообразовательный. / Т.Ф.Ефремова - [Электронный ресурс]. URL: <https://lexicography.online/explanatory/efremova> (дата обращения 24.08.2021)
7. Захарченко Е.Г. Книга о поэте / Е.Г.Захарченко // Вопросы литературы – 1988 - № 5 – С. 233-240.

8. Корнакова Е.С. Национально-культурная специфика советской действительности и ее языковое отражение в поэзии Е.А. Евтушенко / Е.С.Корнакова // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Русский и иностранные языки и методика их преподавания. - 2017.- Т. 15. - № 1. - С. 103-112.

9. Намитокова Р.Ю. Актуализаторы авторских новообразований в тексте и авторские новообразования как актуализаторы текста (на материале авторских новообразований Евгения Евтушенко) / Р.Ю.Намитокова // Вестник Адыгейского государственного университета. Серия 2: Филология и искусствоведение. – 2007. - № 2. – С. 37 - 41.

10. Ожегов С.И. Толковый словарь русского языка / С.И.Ожегов, Н.Ю. Шведова - М.: ООО «Издательство ЭЛПИС», 2005. (в тексте СОШ)

11. Прищепа В.П. Российского Отечества поэт / В.П.Прищепа - Абакан: Изд-во Хакаского гос. ун-та, 1997.-344 с.

12. Е. Сидоров. Евгений Евтушенко. Личность и творчество / Е.Сидоров - М., «Художественная литература», 1987. - 206 с.

13. Химик В.В. Поэтика низкого, или Просторечие как культурный феномен / В.В.Химик – Санкт-Петербург: СПбГУ, 2000.

14. Холодкова М.В. Функционально-семантическая специфика просторечной лексики в современном русском языке // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Русская филология. – 2018. - №5. – С. 130-138.

Список литературы на английском языке / References in English

1. Grigor'eva A.D. Jazyk poezii 19-20 vv.: Fet. Sovremennaja lirika [The language of poetry of the 19th-20th centuries: Fet. Modern lyrics] / A.D. Grigor'eva, N.N. Ivanova. – М., 1985. [in Russian]

2. Dal' V.I. Tolkovyj slovar' zhivogo velikorusskogo jazyka: V 4 t. [Explanatory dictionary of the living Great Russian language: In 4 volumes] / V.I.Dal'. – М.: Gos. Publishing house in. i nac. slovarej, 1956. [in Russian]

3. Evtushenko E. Vse stihi [All poems] [Electronic resource] / E.Evtushenko. - URL: https://royallib.com/book/evtushenko_evgeniy/evgeniy_evtushenko_vse_stihi.html (data obrashhenija 22.07.2021) [in Russian]

4. Evtushenko E. «So mnogu vot chto proishodit...»: stihotvorenija ["This is what happens to me...": poems] / Evgenij Evtushenko. – SPb: Azbuka, Azbuka-Attikus, 2019. [in Russian]

5. Eremin A.N. Problemy leksicheskoj semantiki russkogo prostorechija [Problems of lexical semantics of the Russian vernacular]: autoabstract dis. ... of PhD in Philology: 10.02.01: approved. 15.02.02 / Aleksandr Nikolaevich Eremin. - М.: МРГУ, 2001. – 58 p. [in Russian]

6. Efremova T. F. Novyj slovar' russkogo jazyka. Tolkovo-slovoobrazovatel'nyj [A new dictionary of the Russian language. Explanatory-word-formation.]. [Electronic resource] / T.F.Efremova - URL: <https://lexicography.online/explanatory/efremova> (data obrashhenija 24.08.2021) [in Russian]

7. Zaharchenko E.G. Kniga o poete [A book about the poet] / E.G.Zaharchenko // Voprosy literatury [Questions of literature] – 1988 - № 5 – P. 233-240. [in Russian]

8. Kornakova E.S. Nacional'no-kul'turnaja specifika sovetskogo dejstvitel'nosti i ee jazykovoje otrazhenie v poezii E.A. Evtushenko [National and cultural specifics of the Soviet reality and its linguistic reflection in the poetry of E. A. Yevtushenko] / E.S.Kornakova // Vestnik Rossijskogo universiteta družby narodov Serija: Russkij i inostrannye jazyki i metodika ih prepodavaniya [Bulletin of the Peoples' Friendship University of Russia Series: Russian and foreign languages and methods of their teaching]. - 2017.- Vol. 15. - № 1. - P. 103-112. [in Russian]

9. Namitokova R.Ju. Aktualizatory avtorskih novoobrazovanij v tekste i avtorskie novoobrazovanija kak aktualizatory teksta (na materiale avtorskih novoobrazovanij Evgenija Evtushenko) [Actualizers of author's neoplasms in the text and author's neoplasms as text actualizers (based on the material of author's neoplasms by Yevgeny Yevtushenko)] / R.Ju.Namitokova // Vestnik Adygejskogo gosudarstvennogo universiteta. Serija 2: Filologija i iskusstvovedenie [Bulletin of the Adygea State University. Series 2: Philology and Art History]. – 2007. - № 2. – P. 37 - 41. [in Russian]

10. Ozhegov S.I. Tolkovyj slovar' russkogo jazyka [Explanatory dictionary of the Russian language] / S.I.Ozhegov, N.Ju. Shvedova - М.: ООО «Publishing house JeLPIS», 2005. (v tekste SOSH) [in Russian]

11. Prishhepa V.P. Rossijskogo Otechestva pojet [The poet of the Russian Fatherland] / V.P.Prishhepa - Abakan: Publishing house of Hakassian state. un-ty, 1997.-344 p. [in Russian]

12. Е. Сидоров. Евгений Евтушенко. Личност' и творчество [Yevgeny Yevtushenko. Personality and creativity] / Е.Сидоров - М., «Художественная литература», 1987. - 206 p. [in Russian]

13. Himik V.V. Pojetika nizkogo, ili Prostorechie kak kul'turnyj fenomen [Poetics of the Low, or Colloquialism as a cultural phenomenon] / V.V.Himik – Sankt-Peterburg: SPbGU, 2000. [in Russian]

14. Holodkova M.V. Funkcional'no-semanticheskaja specifika prostorechnoj leksiki v sovremennom russskom jazyke [Functional and semantic specificity of the vernacular vocabulary in the modern Russian language] // Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta. Serija: Russkaja filologija [Bulletin of the Moscow State Regional University. Series: Russian Philology.] – 2018. - №5. – P. 130-138. [in Russian]

DOI: <https://doi.org/10.23670/IRJ.2021.112.10.087>

КОНЦЕПТУАЛИЗАЦИЯ БАЛАНСА ИДЕНТИЧНОСТИ В ПРОФЕССИОНАЛЬНЫХ ГОРОСКОПАХ

Научная статья

Голодная В.Н.*

Невинномысский институт экономики, управления и права, Невинномысск, Россия

* Корреспондирующий автор (verunchik10[at]mail.ru)

Аннотация

Статья посвящена анализу средств концептуализации баланса идентичности средствами астрологического дискурса (на примере профессиональных гороскопов). Идентичность, являясь неким результатом определения человеком себя и своего места в обществе, тем не менее, остается динамичной в течение всей жизни индивида и подвергается изменениям, а в некоторых случаях, и полной трансформации. Согласно гипотезе нашего исследования, одной из наиболее важных причин этой динамичности выступает потребность человека в обретении баланса идентичности, который представляет собой такое взаимоотношение социальной и личной идентичности, при котором человек чувствует свою принадлежность к социальной группе, сохраняя при этом свою уникальность как индивида. Новизна нашей работы состоит в попытке определения баланса идентичности как конечной цели процесса идентичности, длящегося в течение всей жизни человека. В результате исследования было выявлено, что успешный выбор карьеры, концептуализированный средствами астрологического дискурса, проявляется в балансе личностных характеристик индивида, свойственных ему / ей как представителю определенного знака зодиака и социальными возможностями их применения, углубления и развития в том или ином виде профессиональной деятельности, а также выделены положительные и отрицательные стороны восприятия человека сквозь призму астрологических категорий.

Ключевые слова: идентичность, баланс идентичности, профессиональный гороскоп, знак зодиака, метафорическая экспансия, концептуализация.

IDENTITY BALANCE CONCEPTUALIZATION IN CAREER HOROSCOPES

Research article

Golodnaya V.N.*

Nevinnomyssk institute of economics, management and law, Nevinnomyssk, Russia

* Corresponding author (verunchik10[at]mail.ru)

Abstract

The article deals with the issues of identity balance conceptualization in the framework of astrological discourse (on the example of career horoscopes). Identity, being a result of one's discovery in the society, is nevertheless, dynamic as long as person lives. It means that during the whole period of a person's life, his or her identity can alter, change or even transform completely. As far as we hypothesize, one of the major reasons for this dynamism is a person natural need for identity balance, which we describe as such a correlation of personal and social elements when an individual is accepted by the social group of his or her choice without having to lose the uniqueness of his or her personality. The novelty of our work is an attempt to define identity balance as a final aim of identity as a life-long process. As a result of our research we have found out that a successful career choice conceptualized by means of astrological discourse, reveals a harmony (balance) of an individual personal qualities as a certain zodiac sign representative and social opportunities to implement, deepen and develop these qualities in this or that career. Both positive and negative sides of perceiving an individual in the framework of horoscopes have also been illustrated.

Keywords: identity, identity balance, career horoscope, zodiac sign, metaphoric expansion, conceptualization.

Identity is central in the picture of a human life. It reflects a person in different "mirrors", such as gender, ethnic, confessional, political, professional, etc. Identity means a discovery of oneself in the social life one's representation in this process. A person has a natural need for belonging to a certain group or a social structure whose values, principles and rules of behavior he or she accept as the "right" ones. On the one hand, a society provided for a choice of groups to belong to, but on the other, it puts limits and boundaries to an individual's personality. In other words, in order to be accepted as a full-fledged group member, a person has to alter, adapt or suppress a part of his or her uniqueness.

Identity always involves two participants: a person who needs to gain identity and somebody or something to identify him or herself with, for instance, other people, social groups, objects, processes or events. At the same time, the word "individual" means "different from any other", so complete and total identification with someone or something else would result in losing one's individuality and personality.

Although identity is often seen as a result of identification, this result is not final. Identity is never static. It changes, alters and even transforms during a person's life. We believe that one of the major reasons for this dynamism is a person's strong desire for the identity balance, which can be described as an ideal correlation between social and personal when a single individual is accepted by a social group he or she wants to belong to without having to lose his or her uniqueness in order to achieve this aim.

In this paper we would like to consider identity balance conceptualization presented in career horoscopes. Work is an essential part of many people's lives, at least those who have reached their adulthood. Thus, the career choice and professional identity importance can hardly be overestimated. As for the choice of horoscope as a material for our research, there are two major reasons to be mentioned.

First, all types of horoscopes (dating, health, business, family, financial, etc.) as a form of astrological discourse, share a common feature of harmony, or balance between time and space, a person and nature, a person and universe, a person and

other people, etc. Actually, the word “horoscope” means “a person’s future, typically including a delineation of character and on the relative positions of stars and planets and planets at the time of that person’s birth”, thus conveying the notion of balance between his or her inborn traits (character), time and place of his or her living (circumstances), and the relation of all these to the universe (the relative positions of stars and planets and planets at the time of that person’s birth).

Second, according to a number of psycholinguists [1, P. 56-58], [3], the reader creates both the meaning and the effect of a text he or she reads. Horoscopes, together with fortune-telling and clairvoyance, are part and parcel of popular magazines and tabloid, Internet sites and blogs and radio programs, and their language has a certain impact on the way we see and percept both ourselves and other people. Consciously or unconsciously, we digest the astrological meaning, thrown at us, even if we chose to reject it [6, P. 73].

The first interesting thing to be mentioned about career horoscopes is that they do not contain any “low” or “non-prestigious” jobs, which can potentially diminish a person’s status in the eyes of other people. Although plumbers are as necessary in real life as lawyers or doctors, no zodiac sign representatives are recommended to become janitors, cleaners, shop assistants, ticket collectors or tractor drivers. As we will see later, all the careers described in these horoscopes potentially give their followers a feeling of being needed and well-respected by the society.

According to the career horoscopes, each zodiac sign corresponds to a certain set of traits and qualities, which would lead their representatives to certain professions, or callings. Let us consider some sources of astrological metaphors expansion and their projection on would-be careers. The first source to be illustrated is the symbols (signs) of zodiac constellations representing animals - Aries (Ram), Capricorn (Goat), Leo (Lion), Pisces (Fish), Cancer (Crab), Scorpio (Scorpion), people - Sagittarius (Archer), Aquarius (Water Bearer), Gemini (Twins), Virgo (Virgin). Libra (Scales) Sagittarius (Archer), Aquarius (Water Bearer), Gemini (Twins), Virgo (Virgin) and an artifact - Libra (Scales).

It is interesting to note that in Old English “zodiac” was “twelf tacna” meaning “the twelve signs”. The word “tacna” had connotations of rules/subscriptions (*tâcnberend* - *standard-bearer*), instructions (*tâcnbora* - *guide*) and triteness/banality (*tâcni(g)endlic* - *typical, emblematic* [2]. These implications explain why a great number of quite different people sharing the same zodiac sign are advised to make the same career choices.

For example, Libra’s symbol is seals, which are also the symbol of balance and justice. So, this sign representatives would allegedly become good lawyers, police officers and judges as well as diplomats, translators, executive assistants and literary agents [7].

Lion, which is Leo’s constellation sign, is traditionally regarded as a king of animals and beasts, so Leos are recommended either leadership or publicity careers. They are said to make great corporate leaders, politicians and actors [7].

One more astrological images domain-source is the features of the four basic elements (air, fire, water, earth), which are supposed to rule this or that zodiac sign. These simple elements possess both positive and negative qualities, which are metaphorically interpreted in order to describe human behavior, actions and character.

Air is the most basic condition of life existence on the planet. Other planets in our system are lifeless due to the lack of a proper atmosphere. This element is associated with life, happiness and freedom (a breath of fresh air – refreshingly new, different or pleasant; free as the air – happy and untroubled [5]). On the other hand, air is the most abstract element. It cannot be touched, measured or held. Its constant movement is associated with being unreliable and unstable (to build castles in the air – to make plans that can never come true; an airhead – a frivolous or useless person [5]). Thus, the air representatives (Aquarius, Libra, Gemini) are known as independent, unpredictable, freedom-loving and having a constant urge for changes.

To match their personalities air sign representatives are advised to pursue careers requiring a lot of travelling (journalism), constant interaction with the outside world (publicity, communications, teaching) or providing a great deal of freedom and self-employment (freelance writers, graphic artists, novelists) [7].

Fire symbolizes warmth, light and energy (fire – extremely appealing or exciting, awesome; be ball of fire – have energy and enthusiasm [5]), but it is also one of the greatest destroyers (If you play with fire, you get burnt – If you do something dangerous you get hurt; Fire is a good servant and a bad master – You must be careful to use fire wisely and under control so that it will not hurt you [5]). The fire signs (Aries, Sagittarius, Leo) are stereotypically believed to be active, energetic, impulsive, quick-tempered, passionate and generous.

Fire sign people are recommended rather risky and dangerous jobs (military officer) and those demanding lots of physical activity (outdoor guide, fitness trainer). Fire also attracts people due to its light and beauty, so leadership positions (leadership management) are considered to be good them, too. Fire is a source of light, which, in its turn, is often associated with knowledge, so fire sign representatives are successful at such careers as tourism and teaching [7].

Water is essential for life and performs a lot of functions necessary for both humans and other living creatures (You never miss the water till the well runs dry – People are not grateful for what they have till they lose it; to blow smb out of the water – to utterly destroy smb [5]). Still, water remains one of the greatest mysteries for people and its deep nature has not been completely researched (Still waters run deep – one’s appearance and behavior can be deceitful; troubled waters – a situation, circumstances or experience with disorder, difficulty, confusion, stress, etc [5]). Water signs (Pisces, Cancer, Scorpio) are allegedly shrewd, reserved, touchy, loyal to friends and vengeful to enemies.

An ambiguous nature of water accounts for some contrast we can see in the set of careers recommended to water sign representative. Its mystery and hazard extrapolate on Scorpio traits. The best careers for them are connected with discreet, confidentiality, secrecy and wonder. A milder and more generous side of water is to be seen in the characters of Cancers and Pisces. The ideal jobs for these two water sign representatives are linked with caring for other people, sympathy, kindness and selfishness. All bodies of water (lakes, rivers, waterfalls, seas and oceans) are very beautiful. This may be the reason that Pieces (fish actually spend all their lives in water) are also believed to be great at art [7].

Earth is the most known element for people. It is concrete, stable and firm and, in comparison with air, fire and water, the most constant and real (to come down to earth – to become realistic; down-to-earth – practical; salt of the earth – a very good or worthy person [5]). Due to this, earth signs (Capricorn, Virgo, Taurus) are supposed to be practical, pragmatic, sensible and reliable.

Earth sign representatives are believed to be good at practical, “material” careers such as sales, banking, and finance and at routine and even monotonous jobs like a clerk or an accountant as well as at jobs demanding accuracy and precision (architects or engineers) [7].

The notion of professional and personal balance is explicitly expressed in astrological advice and recommendations given in career horoscopes. A job is seen as something to highlight individual traits and qualities and to develop them to the fullest extent: Don't ignore your talents - play to them; your personality will do the rest; you need a career that matches your personality; don't let yourself be swayed by promises of cash and power; find careers that allow for some semblance of work-life balance [7].

Possible problems and obstacle a person can face on the way to his or her career success are just mildly hinted at and, according to astrologists, are easy to overcome. For example, Aries may need some time to achieve a leadership position, but the issue is easily solved - do what you do best and map out a set of small, actionable steps that will take you where you want to go. The use of the modal verb “may” conveys the notion that such situation is just a possibility. Taurus can find some obstacles to success due to his or her inflexibility. He or she just needs to take a small effort and will be greatly rewarded - you'll find happiness in whatever work environment you find yourself in [7].

Horoscopes are notorious for being too abstract and vague. After all, there are millions of people sharing the same zodiac sign and plenty of those who are born on the same day. How can all of them possess similar traits and qualities and how astrological advice can work for them all?

There are some linguistic features used in astrological discourse to appeal to readers despite the obvious ambiguity of the star prognoses. The use of the personal pronoun “you” instead of just naming a zodiac sign and imperative sentences give a favorable impression that the astrologist speaks to a particular person. Modal verbs (*can* become frustrated and bored, *might* fit best, you *could* appraise, *can* also be fantastic, it may take some time) convey the notion that the given situation is not universal, but rather one of the many other possibilities. Moreover, astrologers position themselves as “guides”, “advisors” and “mentors” leaving the final decision to a person him or herself. Here is an introduction to a career horoscope.

If you're having trouble deciding what to do with your life, *let's take a look* at the top professions for each zodiac sign so that you *can* enjoy some guidance from above [7].

The conditional structure of the sentence implies that the author does not intend to impose his or her viewpoint on the reader or to somehow influence the career choice, which has already been made. The author's intention is to guide those who are still in doubt, so he / she just makes an offer (let's have a look), which does not call for any commitments. The modal verb “can” prevents the would-be recommendations from sounding omnipotent. In the end, it is the reader who decides what to do or not to do.

To sum up, we would like to highlight the following points.

Identity is both a state and a process. It is relatively static only at a certain time and at a certain place and can change, alter and even totally transform during a person's life. Identity balance is a final aim of seeking identity, which satisfies a person's natural desire to be accepted by a social group without having to give up his or her uniqueness as an individual.

Everyday astrological texts analyzed in our work do not reflect life as it really is but rather the way *we* want it to be. Guiding people on a career choice as a very important part of life, horoscopes are focused on noble, interesting and respected careers for each zodiac sign representative, thus giving us a feeling of being needed by the society.

Professional success, conceptualized in astrological discourse, greatly depends on a harmony between personal traits and job demands. It is explicitly expressed that career choice and development should be well-balanced with personal happiness and needs.

The framework of horoscopes gives people a feeling of being themselves, of belonging and psychological comfort, which come from the balance of personal and social blending in one's identity. On the other hand, restricting ourselves to astrological categories and rejecting other factors can lead to an oversimplified perception of a person whose identity is a much more complex phenomenon than being a zodiac sign representative.

It should be noted, however, that this very point is implicitly expressed in horoscopes themselves. Certain linguistic features exploited in astrological discourse (modal verbs, imperative mood, conditional structures, forms of address, etc) make astrological prognoses sound just like star advice rather than prescriptions or operative management, thus making a person him or herself responsible for his or her choices, deeds and actions.

Конфликт интересов

Не указан.

Conflict of Interest

None declared.

Список литературы / References

1. Cameron D. Feminism and Linguistic Theory / Cameron D. - London: Macmillan Press Ltd., 1992. - 216 p.
2. John R. A concise Anglo-Saxon Dictionary for the use of students / R. John, M. D. Clark Hall, Ph.D. Second Edition Revised and Enlarged. New York: The Macmillan Company, 1916. [Electronic resource]. URL: <http://people.uwplatt.edu/~ciesield/angd.pdf> (accessed: 12.09.2021)
3. Greenwald A. Implicit Social Cognition / A. Greenwald, M. Banagii // Psychological Review. - 1995. - Vol. 102 (1). - P. 4-27
4. Online Etymology Dictionary- Douglas Harper, 2010. - [Electronic resource]. URL: <http://www.etymonline.com>. - (accessed: 12.09.2021)
5. The Oxford English Dictionary: 20 Volume Set / J. Simpson, E. Weiner (eds.). - Oxford University Press, 1989. - Vol. 1-20. - 22000 p.
6. Sunderland J. Feminism and Gender - an Advanced Resource Book / J. Sunderland. - New York: Routledge, 2006. - 180 p.
7. The Top Professions for Every Zodiac Sign [Electronic resource]. - URL: <https://clck.ru/YDD3u> (accessed: 12.09.2021)

DOI: <https://doi.org/10.23670/IRJ.2021.112.10.088>

СОВРЕМЕННАЯ ГОРОДСКАЯ МИФОЛОГИЧЕСКАЯ ПРОЗА

Научная статья

Грахова С.И.*

Набережночелнинский государственный педагогический университет, Набережные Челны, Россия

* Корреспондирующий автор (SG2223[at]yandex.ru)

Аннотация

В настоящее время не ослабевает научный интерес к жанрам устной народной мифологической прозы. Актуальными остаются вопросы жанровых особенностей, поэтики, бытования и развития народных произведений, отличающихся от сказочной прозы. Не менее актуальной остаётся проблема, связанная с изучением картины мира, представленной в современных текстах демонологических рассказов. В центре внимания – былички и бывальщины – устные нарративы, бытующие среди городских жителей. В обзорно-ознакомительной статье особое внимание уделено мифологии страшного пространства, раскрываемого через представление о двоемирии как «своебытном» человеческом восприятии, познании и осмыслении окружающей действительности, а также образной наполненности быличек и бывальщин, как жанров мифологической прозы.

Ключевые слова: мифология, быличка, бывальщина, двоемирие, персонаж.

MODERN URBAN MYTHOLOGICAL PROSE

Research article

Grakhova S.I.*

Naberezhnye Chelny State Pedagogical University, Naberezhnye Chelny, Russia

* Corresponding author (SG2223[at]yandex.ru)

Abstract

Currently, scientific interest towards the genres of oral mythological folk prose does not weaken. The issues of genre features, poetics, existence and development of folk works that differ from fairy-tale prose remain relevant. No less urgent is the problem associated with the study of the worldview presented in modern texts of demonological stories. The focus of the study are the bylichki and byvalshchiny - oral narratives that exist among urban residents. In the review and introductory article, special attention is paid to the mythology of the haunting space, revealed through the idea of bi-worldness as "peculiar" human perception, cognition and comprehension of the surrounding reality, as well as the imaginative fullness of bylichki and byvalshchiny as genres of mythological prose.

Keywords: mythology, bylichka, byvalschina, bi-worldness, character.

Краеведческий аспект – один из актуальных в современной науке. Устная народная проза мифологического содержания является важным компонентом в представлении образа современного города. Современная городская мифология рассматривается в статье не как мировоззренческая система, а как «топический миф», связанный с городом. Предмет данного исследования – былички и бывальщины – устные нарративы, бытующие среди городских жителей. Ценность данных повествований видится в разнообразии персонажей, необычном представлении картины мира города, его дискурсе, но, самое главное, в рассказах о себе, своих чувствах и переживаниях.

Опыт изучения демонологических представлений накоплен в рамках фольклористических исследований (Азбелев А.Н. [1], Веселова И.С. [3], Виноградова Л.Н. [4], Дмитриева С.И. [7], Зиновьев В.П. [11], Криничная Н.А. [9], Левкиевская Е.Е. [10], Померанцева Э.В. [12], Пухова Т.Ф. [2], и др.). Исследования о бытовании мифологических представлений в современной городской среде осуществляется в двух направлениях: изучение городских легенд и фольклора, бытующего в городе.

Материалом исследования стали региональные записи, сделанные путем интервью жителей города Елабуги.

1. Мифология страшного пространства:

Известно, что быличка и бывальщина – жанры устной мифологической прозы, фиксирующие контакты двух миров – реального и ирреального, потустороннего, неизвестного человеку и тем самым устрашающего. В одной из работ [5] изложены результаты исследования по вопросу «изучения картины мира, представленной в современных текстах демонологических рассказов» [5, С. 64].

Двоемирие понимается как «своеобразное явление человеческого восприятия, познания и осмысления действительности» [8, С. 24]. Человек живет в «мире реальных вещей и реальных отношений, т.е. в мире феноменальном – мире явлений, данных в опыте и постигаемых при помощи чувств» [8, С. 24-25]. Он «пытается осмыслить этот мир, и это осмысление является как бы вторым миром – ноуменальным, сущностным. Мир ноуменальный является мотивацией, оправданием, осмыслением мира феноменального» [8, С.25].

Мифологическому двоемирию свойственны бинарные отношения: феноменального и ноуменального. Феноменальный мир представлен реалиями человеческого бытия и отношений, объясняется самой жизнью и законами природы; ноуменальный мир требует объяснения жизни через верования и представления о потустороннем (загробном), параллельном бытии. Больше внимание в структурной организации мифологических рассказов отводится ноуменальным образам и эмоциональному восприятию их человеком.

Городской мифологический рассказ имеет свою типологию персонажей ноуменального мира, построенную на «вертикальном» представлении о мире, параллельном человеческому:

- верхний мир – мир светлый, небесный – это Божественный мир, мир святых и ангелов;
- нижний (тёмный) мир населён демонами, чертями, упырями и пр.;

– мир срединный, более приближенный к миру человека, это мир духов природных пространств и духов хозяйственных построек.

В городских быличках и бывальщинах представителями мира феноменального являются не только человек, но и мифологические персонажи – люди-полудемоны, то есть те, кто наделён сверхспособностями. К таким персонажам можем отнести ведьм, колдунов, знахарей, оборотней и др.

Мифологизации подвергаются и городские объекты. Рассказы о потустороннем и страшном бытуют как в городском пространстве, так и в пространстве каких-либо субкультур, однако всегда связаны с конкретным пространством или строениями: в студенческой субкультуре – это здания вуза или общежития, в музейной – отдельные залы, исторические места, архитектурные памятники и т.д. Так, из рассказов жителей Елабуги (Республика Татарстан), стало известно о «страшных» местах города, одним из которых является здание Елабужского филиала КФУ – старинная дворцовая постройка 1898 года, возведенная по замыслу и на средства потомственной Почетной гражданки города Елабуги Г.Ф. Стахеевой как Епархиальное женское училище [6]. Здание окружено ореолом исторического прошлого, наделяется воображением людей таинственными представлениями и подробностями, что находит сюжетное воплощение в мифологических рассказах, бытующих в студенческой и преподавательской среде. Студенты воспринимают его как «замок с привидениями» – оно само сюжетно. «С одной стороны, старинное здание – пространство былички – порождает цепь исторических и мифологических мотивов, с другой – все чудесное и необъяснимое, происходящее в нем, снабжается в быличке дополнительными «историческими» мотивировками» [10]. Интерес вызывают рассказы о духе Глафиры Фёдоровны Стахеевой, о духе замурованной в стенах здания девушки, о явлениях «белой бабушки». Особой таинственностью наделены подвалы старинного здания.

Другое «страшное» место – на территории «старой» части Елабуги, рядом с Александровским парком сразу за памятником Н.А. Дуровой. Когда-то там располагалось городское кладбище. В современных быличках рассказывается о том, что люди, живущие в домах, построенных на месте бывших захоронений, часто болеют, в квартирах чувствуется присутствие потусторонних сил, происходят «страшные события». Есть и еще одна особенность этого места: жители города считают, что на небольшой территории восстановленного кладбища, между старинными плитами могил ведьмы-оборотни собираются на шабаш. Если они почувствуют присутствие человека, то последствия для «незваного гостя» могут быть самыми неожиданными и страшными, например, невольный свидетель может заболеть или даже умереть. Кстати, подобное представление о ведьмах-оборотнях наблюдается среди жителей с. Танайка (в наше время – микрорайон города). Старожилы села уверены, что ведьмы в облике сов слетаются после двенадцати ночи к одинокой сосне, стоящей на въезде в Танайку.

Примеры:

1. Однажды гуляли поздним вечером по Казанской. Решили дойти до памятника Дуровой. Когда шли мимо Александровского сада, смотрим, одна кошка мимо нас промигнула, за ней вторая, третья. Самое главное, что бегут в сторону памятника Дуровой. Вот это да! Посмеялись еще, мол кошки на экскурсию пошли. Но вот когда пришли мы к памятнику, тут нам не до смеха было. На территории, где раньше располагалось старое кладбище, сразу за памятником Дуровой, столько было кошек, что и не сосчитать! Они бродили одна за другой, причем так, будто обходили могилки, иногда перепрыгивая их. Чудеса! Мы подошли ближе. Лучше бы мы этого не делали! Кошки разом повернулись и направились к нам. Медленно так, осторожно, будто ступая по только им известным дорожкам. Вот мы страху натерпелись. Две или три кошки кинулись за нами. Мы с визгом припустили от них... Я с тех пор долго болела, никак не могла поправиться. Подружке тоже не везло какое-то время: что-нибудь да случилось нехорошее с ней... Мы потом узнали от бабушки одной, что место то осквернено. А кошки те – вовсе не кошки, а ведьмы-оборотни. На шабаш они там собирались... (Елабуга, 2007).

2. Рассказывают, что у ведьм есть места, где они собираются. В фильмах и в книгах – это «Лысая гора». А у нас в Танайке знают и верят, что ведьмы со всей округи собираются на Ведьминой Сосне. Сосна эта растет недалеко от села. Дерево одинокое и, судя по размерам, древнее. Люди говорят, что ему больше пятисот лет, и ведьмы собираются на нём в облике сов. Впервые я об этом услышала лет в десять от сына соседки Сергея. Ему тогда лет двадцать пять было. Естественно, что нам любопытно стало, и мы с соседскими ребятами бежали смотреть на эту сосну. Ведьм, честно признаюсь, не видели, а вот сов там, действительно, много...

Место странное. Мы, конечно же, ходили потемну, а дерево было видно четко и ясно, каждую ветку можно было увидеть. К сосне обычно не ходят, а вокруг нее все было вытоптано. Пока подходили ближе к дереву, совы так и ухали, будто перекликались меж собой. Как подошли ближе, совы замолкли. Гнёзд на дереве нет: ни совиных, ни других птиц. Мы отошли. Наблюдали со стороны. В полночь уханье сов прекратилось. Мы услышали и почувствовали, что будто огромные птицы (больше реальных) разлетаются от сосны в разные стороны... (Елабуга, 2011).

2. Мифологический персонаж:

Персонажи большей части современных елабужских мифологических рассказов, бытующих в субкультурах, – духи (это могут быть духи, выполняющие обережные функции, духи или души определенных мест, духи умерших и пр.), призраки, ведьмы. Особенным персонажем, с неоднозначной характеристикой, является домовый, который в современной городской быличке становится не только хранителем дома (Хозяюшка, Соседушка), но и духом того или иного офиса, музея или какого-либо учреждения. Так, среди экскурсоводов Дома-музея М.И. Цветаевой бытует поверье, что в городском музее «Портomoйня» поселился «дух чистоты». Заметим, что в одном рассказе повествователь заменяет одно имя потустороннего существа другим (то «дух чистоты», то «домовой»). Для рассказчика это явно одно то же существо, просто домовый поселился в портomoйне, а значит, его основная функция – следить за чистотой. Замечательно и то, что дается портретная характеристика невидимого обитателя музея:

...Я вам могу рассказать о духе чистоты. Это уж мой конек, наверное. Пройдемте в портomoйню – в помещение, где раньше жители города стирали вещи... В пролом году, весной, приезжала к нам группа туристов из Москвы. Помню, день был солнечный. Яркие лучи проникали в помещение. Туристы слушали мой рассказ, и все

фотографировали. Одна женщина фотографировала в том месте, где большая кадка для воды стоит. Она сделала несколько кадров, просмотрела фото и вдруг говорит, что у нас здесь домовый живет. Ей отвечают, что это солнечные блики, игра света и тени и тому подобное. Я подошла к ней и попросила показать снимок. Действительно, на фото явно было видно существо. Оно сидело на трубе рядом с кадкой. Похож он был на мохнатую детскую игрушку: светлый, пушистый такой, ручки-ножки заметны, очень на человечка маленького похож.

Я после экскурсии своим рассказала. Они мне посоветовали его задобрить: молочком угостить, кашкой. Однажды я ему молока принесла, поставила в блюдо рядом с кадкой. Молоко-то исчезло, но, думаю, это могла быть и кошка. Здесь все открыто, пробралась какая-нибудь и вылакала молоко...

А однажды детки приходили на экскурсию. Я им про духа чистоты и рассказала. А одна девочка переспрашивает, где, мол, домового видели. Я ей на кадку указала. Она туда конфету бросила. Несколько детишек последовали ее примеру. Я конфеты не вынимала. Бочка глубокая, мне не достать до дна. Да и интересно было – понравится угощение домовушке или нет. Через день смотрю – конфеты на месте, в бочке, через два – на месте, на третий – исчезли. Ну, думаю, сладостями наш дух чистоты. Сама ему стала конфеты в кадке оставлять... (Елабуга, 2011)

Духи, призраки – обитатели мира мертвых – есть души людей, умерших в определенном локусе. Часто их смерть неестественна, что и приводит к их «привязке» к данному пространству.

Ведьмы, напротив, обитатели реального мира, живут обычной жизнью, но владеют таинственным искусством – колдовать. В современных поверьях ведьмы и колдуны противопоставлены знахарям, которые ведают таинственную силу трав и владеют силой слова (заговорами). Другое дело, если знахарь переходит черту (грань) светлого и темного миров. Тогда уж и он может поспорить со служителями темных сил. Много рассказов о местных знахарках и ведьмах. Люди говорят о них с уважением и в то же время с опаской (особенно о ведьмах и колдунах). О превращении ведьм в сов (с. Танайка) и кошек (г. Елабуга) говорят, в основном, былички детского и юношеского репертуара. Взрослые респонденты рассказывают о тех качествах ведьм, которые сложились еще в традиционном фольклоре (навести порчу, сглаз, приворожить, разлучить и пр.), даже способности к оборотничеству представлены традиционно: ведьма оборачивается в свинью, колдун – в быка.

Примеры:

1. Ведьмы часто оборачиваются в кого-нибудь: то в кошку, то в птицу черную, чаще всего – в свинью. У нас в деревне случай был. Бегала по деревне свинья. Мужики ее поймали, и уши-то ей обрезают. А на другой день соседка зашла к старушке, о которой слава недобрая ходила, а та с головой перевязанной сидит, охает. Соседка: «Что с тобой?». А та: «Голова болит». Платок-то сняла, а ушей нет... (Елабуга, 2010)

2. Отец рассказывал. Довелось ему от колдуна-оборотня бегать. Молодой был. С парнями по окoliце шел. Тут бык им навстречу. Сам черный, глаза будто туманятся, в упор на них смотрят. Оробели парни. Что делать – не знают. Бык тем временем на них устремился. Отец говорил, что пропустили они такого стрекача: через ограды, огороды... еле ноги унесли, чудом спаслись. (Елабуга, 2010)

3. У Толи отец рассказывал, что в Хлыстово старуха-ведьма жила. Так у ее дома любая лошадь вставала и отказывалась идти дальше. Мучились мужики. Били скотину, тянули. Бедная скотина еле ноги волокла. Только чуть от дома отъедут, лошадь вновь резвая, бежит, будто ничего и не случилось. Старались объезжать тот дом. (Елабуга, 2010).

В основе сюжета мифологических рассказов – контакт человека с представителем иного мира. Ситуация «встречи» есть типологическая особенность изучаемых жанров.

В быличке и бывальщине ситуация встречи с демонологическим существом – это фрагмент, в котором повествуется о переживании героем невероятного столкновения с мифическим персонажем в привычной для человека бытовой обстановке. Обязательными явлениями для данной ситуации являются мгновенность, стрессовость и кажущаяся случайность события.

Иногда встреча с потусторонним существом может расцениваться как своеобразное проявление судьбы, испытание для человека. То, каким – благоприятным или неблагоприятным – будет исход такой встречи для человека, зависит от правильности его поведения во время контакта с нечистой силой. Правильность поведения определяется тем, сумел ли человек вовремя опознать «чужого» (демона) во встреченном персонаже. Носитель народной традиции имеет в своем распоряжении некий универсальный набор признаков, по которым он может опознать демона и тем самым оградить себя от его воздействия. Оба участника встречи – и человек и демон, находясь в рамках одной культурной традиции, в одинаковой мере подчиняются "правилам игры", действующим в данной ситуации и регламентирующим их поведение. Так, если человек сумел опознать демона и предпринять соответствующие действия, демон прекращает свои попытки ввести его в заблуждение и отступает, оставляет его в покое. Однако если человек поддается на провокацию, демон чувствует себя вправе продолжать игру и ставит человека в положение проигравшего. Прагматическая ценность быличек о встрече с нечистой силой заключается в том, что тексты подобного рода поддерживают в "рабочем состоянии" систему представлений о мифологических персонажах и о формах контактов с ними.

Так, из рассказов елабужан узнаем, что если «домовой давит», «домовой душит», то помочь может только бранное слово, в случае если человек сам провинился, разгневал духа дома. Если «давление» домового – предупреждение, то может помочь и молитва. Молитва здесь выступает лишь как подтверждение человека о том, что он внял предупреждению домового. Дело в том, что по поверьям на домового не действуют ни молитва, ни «чистка дома (квартиры)». Если же перед человеком возникает призрак, то нужно перекреститься, не делать резких движений (иногда это просто невозможно, потому что человек оказывается в состоянии оцепенения).

Былички и бывальщины – уникальные жанры, позволяющие рассказчику моделировать пространство (городская среда / потусторонний мир), время (сумерки, полночь, утренняя зоря, остановка времени), эмоции (страх, удивление,

радость, изумление и пр.). Ни один из рассказов «не есть нейтральная информация, а утверждение себя в мире, определение в нем «своего» (в широком смысле – своего места, своего круга, своего мировоззрения)» [3, С. 541].

Как видим, в городских мифологических рассказах представление о двоемирии отражается в образной системе и модели мира: действительная картина мира состоит из мира феноменального (реального, привычного, видимого) и мира ноуменального (воображаемого, потустороннего, параллельного). Контакт представителей разных миров происходит в бинарных отношениях, в пределах которых случаются «встречи», развиваются основные конфликты и пр. На основе правила поведения при контакте с потусторонними проявлениями оцениваются события текста. Заметим, что актуальными остаются вопросы развития образов, психологии страшных мест, жанровых особенностей и поэтики бытующих ныне мифологических рассказов.

Конфликт интересов

Не указан.

Conflict of Interest

None declared.

Список литературы / References

1. Азбелев А.Н. Проблемы международной систематизации преданий и легенд / А.Н. Азбелев // Русский фольклор. – М.-Л., 1966. – Вып. 10. – С. 176 – 195.
2. Былички и бывальщины Воронежского края / Составитель Пухова Т.Ф. – Воронеж. ВГУ. – 2008. – 384 с.
3. Веселова И.С. Прагматика устного рассказа / И.С. Веселова // Современный городской фольклор. – М.: Российск. гос. гуманит. ун-т, 2003. – С. 534-543.
4. Виноградова Л.Н. Народная демонология и мифо-ритуальная традиция славян / Л.Н. Виноградова. – М.: Изд-во «Индрик», 2000. – 432 с.
5. Грахова С.И. Народные демонологические рассказы: принцип двоемирия / С.И. Грахова // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – Тамбов: Грамота, 2014. – № 1 (31): в 2-х ч. – Ч. II. – С. 64-67.
6. Современный студенческий фольклор: былички и бывальщины / Авт.-сост. С. И. Грахова, Н.И. Вагизова. – Елабуга: РИЦ ЭИ К(П)ФУ, 2013. – 60 с.
7. Дмитриева С.И. Мифологические представления русского народа в прошлом и настоящем (Былички и рассказы об НЛО) / С.И. Дмитриева // Современная российская мифология. – М., 2005. – С. 133-158;
8. Карпов И. П. Словарь авторологических терминов / И. П. Карпов. – Йошкар-Ола: Мар. гос. ун-т, 2012. – 212 с.
9. Криничная Н.А. Русская народная мифологическая проза: Истоки и полисемантизм образов: В 2-х т. Том 2: Былички, бывальщины, легенды, поверья о людях, обладающих магическими способностями / Н.А. Криничная. Петрозаводск.: КарНЦ РАН, 2000. – 410 с.;
10. Левкиевская Е.Е. База данных «Славянские мифологические персонажи» как способ классификации мифологической системы / Е.Е. Левкиевская // Проблемы структурно-семантических указателей. – М, 2006. – С. 136-144.
11. Мифологические рассказы русского населения Восточной Сибири / Сост. В.П. Зиновьев. – Новосибирск: Наука, 1987. – 400 с.
12. Померанцева Э.В. Мифологические персонажи в русском фольклоре / Э.В. Померанцева. – М., 1975. – 191 с.

Список литературы на английском языке / References in English

1. Azbelev A.N. Problemy mezhdunarodnoj sistematizacii predanij i legend [Problems of International Systematization of Traditions and Legends] / A.N. Azbelev // Russkij fol'klor [Russian Folklore]. – М.-Л., 1966. Issue. 10. – pp. 176 – 195. [in Russian]
2. Bylichki i byval'shhiny Voronezhskogo kraja [Bylichkis and Byvalschinas of Voronezh Krai] / Compiled by T.F. Puhova // – Voronezh. VGU. – 2008. – p. 384 [in Russian]
3. Veselova I.S. Pragmatika ustnogo rasskaza [Pragmatics of the Oral Narrative] / I.S. Veselova // Sovremennyy gorodskoj fol'klor [Modern Urban Folklore]. – М.: Rossijsk. gos. humanit. un-t, 2003. – pp. 534-543. [in Russian]
4. Vinogradova L.N. Narodnaja demonologija i mifo-ritual'naja tradicija slavian [Folk Demonology and Mytho-Ritual Tradition of the Slavic People] / L.N. Vinogradova. – М.: «Индрик», 2000. – p. 432 [in Russian]
5. Grahova S.I. Narodnye demonologicheskie rasskazy: princip dvoemirija [Folk Demonological Stories: The Principle of Two Worlds] / S.I. Grahova // Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki. [Philological Sciences. Questions of Theory and Practice.] – Тамбов: Gramota, 2014. – № 1 (31): In 2 parts – Part II. – pp. 64-67. [in Russian]
6. Sovremennyy studencheskij fol'klor: bylichki i byval'shiny [Modern Student Folklore: Bylichki and Byvalshiny] / Compiled by S. I. Grahova, N.I. Vagizova // – Elabuga: RIC JeI K(P)FU, 2013. – p. 60 [in Russian]
7. Dmitrieva S.I. Mifologicheskie predstavlenija russkogo naroda v proshlom i nastojashhem (Bylichki i rasskazy ob NLO) [Mythological Representations of the Russian People in the Past and Present (Bylichki and Stories About UFOs)] / S.I. Dmitrieva // Sovremennaja rossijskaja mifologija [Modern Russian Mythology]. – М., 2005. – pp. 133-158; [in Russian]
8. Karpov I. P. Slovar' avtorologicheskikh terminov [Dictionary of Autological Terms] / Karpov I. P. – Joshkar-Ola: Mar. gos. un-t, 2012. – p. 212 [in Russian]
9. Krinichnaja N.A. Russkaja narodnaja mifologicheskaja proza: Istoki i polisemantizm obrazov: V 2-h t. Tom 2: Bylichki, byval'shhiny, legendy, pover'ja o ljudjah, obladajushhijh magicheskimi sposobnostjami. [Russian Folk Mythological Prose: Origins and Polysemantism of Images: In 2 Volumes. Volume 2: Bylichki, Byvalschiny, Legends, Beliefs About People With Magical Abilities.] / Krinichnaja N.A. – Petrozavodsk.: KarNC RAN, 2000. – p. 410; [in Russian]
10. Levkievskaja E.E. Baza dannyh «Slavjanskije mifologicheskie personazhi» kak sposob klassifikacii mifologicheskoi sistemy [“Slavic Mythological Characters” Database as a Way to Classify a Mythological System] / E.E. Levkievskaja // Problemy strukturno-semanticheskikh ukazatelej [Problems of Structural and Semantic Pointers]. – М, 2006. – pp. 136-144. [in Russian]
11. Mifologicheskie rasskazy russkogo naselenija Vostochnoj Sibiri [Mythological Stories of the Russian Population of Eastern Siberia] / Compiled by V.P. Zinov'ev // – Novosibirsk: Nauka, 1987. – p. 400 [in Russian]
12. Pomeranceva Je.V. Mifologicheskie personazhi v russkom fol'klоре [Mythological Characters in Russian Folklore] / Je.V. Pomeranceva // – М., 1975. – p. 191 [in Russian]

DOI: <https://doi.org/10.23670/IRJ.2021.112.10.089>

**НЕМЕЦКОЯЗЫЧНАЯ ПОЭТИЧЕСКАЯ КАРТИНА МИРА 2020
КАК ОТРАЖЕНИЕ ОСНОВНЫХ МИРОВЫХ СОБЫТИЙ:
КОГНИТИВНО-ЛИНГВОКУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКИЙ АСПЕКТ**

Научная статья

Дацко Д.А.*

ORCID: 0000-0002-7252-4853,

Западный филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ,
Калининград, Россия

* Корреспондирующий автор (wissenschaft.college[at]gmail.com)

Аннотация

Язык представляет собой сложную динамичную систему, которая в соответствии с идеями современного языкознания развивается стихийно, но по определенным внешним и внутренним законам. 2020 год в силу ряда обстоятельств – распространение COVID 19, борьба за права темнокожих, выборы в США и последовавшие массовые протесты, выход Великобритании из состава ЕС и др. – стал настоящим триггером для появления целого ряда изменений в лексикологической сфере европейских языков. Цель исследования заключается в выявлении и анализе языкового представления основополагающих в рамках немецкоязычной поэтической картины мира 2020 года концептов, трансформировавшихся из слов года по версии авторитетных англоязычных словарных изданий и Общества немецкого языка и определивших ракурсы языковых наблюдений в рамках современного Интернет – дискурса: пандемия коронавируса и связанные с ним лексемы, активизм, политическая сфера. Достижение указанной цели предполагает решение следующих задач: во-первых, определить слова года; во-вторых, установить соответствия между словами года и концептами немецкоязычной поэтической картины мира 2020; в-третьих, представить набор преферентных лексико-грамматических средств, служащих способами реализации новых концептов. Актуальность исследования обуславливается возрастающим интересом ученых к проблеме функционирования современного поэтического дискурса. Практическая значимость определяется возможностью использования полученных научных результатов в специальных вузовских базовых курсах по когнитивной лингвистике, стилистике, лингвостилистической интерпретации текста.

Ключевые слова: немецкоязычный поэтический дискурс, поэтическая картина мира, концепт, слово года, COVID 19, Black Lives Matter, Brexit.

**ON THE GERMAN-LANGUAGE POETIC WORLDVIEW IN 2020
AS A REFLECTION OF THE MAIN WORLD EVENTS: COGNITIVE, LINGUISTIC AND CULTURAL ASPECT**

Research article

Datsko D.A.*

ORCID: 0000-0002-7252-4853,

Western Branch of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Kaliningrad, Russia

* Corresponding author (wissenschaft.college[at]gmail.com)

Abstract

The language is a complex dynamic system that, in accordance with the ideas of modern linguistics, develops spontaneously, but is based on certain external and internal laws. The year 2020, due to a number of circumstances such as the spread of COVID-19, the struggle for the rights of African Americans, the US elections and the subsequent mass protests, the UK's withdrawal from the EU, etc. – became a real trigger for the appearance of a number of changes in the lexicological sphere of European languages. The purpose of the study is to identify and analyze the linguistic representation of the concepts that are fundamental within the framework of the German – language poetic worldview in 2020, transformed from the words of the year according to the authoritative English-language dictionary publications and the Association for the German Language and determined the angles of language observations within the framework of modern Internet discourse: the coronavirus pandemic and related lexemes, activism, the political sphere. Achieving this goal involves solving the following tasks: firstly, to determine the words of the year; secondly, to establish correspondences between the words of the year and the concepts of the 2020 German-language poetic worldview; thirdly, to present a set of preferential lexical and grammatical means that serve as ways to implement new concepts. The relevance of the research is due to the growing interest of scientists in the problem of the functioning of modern poetic discourse. The practical significance is determined by the possibility of using the obtained scientific results in special basic university courses on cognitive linguistics, stylistics, linguistic and stylistic interpretations of texts.

Keywords: German-language poetic discourse, poetic picture of the world, concept, word of the year, COVID 19, Black Lives Matter, Brexit.

Введение

Каждый год лингвистические организации, подводя итоги, проводят акцию «Слова года» (“Wort des Jahres” (нем.), “Word of the year” (англ.)) с целью выявления значимых, актуальных слов, обозначающих важные мировые события. В частности, американский словарь английского языка Merriam – Webster, основываясь на статистическом анализе запросов, в качестве слова года назвал “pandemic” («пандемия») [1]. По версии издательства Collins English Dictionary таким словом является “lockdown” («локдаун») [12]. Оксфордский словарь английского языка предложил целую россыпь слов: “COVID 19”, “Bushfire” («лесной пожар»), “Impeachment”, “Social Distancing” («социальная

дистанция»), “Black Lives Matter” («американское общественное движение в защиту прав темнокожего населения»), “Cancel culture” («бойкот известных людей из-за их обидных высказываний»), “Belarusian” («белорусский») [30].

В немецкоязычном пространстве словами года, по версии Общества немецкого языка (Gesellschaft für deutsche Sprache (GfdS)), стали “Corona – Pandemie”, “Lockdown”, “Verschwörungserzählung” («теория заговора»), “Abstand halten” («сохранение социальной дистанции»), “Gendersternchen” («индикатор женского и мужского пола в специфических существительных в немецком языке»), “Black Lives Matter” [15].

Поэзия, являясь в свою очередь особой формой искусства, образно выражающей мысли в слове, также реагирует на метаморфозы, происходящие в обществе, посредством нивелирования границ между родами произведений, появлением новых жанров, возникновением аберраций на структурном уровне стихотворных текстов, образованием целого ряда концептов, нетипичных для поэтического дискурса и т.д. Именно проблема функционирования концептов, выступающих в роли фундамента для построения современной немецкоязычной поэтической картины мира, будет рассмотрена в рамках данной статьи.

Понятие концепта становится ключевым на протяжении последнего десятилетия в сфере когнитивной лингвистики, культурологии, лингвокультурологии и др. В.И. Карасик акцентирует внимание на культурных концептах – «квантах переживаемого знания, совокупность которых является концентрированным опытом человечества» [5, С. 7], А. Вежбицка освещает проблему семантических универсалий и базисных концептов различных культур [3], Ю. С. Степанов раскрывает внутренние мыслительные связи концептов [7], Г.В. Токарев выделяет концепт как объект лингвокультурологии [8] и др. Кроме того выделяются различные виды концептов как элементы художественной картины мира на базе различных языков.

Указанные выше слова 2020 года определили перспективы языковых исследований в рамках современного Интернет – дискурса:

- 1) пандемия коронавируса и связанные с ним лексемы,
- 2) активизм,
- 3) политическая сфера.

Безусловно, все выше названные явления в той или иной степени являются составляющими современной языковой картины мира – «исторически сложившийся в обыденном сознании данного языкового коллектива и отраженный в языке определенный способ концептуализации действительности» [6, С. 149].

Говоря о поэтической картине мира, следует принимать во внимание, что это частный случай ЯКМ, отличающийся некоторым своеобразием, так как поэтический язык уникален и «свидетельствует о существовании особых ментальных структур, позволяющих продуцировать художественные образы, особого концептуального содержания» [6, С. 151].

Как показывает анализ 1648 стихотворений, в целом для немецкоязычной поэтической картины мира XXI века характерны следующие группы концептов:

- 1) классические: GLÜCK, LIEBE, NATUR, FREUNDSCHAFT, TOD, LEBEN, SEHNSUCHT;
- 2) концепты из сфер быта: ALLTAG, FAMILIENKRISE;
- 3) экономики и политики: FINANZKRISE, POLITIK;
- 4) спорта: FUßBALL, SPORT, DOPING;
- 5) религии: APOKALYPSE, ARMAGEDDON;
- 6) философии: ABSURDITÄT DES MENSCHLICHEN LEBENS;
- 7) области социальных табу: ALKOHOL, DROGEN, SPIELSUCHT [4, С. 5].

В 2020 году к указанному списку относятся концепты из группы COVID 19, она же, очевидно, самая распространенная и многофункциональная (см. рис. 1), сферы активизма и политической коммуникации.

Обратимся к анализу данных, раскрывающих суть структуры концепта CORONAVIRUS. Дефиниции данного термина на русском и немецком языках обозначают COVID-19 как «вирус, способный вызвать и бытовую простуду, и более серьезные заболевания» [28]. Следовательно, при лингвостилистической интерпретации текстов стихотворений в первую очередь следует акцентировать внимание на природно-инфекционных характеристиках данного феномена. Однако нельзя однозначно утверждать, что в каждом стихотворении репрезентируется только одно указанное значение из схемы.

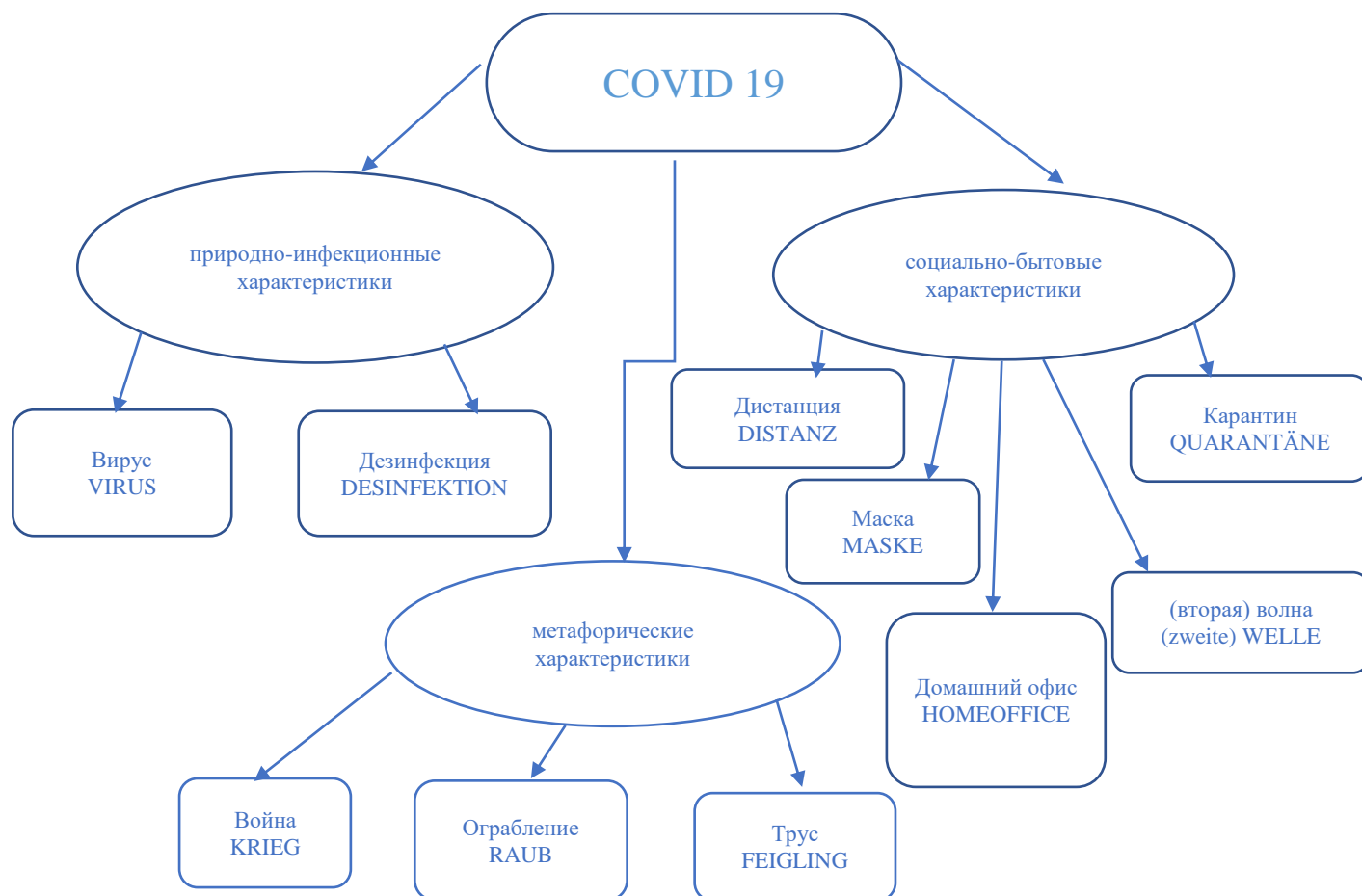

Рис. 1 – Модель структуры концепта CORONAVIRUS

Как правило, поэтические тексты инкорпорируют элементы, так как вирус неразрывно связан с элементами социально-бытовой и метафорической групп. Безусловно, может наблюдаться некоторая вариативность подходов в трактовке структуры семантического поля указанного концепта.

Анализируя эмпирический материал, установлено, что вирус в поэтических текстах персонифицируется и наделяется чертами живого существа (см. стихотворения [11], [13], [27], [32]). У Н. Хеффингера цепочка глаголов *sich verschonen* (пощадить), *sich verbreiten* (распространиться), *schieben* (передвинуть), *kalt lassen* (оставить равнодушным), *schließen* (закончить) используется применительно к лексеме *Virus*, что в конечном итоге приводит к образованию олицетворений, создающих образ коронавируса как неодушевленного предмета, которому свойственны человеческие черты:

Das Virus, es nennt sich Corona!// Wenige wird's verschona!// Gefährlich wie es sich verbreite!// Alle anderen Probleme schiebt es jetzt bei Seite!// Keinen lässt es kalt!// Alles schließt jetzt bald! [18]

Подстрочный перевод:

Вирус, он называет себя Короной!// Немногих он пощадит!// Опасно распространяется // Все остальные проблемы отходят на второй план !//Никого он не оставит равнодушным// Все скоро завершится ! (здесь и далее подстрочный перевод выполнен автором статьи. – Д. Д.)

Построенное на аллюзии к произведению „Erlkönig“ («Лесной царь») Й. В. фон Гете стихотворение Г. Крамера также рассматривает вирус, как некий феномен, подчиняющий себе традиционный уклад. Каждый абзац акцентирует внимание реципиента на определенном эпизоде из жизни, видоизмененном из-за коронавирусной инфекции и представленном в тексте посредством вопросительных и императивных конструкций, обращений: многочисленное мытье рук („Wer wäscht so spät schon wieder die Hände? // Ich! Corona ist nicht zu Ende“ [25]. / Кто снова моет руки так поздно? // Я! Корона не закончилась); отказ от посещения массовых мероприятий („Sei ruhig, bleib daheim, meine Kleine, // zurzeit bleibt am besten jeder alleine“ [25] / Успокойся, оставайся дома, малышка, сейчас каждому лучше остаться одному); переход на средства связи вместо живого общения („Ich möchte wieder mit Freunden lachen!“ „Mein Sohn, mein Sohn, ich verstehe das schon, // aber zurzeit bleibt euch nur das Telefon“ [25]. / «Я хотел бы снова смеяться вместе с друзьями!» «Мой сын, мой сын, я понимаю, но сейчас у вас остается только телефон для общения»).

Стихотворение М. Вильгельма, написанное от имени коронавируса, не вызывает сомнения, что вирус, по мнению современных поэтов, действительно, олицетворяет живое существо, о чем свидетельствует репрезентация однородных причастий, выступающих в качестве второго компонента в прошедшем времени *in China gezüchtet* (выращенный в Китае), *als Virus entsprungen* (возникший как вирус), *die Flucht gelungen* (удавшийся побег), *geplaudert* (болтавший), *wie ein Blitz eingeschlagen* (ударивший, как молния). Несмотря на угрозы, поступающие со стороны вируса, определенный арсенал средств из социально-бытовой сферы применяется для борьбы с инфекцией. На семантическом уровне этот постулат подтверждается цепочкой ключевых лексем *Schutzmaske* (защитная маска), *Gesicht* (лицо), *Desinfektionsmittel* (средства дезинфекции), *Luft* (воздух), *Duft* (запах): *mit Schutzmasken im Gesicht*, *wird ein Laden betreten* (в защитных масках на лице заходят в магазин); *Desinfektionsmittel kann auch etwas nützen, so kann man sich*

noch besser gegen mich schützen (средства дезинфекции также пригодятся, таким образом можно защититься еще больше от меня); weniger Abgase, kein Flieger in der Luft, //und ihr genießt, wieder einmal den Blumen Duft [33] (меньше выхлопных газов, никаких самолетов в воздухе// и Вы снова однажды насладитесь запахом цветов).

Впрочем, не всегда борьба с коронавирусной инфекцией выглядит как серьезное испытание. В ироничном стихотворении „(K)ein Gedicht zu Corona“ лирический герой подвергает насмешке правила гигиены, которыми многие пренебрегали в обычной жизни. В частности, способами создания иронии в стихотворении служит ряд императивных конструкций: zieh nicht die Jacke aus (не снимай куртку), vergiss nicht (не забудь), gebt keine Hand (не подавайте руку):

Betrittst Du derzeit unser Haus // zieh erstmal nicht die Jacke aus// Desinfektion ist erst die Pflicht // danach den Rest, vergiss das nicht! // Seid Ihr einander gut bekannt?// Gebt Euch dennoch keine Hand!// Winken reicht derzeit im Land, // freundlich – doch mit Abstand //von 'nem Meter, besser zwei, // so kommt ihr virenfrei vorbei... [21].

Подстрочный перевод:

Если ты заходишь в наш дом// не снимай куртку сразу; // Дезинфекция – это необходимость// затем все остальное, не забудь! // Вы хорошо знакомы? // Однако не подавайте руки друг другу! // Кивка достаточно в стране сейчас, //дружелюбно – однако, сохраняя дистанцию // метр, а лучше – два, //таким образом вы не заразитесь ...

Переход на онлайн-обучение и домашний офис – новая реальность, возникающая в связи с распространением Covid 19. Как правило, авторы отрицательно оценивают последствия виртуального обучения и конференций на различных Интернет-платформах посредством лексико-семантических способов: перифраза Zehnquadratmeterzelle (клетка в десять квадратных метров) в значении Zimmer (комната) [31], слов с понятийной негативной оценкой Drecksvirus (поганный вирус) [28]; Doppelkinn (двойной подбородок), неологизма Nicht-ins-Gesicht-Fassen-Challenge (челлендж: не дотрагиваться до лица) [22]; риторических вопросов: Wozu schreibe ich wenn keine Antwort kommt? (Зачем писать (сообщения), если я не получу ответ) [26] и др. Стихотворение Й. Кнейсла “E-Lerning” описывает при помощи синтаксического параллелизма современную модель мира, существующего на грани сюрреализма в Интернет-пространстве:

In der Videokonferenz serviert die Ehefrau dem // amerikanischen Sprachstudenten Kaffee// Hunde bellen am geöffneten Fenster // Der IT-Experte aus Brasilien muss schnell weg –// bringt müde Computerhirne zum Laufen// Die tunesische Juristin fliegt aus der Leitung// Kater Felix sitzt auf dem Schoß der Kroatianin// Der Französin hängt ihr Sohn am Hals// Die griechische Straßenhündin Larissa liegt // dem österreichischen Moderator zu Füßen... [24].

Подстрочный перевод:

Видео-конференция: жена подает кофе// американскому студенту – лингвисту// Собаки лают у открытого окна// Программист из Бразилии быстро покидает видео-конференцию // он устает от подобной коммуникации //Юрист из Туниса вследствие технических проблем исчез из списка участников конференции// Кот Феликс лежит на коленях представительницы Хорватии// У французенки на шее повис сын// Греческая уличная собака Лариса лежит// у ног австрийского модератора.

Метафорические характеристики группы COVID 19 представлены концептами Krieg (война), Raub (ограбление), (Feigling) трус, которые являются факультативными и встречаются только в отдельно взятых стихотворениях. Так, У М. Ханшеля ярко выраженная негативная оценка коронавируса заключена в лексеме Feigling:

Man sieht es nicht, man hört es nicht, der Feigling zeigt nicht sein Gesicht. // Er verbreitet Angst und Not; manch einer fürchtet gar den Tod. Er bedroht die ganze Welt [17].

Подстрочный перевод:

Его не видно, его не слышно, трус скрывает свое лицо. // Он распространяет страх и беду; некоторых он пугает смертью. Он угрожает всему миру.

Цепочка ключевых лексем соответствующей семантики Angst (страх), Not (беда), Tod (смерть), а также глаголов fürchten (бояться), bedrohen (угрожать), verbreiten (распространять) подчеркивает отношение автора к сложившейся в мире ситуации.

Н. Хеффингер проводит параллель между коронавирусом и войной. Лексическая оппозиция Leid (горе) – Sieg (победа) акцентирует внимание читателя на дуалистической природе феномена коронавируса. С одной стороны, происходит борьба за жизнь (ums Leben kämpfen), с другой – героический поступок (Heldentat):

Großeltern erinnern sich an **den Weltkrieg**// Damals gab es Leid, keinen Sieg! //Damals haben sie ums Leben gekämpft! // Heute gehört der Virus eingedämmt! // Diesmal ist es eine Heldentat [18].

Подстрочный перевод:

Бабушки и дедушки вспоминают о мировой войне// В те времена было только горе, не было побед// В те времена они боролись за жизнь // На этот раз вирус удастся сдерживать// Сегодня это героический поступок.

Л. Бильхмайер наделяет коронавирус человеческим качеством. По ее мнению, вирус совершил ограбление. Через цепочку ключевых лексем Konzerte (концерты), Partys (вечеринки), Festivals (фестивали), Zeit (время) автор говорит о потерях в обществе, случившихся в результате распространения коронавирусной инфекции:

Corona hat uns vieler Dinge beraubt.// Konzerte, Partys, Festivals, wurden uns genommen, // Doch bald wird alles wieder besser. // Corona hat uns vieler Dinge beraubt. // Schade um die Zeit, wie wir sie verbringen hätten können [9]

Подстрочный перевод:

Коронавирус украл у нас многое. // Концерты, вечеринки, фестивали отняли у нас// Но скоро все изменится. // Коронавирус украл у нас многое// Жаль времени, которое мы могли бы провести.

Вторая группа новых концептов для немецкоязычной поэтической картины мира XXI века связана с формой активизма. В частности, можно выделить стихотворения из блока Black Lives Matter, поднимающие тему расизма, борьбы темнокожих за свои права, которая вновь приобрела актуальность в связи с гибелью Дж. Флойда и насилия со стороны полиции. В качестве примера приведем три поэтических текста Р. Кирмзе „Black Lives did not matter“, Ф. Леонхарда „Ein Mensch“ и А. Горманс “Der Hügel, den wir erklimmen” (The hill we climb”), в которых наиболее ярко представлен современный взгляд на указанные выше проблемы.

Произведение Р. Кирмзе через цепочку ключевых лексем негативной семантики Sklaven (рабы), Fron (подневольный труд), Schläge (побои), Tritte (пинки), Leid (горе) демонстрирует краткий экскурс в историю апартеида, конфронтации «чернокожих рабов» (Schwarze Sklaven) и белых людей (die Weißen):

In Ketten gelegt aus Eisen, // Rechtlose Sklaven der Weißen; // So kamen sie dereinst ins Land. // Es folgten Jahre harter Fron, // Schläge und Tritte nur der Lohn; // Jahrhunderte bitteres Leid, // Kein Gott sie je daraus befreit/ [23].

Подстрочный перевод:

В железных цепях// Бесправные рабы белых; // Такими они некогда пришли на эту землю. // Прошли года подневольного труда, // Побои и пинки – их заработок; // Столетия несчастья, // Бог не освободил их из рабства /.

Автор приходит к выводу, что несмотря на отмену рабства, потребовалось достаточно много столкновений между представителями двух рас прежде, чем темнокожие получили гражданские права, которые тем не менее до сих пор не являются абсолютными. Подобная позиция подтверждается словосочетаниями: Gefechte brauchen (необходимы бои) - Bürgerrechte kommen (появятся гражданские права) – Rassenschranken stehen (расовая дискриминация имеет место).

Второе стихотворение Ф. Леонхарда – представителя Инстаграм-поэзии „Ein Mensch“. В нем автор защищает афроамериканцев, акцентируя внимание на ключевой лексеме gleich, сочетающейся с глаголами schlagen, atmen, sein и существительными Luft, Reise. По мнению поэта, все люди независимо от цвета кожи обладают сердцем, которое одинаково бьется у всех; все дышат одним и тем же воздухом; все равны и идут одной и той же дорогой:

Das Herz schlägt gleich in unserer Brust // Wir atmen gleich die gleiche Luft // Sind alle gleich auf gleicher Reise [29]

Подстрочный перевод:

Сердце бьется одинаково в груди// Мы одинаково дышим одним и тем же воздухом// Все равны и идут одной и той же дорогой

Третье стихотворение А. Гормана “Der Hügel, den wir erklimmen” (The hill we climb”), которое в целом посвящено главной цели политического курса нового президента США Дж. Байдена – Keep America Great (сохраним Америку великой), при помощи аллюзии на карьерный взлет вице-президента США К. Харрис, первого чернокожего политика – женщины и первого политика азиатского происхождения, указывает на возможность добиться высоких результатов в современном мире даже несмотря на цвет кожи (ein schwarzes Mädchen – чернокожая девочка), происхождение (von Sklaven abstammt - потомок темнокожих рабов), социальный статус (von einer alleinerziehenden Mutter großgezogen wurde - воспитанная матерью – одиночкой):

Wir, die Nachfahren eines Landes und einer Zeit, // in der ein dünnes, schwarzes Mädchen, das von Sklaven abstammt und von einer alleinerziehenden Mutter großgezogen wurde, // davon träumen kann, Präsidenten zu werden [16]

Подстрочный перевод:

Мы, потомки той страны и того времени, когда слабая чернокожая девочка, чьи предки были рабами и которую воспитала мать-одиночка, может мечтать о том, чтобы стать президентом.

Очевидно, что представленные стихотворения рассматривают процесс расовой борьбы с разных точек зрения: если позиция Р. Кирмзе заключается только в оценке исторических событий, о чем свидетельствует спектр лексем негативной семантики rechtlose Sklaven (бесправные рабы), Jahre harter Fron (годы подневольного труда), Jahrhunderte bitteres Leid (столетия горьких страданий), которые вызывают сочувствие и жалость по отношению к темнокожему населению, то Ф. Леонхард уже ставит знак равно между всеми людьми, что подтверждает многократное использование лексемы gleich (равный, одинаковый). Наконец, А. Горман показала, что в современном европейском обществе появляется новая этика, «включающая в себя некий новый гуманизм и новую чувствительность» [2, С. 10]. Благодаря этому афроамериканцы могут покорить политические вершины.

Третья группа концептов, относящаяся к области политической коммуникации, как показывает анализ стихотворений, является самой малочисленной. Релевантным концептом этого блока является BREXIT, так как в 2020 году важным событием на мировой арене послужил выход Великобритании из состава Европейского Союза, что привело к появлению указанного концепта в рамках современной немецкоязычной поэтической картины мира. Как правило, поэтические тексты о брексите построены на иронии, выражающейся в соответствующих конструкциях: zurück ins Mittelalter gehen (возвратиться в средневековье), die Meinung der Briten mit dem Winde weht (мнение британцев меняется с направлением ветра), die Briten sind auf ihrer Insel wieder allein (британцы снова одни на своем острове) [10], сравнениях: Brexit отождествляется и с неверной женой (Ist es die Braut, die sich nicht traut?), и избирателем, который много ест (Ist es der Wähler, der reinhaut ?) [20] и др.

Несмотря на убежденность британских политиков в необходимости прекращения членства Соединенного королевства в ЕС, в действительности брексит не оправдал ожидания целого ряда социальных институтов как в Европе, так и в Великобритании, поэтому немецкоязычные поэты подвергают насмешке итоги референдума.

Заключение

Подведем итоги. В 2020 году отмечается увеличение вокабуляра основных европейских языков за счет событий как социально-политического характера, так и лексем, связанных с коронавирусной инфекцией, о чем свидетельствует ряд авторитетных англоязычных изданий. Поэзия как вид возвышенной речи в XXI веке модифицируется в своеобразный индикатор происходящих в обществе трансформаций, становится прагматичной и также реагирует на изменения в словарном составе языка посредством появления новых концептов.

Исследование концептов играет важную роль для осмысления культуры и миропонимания определенного народа. Представленный в настоящем исследовании материал демонстрирует способы реализации концептов немецкоязычной поэтической картины мира 2020 года, возникших на основе слов года, выделенных американским словарем английского языка Merriam – Webster, Collins English Dictionary, Оксфордским словарем английского языка, в частности, были установлены следующие группы: COVID 19; активизм, политическая сфера.

Для блока концептов COVID 19 характерно наличие двух релевантных подгрупп «природно-инфекционные характеристики» и «социально-бытовые характеристики» как элементы, содержащие универсальную информацию о

коронавирусе как феномене мирового масштаба и актуализирующие контекстуальные оценки концепта. Подгруппа «метафорические характеристики» в современном немецкоязычном поэтическом дискурсе представлена на данный момент тремя основными концептами KRIEG (война), RAUB (грабление), FEIGLING (трус), интерпретация которых детерминирована когнитивно-прагматической ситуацией.

Опираясь в целом на негативное отношение авторов к коронавирусной инфекции, были выделены следующие средства актуализации концепта CORONAVIRUS: цепочки ключевых лексем, лексика негативной семантики, олицетворения, императивные конструкции и риторические вопросы, синтаксический параллелизм и др.

Сфера активизма в немецкоязычной поэтической картине мира представлена концептом BLACK LIVES MATTER, отражающего тему расизма, борьбы темнокожих за свои права. Основным средством актуализации данного концепта в рамках современной немецкоязычной поэтической картины мира служат ключевые цепочки лексем негативной семантики.

Наконец, блок стихотворений, эксплицирующий реализацию концепта BREXIT, относящегося к сфере политической коммуникации, преимущественно актуализируется посредством конструкций, создающих иронию, и сравнений.

Перспектива дальнейшего исследования видится в расширении спектра изучаемых концептов, а также увеличении способов их экспликации.

Конфликт интересов

Не указан.

Conflict of Interest

None declared.

Список литературы / References

1. Американский словарь английского языка Merriam – Webster [Электронный ресурс]. URL: <http://www.merriam-webster.com> (дата обращения: 03.07.2021)
2. Бобылева М. Мы так говорим. Обидные слова и как их избежать / М. Бобылева. – М.: АСТ, 2021–224 с.
3. Вежицка А. Семантические универсалии и базисные концепты / А. Вежицка. – М.: Языки славянских культур, 2011– 568с.
4. Дацко Д.А. Семантические и прагматические особенности стихотворного текста в пространстве немецкоязычного поэтического дискурса XXI века : автореферат дис. ... кандидата филологических наук : 10.02.04 / Дацко Дарья Александровна; [Место защиты: Волгогр. гос. ун-т]. – Калининград, 2015. – 20 с.
5. Карасик В.И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс / В.И. Карасик. – Волгоград: Перемена, 2002. – 477с.
6. Маслова Ж.Н. Поэтическая картина мира и ее репрезентация / Ж.Н. Маслова // Альманах современной науки и образования // Тамбов: Грамота, 2007. № 3 (3): в 3-х ч. Ч. I. С. 149–151.
7. Степанов Ю.С. Концепты. Тонкая пленка цивилизации / Ю.С. Степанов. – М.: Языки славянских культур, 2007. – 602 с.
8. Токарев Г.В. Концепт как объект лингвокультурологии / Г.В. Токарев.- Волгоград: Перемена, 2003.- 213 с.
9. Bichlmair L. Corona hat uns vieler Dinge beraubt [Electronic resource] / L. Bichlmair. URL: <http://www.borg-lauterach.at/corona-gedichte/> (accessed: 03.01.2021).
10. Brexit-Gedicht [Electronic resource]. – URL: www.andinet.de/lustiges/gedichte/brexit.html (accessed: 03.01.2021).
11. Bulla J. Sonderbare neue Verben in sonderbaren Zeiten / J. Bulla. [Electronic resource]. URL: <http://www.dasgedichtblog.de/lockdown-lyrik-2-0-024-sonderbare-neue-verben-in-sonderbaren-zeiten-von-thomas-glatz/2020/11/26/> (accessed: 03.01.2021).
12. Collins English Dictionary [Electronic resource]. URL: <http://www.collinsdictionary.com> (accessed: 03.07.2021).
13. Deppert F. Hässlicher Novembertag eines Risikopatienten / F. Deppert. [Electronic resource]. URL: <http://www.dasgedichtblog.de/lockdown-lyrik-2-0-021-haesslicher-novembertag-eines-risikopatienten-von-fritz-deppert/2020/11/23/> (accessed: 04.01.2021).
14. Deppert F. Heilige Nacht 2020 / F. Deppert. [Electronic resource]. URL: <http://www.dasgedichtblog.de/lockdown-lyrik-2-0-056-heilige-nacht-fritz-deppert/2021/01/01/> (accessed: 04.01.2021).
15. Gesellschaft für deutsche Sprache. [Electronic resource]. URL: <http://gfd.s.de/> (accessed: 04.06.2021).
16. Gorman A. Der Hügel, den wir erklimmen (The hill we climb) / A. Gorman. [Electronic resource]. – URL: <https://www.rnd.de/kultur/amanda-gorman-gedicht-auf-deutsch-lesen-sie-hier-die-ubersetzung-und-das-original-the-hill-we-climb-QOXSZUHXREFJNXHXKM2S4VEUY.html> (accessed: 20.08.2021)
17. Hanschel M. Gedicht zur Corona- Krise / M. Hanschel. [Electronic resource]. – URL: https://www.wz.de/nrw/rhein-kreis-neuss/meerbusch/verse-fuer-zusammenhalt-und-mut_aid-49852569 (accessed: 22.12.2020).
18. Höfinger N. Ein Gedicht, das Hoffnung geben soll / N. Höfinger. [Electronic resource]. URL: <https://m.noen.at/tulln/coronavirus-hoefinger-ein-gedicht-das-hoffnung-geben-soll-michelhausen-redaktionsfeed-coronavirus-lyrik-niklas-hoefinger-198132363> (accessed: 24.03.2020).
19. Ingorokva N. Freitag / N. Ingorokva. [Electronic resource]. URL: <http://www.dasgedichtblog.de/lockdown-lyrik-2-0-056-freitag-von-nato-ingorokva/2021/01/01/> (accessed: 01.01.2021).
20. Karg H. Breitstrategie / H. Karg [Electronic resource]. – URL: www.gedichte.com/showthread.php/202553-Brexit (accessed: 03.01.2021).
21. (K)Ein Gedicht zu Corona [Electronic resource]. URL: <http://www.raiffeisen-campus.de/kein-gedicht-zu-corona/> (accessed: 01.01.2021).
22. Khalfouf M. Quarantäne / M. Khalfouf. [Electronic resource]. URL: <http://www.dasgedichtblog.de/lockdown-lyrik-2-0-056-quarantäne-mohamed-khalfouf/2021/01/01%206> (accessed: 01.01.2021).

23. Kirmse R. Black Lives did not matter / R. Kirmse. [Electronic resource]. URL: <http://www.die-stadtredaktion.de/2020/06/rubriken/gesellschaft/recht/gedicht-black-lives-didnt-matter-von-rainer-kirmse/> (accessed: 07.08.2021).
24. Kneißl J. E-Learning / J. Kneißl. [Electronic resource]. URL: <http://www.dasgedichtblog.de/lockdown-lyrik-131-e-learning-von-johann-kneissl/> 2020/05/25/ (accessed: 01.01.2021).
25. Kramer G. Wer wäscht so spät schon wieder die Hände? / G. Kramer. [Electronic resource]. URL: <http://seitenstark.de/kinder/forenbeitrag/selbst-geschriebene-lieder-oder-gedichte-ueber-corona> (accessed: 05.01.2021).
26. Kröner M. Skype-Konferenz / M. Kröner. [Electronic resource]. URL: <http://www.dasgedichtblog.de/lockdown-lyrik-97-skype-konferenz-von-matthias-kroener/> 2020/04/28/ (accessed: 05.01.2021).
27. Kusz F. Weihnachtslied / F. Kusz. [Electronic resource]. URL: <http://www.dasgedichtblog.de/lockdown-lyrik-2-0-056-weihnachtslied-fitzgerald-kusz/> 2021/01/01 (accessed: 01.01.2021).
28. Leitner A. G. Online-Wintersemester 2020/21 / A. G. Leitner. [Electronic resource]. URL: <https://clck.ru/YDFdV> (accessed: 01.01.2021).
29. Leonhard F. Ein Mensch / F. Leonhard. [Electronic resource]. URL: <https://clck.ru/YDFgA> (accessed: 09.08.2021)
30. Oxford dictionary [Electronic resource]. URL: <http://www.oxfordlearnersdictionaries.com> (accessed: 01.03.2021).
31. Säis S. Du Virus / S. Säis. [Electronic resource]. URL: <http://www.dasgedichtblog.de/lockdown-lyrik-2-0-056-du-virus-syna-sais-2021/01/01> (accessed: 01.01.2021).
32. Was ist das Coronavirus [Electronic resource]. URL: <http://www.info-coronavirus.be/de/uber-das-coronavirus/> (accessed: 04.01.2021).
33. Wilhelm M. Das Corona-Virus / M. Wilhelm. [Electronic resource]. URL: <https://clck.ru/YDFki> (accessed: 04.01.2021)

Список литературы на английском языке / References in English

1. Dictionary by Merriam-Webster [Electronic resource]. URL: <http://www.merriam-webster.com> (accessed: 03.07.2021)
2. Bobyleva M. Obidnye slova i kak ih izbezhat' Mi tak goworim. [We say so. Hurtful words and how can we avoid them] / M. Bobyleva. – M.: AST, 2021–224 p. [in Russian]
3. Wezhbicka A. Semanticheskie universalii i bazisnye koncepty [Semantic universals and basic concepts] / A. Wezhbicka. – M.: YAzyki slavyanskikh kul'tur, 2011– 568 p. [in Russian].
4. Dazko D.A. Semanticheskie i pragmalingvisticheskie osobennosti stihotvornogo teksta v prostranstve nemeckojazychnogo poeticheskogo diskursa XXI veka [Semantic and pragmalinguistic particularities of poetic text in the field of the modern poetry discourse of the 21 century]: thesis of dis. ... of PhD in Philology: 10.02.04 / Dazko Dar'ja Aleksandrovna; [Mesto zashhity: Volgogr. gos. un-t]. - Kaliningrad, 2015. - 20 p. [in Russian]
5. Karasik V.I. YAzykovoj krug: lichnost', koncepty, diskurs [Language circle: personality, concepts, discourse] / V.I. Karasik. – Volgograd: Peremena, 2002. – 477p.
6. Maslova Zh.N. Pojeticheskaja kartina mira i ee reprezentacija [poetic worldview an its representation] / Zh.N. Maslova // Al'manah sovremennoj nauki i obrazovaniya // Tambov: Gramota, 2007. № 3 (3): in 3-parts. Part. I. p. 149-151. [in Russian]
7. Stepanov YU.S. Koncepty. Tonkaya plenka civilizacii [Concepts. Thin film of civilization] / YU.S. Stepanov. – M.: YAzyki slavyanskikh kul'tur, 2007. – 602p.
8. Tokarev G.V. Koncept kak ob"ekt lingvokul'turologii [Concept as an object of linguoculturology] / G.V. Tokarev.- Volgograd: Peremena, 2003.- 213 p.
9. Bichlmair L. Corona hat uns vieler Dinge beraubt [Corona has deprived us of many things]. [Electronic resource] / L. Bichlmair. URL: <http://www.borg-lauterach.at/corona-gedichte/> (accessed: 03.01.2021). [in German].
10. Brexit-Gedicht [Brexit Poem]. [Electronic resource]. – URL: www.andinet.de/lustiges/gedichte/brexit.html (accessed: 03.01.2021). [in German].
11. Bulla J. Sonderbare neue Verben in sonderbaren Zeiten [trange new verbs in strange tenses] / J. Bulla. [Electronic resource]. URL: <http://www.dasgedichtblog.de/lockdown-lyrik-2-0-024-sonderbare-neue-verben-in-sonderbaren-zeiten-von-thomas-glatz/> 2020/11/26/ (accessed: 03.01.2021). [in German].
12. Collins English Dictionary [Electronic resource]. URL: <http://www.collinsdictionary.com> (accessed: 03.07.2021).
13. Deppert F. Hässlicher Novembertag eines Risikopatienten [Ugly November day of a risk patient] / F. Deppert. [Electronic resource]. URL: <http://www.dasgedichtblog.de/lockdown-lyrik-2-0-021-haesslicher-novembertag-eines-risikopatienten-von-fritz-deppert/> 2020/11/23/ (accessed: 04.01.2021). [in German].
14. Deppert F. Heilige Nacht 2020 [Holy Night 2020] / F. Deppert. [Electronic resource]. URL: <http://www.dasgedichtblog.de/lockdown-lyrik-2-0-056-heilige-nacht-fritz-deppert/> 2021/01/01 (accessed: 04.01.2021).
15. Gesellschaft für deutsche Sprache. [Society for the German Language]. [Electronic resource]. URL: <http://gfds.de/> (accessed: 04.06.2021). [in German].
16. Gorman A. Der Hügel, den wir erklimmen [The hill we climb] / A. Gorman. [Electronic resource]. – URL: <https://www.rnd.de/kultur/amanda-gorman-gedicht-auf-deutsch-lesen-sie-hier-die-ubersetzung-und-das-original-the-hill-we-climb-QOXSZUHXREFJNXHXKM2S4VEUY.html> (accessed: 20.08.2021) [in German].
17. Hanschel M. Gedicht zur Corona- Krise [Poem on the Corona crisis] / M. Hanschel. [Electronic resource]. – URL: <https://clck.ru/YDGMS> (accessed: 22.12.2020). [in German].
18. Höfinger N. Ein Gedicht, das Hoffnung geben soll [A poem that should give hope] / N. Höfinger. [Electronic resource]. URL: <https://m.noen.at/tulln/coronavirus-hoefinger-ein-gedicht-das-hoffnung-geben-soll-michelhausen-redaktionsfeed-coronavirus-lyrik-niklas-hoefinger-198132363> (accessed: 24.03.2020). [in German].
19. Ingorokva N. Freitag [Friday] / N. Ingorokva. [Electronic resource]. URL: <http://www.dasgedichtblog.de/lockdown-lyrik-2-0-056-freitag-von-nato-ingorkova/> 2021/01/01 (accessed: 01.01.2021). [in German].
20. Karg H. Breitstrategie [Broad strategy] / H. Karg [Electronic resource]. – URL: <https://clck.ru/YDGmN> (accessed: 03.01.2021). [in German].

21. (K)Ein Gedicht zu Corona [(K)A poem on Corona]. [Electronic resource]. URL: <http://www.raiffeisen-campus.de/kein-gedicht-zu-corona/> (accessed: 01.01.2021). [in German].
22. Khalfouf M. Quarantäne [Quarantine] / M. Khalfouf. [Electronic resource]. URL: <http://www.dasgedichtblog.de/lockdown-lyrik-2-0-056-quarantäne-mohamed-khalfouf/> 2021/01/01%206 (accessed: 01.01.2021). [in German].
23. Kirmse R. Black Lives did not matter / R. Kirmse. [Electronic resource]. URL: <http://www.die-stadtredaktion.de/2020/06/rubriken/gesellschaft/recht/gedicht-black-lives-didnt-matter-von-rainer-kirmse/> (accessed: 07.08.2021).
24. Kneißl J. E-Learning / J. Kneißl. [Electronic resource]. URL: <http://www.dasgedichtblog.de/lockdown-lyrik-131-e-learning-von-johann-kneissl/> 2020/05/25/ (accessed: 01.01.2021).
25. Kramer G. Wer wäscht so spät schon wieder die Hände? [Who washes hands so late again?] / G. Kramer. [Electronic resource]. URL: <http://seitenstark.de/kinder/forenbeitrag/selbst-geschriebene-lieder-oder-gedichte-ueber-corona> (accessed: 05.01.2021). [in German].
26. Kröner M. Skype-Konferenz [Skype Conference] / M. Kröner. [Electronic resource]. URL: <http://www.dasgedichtblog.de/lockdown-lyrik-97-skype-konferenz-von-matthias-kroener/> 2020/04/28/ (accessed: 05.01.2021). [in German].
27. Kusz F. Weihnachtslied [Christmas Song] / F. Kusz. [Electronic resource]. URL: <https://clck.ru/YDGuG> (accessed: 01.01.2021). [in German].
28. Leitner A. G. Online-Winter semester 2020/21 / A. G. Leitner. [Electronic resource]. URL: <https://clck.ru/YDFdV> (accessed: 01.01.2021).
29. Leonhard F. Ein Mensch [A Human Being] / F. Leonhard. [Electronic resource]. URL: <https://clck.ru/YDFgA> (accessed: 09.08.2021) [in German].
30. Oxford dictionary [Electronic resource]. URL: <http://www.oxfordlearnersdictionaries.com> (accessed: 01.03.2021).
31. Säis S. Du Virus [You virus] / S. Säis. [Electronic resource]. URL: <http://www.dasgedichtblog.de/lockdown-lyrik-2-0-056-du-virus-syna-säis-2021/01/01> (accessed: 01.01.2021). [in German].
32. Was ist das Coronavirus [What is the coronavirus]. [Electronic resource]. URL: <http://www.info-coronavirus.be/de/uber-das-coronavirus/> (accessed: 04.01.2021). [in German].
33. Wilchelm M. Das Corona-Virus [The Corona virus] / M. Wilchelm. [Electronic resource]. URL: <https://clck.ru/YDFki> (accessed: 04.01.2021) [in German].

DOI: <https://doi.org/10.23670/IRJ.2021.112.10.090>

ПЕРВОПРИЗНАКИ КОНЦЕПТА ТРОН В АСПЕКТЕ СИМВОЛОВ ВЛАСТИ В РУССКОЙ ЛИНГВОКУЛЬТУРЕ

Научная статья

Демидова Е.Е.*

ORCID: 0000-0003-0151-5316,

Институт иностранных языков, Санкт-Петербург, Россия

* Корреспондирующий автор (Demidova_Eu[at]mail.ru)

Аннотация

Концепты социально-политической сферы становятся объектом исследования когнитологов и лингвокультурологов. Эта сфера насыщена заимствованными концептами, которые требуют пристального внимания вследствие специфики развития своей структуры. Цель статьи – описать первопризнаки концепта *трон* в русской лингвокультуре. В задачи статьи входит: 1. Определить набор мотивирующих признаков концепта *трон*; 2. Обобщить список мотивирующих признаков этого концепта в виде семантических блоков. Актуальность проведенного исследования заключается в осмыслении роли заимствованных концептов, вошедших в русскую лингвокультуру на разных этапах развития языка. В статье анализируются шесть этимологических словарей. Дополнительно в качестве источников исследования было привлечено три словаря: «Словарь Академии российской» 1794 года, словари старославянского и церковнославянского языков. Научная новизна работы заключается в первом опыте описания данного концепта, т.к. в лингвистической литературе отсутствуют работы по теме этого концепта. Анализ словарных статей позволил выделить 11 мотивирующих признаков концепта *трон*. Выявленные мотивирующие признаки концепта *трон* объединены в три блока: 1. Поддержка ('опора', 'подпора', 'стойка'); 2. Сиденье ('кресло', 'престол', 'седалище', '(высокое) сиденье', 'сизу', 'скамья'); 3. Часть тела ('позвоночник'); 4. Статус ('царский').

Ключевые слова: концепт, мотивирующие признаки, структура концепта, языковая картина мира, лингвокультурология, концептология.

ORIGINAL WORD FORMS OF THE "THRONE" CONCEPT IN THE ASPECT OF SYMBOLS OF POWER IN THE RUSSIAN LINGUISTIC CULTURE

Research article

Demidova E.E.*

ORCID: 0000-0003-0151-5316,

Institute of Foreign Languages, St. Petersburg, Russia

* Corresponding author (Demidova_Eu[at]mail.ru)

Abstract

The concepts of the socio-political sphere are becoming the object of research of cognitive scientists and linguistic culturologists. This area is saturated with borrowed concepts that require close attention due to the specifics of the development of its structure. The purpose of the article is to describe the original word forms of the concept of *tron* (throne) in the Russian linguistic culture. The objectives of the article include: 1. To determine the set of motivating features of the *tron* concept; 2. To summarize the list of motivating features of this concept in the form of semantic blocks. The relevance of the research lies in understanding the role of borrowed concepts that have entered the Russian linguistic culture at different stages of language development. The article analyzes six etymological dictionaries. In addition, three dictionaries were used as sources of research: the Dictionary of the Russian Academy of Sciences of 1794, dictionaries of Old Slavonic and Church Slavonic languages. The scientific novelty of the research lies in the fact that it is the first experience of describing this concept since there are no studies on the topic of this concept in the linguistic literature. The analysis of dictionary entries allowed the author to identify 11 motivating features of the concept under study. The identified motivating features of the concept are combined into three blocks: 1. Support ('opora', 'podpora', 'stoyka'); 2. Seat ('kreslo', 'prestol', 'sedalishche', '(vysokoe) sidenye', 'sizhu', 'skamya'); 3. Part of the body ('pozvonochnik'); 4. Status ('tsarsky').

Keywords: concept, motivating features, concept structure, linguistic worldview, linguistic culturology, conceptology.

Введение

Современное языкознание выделило в особые направления концептологию, лингвокультурологию и политическую лингвистику. Данная статья посвящена описанию заимствованного символического концепта *трон*, воплощающего в себе идею символа власти. В лингвистике отсутствуют работы, связанные с исследованием этого концепта. В этом состоит научная новизна работы.

Цель статьи – выявить и описать мотивирующие признаки (первопризнаки) концепта *трон*. Это поможет понять первосмыслы заимствованного слова, вербализующего изучаемый концепт.

Рабочим термином в статье является мотивирующий признак. «Мотивирующим называется такой признак, который послужил основанием для именованного некоего фрагмента мира» [1, С. 18-19]. Через такой признак «читается» первосмысл слова: это признак, «бросающийся» в глаза, понятный носителям языка. В.В. Колесов пишет: первосмысл слова появляется в форме первообраза, который называется концептумом (лат. *conceptum* 'зерно, зародыш') [2, С. 438]. *Conceptum* и есть первопризнак.

Методы и принципы исследования

Основными методами, использованными в работе, выступают метод концептуального анализа, дескриптивный, интерпретативный и метод компонентного анализа словарных дефиниций. Источником материала исследования стал Национальный корпус русского языка (www.ruscorpora.ru). Данные шести этимологических, «Словаря Академии российской» и двух словарей старославянского, церковнославянского и русского языков послужили основанием для определения мотивирующих признаков изучаемого концепта.

Основные результаты

При решении вопроса о происхождении слова *трон* исследователь сталкивается с проблемой: не все этимологические словари содержат статью «трон». В словарях Г.А. Крылова, А.Г. Преображенского, «Словаре древнерусского языка (XI–XIV вв.)», «Словаре русского языка XVIII в.», И.И. Срезневского, Г.П. Цыганенко, А.К. Шапошникова статья «трон» отсутствует. Это обусловлено поздним заимствованием лексемы, вербализующей концепт, в русский язык. М. Фасмер пишет, что эта лексема *трон* встречается в поэзии В.К. Тредиаковского (годы жизни 1703 – 1769 гг.; годы творчества 1721 – 1768 гг.) [3, С. 105].

Из 11 просмотренных этимологических словарей только шесть приводят статьи «трон». Дополнительно в качестве источников исследования было привлечено три историко-этимологических словаря: «Словарь Академии российской» 1794 года, словари старославянского и церковнославянского языков.

В словаре Н.В. Горева этимология слова *трон* указывается следующая: слово пришло из греческого *θρόνος* (кресло), *θράνος* (скамья), др.-греч. *θράομαι* (сiju) [4, С. 377]. Схожую этимологию приводит М. Изюмов [5, С. 445]. Франц Миклошич к слову *трънь* дает определение по-гречески: *ἄχανθα* и по-латински: *spina* «позвоночник» [6, С. 1007]. У Макса Фасмера находим: «Через нем. *Thron* или франц. *trône* от лат. *thronus* из греч. *θρόνος* “седалище, кресло; трон, престол”» [3, С. 105].

П.Я. Черных этимологию слова *трон* выстраивает следующим образом: «В русском языке (наряду со словом *престол*) употребляется с XVIII века. Из западно-европейских языков. Ср. франц. (с XII в.) *trône*, нем. *Thron*, ит., исп. и др. *trono*. На Западе – из позднелат. *thronus*, которое восходит к греческому *θρόνος* – первоначально “подпора”, “стойка”, “опора”, потом “сиденье” > “высокое сиденье” > “престол”» [7, С. 264]. Н.М. Шанский отмечает: *трон* «Заимств. в XVIII в. из франц. яз., где *trône* < лат. *thronus*, восходящего к греч. *thronos* «трон, престол» < «кресло, высокое сидение»» [8].

В «Словаре Академии российской» дается ссылка на греческое слово *θρόμβ* «царский престол» [9, С. 272]. Такая же этимология приводится в «Словаре церковнославянского и русского языка» [10, С. 629]. «Словарь старославянского языка» краток: *тронось, фронось* «престол» [11, С. 490].

Обсуждение

Этимологические и историко-этимологические словари приводят разные мнения на этимологию слова *трон*. Слово *трон* появляется в русском языке в середине XVIII века. Путь в русский язык был длительным: из греческого в латинский через западноевропейские языки (немецкий и французский). Обобщим полученные данные в виде таблицы 1.

Таблица 1 – Мотивирующие признаки символического концепта *трон*
по данным этимологических и историко-этимологических словарей

№ №	Мотивирующие признаки концепта <i>корона</i>	Горев Н.В. Сравнительный этимологический словарь русского языка.	Изюмов М. Опыт словаря русского языка сравнительно с языками индоевропейскими	Словарь Академии российской.	Словарь старославянского языка.	Словарь церковнославянского и русского языка.	Фасмер М. Этимологический словарь русского языка.	Черных П.Я. Историко- этимологический словарь современного русского языка.	Шанский Н.М. Этимологический словарь русского языка	Miclosich F. Lexicon Palaeoslovenico-Graeco-Latinum
1.	‘кресло’	+	-	-	-	-	+	-	+	-
2.	‘опора’	-	-	-	-	-	-	+	-	-
3.	‘подпора’	-	-	-	-	-	-	+	-	-
4.	‘позвоночник’	-	-	-	-	-	-	-	-	+
5.	‘престол’	-	+	+	+	+	-	+	+	-
6.	‘седалище’	-	-	-	-	-	+	-	-	-
7.	‘(высокое) сиденье’	-	-	-	-	-	-	+	+	-
8.	‘сiju’	+	+	-	-	-	-	-	-	-
9.	‘скамья’	+	-	-	-	-	-	-	-	-
10.	‘стойка’	-	-	-	-	-	-	+	-	+
11.	‘царский’	-	-	+	-	+	-	-	-	-

Анализ девяти этимологических и историко-этимологических словарей привёл к обнаружению у концепта *трон* 11 мотивирующих признаков. Ни в одном из привлечённых к анализу словарей не было обнаружено всего набора мотивирующих признаков исследуемого концепта.

Проиллюстрируем актуализацию мотивирующих признаков концепта *трон* примерами из Национального корпуса русского языка:

‘кресло’ (*В одном углу стоит трон султана Махмуда, безобразное кресло с высокой спинкой, инкрустированное перламутром и слоновой костью; в сиденье его вставлен кусок небесного цвета бирюзы – в ладонь величиной. А. Селиванова. Пасха в Иерусалиме // «Исторический вестник», 1884; В салоне стояло огромное черное кресло-трон с вертикальной спинкой – и повернутые к нему четыре кресла поменьше, где, видимо, полагалось сидеть сопровождающим лицам. В. Пелевин. Бэтман Аполло. 2013);*

‘опора’ (*Это она переводила невыразительное бряканье ссохшегося его мозга в горячую проповедь войны во что бы то ни стало, войны, нужной для спасения трона и для благополучия опоры его – гвардии. Л. С. Соболев. Капитальный ремонт. 1932; ещё с большею радостью должно ему торжествовать мир, которой служит временною опорой для ветхого Магометова трона. Н. М. Карамзин. Политика. 1802);*

‘подпора’ (*Во время обедни генерал-прокурор и знатнейший барин князь Алексей Борисович Куракин, вышед из собора будто для того, чтоб взглянуть на парад воинства и амфитеатр зрителей, а в самом деле для того, чтоб и тому, и другому показать в себе новую подпору трона и могущества его, сей князь удостоил меня своей беседы. И. М. Долгоруков. Повесть о рождении моем... 1791-1798);*

‘позвоночник’ (-);

‘престол’ (*Трон – не поместье; «законы империи не позволяют располагать престолом по завещанию». А. Архангельский. Александр I. 2000; Государь встретил их в Можайске великолепно и пышно: в русском саженом платье сидел на троне, в венце и в диадеме, держа в руке скипетр; престол окружали все бояре и дворяне в златых одеждах. Н. М. Карамзин. История государства Российского. 1816-1820);*

‘седалище’ (*Я сел на черный трон – который, как и полагалось седалищу высшей власти, оказался холодным, жестким и неудобным. В. Пелевин. Бэтман Аполло. 2013; В адрианопольской митрополичьей церкви (по-нашему говоря, в соборе), кроме архипастырского трона с навесом, есть еще три почетные седалища. К. Н. Леонтьев. Из воспоминаний консула. 1883);*

‘(высокое) сиденье’ (*Несмотря на богатство отделки, трон имел довольно жесткое сиденье и прямую высокую спинку. Вот это стул! // «Биржа плюс свой дом» (Н. Новгород), 2002.04.08; Михаил порфиrogenет встретил киевских князей, сидя на необыкновенно высоком троне. А. И. Красницкий. Гроза Византии. 1898);*

‘сиджу’ (*Просто приятно жить и думать, что где-то во дворце на троне сидит такая женщина и с покровительственной улыбкой выслушивает доклады важных вельмож. И. Порошин. Против Америки с любовью // «Известия», 2002.02.20; пришли по него Египетские воины, и из тюрьмы повели его к трону, на котором сидела Изида. Ф. А. Эмин. Награжденная постоянность, или приключения Лизарка и Сарманды. 1788);*

‘скамья’ (*Трон – скамья, обитая ватой! А. П. Чапыгин. Гулящие люди. 1937);*

‘стойка’ (-);

‘царский’ (*Среди этих основополагающих понятий в одном ряду перечисляется власть богов, власть царя, царский трон, знаки царской власти, жреческие должности, мир, правосудие, оружие и, что важно для данной темы, искусство обработки дерева, металла, ремесло строителя и пр. Л. Авилова. Божественные плотники Шумера // «Наука в России», 2014; ...Возносишь послѣдняго изъ пастуховъ на тронъ Царскій, и предъ повелительнымъ взоромъ его преклоняешь выю цѣлыхъ народовъ. Н. М. Карамзин. Посвящение кущи // Московской Журналъ, 1791).*

Изучение языкового материала привело к следующим итогам. Мотивирующие признаки ‘кресло’, ‘опора’, ‘престол’, ‘седалище’, ‘(высокое) сиденье’, ‘сиджу’, ‘царский’ подтверждаются примерами как XVIII – XIX веков, так и XX – XXI веков.

Мотивирующий признак ‘подпора’ актуален только для периода XVIII века, признак ‘скамья’ – только для XX века. Два мотивирующих признака ‘позвоночник’ и ‘стойка’ не подтверждены примерами из Национального корпуса русского языка.

Заключение

В словарях выявляется от одного («Словарь старославянского языка»), двух (словари М. Изюмова, «Словарь Академии российской», «Словарь церковнославянского и русского языка», М. Фасмера, Ф. Миклошича) до пяти мотивирующих признаков (словарь П.Я. Черных).

Обнаруженные мотивирующие признаки концепта *трон* можно представить в виде трех блоков: 1. Поддержка (‘опора’, ‘подпора’, ‘стойка’); 2. Сиденье (‘кресло’, ‘престол’, ‘седалище’, ‘(высокое) сиденье’, ‘сиджу’, ‘скамья’); 3. Часть тела (‘позвоночник’); 4. Статус (‘царский’). Самым насыщенным по количеству признаков выступает второй блок.

Конфликт интересов

Не указан.

Conflict of Interest

None declared.

Список литературы / References

1. Пименова М. В. Концепт *сердце*: образ, понятие, символ / М. В. Пименова. – Кемерово: КеМГУ, 2007. – 500 с. (Серия «Концептуальные исследования». Вып. 9).
2. Колесов В. В. «Первосмысл» концепта / В. В. Колесов // Вестник Санкт-Петербургского университета. Язык и литература. – 2018. – Т. 15. – Вып. 3. – С. 438–452.

3. Трон // Фасмер М. Этимологический словарь русского языка: в 4 т.; Пер. с нем. и доп. О.Н. Трубачева. – 2-е изд., стер. – Т. IV. – М.: Прогресс; 1987. – 867 с. – С. 105.
4. Тронъ // Горяев Н.В. Сравнительный этимологический словарь русского языка. – Тифлис: Тип. Канцелярии Главнач. гражд. ч. на Кавказе, 1896. – 558 с. – С. 377.
5. Тронъ // Изюмов М. Опыт словаря русского языка сравнительно с языками индоевропейскими: в 4-х отд. – Санкт-Петербург: Издание книгопродавца Шигина, 1880. – С. 455.
6. Трънь // Miclosich F. Lexicon Palaeoslovenico-Graeco-Latinum. – Vindobonae G. Braumueller, 1862-1865. – S. 1007.
7. Трон // Черных П.Я. Историко-этимологический словарь современного русского языка: в 2 т. – 3-е изд., стереотип. – М.: Русский язык, 1999. – Т. II. – С. 264.
8. Трон // Шанский Н.М. Этимологический словарь русского языка. 2001. [Электронный ресурс]. URL: <https://lexicography.online/etymology/t/трон> (дата обращения: 09.04.2020).
9. Тронъ // Словарь Академии российской. – СПб.: Академия наук, 1794. – Ч. VI. – Стбл. 272.
10. Тронъ // Словарь церковнославянского и русского языка / Сост. Вторым отделением императорской Академии наук. – СПб.: Типография Императорской Академии наук, 1868. – Т. IV. – С. 629.
11. Тронось, фронось // Словарь старославянского языка: в 4-х т. – СПб.: СПбГУ, 2006. – Т. IV. – С. 490.

Список литературы на английском языке / References in English

1. Pimenova M. V. Konzept serdce: obraz, ponyatie, simvol [Concept heart: image, concept, symbol] / M. V. Pimenova. – Kemerovo: KemSU, 2007. – 500 p. (Series "Conceptual studies". Issue 9). [in Russian]
2. Kolesov V. V. «Pervosmysl» koncepta ["Primal meaning" of the concept] / V. V. Kolesov // Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Yazyk i literature [Bulletin of St. Petersburg University. Language and Literature]. – 2018. – V. 15. – Iss. 3. – P. 438–452. <https://doi.org/10.21638/spbu09.2018.309> [in Russian]
3. Throne // Fasmer M. Etimologicheskij slovar' russkogo yazyka [Etymological Dictionary of the Russian Language: in 4 volumes]; Per. with him. and add. O.N. Trubachev. – Vol. IV. – Moscow: Progress, 1987. – P. 105. [in Russian]
4. Throne // Goryaev N.V. Sravnitel'nyj etimologicheskij slovar' russkogo yazyka [Comparative etymological dictionary of the Russian language]. – Tiflis, 1896. – P. 377. [in Russian]
5. Throne // Izyumov M. Opyt slovary russkogo yazyka sravnitel'no s yazykami indoevropskimi [Experience of the dictionary of the Russian language in comparison with the Indo-European languages]. – Saint Petersburg: Edition of the bookseller Shigin, 1880. – P. 455. [in Russian]
6. Трънь // Miclosich F. Lexicon Palaeoslovenico-Graeco-Latinum. – Vindobonae G. Braumueller, 1862-1865. – P. 1007. [in Russian]
7. Throne // Chernykh P.Ya. Istoriko-etimologicheskij slovar' sovremennogo russkogo yazyka [Historical and etymological dictionary of the modern Russian language]. – Moscow: Russian language, 1999. – Vol. II. – P. 264. [in Russian]
8. Throne // Shansky N.M. Etimologicheskij slovar' russkogo yazyka [Etymological dictionary of the Russian language]. 2001. [Electronic resource]. URL: <https://lexicography.online/etymology/t/tron> (accessed: 04/09/2020). [in Russian]
9. Tron // Slovar' Akademii Rossijskoj [Dictionary of the Russian Academy]. – Saint Petersburg: Academy of Sciences, 1794. – Part VI. – P. 272. [in Russian]
10. Throne // Slovar' cerkovnoslavjanskogo i russkogo yazyka [Dictionary of Church Slavonic and Russian language]. Comp. The second branch of the Imperial Academy of Sciences. – Saint Petersburg: Printing house of the Imperial Academy of Sciences, 1868. – Vol. IV. – P. 629. [in Russian]
11. Tronos, fronos // Slovar' staroslavjanskogo yazyka [Dictionary of the Old Church Slavonic language]. – Saint Petersburg: St. Petersburg State University, 2006. – Vol. IV. – P. 490. [in Russian]

DOI: <https://doi.org/10.23670/IRJ.2021.112.10.091>

ОБРАЗ САДА В ХУДОЖЕСТВЕННОМ ПРОСТРАНСТВЕ А. КРИСТИ

Научная статья

Егошина Н.Г.*

ORCID: 0000-0002-3833-1126,

Поволжский государственный технологический университет, Йошкар-Ола, Россия

* Корреспондирующий автор (egoshina.nadezhda[at]mail.ru)

Аннотация

В статье рассматривается проблема художественного образа в литературе. Автор исследует образ сада на примере произведений А. Кристи. Выявлены основные функции сада, которые разделены на типичные (утилитарные) и специальные, свойственные детективным романам: место наблюдения, место преступления, место сокрытия улики. В ряде романов выделен метафорический образ сада: сад-воспоминание, сад-течение времени, сад-спокойствие, сад-изменения в жизни. В статье перечислены главные элементы композиции английского сада и основные культивируемые растения. Автор приходит к выводу, что сад как языковая реальность помогает лучше понять английский образ жизни, национальную картину мира.

Ключевые слова: детективный роман, художественный образ, сад, функции, структура, особенности.

ON THE IMAGE OF A GARDEN IN THE WORKS OF A. CHRISTIE

Research article

Egoshina N.G.*

ORCID: 0000-0002-3833-1126,

Volga State Technological University, Yoshkar-Ola, Russia

* Corresponding author (egoshina.nadezhda[at]mail.ru)

Abstract

The article deals with the problem of the artistic image in literature. The author explores the image of a garden using the works of Agatha Christie as basis for the study. The main functions of the garden are identified and divided into typical (utilitarian) and special, which are characteristic of detective novels: a place of observation, a crime scene, a place of hiding evidence. The study selects a number of novels where it highlights the metaphorical image of a garden: the garden as a memory, the garden as the passage of time, the garden as calm, the garden as changes in life. The article lists the main elements of the composition of the English garden and the main cultivated plants. The author comes to the conclusion that the garden as a linguistic reality helps to better understand the English way of life and its national worldview.

Keywords: detective novel, artistic image, garden, functions, structure, features.

Под художественным образом понимается эстетическая категория, объединяющая способ и форму освоения и преобразования действительности в искусстве [13, С. 252]. Изучение и осмысление художественных образов необходимо, так как именно с помощью образов человек воспринимает окружающую действительность, и на основе воспринятых образов трансформирует мир вокруг себя. Образ сада является одним из самых распространенных в художественной литературе. Несомненно, что сад «выявляет тенденции культурной жизни общества и особенности ее бытового уклада» [8, С. 3]. Проблема «сад как текст» была впервые поставлена в монографии Д.С. Лихачева [5, С. 24]. Вслед за Д.С. Лихачевым, интерес к данной теме проявляют многие исследователи. Среди них искусствоведы В.М. Чекмарев [11], Д.О. Швидковский [12]; историки и краеведы Е.В. Анисимов, А.Д. Марголис [7]; филологи и лингвисты Сахарова [8], Н.Ю. Гончарова [1], М.В. Кузнецова [4], О.К. Евдокимова, Л.В. Ляпаева, С.В. Федяй [3], Н.Е. Тропкина, Н.Е. Рябцева [9], Е.А. Фельдман [10], Е.Н. Эртнер, Д.Е. Эртнер [14] и др. Целью данной статьи является исследование функциональных особенностей, структуры английского сада. Материалом для исследования послужили 17 романов А. Кристи [16]. Основным методом исследования был метод контекстуального анализа.

Общезвестно, что «сады являются сильнейшим национальным увлечением англичан, их национальной гордостью и страстью» [1, С. 429]. Это легко проследить на примере анализируемых романов. В некоторых произведениях сад просто мимоходом упоминается при описании места действия, как в романе «Taken at the Flood»: «*On the outskirts are some charming houses with pleasant old-world gardens...*». В большинстве случаев сад в романах выполняет утилитарные функции – изолирующую, т.е. укрывает дом и его хозяев от посторонних глаз: «*Hickory Road was a fairly broad road. The houses in it were set back a little in their gardens*» («Hickory-Dickory-Dock!») и хозяйственно-практическую, т.е. служит источником фруктов, ягод, овощей («*Think of the extra vegetables we could grow*» («Taken at the Flood»). Не менее значима и декоративная функция сада, о которой еще в XVIII в. писал Жак Делиль в поэме «Сады» [2]. Сад украшает место обитания героев, вызывая у них положительные эмоции: «*Poirot pursued his way through a rose garden, where the neat layout of the beds delighted him*». («One, Two, Buckle your Shoe»). Однако, учитывая специфику романов сад выполняет много нетипичных для себя функций. Сад часто выступает как место для наблюдения за окружающими. В романе «The Murder at the Vicarage» Мисс Марпл использует работу в саду как прикрытия для слежки за всеми действующими лицами: «*Miss Marple always sees everything. Gardening is as good as a smoke screen*». В большинстве анализируемых романов сад играет важную роль в развитии криминальной линии сюжета. В романе «The Murder on the Links» сад является местом, где оставлены следы преступника: «*But they could not have done so without leaving footprints in the flower-bed planted with scarlet geraniums*». В романе «H. Poirot's Christmas» в саду усадьбы Горстон Холл прячут украденные бриллианты: «*...diamonds...and you found them where, did you say? In the garden?*» В романе «The Hollow» в саду скрывают орудие преступления – револьвер: «*They went down*

the garden path... He drew a deep sigh as something black and steel was revealed ...It's a revolver». В романе «The Mirror Cracked» сад в доме американской актрисы Марины Грегг становится местом убийства гостя по имени Хиза Бэдкок. В другом романе – «Sad Cypress» – садовые розы играют ключевую роль: они помогают Э. Пуаро раскрыть преступление, а в романе «A Pocket Full of Rye» ягоды садового тиса становятся орудием убийства главного героя мистера Фортескью.

В ряде романов образ сада несет в себе скрытый или метафорический подтекст, придавая ему некий философский смысл. В романе «The Murder is Easy» сад – это символ благополучия. При помощи образа сада создается резкий контраст между спокойной размеренной жизнью английской деревушки Вичвуд, где все дома утопают в садах, и чередой убийств, совершенных там. Деревня – сад настолько противоречит самой идее насилия, что главный герой сначала не может поверить в происходящее, предполагая, что он сходит с ума; затем он начинает ненавидеть эту деревню за обманчивое спокойствие: «*This damned village – it's getting on my nerves*».

Герой романа «A Pocket Full of Rye» Ланселот Фортескью воспринимает сад во времени – сад служит воспоминанием об убитом отце и является символом счастливых дней беззаботной юности: «... *Lancelot Fortescue ... was wandering round the garden recollecting old times*». В романе «Taken at the Flood» образ сада передает динамику жизненных изменений в судьбах главных героев: вернувшись с войны Линн Марчмонт находит свой сад в плачевном состоянии: «...*how the garden has gone down*», он сильно отличается от великолепного сада в усадьбе ее жениха Роули: «*The garden of the White House was looking very lovely*». Со временем Линн понимает, что точно также изменились и «увяли» ее прежние чувства к бывшему возлюбленному Роули: «*Here was Lynn Home-from-the-wars, and here was Rowley Stay-at-home*».

Анализируя указанные романы, можно выявить особенности организации английского сада, его основные элементы. К ним мы отнесли газон *a lawn* («основной вклад англичан в мировое садоводство» [6]), палисад *a flower garden*. Здесь могут быть разбиты клумбы *flower-beds*, дорожки с цветами по обочинам *flower walks*, цветочные бордюры *flower or herbaceous borders* («второй вклад англичан в мировое садоводство» [6]); живая изгородь *hedge*. В ходе анализа были выявлены цветы, часто культивируемые в английском саду: *geranium, primula, begonia, daisy, violet, chrysanthemum, stock, rose, rock rose, lupine, honeysuckle, bluebell, daffodil, hollyhock, larkspur, asters, salvia, lobelia, iris, azalea, lilac, laburnum, tulip, red poinsettia, dahlia*.

Многие исследователи подчеркивают, что отличительная черта английского сада – имитация естественной природы – «*passion for the imitation of Nature*» [15]. Благодаря отсутствию заборов сад часто сливается с окружающим ландшафтом, как бы растворяясь в близлежащих окрестностях. Рукотворными элементами сада могут быть пергола (*pergola*), терраса (*terrace*), ниша (*recess*), шпалеры (*trellis*), выложенные гравием дорожки (*paved or gravel paths*), пруд или фонтан (*pond or fountain*), сторожка садовника (*lodge*), сарай для садовых инструментов (*shed*).

Таким образом, чтение романов А. Кристи не только выполняет развлекательную функцию, но и позволяет детальнознакомиться с реалиями британского образа жизни, изучать атрибуты национальной картины мира.

Конфликт интересов

Не указан.

Conflict of Interest

None declared.

Список литературы / References

1. Гончарова, Н.Ю. Английский сад как эстетический и лингвокультурный феномен / Н.Ю. Гончарова // Известия Самарского научного центра РАН. – 2013. – № 2. – С. 425 – 429.
2. Делиль, Ж. Поэма Сады, или Искусство украшать сельские виды [Электронный ресурс] / Ж. Делиль. – URL: <http://www.landart.ru/01-motivs/b-jacq-d/01b001.htm> (дата обращения 23.08.2021)
3. Евдокимова О.К. Концепт «сад» в русской и чувашской литературе XIX – XX веков / О.К. Евдокимова, Л.В. Ляпаева, С.В. Федяй // Вестник ЧГПУ им. И.Я. Яковлева. – 2017. – № 3. Ч.2. – С. 50 – 58.
4. Кузнецова М.В. Английский сад и его история / М.В. Кузнецова // Концепт: философия, религия, культура. – 2019. – № 1. – С. 104 – 110.
5. Лихачев, Д.С. Поэзия садов: к семантике садово-парковых стилей. Сад как текст / Д.С. Лихачев. – М.: Согласие: ОАО «Тип. «Новости», 1998. – 471с.
6. Рандхава М.С. Сады через века / М.С. Рандхава ; Пер. с англ. Л.Д. Ардашников. – М.: Знание, 1981. – 320 с.
7. Россия – Великобритания: Пять веков культурных связей. Материалы VI петровского конгресса. СПб, 6 июня 2014 года. — СПб: «Европейский Дом», 2015. — 768 с.
8. Сахарова, Е.В. Садово-парковый топос в русской литературе первой половины XIX века: автореф... дис. канд. фил. наук / Е.В. Сахарова. – Томск, 2007. – 23 с.
9. Тропкина, Н.Е. Образ сада в русской поэзии второй половины XX века и в русском фольклоре / Н.Е. Тропкина, Н.Е. Рябцева // Проблемы истории, филологии, культуры. – 2010. – № 4(30). – с. 144 – 150.
10. Фельдман, Е.А. Образ сада-рая в английской детской литературе XX века / Е.А. Фельдман // Вестник МГОУ. Серия «Русская филология». – 2014. – № 2. – С. 155 – 163.
11. Чекмарев, В.М. Влияние английской художественной культуры на становление и развитие русского садово-паркового искусства: дис. ... д-ра искусствоведения: 17.00.04: защищена 25.03.2015/ Чекмарев Владимир Михайлович. – М., 2015. – Т.2 – 390 с.
12. Швидковский, Д.О. Происхождение английского пейзажного парка/ [Электронный ресурс] / Д.О. Швидковский // Пространство и Время. – 2012. – №1. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/proishozhdenie-angliyskogo-peyzazhnogo-parka> (дата обращения: 01.07.2021).
13. Эпштейн М. Н. Образ художественный / М.Н. Эпштейн // Литературный энциклопедический словарь. – М., 1987. – С. 252–258.

14. Эртнер, Е.Н. Мифопоэтика Сибирского сада в литературе XIX – начала XX в. / Е.Н. Эртнер, Д.Е. Эртнер // Вестник Тюменского гос. университета. Гуманитарные исследования. – 2018. Т. 4. – № 2. – С. 95-105.

15. Amherst, A. A history of gardening in England / A. Amherst [Electronic resource]. – URL: https://openlibrary.org/works/OL1091136W/A_history_of_gardening_in_England (accessed: 04.08.2021).

16. Christie A. Agatha Christie Books in Order / A. Christie [Electronic resource]. – URL: <https://www.howtoread.me/agatha-christie-books-in-order/> (accessed: 11.06.2021).

Список литературы на английском языке / References in English

1. Goncharova, N.Iu. Angliiskii sad kak esteticheskii i lingvokul'turnyi fenomen [English garden as esthetic and lingvo-cultural phenomenon] / N.Iu. Goncharova // Izvestia of Samara Scientific Center of the Russian Academy of Sciences. – 2013. – № 2. – P. 425 – 429. [in Russian]

2. Delil', Zh. Poema Sady, ili Iskustvo ukrashat' sel'skie vidy [The poem Gardens or the Art to decorate the countryside] [Electronic resource] / Zh. Delil'. URL: <http://www.landart.ru/01-motivs/b-jacq-d/01b001.htm> (accessed: 23.08.2021). [in Russian]

3. Evdokimova O.K. Kontsept «sad» v russkoi i chuvashskoi literature XIX – XX vekov [The concept “garden” in Russian and Chuvash literature of the XIX – XX centuries] / O.K. Evdokimova, L.V. Liapaeva, S.V. Fediai // The Bulletin of the Chuvash State Pedagogical University. – 2017. – № 3. the P. 2. – P. 50 – 58. [in Russian]

4. Kuznetsova M.V. Angliiskii sad i ego istoriia [The English garden and its history] / M.V. Kuznetsova // Concept: Philosophy, Religion, Culture. – 2019. – № 1. – P. 104 – 110. [in Russian]

5. Likhachev, D.S. Poezii sadov: k semantike sadovo-parkovykh stilei. Sad kak tekst [The poetry of gardens: semantics of gardens' styles. Garden as a text] / D.S. Likhachev. – M.: Soglasie: OAO «Tip. “Novosti”», 1998. – 471p. [in Russian]

6. Randkhava M.S. Sady cherez veka [Gardens through centuries] / translated by L.D. Ardashnikova. – M.: Znanie, 1981. – 320 p. [in Russian]

7. Rossiia – Velikobritaniia: Piat' vekov kul'turnykh svyazei: Materialy VI petrovskogo kongressa. StP, 6 iyunia 2014 goda [Russia – Great Britain: five centuries of cultural connections: Materials of VI St. Petersburg Congress 06.07.2014] – St. Petersburg: «Evropeiskii Dom», 2015. — 768 p. [in Russian]

8. Sakharova, E.V. Sadovo-parkovyi topos v russkoi literature pervoi poloviny XIX veka [Garden-park topos in Russian literature of the first half of the XIX century]: thesis of dis. ... of PhD in Philology/ E.V. Sakharova. – Tomsk, 2007. – 23p. [in Russian]

9. Tropkina, N.E. Obraz sada v russkoi poezii vtoroi poloviny XX veka i v russkom fol'klore [The image of a garden in Russian poetry in the second part of XX century and Russian folklore] / N.E. Tropkina, N.E. Riabtseva // Problems of History, Philology, Culture. – 2010. – № 4(30). – P. 144 – 150. [in Russian]

10. Fel'dman, E.A. Obraz sada-raia v angliiskoi detskoj literature XX veka [The image of Garden – Paradise in the English literature for children of the XX century] / E.A. Fel'dman // The Bulletin of Moscow State Regional University. Russian Philology. – 2014. – № 2. – P. 155 – 163. [in Russian]

11. Chekmarev, V.M. Vliianie angliiskoi khudozhestvennoi kul'tury na stanovlenie i razvitie russkogo sadovo-parkovogo iskusstva [The influence of English artistic culture on the development of the Russian garden-park art]: dis. ... of PhD in Art: 17.00.04 : defense of the thesis: 25.03.2015. – M., 2015. – V.2 – 390 p. [in Russian].

12. Shvidkovskii, D.O. Proiskhozhdenie angliiskogo peizazhnogo parka [The origin of the English landscape park] [Electronic resource] / D.O. Shvidkovskii // Space and Time. – 2012. – №1. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/proishozhdenie-angliyskogo-peyzazhnogo-parka> (accessed: 01.07.2021) [in Russian]

13. Epshtein M. N. Obraz khudozhestvennyi [The figurative image] / M.N. Epshtein // Literaturnyi entsiklopedicheskii slovar' [Literary Encyclopedic Dictionary]. – M., 1987. – Pp. 252–258. [in Russian]

14. Ertner, E.N. Mifopoetika Sibirskogo sada v literature XIX – nachala XX v. [Myth and poetry of the Siberian garden in literature of the XIX – beginning of the XX cc.] / E.N. Ertner, D.E. Ertner // Tyumen State University Herald. Humanities Research. – 2018. V. 4. – № 2. – P. 95-105. [in Russian]

15. Amherst, A. A history of gardening in England / A. Amherst [Electronic resource]. – URL: https://openlibrary.org/works/OL1091136W/A_history_of_gardening_in_England (accessed: 04.08.2021).

16. Christie A. Agatha Christie Books in Order / A. Christie [Electronic resource]. – URL: <https://www.howtoread.me/agatha-christie-books-in-order/> (accessed: 11.06.2021).

DOI: <https://doi.org/10.23670/IRJ.2021.112.10.092>

КАТЕГОРИЯ ДЛИТЕЛЬНОСТИ КАК ОДНА ИЗ ОСНОВОПОЛАГАЮЩИХ АСПЕКТУАЛЬНЫХ ХАРАКТЕРИСТИК ГЛАГОЛЬНОГО ДЕЙСТВИЯ (НА МАТЕРИАЛЕ АНГЛИЙСКОГО, ОСЕТИНСКОГО И ТУРЕЦКОГО ЯЗЫКОВ)

Научная статья

Калабекова Л.Т.¹, Такоева Т.А.^{2,*}

ORCID: 0000-0002-4603-4711;

^{1,2} Северо-Осетинский государственный университет им К.Л. Хетагурова, Владикавказ, Россия

* Корреспондирующий автор (takoevat[at]yandex.ru)

Аннотация

В рамках настоящей статьи анализу подвергается вопрос о длительности как одной из ключевых аспектуальных характеристик глагольного действия. Материал подается в аспекте контрастивной грамматики, позволяющей исследователю рассмотреть искомую проблему с позиций языков разного типологического уклада. Безусловно, обследуемая аспектуальная характеристика многогранна и не может восприниматься как нечто однородное. С одной стороны, немаловажным является характер глагольной лексемы, которая напрямую воздействует на способ протекания действия, с другой – то смысловое окружение, в котором оказывается предикат в условиях конкретной дискурсивной актуализации. В последнем случае существенную роль приобретают грамматические маркеры, способные конкретизировать характер протекания глагольного действия.

Ключевые слова: контрастивная грамматика, разносистемные языки, аспектуальная характеристика, длительность глагольного действия.

THE CATEGORY OF DURATION AS ONE OF THE FUNDAMENTAL ASPECT CHARACTERISTICS OF VERBAL ACTION (BASED ON ENGLISH, OSSETIAN AND TURKISH LANGUAGES)

Research article

Kalabekova L.T.¹, Takoeva T.A.^{2,*}

ORCID: 0000-0002-4603-4711;

^{1,2} K.L. Khetagurov North Ossetian State University, Vladikavkaz, Russia

* Corresponding author (takoevat[at]yandex.ru)

Abstract

The current article discusses the issue of duration as one of the key aspect characteristics of verbal action. The material is presented in the aspect of contrastive grammar, which allows researchers to examine the problem from the standpoint of languages of different typological patterns. Undoubtedly, the aspect characteristic under study is multifaceted and cannot be perceived as something homogeneous. On the one hand, the character of the verbal lexeme, which directly affects the way the action proceeds, is important; on the other hand, it is that semantic environment in which the predicate appears in the conditions of a specific discursive actualization. In the latter case, grammatical markers that can concretize the nature of the course of a verbal action acquire an essential role.

Keywords: contrastive grammar, multi-system languages, aspectual characteristic, duration of verbal action.

Введение

Памятуя о том, что метод сопоставительно-контрастивного описания языковых систем (или же их отдельных звеньев) является одним из наиболее рациональных и продуктивных, подвергнем рассмотрению категорию длительности глагольного действия, явленную в английском, осетинском и турецком языках, относящихся к разным типологическим группам. Такой подход позволит увидеть одну лингвокультуру в «зеркале» другой и найти причины тех языковых коллизий, которые имеют место при ближайшем рассмотрении исследуемого вопроса [4, С. 319-320]. Хотя уже *a priori* эти последние нам видятся как преимущественно имманентные, так как кроются, а) в различной степени интенсивности функционально нагруженных значений предельности/непредельности глагольного действия в трех показанных лингвокультурах и б) столь же различной склонности глагольных лексем к привлечению средств разноуровневой отнесенности для материального воплощения упомянутого противопоставления.

В сферу изучения аспектологических явлений любого естественного языка, помимо морфологической категории вида, входят и сопредельные грамматические категории, без учета которых невозможно описать всю полноту аспектуальных значений, характерных для конкретно взятой языковой культуры. Одной из таких субкатегорий аспектуальности является длительность глагольного действия. Длительностью, иначе говоря, той или иной продолжительностью протекания процесса на временной оси, обладают все без исключения глагольные лексемы, так как всякий глагол, в любом случае создает в сознании человека представление о времени, обязательного для материализации этого последнего. Само понятие времени, представленное в сознании человека в виде длительного действия/процесса, является неотъемлемой характеристикой глагольной лексемы, особенностью непременно ему свойственной и представляющей его внутреннее состояние [7, С. 91]. Из сказанного следует, что любая грамматическая категория/субкатегория, ближайшим импликатором которой является одна из форм глагольного спряжения, уже *a priori* должна учитывать присутствие в ней значения времени [5, С. 243].

Длительность глагольного действия, о которой идет речь в рамках настоящей статьи, может выражаться как на парадигматическом, так и на синтагматическом уровне. В последнем случае частные значения продолжительности действия конкретизируются на временной оси неглагольными языковыми элементами аспектуального порядка [3, С.198]. А в связи с тем очевидным фактом, что в каждой из исследуемых лингвосистем они далеко не всегда

равнозначны, так как речь идет о языках разной типологической отнесенности (в нашем случае английском, осетинском и турецком), на поверхность «всплывает» целый ряд специфических особенностей, находящих отражение во всевозможных межязыковых коллизиях (сходствах и расхождениях) [2, С.115-116].

Эксплицируя понятие длительности глагольного действия, Ю.С. Маслов отмечал, что по степени своей интенсивности любое действие (или состояние) может быть:

- а) неограниченно длительным,
- б) ограниченно длительным и, наконец,
- в) кратковременным (вплоть до мгновенности) [6, С. 322].

По мнению А. В. Бондарко, длительность является не только составной частью функционально-семантического поля (ФСП) аспектуальности, но выступает и в качестве самостоятельного ФСП, пересекающегося с ФСП аспектуальности, временной локализованности, таксиса и темпоральности. Характеризуя длительность глагольного действия, исследователь подробно описал семантические типы данной грамматической субкатегории. Согласно концепции ученого следует дифференцировать внутреннюю/внешнюю, эксплицитную/имплицитную длительность. Хотя в некоторых случаях глагольное действие может быть представлено и безотносительно к его длительности [1, С. 98–123].

Внутренняя длительность обусловлена собственными аспектуальными характеристиками процесса, отраженными в грамматической, лексической и словообразовательной природе глагола. К глагольным лексемам, длительность которых инкорпорирована в их семантику, относим, прежде всего,

- 1) «длительные/специально-длительные глаголы» такие как *длиться, продолжаться*;
- 2) глаголы, содержащие в своем значении сему временной протяженности, например: *играть, ждать*, и т. д.; а также
- 3) глаголы ограничительного (*посидеть, поиграть*) и длительно-ограничительного (*просидеть, проболеть*) способов действия (СД).

Таким образом, когда мы говорим о внутренней длительности глагольного действия, мы имеем в виду то обстоятельство, что значение длительности входит в грамматическую, словообразовательную или лексическую семантику конкретной глагольной лексемы. Анализ языкового материала показывает, что такого рода глагольные образования представлены в каждом из анализируемых языков:

But Batradz laughing continued to torment and pester him, just as though he had been nothing but a helpless chick in his hands [4, С. 117]. Но Батрадз, посмеиваясь, продолжал тормошить его, точно в руках его был цыпленок [5, С. 328].

Nartlar yemeğe devam ediyorlardı [6, С. 45] Увидел он, что продолжается пиршество и никто не заметил его отсутствия [5, С.80].

Афтæмæй Сатана æмæ Уырызмæг лæг æмæ усæй цæргæйæ базадысты [4, С. 62]. Помирился с женой Урызмаг, вместе вернулись они в свой дом и продолжали там жить в любви и согласии [5, С.77].

Хæдзары хъазыд иу чысыл лæппу: куы иуырдаæм азгъоры, куы иннаердаæм - йæ фæзмæлдыл цæст нæ хæцы, афтæ рог [4, С. 72]. Увидел Урызмаг: бегаёт (досл. играет) по дому маленький мальчик, и так легко и резво бегаёт, что глаза не успевают следить за ним [5, С.79].

Soslan nehir boyunca aşağılara doğru inmeye devam etti ve balık tutmakta olan bir başka balıkçının yanına geldi [6, С. 72]. Пошел Сослан вниз по течению. Вдруг видит, идет ему навстречу рыбак [5, С. 123].

Из всего сказанного следует, что лексемы со значением длительности могут нести двойственную нагрузку: помимо обозначения того или иного глагольного действия они способны показывать его протяженность на временной оси.

Что касается внешней длительности действия, то она à priori оперирует внешними маркерами лексического порядка, такими как всевозможные сирконстанты, придаточные предложения времени и т. д. Внешняя длительность детерминруется непредикатными операторами, находящимися за пределами сказуемого. Если внутренняя длительность имеет явно-выраженную аспектуальную природу, поскольку речь идет о внутреннем времени действия, то основными признаками внешней длительности служат средства наружной детерминации, имеющие конкретную лексическую природу. Они содержат «обобщенные семантические признаки», относящиеся к диапазону аспектуальности» [7, С. 99].

Безусловно, говоря о длительности протекания процесса, мы отдаем себе отчет в том, что упомянутая аспектуальная характеристика не может восприниматься как нечто однородное. Так, в частности, длительное действие может быть дифференцировано в отвлеченной речевой реализации как конкретно/неконкретно определяемое, ограниченное/неограниченное во времени, протяженное/замкнутое, темпорально характеризованное/нехарактеризованное, прерывное/непрерывное, локализованное/нелокализованное на временной оси.

Разберем некоторые из типов исследуемой грамматической субкатегории и попытаемся обусловить их специфические признаки. Так, например, под определенной длительностью понимается длительность, содержащая ярко выраженные признаки специализации, такие как *мера, степень, объем*, где ключевыми характеристиками глагольного действия становятся указание на его непрерывный характер, интенсивность и установление временных границ. Иначе говоря, речь идет о признаках, относящихся непосредственно к качественной специфике временной протяженности действия [1, С. 99]. Различие между определенной/неопределенной длительностью может быть соотносено с *эксплицитной/имплицитной* манифестацией этой последней, где эксплицитная длительность характеризуется определенностью, а имплицитная – неопределенностью глагольного процесса. В первой из приведенных ситуаций длительность действия подкрепляется ярко обозначенными формальными языковыми маркерами. Во второй – длительность сама по себе явно и специально не выражена, но подразумевается.

Ограниченная длительность протекания процесса эксплицируется как длительность, детерминированная пределом, сроком, количеством затраченного времени, отведенного данному действию, и может трактоваться как одна из разновидностей определенной длительности. Обратимся к материалу:

Insanların bu konuyla ilgileri iki gün sürer, ayrıca utancımız sandığın kadar büyük değil. [10, С.40]. Людская хула только на два дня, –ответила ему Шатана. [9, С. 67].

For seven days and seven nights Wærxæg's guests feasted, and when the feast was over Kwyrðalægon leapt onto the crest of a fiery storm-cloud, and like wide-winged Pak'undzæ, flew off them to the heavens [8, С. 17]. – Семь дней и семь ночей пировали гости Уархага, а когда кончился пир, вскочил Курдалагон на гребень огненной бури и, словно крылатый Пакундза, умчался в небеса [9, С. 46].

Длительность может быть ограничена конечным пределом или же конечным пределом в сочетании с отмеченным маркером начала глагольного действия:

Сæ астæу сбадти æмæ æмбисæхсæвмæ фæкуыдта Ахсары мардыл, æмбисæхсæвæй бонмæ та -Æхсæртæджы мардыл [8, С. 34]. – Села она между ними и до полуночи проплакала над телом Ахсара и от полуночи до утра – над телом Ахсартага [9, С.55].

Предел действия может быть связан с наступлением факта в аспектуально-таксисных ситуациях:

I cannot leave this place until I have sat and rested here awhile [8, С. 29] – Пока не посижу в этом шатре, не уйду отсюда [9, С. 54].

В приведенных примерах маркер длительности, в качестве которого выступает обстоятельство времени усилен аспектуальной семантикой смыслового глагола.

Несмотря на многогранность исследуемой грамматической субкатегории, все сказанное выше возможно представить в виде таблицы, отражающей полученные данные.

Таблица 1 – Обработка полученных данных

английский язык	Длительность глагольного действия транслируется преимущественно на уровне синтаксических связей, когда контекстное окружение приобретает первостепенную значимость для выражения искомого аспектуального смысла: <i>Then Wyryzmæg noticed a little boy who was running around, so light and swift he run, that Wyryzmæg could not follow him.</i>
осетинский язык	Основным продуктивным средством грамматических отношений видится перфективация, так как глагольная лексема способна воплощать в своей семантике видовое значение длительности: <i>Хæдзары хъазыд иу чысыл лæппу: куы иуырдаем азгъоры, куы иннаердаем - йæ фæзмæлдыл цæст нæ хæцы, афтæ рог.</i>
турецкий язык	Доминирующим типом экспликации указанного аспектуального значения представляется интеграция грамматических формантов в предикат без каких-либо трансформаций со стороны звукового строя либо орфографии: <i>Evde bir çocuk oynayıp duruyordu.</i>

Заключение

В результате анализа эмпирического материала, проведенного на базе трех разнотипных языков, приходим к выводу о том, что длительность глагольного действия представляет собой некую лингвистическую универсалию, имеющую место в каждой из исследуемых языковых систем. При этом безусловным и вполне очевидным становится то обстоятельство, что материализация данного аспектуального смысла имеет свою специфику в каждой из изучаемых лингвокультур. Допустимо предположить, что именно этот факт и эксплицирует присутствие тех межъязыковых коллизий, которые имеют место при сопоставительно-контрастивном изучении языков разных типов и систем (в нашем случае английского, осетинского и турецкого).

Конфликт интересов

Не указан.

Conflict of Interest

None declared.

Список литературы / References

1. Бондарко А. В. Длительность / А.В. Бондарко // Теория функциональной грамматики. Введение. Аспектуальность. Временная локализованность. Таксис. – Л.: Наука, 1987. с. 5–45, 98–124
2. Бондарко А. В. Основы функциональной грамматики: Языковая интерпретация идеи времени. / А.В. Бондарко // – СПб.: Изд-во СПбГУ, 2001. – 260с.
3. Закамулина М.Н. Очерки по аспектологии. Проблема реализации частных значений (сопоставительное исследование на материале французского и татарского языков): Монография. / М.Н. Закамулина, Г.Ф. Лутфуллина, Г.Р. Муллахметова. // Казань: Казан. гос. энерг. ун-т, 2016. – 244с.
4. Калабекова Л.Т. Теоретическая и прагматическая значимость контрастивного метода в изучении разноструктурных языков / Л.Т. Калабекова // Вестник СОГУ им. К.Л. Хетагурова. – Владикавказ, 2012. – №2. – С. 315-321.
5. Калабекова Л.Т. Ведущая роль категории времени в функциональной значимости парадигмальных форм глагольного спряжения (во французском, русском и осетинском языках) / Л.Т. Калабекова // Вестник Адыгейского государственного университета. Серия «Филология и искусствоведение». Вып.1 (96). – Майкоп: Изд-во АГУ, 2012. – С. 239-244.
6. Маслов Ю.С. Избранные труды: Аспектология. Общее языкознание. / Ю.С. Маслов. М.: 2004.
7. Реферовская Е. А. Аспектуальные значения французского глагола / Е.А. Реферовская // Теория грамматического значения и аспектологические исследования. – Л.: Наука, 1984. с. 91-109.
8. Равзаргæ Нарты Кадджытæ. Selected Nartæ Tales. – Цхинвал: Хуссар Алани, 2007. – 216с.
9. Сказания о нартах. Осетинский эпос. Изд. переработанное и дополненное. Пер. с осет. Ю. Либединого– М.: «Советская Россия», 1978. – 512 с.

10. Nartlar Oset Halk Destanlari / Translated from French translation by George Dumezil into Turkish by Hayri Ata. Ankara 2014. – 254 s.

Список литературы на английском языке / References in English

1. Bondarko A. V. Dlitel'nost' [Duration] / A.V. Bondarko // Teorija funkcional'noj grammatiki. Vvedenie. Aspektual'nost'. Vremennaja lokalizovannost'. Taksis [Theory of functional grammar. Introduction. Aspectuality. Temporary localization. Taxis]. - L.: Nauka, 1987. pp. 5-45, 98-124 [in Russian]

2. Bondarko A. V. Osnovy funkcional'noj grammatiki: Jazykovaja interpretacija idei vremeni [Fundamentals of Functional Grammar: Linguistic interpretation of the idea of time] / A.V. Bondarko // - St. Petersburg: Publishing House of St. Petersburg State University, 2001– 260 p. [in Russian]

3. Zakamulina M.N. Očerki po aspektologii. Problema realizacii chastnykh znachenijj (sopostavitel'noe issledovanie na materiale francuzskogo i tatarskogo jazykov): Monografija [Essays on aspectology. The problem of realization of particular meanings (comparative study on the material of French and Tatar languages): A Monograph] / M.N. Zakamulina, G.F. Lutfullina, G.R. Mullakhmetova. // Kazan: Kazan State Energy University, 2016– - 244 p. [in Russian]

4. Kalabekova L.T. Teoreticheskaja i pragmaticheskaja znachimost' kontrastivnogo metoda v izuchenii raznostrukturnykh jazykov [Theoretical and pragmatic significance of the contrastive method in the study of different-structured languages] / L.T. Kalabekova // Vestnik SOGU im. K.L. Khetagurova [Bulletin of the Khetagurov North Ossetian State University]. - Vladikavkaz, 2012. - No. 2. - pp.315-321 [in Russian]

5. Kalabekova L.T. Vedushhaja rol' kategorii vremeni v funkcional'noj znachimosti paradigmnykh form glagol'nogo sprjazhenija (vo francuzskom, russkom i osetinskom jazykakh) [The leading role of the category of time in the functional significance of paradigmatic forms of verbal conjugation (in French, Russian and Ossetian languages)] / L.T. Kalabekova // Vestnik Adygejskogo gosudarstvennogo universiteta. Serija «Filologija i iskusstvovedenie» [Bulletin of the Adygea State University. The series "Philology and Art History"]. Issue 1 (96). - Maykop: Publishing House of ASU, 2012. - pp. 239-244 [in Russian]

6. Maslov Yu.S. Izbrannye trudy: Aspektologija. Obshhee jazykoznanie [Selected works: Aspectology. General linguistics] / Y.S. Maslov / M.: 2004 [in Russian]

7. Referovskaja E. A. Aspektual'nye znachenija francuzskogo glagola [The aspectual meanings of the French verb] / E.A. Referovskaja // Teorija grammaticheskogo znachenija i aspektologicheskie issledovanija [Theory of grammatical meaning and aspectological research]. - L.: Nauka, 1984. pp. 91-109 [in Russian]

8. Ravzargæ Narty Kaddzhytæ. Selected Nartæ Tales. [Selected Nartæ Tales.]–Chinval: Hussar Alani, 2007. – 216 p. [in Ossetian]

9. Skazanija o nartah. Osetinskij jepos. [Tales of sleds. Ossetian epic]. Revised and Expanded, translation from Ossetian by Yu. Libedinsky- M.: "Sovetskaya Rossiya", 1978– 512 p. [in Russian]

10. Nartlar Oset Halk Destanlari. [Legends of the Narts. Ossetian epic] Translated from French -translation by George Dumezil into Turkish by Hayri Ata. Ankara 2014. – 254 p. [in Turkish]

DOI: <https://doi.org/10.23670/IRJ.2021.112.10.093>**ЯЗЫКОВАЯ МЕТАФОРА В ХУДОЖЕСТВЕННОМ ТЕКСТЕ
(НА ПРИМЕРЕ РОМАНА ФЕДОРА АБРАМОВА «БРАТЬЯ И СЕСТРЫ»)**

Научная статья

Кораблева Г.Н.¹, Л.Н. Горелова Л.Н.^{2,*}¹ ORCID: 0000-0002-5970-2336;² ORCID: 0000-0003-1914-1105;¹ Российский государственный университет им. А. Н. Косыгина (Технологии. Дизайн. Искусство), Москва, Россия;² Московский государственный областной университет, Мытищи, Россия

* Корреспондирующий автор (gorelova.ln[at]mail.ru)

Аннотация

Метафора – одна из наиболее распространенных фигур художественной речи, средство выразительности, которое часто используется в художественном тексте. Различают языковую и художественную метафору. Художественная метафора является способом выражения индивидуально-творческих особенностей писателя. Для нее характерно отсутствие лексической самостоятельности. Она связана с определенным контекстом и вне его не существует, так как контекст – это собственно-семантическая субстанция художественной метафоры. Языковая метафора, в отличие от художественной, заложена в самой природе языка. Ее не создают, а берут готовой и употребляют в процессе коммуникации. Люди непроизвольно воспринимают такую метафору и используют в своей речи, при этом не задумываясь о том, что привычные слова имеют переносное значение. Метафора является тем видом тропа, вопрос о природе которого вызывает большой интерес исследователей на протяжении многих веков. Несмотря на повышенный интерес ученых к метафоре многие вопросы до сих пор требуют дополнительного изучения. Среди них можно отметить такие, как функционирование языковой метафоры в художественном тексте, ее роли в репрезентации авторской позиции. Наличие в литературоведении до конца не решенных вопросов, касающихся роли языковой метафоры, определяет актуальность нашей работы. В статье анализируются все виды языковой метафоры, используемые Ф. Абрамовым в романе «Братья и сестры»: мотивированная, синкретическая, ассоциативная. Характер употребления языковой метафоры в романе «Братья и сестры» свидетельствует об оригинальности языковой манеры писателя. В результате исследования выявлено, что языковая метафора необходима для объективного понимания замысла произведения писателя, четкого представления о героях, выражения их чувств и окружающей действительности. Практическая значимость исследования заключается в возможности применения его результатов в практике преподавания русской литературы, а также в сопоставительном исследовании произведений русской литературы различных периодов.

Ключевые слова: ассоциативная метафора, мотивированная метафора, синкретическая метафора, художественная метафора, языковая метафора, Федор Абрамов.

**LANGUAGE METAPHOR IN A LITERARY TEXT
(BASED ON "BRATYA I SYOSTRI" ("BROTHERS AND SISTERS"))**

Research article

Korableva G.N.¹, L.N. Gorelova L.N.^{2,*}¹ ORCID: 0000-0002-5970-2336;² ORCID: 0000-0003-1914-1105;¹ Kosygin Russian State University (Technologies. Design. Art), Moscow, Russia;² Moscow State Regional University, Mytishchi, Russia

* Corresponding author (gorelova.ln[at]mail.ru)

Abstract

Metaphor is one of the most common figures of artistic speech often used in a literary text. There is a distinction between a linguistic and an artistic metaphor. An artistic metaphor is a way of expressing the individual creative characteristics of an author. It is characterized by a lack of lexical independence and is connected with a certain context and does not exist outside of it, since the context is the proper semantic substance of an artistic metaphor. Unlike the artistic one, a linguistic metaphor is inherent in the very nature of language. It is not created, but taken ready-made and used in the process of communication. People involuntarily perceive such a metaphor and use it in their speech; however, they are often not aware that familiar words have a figurative meaning. Metaphor is the kind of trope, the nature of which has been of great interest to researchers for many centuries. Despite the increased interest of researchers in the metaphor, many issues still require additional study. Among them, we can note such as the functioning of a linguistic metaphor in a literary text, its role in the representation of the author's position. The presence of unresolved issues in literary studies concerning the role of language metaphor determines the relevance of the current study. The article analyzes all types of linguistic metaphors used by F. Abramov in the novel "Brothers and Sisters" such as motivated, syncretic, associative. The nature of the use of a linguistic metaphor in the novel "Brothers and Sisters" testifies to the originality of the author's linguistic manner. The results of the study determine that a linguistic metaphor is necessary for an objective understanding of the author's idea of the work, a clear idea of the characters, the expression of their feelings and the surrounding reality. The practical significance of the research lies in the possibility of applying its results in the practice of teaching Russian literature, as well as in the comparative study of works of Russian literature of different periods.

Keywords: associative metaphor, motivated metaphor, syncretic metaphor, artistic metaphor, language metaphor, Fyodor Abramov.

Введение

Метафора – одна из наиболее распространенных фигур художественной речи, средство выразительности, которое часто используется в художественном тексте. В ее основе лежит перенесение свойств, признаков, качеств с одного явления на другое. Она позволяет художнику слова образно изложить свои мысли, наполнить произведение разнообразными эмоциональными оттенками. Метафора способна выразить то, что не поддается прямому описанию, например внутренний мир человека, его чувства, переживания, отношение к окружающим. Несмотря на многочисленные исследования, в настоящее время не снижается интерес ученых к изучению феномена метафоры. Специалисты классифицируют метафору по разным основаниям: по функциональному типу [1], [2], по характеру семантических процессов, которые происходят при метафоризации [3], [4], по способу реализации компаративного элемента [5], по лингвистическому признаку [6], по когнитивному и диахроническому аспектам [7].

Г.Н. Складневская разграничивает языковую и художественную метафору и акцентирует внимание на их различиях. Так, художественная метафора рассматривается в поэтике в качестве одной из эстетических категорий, является результатом сознательных эстетических поисков авторов произведения. Ее главная особенность – это отсутствие лексической самостоятельности. Она связана с определенным контекстом и вне его не существует, так как контекст является «самой сутью» художественной метафоры [8], [9].

Материалом нашего исследования является роман Ф. Абрамова «Братья и сестры», опубликованный в 1958 году и получивший положительную оценку у читателей. Следует отметить, что замысел этого произведения появился у писателя еще в 1942 году, когда он после ранения вернулся в родную деревню и увидел подвиг своих односельчан, сражавших в тылу, как на фронте, за хлеб, за урожай для Победы. Но при этом Ф. Абрамов не идеализирует своих персонажей. Он показывает реальных людей со всеми присущими им плохими и хорошими сторонами, со своим характером. Мастерство Абрамова как художника трудно переоценить. На протяжении всей своей творческой жизни писатель не переставал работать над словом. Главным источником его художественного творчества является образность народной речи северян.

Действие романа разворачивается на Севере, в верховьях реки Пинега, в старинной, наполовину старообрядческой деревне Пекашино, практически в самом начале войны, в 1942 году. В центре повествования – судьбы простых жителей деревни: Степана Андреяновича Ставрова – мастера на «все руки»; Анфисы Мининой, которой односельчане оказали доверие стать председателем колхоза; Марфы Репишной – женщины, способной «коня на скаку остановить». С особой теплотой он пишет именно о женщинах, как бы признаваясь в любви всем матерям и сестрам, всем труженицам, взвалившим на себя заботу накормить страну.

Наряду с характерными особенностями романа «Братья и сестры» – правдивым отражением исторической эпохи – писатель использует различные средства художественной выразительности, особую роль среди которых играет метафора.

Языковая метафора, в отличие от художественной, «стихийна», «заложена в самой природе языка». Ее не создают, а берут готовой и употребляют в процессе коммуникации. Люди непроизвольно воспринимают такую метафору и используют в своей речи, при этом не задумываются о том, что привычные слова имеют переносное значение. Языковая метафора отражена в толковых словарях, имеет помету «перен.». Писатели используют не только художественную метафору, но и языковую, при этом разворачивают ее в живую картину, воспринимаемую чувственно. Весь контекст, а не только ближайшее окружение метафоры, несет на себе метафорический смысл [8].

В романе Ф. Абрамова «Братья и сестры» [10] мы обнаруживаем все виды языковой метафоры, выделенные Г.Н. Складневской: мотивированную, синкретическую, ассоциативную [8].

В мотивированной метафоре переносное значение тесно связано с исходным благодаря наличию в их определении одного и того же сходного в семантическом плане слова: *«Наспех вбив расклинье, Степан Андреянович разогнулся и, шумно дыша, с радостным блеском в глазах, подошел к Анфисе»*. «С блеском в глазах» можно отнести к мотивированной метафоре, так как общим элементом слова *блеск* в прямом и переносном значениях выступает сема «яркий». Блеск – это яркий, искрящийся свет, ответ. Перен. Великолепие, яркое проявление чего-то.

В следующем предложении устаревшее слово *бобыль* употребляется в метафорическом значении. Оно означает «одинокый крестьянин-бедняк, обычно безземельный». Перен. Одинокый бессемейный человек [11]. Общий семантический элемент – «одинокый»: *«Ты что думаешь – так бобылем и будешь весь век по чужой стороне шататься?»*

В цитате: *«Иногда в разгар их беседы в дверях конторы неожиданно появлялась Варвара, подозрительно оглядывала их насмешливыми глазами»*, – сочетание «в разгар беседы» также является мотивированной метафорой, так как прямое и метафорическое значение слова *разгар* связывает сема «полная». В исходном значении – «о горении, свечении: полная сила», в переносном – «наиболее полное проявление, наивысшая точка в развитии чего-нибудь».

Другой пример: *«От дороги раздался взрыв хохота»*. В метафоре «взрыв хохота» общий семантический элемент «сильный», связывающий два значения слова *взрыв*, обнаруживается в определении исходного значения «мгновенное разрушение чего-нибудь, сопровождающееся образованием сильно нагретых, с высоким давлением газов; звук, сопровождающий такое разрушение» и переносного: «внезапное сильное и шумное проявление чего-нибудь».

В следующем высказывании мотивированность метафоры «слушать тошно» проявляется благодаря общей семе «противно»: *«Да будет тебе ехидничать-то, – нахмурилась Анфиса – Умный человек, а слушать тошно»*. В прямом смысле слово *тошно* означает «противно, докучно, а в переносном – «противно, отвратительно, а также тяжело, тоскливо».

Наличие в романе мотивированной метафоры является примером индивидуального стиля автора, способного описать непростые события того времени, акцентировать внимание на повседневной жизни тружеников села.

В большом многообразии метафор наиболее часто встречается синкретическая. Термин «синкретизм» в «Словаре русского языка» С.И. Ожегова определяется как «слитность, нерасчлененность, характерная для первоначального состояния в развитии чего-нибудь» [11]. Именно нерасчлененность чувственных ощущений служила стимулом для

создания и развития народного поэтического творчества, так как ощущения – это основа знаний людей об окружающем их мире. Психика современного человека разграничивает свойства и отношения вещей, но не отказывается от слитного восприятия разнородных по своим источникам образов, которые закрепились в языке. Мир воспринимается человеком в единстве всех его составляющих, на основе разнообразных аналогий и тождеств. Каждое чувственное ощущение может слиться с другим ощущением. На этом принципе создается синкретическая языковая метафора. Она, как правило, образуется в результате слияния чувственных ощущений: зрительных, акустических, вкусовых, обонятельных, тактильных. Каждый вид ощущений рождает у Абрамова разнообразные метафоры: *«К самой речонке надо было проламываться сквозь чащу ольхи и седого ивняка»*. Слово *седой* означает «белый вследствие потери окраски», но в переносном значении в сочетании со словом «ивняка» приобретает значение «белесый, тускло-серый» и образует зрительный образ синкретической метафоры. В следующих цитатах также присутствует зрительный образ: *«Тут уж нельзя было не признать широкую натуру Степана Андреяновича»*. Исходное значение слова *широкий* – имеющий большую ширину, просторный. Применительно к человеку меняется его смысл. Речь идет уже «о щедром, не стесняющемся в тратах или открытом и общительном человеке». *«Ребяташки – зеленые помощники – жгли костры, пекли проросшую картошку, а днем засыпали за партой»*. Исходное значение слова «зеленый» – цвета травы и листья – по отношению к детям уже понимается как «неопытный по молодости».

В разных предложениях у Абрамова встречается метафора со словом *горький*, представляющая вкусовой образ: *«Вот и погрелась в бане...» – с горькой усмешкой пошутила она над своими недавними мечтами и, вся дрожа от холода, побрела к плугу»*. *«На людях как-то забывались на время, рассасывались в общей тревоге безрадостные мысли, а теперь, когда она пряснула одна, горькие раздумья не покидали её»*. *«Лизка глядит на свои худые грязные ручонки, и вдруг чувство горькой обиды и острой жалости к себе охватывает её»*. В прямом значении слово *горький* означает «имеющий острый, неприятный вкус, свойственный полыни, хине, горчице и т. п.». В переносном – «преисполненный горя, обид, разочарований; горестный». Вкусовой образ синкретической метафоры отражен в сочетаниях: горькая усмешка, горькие раздумья, горькая обида.

Тактильные ощущения позволяют человеку воспринимать окружающий мир через прикосновения, давление, вибрацию, температуру. В последней цитате тактильный образ представлен в метафоре «острая жалость». Острый – это отточенный, хорошо режущий, колющий. Перен. Сильно, ясно выраженный; напряжённый. Рассмотрим другие примеры: *«И то, что эта вечно озабоченная Анфиса Петровна, такая сдержанная и даже холодная, неожиданно приоткрылась ему Фиской, наполнило его волнующей радостью»*. Исходное значение слова *холодный* – «имеющий низкую температуру, не нагретый, не дающий или не содержащий тепла». В переносном значении характеризует человека: «равнодушный, бесстрастный». *«В тридцатом году под горячую руку Степана Андреяновича едва не раскулачили»*. Горячий – имеющий высокую температуру. Перен. Под горячую руку (попасть, подвернуться) – в сердитую минуту, когда кто-нибудь раздражен, рассержен. *«Все слышали жаркий шепот нагнувшегося к старику Лихачева: – Валяй, Ставров, говори, через что и как надумал такое дело»*. Жаркий – Дающий сильный жар, знойный, горячий. Перен. Пылкий, страстный. В данных цитатах употреблена синкретическая метафора, основанная на тактильных ощущениях: острая (жалость), холодная (Анфиса Петровна), под горячую (руку), жаркий (шепот).

Синкретическая метафора, основанная на синтезе ощущений, выражает комплексный характер восприятия окружающего мира в его единстве и гармонии. Данный вид метафоры наиболее часто встречается в романе Ф. Абрамова. Автор, на наш взгляд, использует ее с целью раскрыть в полной мере сущность описываемых событий, явлений, оценить их, обратить внимание читателя на конкретные сцены, помочь воссоздать их в процессе восприятия произведения.

В основе другого вида языковой метафоры – ассоциативной – лежит способность нашего сознания искать аналогии между предметами. Она образуется по принципу ассоциативных связей. Г. Н. Складневская, обращая внимание на универсальность такой мыслительной операции, подчеркивает всеобъемлющий характер метафоричности языка. При этом ассоциации могут быть разного вида. В одном случае в метафоре может быть признак, который не обнаруживается в семантической структуре исходного значения, но известен всем тем, кто общается на русском языке. Такая метафора относится к признаковому типу. В другом случае символ метафоры является аморфным семантическим образованием. Такой тип является психологической метафорой [8].

Ассоциативная метафора признакового типа ярко проявляется в следующем примере: *«Лукашин встал: – Базар, товарищи, нечего утруждать. Надо по-деловому, с пользой критиковать»*. Базар. Место для торговли, обычно на площади, а также розничная торговля на таком месте. Перен. Шум, крик (разг.). В метафоре «устраивать базар» на первый план выдвигается один важный признак – «шум, крик». Ассоциация ничем не скреплена с прямым значением, кроме знаний о самом предмете: на базаре чаще всего бывает шумно, крикливо.

Ф. Абрамов чаще использует ассоциативную метафору психологического типа, которая формируется благодаря отдаленным ассоциативным связям: *«Сам-то? – Раиса Ниловна вытерла полные, румяные губы. – Тряпка сам-то! Пришел давеча со службы – краше в гроб кладут»*. Тряпка. Лоскут ткани (обычно старый). Перен. О бесхарактерном, слабовольном человеке. *«Из-за этой язвы у Мишки вся жизнь шиворот-навыворот»*. Язва. Длительно незаживающее воспалённое место на коже и слизистой оболочке. Перен. Человек, который любит язвить. *«Варуха, бес, – сонно заворчала Марфа»*. Бес. В религии и народных поверьях: злой дух. (Перен). О живом, ловком, задорном человеке (разг.). При помощи причудливых психологических ходов прямое и переносное значения приближаются друг к другу в словах: тряпка, язва, бес.

Ассоциативные связи в психологической метафоре создаются не по внешнему признаку схожести, они возникают в глубине сознания, ведут к истокам человеческого мышления, обнаруживая его удивительное свойство.

Заключение

Исследовав метафоры в романе Ф.Абрамова «Братья и сестры», мы пришли к выводу, что не только художественная метафора является выражением индивидуального авторского видения картины мира, добавляет

яркость стилю его романа, но и языковая метафора необходима для объективного понимания замысла романа, четкого представления о героях, выражения их чувств и окружающей действительности. Языковая метафора, как правило, преобладает в диалоге. Автор «оживляет» в романе стёршуюся образность языковой метафоры. Тесное переплетение различных видов языковой метафоры позволяет читателю воспринимать роман как нечто целое, составляющие которого находятся в тесной взаимосвязи. Сочетание двух преобладающих видов метафоры – ассоциативной психологического типа и синкретической позволяет выявить неповторимые стилевые особенности языка Ф. Абрамова.

Конфликт интересов

Не указан.

Conflict of Interest

None declared.

Список литературы/References

1. Арутюнова Н. Д. Функциональные типы метафоры / Н. Д. Арутюнова. – М.: Изд-во АН СССР, 1979. – Т. 37. – № 4. – С.333-343.
2. Харченко В. К. Функции метафоры: учебное пособие / В. К. Харченко. – Воронеж: Воронеж. ун-т, 1992. – 87 с.
3. Гак В. Г. Метафора: универсальное и специфическое / В. Г. Гак // Метафора в языке и тексте. – М.: Наука, 1988. – С.11-26.
4. Цинковская Ю. В. Виды художественных метафор в современной русской прозе / Ю. В. Цинковская // Ученые записки ЗабГУ. – 2010. – № 3. – С. 154-158.
5. Левин Ю. И. Структура русской метафоры / Ю. И. Левин // Поэтика. Семиотика. – М.: Языки русской культуры, 1998. – С.457-463.
6. Москвин В. П. Классификация русских метафор / В. П. Москвин // Филологические науки. – 2000. №2. – С. 62 -72.
7. Балашова Л. В. Русская метафорическая система в развитии: XI–XXI вв. /Л. В. Балашова. – М.: Знак, 2014. – 632 с.
8. Скляревская Г. Н. Метафора в системе языка/ Г.Н. Скляревская. – СПб.: Наука, 1993. – 52 с.
9. Скляревская Г. Н. Языковая метафора в Толковом словаре. Проблемы семантики (на материале русского языка) / Г. Н. Скляревская. – М.: АН СССР, Институт русского языка, 1988. – Ч. 1. – 53 с.
10. Абрамов Ф. А. Братья и сестры: Роман в 4-х кн. / Ф. А. Абрамов. [Электронный ресурс]. URL: https://librebook.me/bratia_i_sestry (дата обращения: 10.08. 2021).
11. Ожегов С. И. Толковый словарь русского языка. / С. И. Ожегов. – 28-е изд. – М.: Мир и образование, 2013. – 1376 с.

Список литературы на английском языке / References in English

1. Arutiunova N. D. Funktsional'nye tipy metafory [Functional types of metaphor] / N.D.Arutiunova.– М.: Publishing house AN SSSR, 1979. – V. 37. – №4. – P. 333-343. [in Russian]
2. Kharchenko V. K. Funktsii metafory: uchebnoe posobie [Functions of a metaphor: training manual] / V. K. Kharchenko. -Voronezh: Voronezh. un-t, 1992. – 87 p. [in Russian]
3. Gak V.G. Metafora: universal'noe i spetsificheskoe [Metaphora: universal and specific] / V.G. Gak // Metafora v iazyke i tekste [Metaphor in language and text]. Moscow: Nauka, 1988. – P. 11-26. [in Russian]
4. Tsinkovskaia Iu.V. Vidy khudozhestvennykh metaphor v sovremennoi russkoi proze [Types of artistic metaphors in modern Russian prose] / Iu.V. Tsinkovskaia //Uchenye zapiski ZabGU [Scientific notes of ZabGU]. – 2010. – № 3. – P.154-158. [In Russian]
5. Levin Yu. I. Struktura russkoj metafory [Structure of the Russian metaphor] / Yu. I. Levin // Poetika. Semiotika [Poetics. Semiotics]. – М: Yazyki russkoj kul'tury, 1998. – P.457-463. [in Russian]
6. Moskvin V. P. Klassifikatsiia russkikh metafor [Classification of Russian metaphors] / V. P.Moskvin // Filologicheskie nauki [Philological Sciences]. – 2000. – V. 2. – P. 62-72. [in Russian]
7. Balashova L.V. Russkaia metaforicheskaia sistema v razvitii: XI-XXI vv. [Russian metaphorical system in development: XI-XXI cent.] / L.V Balashova. – М.: Знак, 2014. – 632 p. [in Russian]
8. Skliarevskaya G. N. Metafora v sisteme iazyka. [Metaphor in the language system] /G. N. Skliarevskaya. – St. Petersburg: Nauka, 1993. – 152 p. [in Russian]
9. Skliarevskaya G. N. Iazykovaia metafora v Tolkovom slovare. Problemy semantiki (na material russkogo iazyka) [Linguistic metaphor in the Explanatory Dictionary. Problems of semantics (based on the Russian language)] / G.N. Skliarevskaya. – М.: АН СССР, Institut russkogo iazyka, 1988. – Part 1. –53 p. [in Russian]
10. Abramov F. A. Brat'ia i sestry: Roman v 4-kh kn. [Brothers and sisters: a novel in 4 books] [Electronic resource] / F. A. Abramov – URL: https://librebook.me/bratia_i_sestry / (accessed 10 08 2021) [in Russian]
11. Ozhegov S. I. Tolkovy slovar' russkogo iazyka [Explanatory dictionary of the Russian language]. / S. I. Ozhegov. 28th edition. – М.: Mir i obrazovanie, 2013. – 1376 p. [in Russian]

DOI: <https://doi.org/10.23670/IRJ.2021.112.10.094>**СЕМАНТИЧЕСКИЙ АСПЕКТ ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ НЕОПРЕДЕЛЕННО-ЛИЧНЫХ ПРЕДЛОЖЕНИЙ
В ЗАГОЛОВКАХ ИНТЕРНЕТ-НОВОСТЕЙ**

Научная статья

Федотова Н.Л.^{1,*}, Го Цзини²¹ ORCID: 0000-0002-3470-0262;² ORCID: 0000-0002-3620-2005;^{1,2} Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург, Россия

* Корреспондирующий автор (n.fedotova[at]spbu.ru)

Аннотация

В статье рассматриваются функционально-семантические особенности неопределенно-личных предложений, используемых в новостных заголовках. Материалом исследования являются заголовки новостей, которые размещены на Интернет-портале «Аргументы и факты», собранные за период с 25 сентября 2020 г. по 31 декабря 2020 г. Многосторонний анализ новостных заголовков позволяет выявить и уточнить прагматические функции такого типа медиатекста. Цель данной статьи заключается в разработке функционально-семантической классификации неопределенно-личных предложений, которые используются в заголовках Интернет-новостей. На основе полученных результатов был сделан вывод, что неопределенно-личные предложения широко используются в новостных заголовках вследствие необязательного упоминания в них конкретного субъекта действия, что дает возможность реципиентам сосредоточить внимание на самом событии.

Ключевые слова: неопределенно-личные предложения; семантика; классификация; новостные заголовки; средства массовой информации; портал «Аргументы и факты».

**SEMANTIC ASPECT OF FUNCTIONING OF INDEFINITE-PERSONAL SENTENCES
IN ONLINE NEWS HEADLINES**

Research article

Fedotova N.L.^{1,*}, Guo Jingyi²¹ ORCID: 0000-0002-3470-0262;² ORCID: 0000-0002-3620-2005;^{1,2} Saint Petersburg State University, Saint Petersburg, Russia

* Corresponding author (n.fedotova[at]spbu.ru)

Abstract

The article discusses the functional and semantic features of indefinite-personal sentences used in news headlines. The research material is news headlines found in the "Argumenty i Fakty" online news outlet and collected for the period from September 25, 2020 to December 31, 2020. The multilateral analysis of news headlines makes it possible to clarify the pragmatic functions of this type of media text. The purpose of this article is to develop a functional and semantic classification of vaguely personal sentences that are used in online news headlines. Based on the results obtained, it was concluded that indefinite-personal sentences are widely used in news headlines due to the optional mention of a specific subject of action in them, which makes it possible for recipients to focus on the event itself.

Keywords: indefinite-personal sentences; semantics; classification; news headlines; mass media; "Argumenty i Fakty".

Введение

Сегодня Интернет стал основным каналом получения информации. В связи с этим новости, публикуемые на Интернет-порталах, играют важную роль в жизни современного человека. Заголовки новостей не только знакомят читателей с актуальными событиями, но и предоставляют возможность оценивать общественные процессы, действия организаций и т.д.

Авторы новостей заботятся о расширении читательской аудитории, поэтому стараются разнообразить языковые средства и синтаксическую структуру. В заголовках новостей достаточно распространены различные виды односоставных предложений, из которых наиболее частотными являются неопределенно-личные предложения (НЛП).

По мнению Е.С. Скобликовой, «неопределенно-личные предложения – это односоставные предложения, которые обозначают действие безотносительно к действующему лицу» [1, С. 131]. В таких предложениях главный член представлен глаголом в форме 3-его лица мн. ч.: именно форма множественного числа представляет собой важнейшую характеристику неопределенно-личных предложений и создает их особое грамматическое значение – неважно, кто является производителем действия [2]. Такая безотносительность конкретного исполнителя к называемому действию/факту позволяет сосредоточить внимание на характере обозначаемой деятельности/факта, что должно в максимальной степени соответствовать потребностям и ожиданиям адресата.

В данной статье представлен семантический анализ неопределенно-личных предложений, используемых в новостных заголовках, которые размещены на Интернет-портале «Аргументы и факты».

Методы исследования

В ходе исследования были использованы следующие методы: аналитический, метод сплошной выборки, метод компонентного анализа, метод контекстуального анализа.

Семантический анализ неопределенно-личных предложений, представленных в новостных заголовках

В научной литературе по функциональной прагматике описаны разные критерии классификации газетных заголовков. О.Ю. Космачева выделяет три наиболее характерных функционально-прагматических типа заголовков в СМИ, различающихся по роли заголовка в представлении информации и по интенциональной установке адресанта: фактуальные, персуазивные и директивные [3]. Большинство неопределенно-личных предложений используется в фактуальных новостных заголовках. Кроме того, такая синтаксическая структура в наибольшей степени соответствует нормам разговорного стиля, который сейчас активно внедряется в публицистику, поскольку сближает автора текста и читателя. Благодаря этому новостной текст становится более живым: субъект действия не упоминается, внимание реципиента сосредоточено на самом событии.

По мнению А.М. Пешковского, отсутствие подлежащего в неопределенно-личных предложениях имеет особый смысл: «<...> подлежащее не случайно недосказано, а намеренно устранено из речи, намеренно представлено как неизвестное, неопределенное» [4, С. 371]. Это означает, что при использовании НЛП важна не роль конкретного лица-производителя действия, а само событие/действие. При этом оно может быть динамическим. В этом случае с помощью неопределенно-личных предложений может описываться часть процесса:

Более 28 тысяч человек обследовали на COVID-19 в Петербурге (АиФ, от 25.09.20) [8].

Рема высказывания представлена глаголом СВ мн. ч. прош. вр. (*обследовали*), при этом субъект действия не назван, но легко определяется реципиентом, поскольку имеется распространитель (*на COVID-19*) и обозначен объект действия (*более 28 тысяч человек*). Согласно мнению О.Ю. Плехановой, подлежащее в таких сообщениях (если оно возможно) резко сужает значение предложения и меняет характер информации [5, С. 184]. Важную роль в определении действующих лиц играют обстоятельственные словоформы (например, *в больнице, в ШОС, в полиции*), которые ограничивают и конкретизируют круг действующих лиц [6, С. 96].

Причины отсутствия определенного действующего лица в новостных заголовках могут быть следующими:

- а) субъект действия неизвестен автору;
- б) нет возможности назвать каждого исполнителя действия;
- в) название субъекта избыточно.

В анализируемых заголовках новостей, в которых использованы НЛП, нами обнаружены все эти прагматические ситуации.

Однако независимо от прагматической ситуации цель автора, который выбирает структуру неопределенно-личного предложения, состоит в том, чтобы, исключив субъекта действия, обратить внимание читателя на характеристику события или само действие.

Проанализируем ситуации, в которых используются неопределенно-личные предложения.

- а) Субъект действия неизвестен автору.

Если субъект действия неизвестен автору новостей, НЛП часто используются в заголовках новостей, связанных с событиями в культурной сфере:

- *В Египте обнаружили захоронение с саркофагами* (АиФ, от 15.11.20) [8].

Из этого заголовка читателю нетрудно понять, что субъектом действия *обнаружить* является археолог, но на самом деле этих субъектов может быть несколько. Автор новости, скорее всего, не знает, сколько именно было производителей действия, поэтому использует неопределенно-личное предложение, описывая только место, где произошло событие, и только событие.

- б) Нет возможности назвать каждого исполнителя действия.

К заголовкам, в которых отражена данная прагматическая ситуация, можно отнести заголовки о новостях науки, предназначенных для популяризации научных открытий. Ясно, что субъектами действий являются ученые, изобретатели, конструкторы. Тем не менее авторы новостей выбирают неопределенно-личные предложения, так как из-за ограничений объема заголовка не имеют возможности перечислить всех исполнителей:

- *В NASA считают, что освоение Луны поможет вести поиск внеземных цивилизаций* (АиФ, от 25.09.20) [8];

В большинстве таких заголовков используются уточняющие детерминанты (*в NASA, в РЖД, в Минздраве*), которые могут указывать на группу действующих лиц.

Неопределенно-личные предложения часто встречаются в сообщениях о спортивных событиях:

- *Во Франции приостановили проведение ряда футбольных турниров до декабря* (АиФ, от 29.10.20) [8].

Здесь употребление неопределенно-личных предложений предполагает, что за непосредственными действиями стоит коллектив (спортивный комитет, организация, ведомство и т.п.), но не указываются конкретные лица (президент МОК, члены Исполкома НОК и др.).

- в) Называние субъекта избыточно.

В 2020 г. из-за особой экстремальной ситуации, связанной с распространением коронавирусной инфекции по всему миру, доминировали новости о пандемии:

- *В России за последние сутки выявили 7212 случаев коронавируса* (АиФ, от 25.09.20) [8].

В таких новостных заголовках часто используется глагол *выявить* в форме 3-его лица мн. ч. прош. вр. для того, чтобы показать, каковы масштабы распространения коронавируса за прошедший период времени.

Новости политической и общественной жизни связаны с повседневной жизнью и интересами всего человечества. Читатели хотят быстро получить краткую информацию об актуальном событии, и такая потребность может быть удовлетворена именно с помощью неопределенно-личных предложений, поскольку в этих синтаксических структурах действие обозначается безотносительно к конкретному его исполнителю, что позволяет акцентировать внимание на факте/событии, на характере описываемой деятельности [7, С. 140]. Представляет интерес то обстоятельство, что в неопределенно-личных предложениях, используемых в заголовках таких новостей, используются глаголы во всех временных формах (что произошло, что происходит сейчас, что ожидается в будущем):

- *В России хотят убрать ряд специальностей сферы обслуживания недвижимости* (АиФ, от 03.11.20) [8];

- В Петербурге **разрешили** ресторанам в праздники открыть зимние террасы (АиФ, от 24.12.20) [8];
- В ГД **вносят** законопроект о химической кастрации педофилов - Известия (АиФ, от 26.10.20) [8].

Некоторые заголовки политических новостей также вписываются в данную прагматическую ситуацию:

- В Кремле **прокомментировали** отставку президента Киргизии (АиФ, от 15.10.20) [8].

Субъектом действия *прокомментировать* является пресс-секретарь президента РФ Дмитрий Песков. Как известно, в СМИ слово “Кремль” используется в значении ‘российские высшие государственные органы’. Что касается конкретного государственного чиновника, который *прокомментировал*, то его имя и фамилия абсолютно неважны, так как он излагает позицию правительства РФ.

В зависимости от того, кто является производителем действия, неопределенно-личные предложения в заголовках новостей можно условно разделить на следующие типы:

- а) НЛП, использованные для описания организованной коллективной деятельности:

- В Евросоюзе **прокомментировали** призывную кампанию в Крыму (АиФ, от 15.10.20) [8].

Очевидно, что действующими лицами является пресс-секретарь ЕС или представители стран Евросоюза. Хотя официальные решения принимаются чиновниками разных уровней, предложения *В Евросоюзе прокомментировали* призывную кампанию в Крыму и *Представитель Евросоюза прокомментировал* призывную кампанию в Крыму вряд ли можно рассматривать как полностью синонимичные. В неопределенно-личных предложениях подчеркивается, что существует некая коллективная организация, которая стоит за конкретным лицом, осуществившим указанное действие, но этот конкретный субъект только передает мнение или решение организации, представителем которой он является.

- б) НЛП, сообщающие о “персональных” действиях одного или нескольких лиц. Причиной использования этого вида односоставного предложения является то, что действующее лицо неизвестно:

- «Старушки для битвы». Как **обманывают** при продаже мобильных (АиФ, от 25.09.20) [8].

Автор заголовка подчеркивает, что субъект действия в данный момент неизвестен: например, не установлены имена нечестных продавцов, работающих в салонах связи. В таких сообщениях наблюдается «размывание» субъекта действия, в результате чего внимание читателя привлечено только к самому событию. Эта разновидность неопределенно-личных предложений позволяет выявить их семантическую специфику.

- в) НЛП, которые используются исключительно для сообщения факта. Сказуемое отражает основное содержание предложения, поэтому субъект, совершающий действие, не имеет значения:

- Метро «Театральная» **построят** без выхода к Мариинскому театру (АиФ, от 25.09.20) [8];

Глаголы в этих предложениях используются в форме 3-его лица мн. ч. с целью подчеркнуть само событие.

На рис. 1 приведены виды прагматических ситуаций, отраженных в новостных заголовках, в которых использованы неопределенно-личные предложения.

Рис. 1. Прагматические ситуации для использования неопределенно-личных предложений (на примере заголовков новостей)

Заключение

Анализируя неопределенно-личные предложения в заголовках новостей на сайте «Аргументы и факты», мы обнаружили, что чаще всего данный вид односоставных предложений встречается в информационных и аналитических жанрах.

С функционально-прагматической точки зрения, заголовки-НЛП чаще всего используются в ситуациях, различающихся по степени неопределенности действующего лица:

- 1) субъект действия неизвестен автору;
- 2) нет возможности назвать каждого исполнителя;
- 3) название субъекта избыточно.

В зависимости от производителя действия неопределенно-личные предложения в заголовках новостей можно условно разделить на три типа:

- 1) НЛП, использованные для описания организованной коллективной деятельности;
- 2) НЛП, сообщающие о “персональных” действиях одного или нескольких лиц;
- 3) НЛП, которые используются как сообщение о факте, где неважно действующее лицо.

В целом, значение этой синтаксической конструкции в заголовках новостей заключается в том, что в НЛП не упоминается конкретный субъект действия, поэтому реципиент фокусирует внимание на самом событии.

Таким образом, результаты исследования семантических характеристик неопределенно-личных предложений в заголовках новостей могут помочь журналистам повысить эффективность передачи информации и привлекательность заголовков, тем самым предоставляя возможность читателю просматривать только нужные ему новости.

Конфликт интересов

Не указан.

Conflict of Interest

None declared.

Список литературы / References

1. Скобликова Е.С. Современный русский язык. Синтаксис простого предложения (теоретический курс): уч. пособие. 4-е изд., стер. / Е.С. Скобликова. – М.: Флинта, 2012. – 320 с.
2. Рыженко Ю.А. Семантико-грамматическая организация глагольно-личных односоставных предложений / Ю.А. Рыженко // Культурная жизнь юга России. Филология и журналистика. – 2014. – № 2(53). – С. 87–91.
3. Космачёва О.Ю. Заголовок как дискурсивное пространство смысловой реализации фраземы (на материале электронных СМИ) / О. Ю. Космачёва // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия Русский и иностранные языки и методика их преподавания. – 2013. – № 1. – С. 42–47.
4. Пешковский А.М. Русский синтаксис в научном освещении / А.М. Пешковский. – М.: Гос. учеб.-пед. изд-во М-ва просвещения РСФСР, 1956. – 512 с.
5. Плеханова О.Ю. Функционирование неопределенно-личных предложений в региональной прессе (на материале газет юга Тюменской области) / О.Ю. Плеханова // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Филология. Журналистика. – 2013. – № 1. – С. 183–186.
6. Пипченко Н.М. Современный русский язык: Синтаксис словосочетания и простого предложения / Н.М. Пипченко. – Минск: БГУ, 2008. – 196 с.
7. Данилова Е.А. Специфика функционирования глагольных односоставных предложений в рекламном слогане / Е.А. Данилова // Вестник Чувашского государственного педагогического университета им. И.Я. Яковлева. – 2017. № 1(93). С. 55–60.
8. AiF — «Аргументы и факты» [Электронный ресурс]. — URL: <https://spb.aif.ru/> (дата обращения: 25.09.2020–31.12.2020).

Список литературы на английском языке / References in English

1. Skoblikova Ye.S. Sovremennyy russkiy yazyk. Sintaksis prostogo predlozheniya (teoreticheskiy kurs): uchebnoye posobiye [Modern Russian language. Syntax of a simple sentence (theoretical course): coursebook] / Ye. S. Skoblikova. 4th Ed., stereotypic. – Moscow: Flinta, 2012. – 320 p. [in Russian]
2. Ryzhenko YU.A. Semantiko-grammaticheskaya organizatsiya glagol'no-lichnykh odnosostavnykh predlozheniy [Semantic-grammatical organization of verbal-personal one-piece sentences] / Yu.A. Ryzhenko // Kul'turnaya zhizn' yuga Rossii. Filologiya i zhurnalistika [Cultural life of the South of Russia. Philology and journalism]. – 2014. – No 2(53). – P. 87–91. [in Russian]
3. Kosmacheva O.Yu. Zagolovok kak diskursivnoye prostranstvo smyslovoy realizatsii frazemy (na materiale elektronnykh SMI) [The title as a discursive space of the semantic realization of a phraseme (based on the material of electronic media)] / O. Yu. Kosmacheva // Vestnik Rossiyskogo universiteta druzhby narodov. Seriya Russkiy i inostrannyye yazyki i metodika ikh prepodavaniya [Bulletin of Peoples' Friendship University of Russia. Series Russian and foreign languages and methods of teaching them]. – 2013. – No 1. – P. 42–47. [in Russian]
4. Peshkovskiy A.M. Russkiy sintaksis v nauchnom osveshchenii [Russian syntax in scientific coverage]. – Moscow: State Education and Pedagogical Publishing House of the Ministry of Education of the RSFSR, 1956. – 512 p. [in Russian]
5. Plekhanova O.Yu. Funktsionirovaniye neopredelenno-lichnykh predlozheniy v regional'noy presse (na materiale gazet yuga Tyumenskoy oblasti) [The functioning of indefinitely personal sentences in the regional press (based on the material of newspapers in the South of the Tyumen region)] / O. Yu. Plekhanova // Vestnik Voronezhskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Filologiya. Zhurnalistika [Proceedings of Voronezh State University. Series: Philology. Journalism]. – 2013. – No 1. – P. 183–186. [in Russian]
6. Pipchenko N.M. Sovremennyy russkiy yazyk: Sintaksis slovosochetaniya i prostogo predlozheniya [Modern Russian language: Syntax of a phrase and a simple sentence] / N.M. Pipchenko. – Minsk: BGU, 2008. – 196 p. [in Russian]
7. Danilova Ye. A. Spetsifika funktsionirovaniya glagol'nykh odnosostavnykh predlozheniy v reklamnom slogane [The specifics of the functioning of single-component verbal sentences in an advertising slogan] / Ye.A. Danilova // Vestnik Chuvashskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta im. I.Ya. Yakovleva [Bulletin of the Chuvash State Pedagogical University named after I.Ya. Yakovlev]. – 2017. – No 1(93). – P. 55–60. [in Russian]
8. AiF – The Arguments and Facts. [Electronic resource]. URL: <https://spb.aif.ru/> (accessed: 25.09.2020–31.12.2020).

DOI: <https://doi.org/10.23670/IRJ.2021.112.10.095>

КЛАССИФИКАЦИЯ ЛИНГВИСТИЧЕСКИХ ИГР

Научная статья

Фокина М.С.*

ORCID: 0000-0003-1790-9416,

Российский государственный педагогический университет им. А.И. Герцена, Санкт-Петербург, Россия

* Корреспондирующий автор (aivengomag[at]gmail.com)

Аннотация

Статья посвящена вопросу классификации англоязычных лингвистических игр. Несмотря на то, что попытки привести множество игр в организационное единство предпринимались с середины прошлого века, таксономический результат предпринятых изысканий не удовлетворяет всем нуждам лингвистического исследования. Цель статьи состоит в том, чтобы предложить классификацию лингвистических игр, которая представила бы ее элементы как иерархическую организованную систему единиц разной величины и сложности, являющихся скорее формой выражения языка, чем интеллектуальной деятельностью или стилистическим приемом. Для составления классификации был применен уровневый подход Э. Бенвениста, в результате которого было установлено, что некоторые игры проявляют черты смежных языковых уровней и являются точками перехода к более сложным и организованным языковым единствам.

Ключевые слова: лингвистическая игра, игра слов, уровни лингвистического анализа, лудические операции, двойственная природа языка, единица языка.

CLASSIFICATION OF LANGUAGE GAMES

Research article

Fokina M.S.*

ORCID: 0000-0003-1790-9416,

Herzen State Pedagogical University of Russia, Saint Petersburg, Russia

* Corresponding author (aivengomag[at]gmail.com)

Abstract

The article is devoted to the issue of classification of the English language games. Though the attempts of investigating and organizing multiple language amusements have been taken since the middle of the XXth century the result does not satisfy the needs of linguistic research. This article is aimed at fulfilling the classification that would reveal the interdependence of smaller and larger language units and display a language game as a manifestation of a language rather than an activity or device. For this purpose, the variety of language games were contemplated through the prism of E. Benveniste's approach and disposed into the hierarchy of interconnected levels. The result reveals that some games gain ambiguous features from adjacent levels and convey the complex nature of a language.

Keywords: language game, wordplay, levels of linguistic analysis, ludic operations, ambiguous nature of language, language unit.

Introduction

The study of language games and wordplays though started back in the middle of the XXth century still rises growing concern among linguists and logologists. The linguists dedicated to thorough research of various language phenomena are predisposed to maintain a cogent connection between the stylistic functioning of a language and the domain of a human's recreational activity. According to the prevalent linguistic approach, language games and wordplays are treated as a speech play conveying humorous and esthetical effects achieved through buffoonery and wittiness [2, P. 172-173, 214]. Thus, the object of linguistic research is represented by play on words such as puns of paronomasia ("Casting my perils before swains" M. McLuhan), puns of antanacrisis ("Your argument is sound, nothing but sound" B. Franklin), and puns of syllepsis or zeugma ("Here thou, great Anna! whom three realms obey I Dost sometimes counsel take—and sometimes tea" A. Pope). On the other hand, in the field of recreational linguistics language games and wordplays are notable for their ambiguous nature. Not only do they serve as means of joking and witty talk but also compile amusing intellectual activities, the interplay of elements of language that, according to D. Morice, achieves a linguistic "special effect" beyond ordinary communication [9]. Language amusements encompass thuswise puns and other language games such as flats, crosswords, and nursery rhymes enlarging the range of objects for further research. This article is aimed at fulfilling the complex classification of language games which appreciates both stylistic and recreational needs.

The earlier attempts of composing the classification of language games were undertaken by foreign as well as Russian researchers. Thus, D. Liubich compares language games with lego toys whose elements are interconnected by means of ludic transitions. According to D. Liubich, there are four types of ludic transitions: from a formal / semantic condition to a known structure (word, sentence, text) / a new structure [1, P. 8]. As for the formal condition, the plane of expression is paramount for the result of a game (the presence of certain letters and their combinations) whereas the content plane plays the key role in the semantic condition. Taking into account the foregoing features, one can hardly separate formal and semantic conditions for the majority of language games which makes the classification of games based on the divisions of transitions relative. For instance, the anagram is widely used as a separate game and as a ludic device for major games. Formal features of anagrams are revealed in the game Word Ping-Pong which supposes players to develop an anagram chain irrespective of the meaning of its elements (last – lash – cash – past – pant – ...). At the same time, the wordplay Espygram requires anagrams suitable both in form and meaning for a light verse. Here is the sample of Espygram from *The Game of Words* by W. Espy [8, P. 40]:

Drinking Song
 He **** for gold,
 As I for ale;
 I've **** of this:
 Of that has he.
 For me a kiss
 **** Holy Grail;
 He'd go cuckold
 To **** a fee.
 Yet, ****! I wist
 (And I'd **** bail)
 He'd pay fourfold
 To be like me.

(Answer: opts, pots, tops, spot, stop, post)

The logologist R. Eckler offers the following brief taxonomy of language games [6, P. 10-11]. According to the patterns of words, language games are subdivided into those based on single-word patterns (palindromes, tautonyms), multiple-word patterns (pangrams, word squares), and patterns dependent on alphabetic order. According to the operations on words, there are language games based on elementary operations (deletion, insertion) and complex operations (combinations of deletion, insertion, and transposition of letters). According to the relationship between sight and sound in words, R. Eckler singles out games based on homonymy (bear - bare), silent letters (aisle, rendezvous), added letters, and reduced syllables (aged - staged). It should be noted that R. Eckler's approach covers a great variety of language games and elaborates specific ludic devices as well as linguistic phenomena laid in their structure. However, the object of a game with the approach applied is narrowed to a separate word. Consequently, all language games should have been treated as mere word recreations, irrespective of larger semantic units or graphical elements. Thus, there are language games which do not match R. Eckler's classification, such as Enigma – a riddle or a pun based on an obscure or ambiguous allusion. Though made of interdependent words, Enigma requires a nontrivial answer resulted of the transposition of images and concepts rather than letters and sounds. One of the famous Enigmas is the biblical riddle of Samson, the last Israeli judge. According to the Book of Judges, Samson had killed a lion and later found that a hive of bees had made honey in the lion's carcass. He posed the riddle to the Philistines, who agreed to let him go if he could ask them a riddle that they could not solve [10, P. 162]:

Out of the eater came something to eat;
 Out of the strong came something sweet.
 Answer: A honeycomb in the body of a dead lion.

Another play that does not fit the classification is Emblematic Poetry. The result of the amusement is a stanza shaped like its subject matter. Thus, the plain of expression comes equally to the plain of content creating the unity of form and meaning. According to C. C. Bombaugh, Emblematic Poetry was popular during the seventeenth century. The following poem is written by G. Wither (1588-1677). Its form reveals the tension and climax of a farewell [4, P. 94].

Rhomboidal Dirge
 Farewell,
 Sweet groves, to you!
 You hills that highest dwell,
 And all you humble vales, adieu!
 You wanton brooks and solitary rocks,
 My dear companions all, and you my tender flocks!
 Farewell, my pipe! and all those pleasing songs whose moving strains
 Delighted once the fairest nymphs that dance upon the plains.
 You discontents, whose deep and over-deadly smart
 Have without pity broke the truest heart,
 Sighs, tears, and every sad annoy,
 That erst did with me dwell,
 And others joy
 Farewell!

Results

The obstacle for compiling a comprehensive classification lays in the supposition that language games serve as a manifestation of language in its complexity. A possible solution seems in the investigation of ludic values and operations applied to language units, following the structural hierarchy of language levels, suggested by a well-known Belgian linguist E. Benveniste at the IX International Congress of Linguists [3, P. 101-112] and accepted by most scholars today if not in its entirety, then at least as the basis for further elaboration and development.

Thus, all language games could be classified according to the levels of linguistic analysis. The material of the analysis consists of more than 500 language games and wordplays borrowed from H. Eiss's *Dictionary of Language Games, Puzzles and Amusements* [7].

To begin with, *phono-graphical level* is presented by language games with the smallest structural units of language in oral (phonemes) and written (graphemes) manifestations. The object of the game is to gain the result by ludic operations with sounds and letters. Abbreviations serve as a vivid example of phono-graphical games. If done consistently for a lengthy

passage or an entire book, Abbreviations result in a literary dialect. Here is the first paragraph from Ch. Dicken's *A tale of Two Cities* in full and mutilated forms.

(original) *It was the best of times, it was the worst of times, it was the age of wisdom, it was the age of foolishness, it was the epoch of belief, it was the epoch of incredulity, it was the season of Light, it was the season of Darkness, it was the spring of hope, it was the winter of despair, we had everything before us, we had nothing before us <...>*

(abbreviated) *T ws th bst f tms, t ws th wrt f tms, t ws th ag f wdm, t ws th ag f fls, t ws th eph f blf, t ws th eph f icdty, t ws th ssn f Lgt, t ws th ssn f Dks, t ws th spg f hp, t ws th wtr f dspr, w hd evythg bfr s, w hd nthg bfr s <...>*

Morphological level is represented by language games with the smallest meaningful units of language (morphemes). There are such games as Prefixes and Suffixes in which participants should find as many words with the designated affixes as possible. The game Beheadment stays on the border of phono-graphical and morphological levels since the new word is produced by removing the keyword's first letter which could be either a prefix or a mere grapheme (amoral – moral, cluck – luck).

Lexical level is composed of language games with words and word collocations. The cluster of lexical games is rich with various amusements. Though the object of a game is an independent word or short phrase the lexical level games are strongly connected to phono-graphical and morphological ones. For instance, one of the most popular word games in the world is Scrabble. Scrabble is a crossword game played on a fifteen by fifteen grid with a set of one hundred letter tiles, each of which has a certain number value. In general, players should make up words in the grid in the crossword manner out of the seven random letter tiles. On the one hand, the minimal operating unit in the game is a grapheme noted on a letter tile, on the other – the combination of letter tiles could produce a word consisting of a single morpheme (e.g. play) or a lexeme (playful). The process of decision-making in the game displays the interdependence of the hierarchy of language levels.

Syntactical level consists of language games with larger lexical units such as a sentence or a text. A common representative of this level involves the group writing of a story as in the Consequences game. Each player is given a sheet of paper and starts by writing at the top an adjectival phrase descriptive of a male person. The top of the paper is then folded over to hide the phrase, and the paper is passed to the next player. The entire listing consists of the descriptions of a man, a woman, a place where they met, and other circumstances. The finished papers are read aloud with the transitional phrases included. The collective writing usually results in humorous ideas and unexpected twists of the story:

The happy energetic Mr. Simphins met the modest Miss Robinson in the Thames Tunnel. He gave her a sly glance, and said to her, 'Do you love the moon?'. She replied, 'Not if I know it'. The consequence was they sang a duet, and the world said, 'Wonders never cease'.

Another type of syntactical games is a game with a ready-made text such as Anguish languish. The Anguish languish is a term used by H. Chase for elaborate puns of paronomasia. For purposes of humor, he would replace the words of familiar folk tales with other syntactically related shorter words similar in sound but unrelated in meaning. This is a sample from *Little Red Riding Hood* rewritten in the Anguish languish [5, P. 19-20]:

(original) *Once upon a time there was a little girl who lived with her mother in a little cottage on the edge of a large, dark forest. This little girl often wore a pretty little red cloak, with a little red hood, and for this reason, people called her Little Red Riding Hood.*

(The Anguish languish) *Wants pawn term, dare worsted ladle gull hoe lift wetter murder inner ladle cordage, honor itch offer lodge dock florist. Disk ladle gull orphan worry ladle cluck wetter putty ladle rat hut, an fur disk raisin pimple colder Ladle Rat Rotten Hut.*

The creator of Anguish speculates on the advantages of the language. They are fun, verbal economy, attention, dialect-free space, improvement of English skills, and wide usage [5, P. 11-18]. In fact, Languish demonstrates the similar values presented by L. Shcherba's *Glokaya kuzdra*. In Anguish translation all word collocations are meaningless, but clusters of phonemes are real and – to some extent – provide enough semantics for the phrase to be perceived as a meaningful text hidden behind the homophonic transformation.

Conclusion

The foregoing classification presents an attempt to organize the variety of English language games according to the level principle of linguistic analysis. The main advantage of this approach is the conception of language amusements as the hierarchy of elements of a language structure rather than separate activities, devices or ludic operations. The ludic activity based on language units is not separated from the language but displays its manifestations in multiple forms. However, it seems impossible to put all the variety of language games into strict borders ignoring its complex ambiguous nature. Thus, there are games which lay between the borders of language levels serving as uniting elements in hierarchy of language units.

Конфликт интересов

Не указан.

Conflict of Interest

None declared.

Список литературы / References

1. Любич Д. В. Лингвистические игры / Д. В. Любич. – Санкт-Петербург: Издательство Буковского, 1998. – 272 с.
2. Русская разговорная речь. Фонетика. Морфология. Лексика. Жест / отв. ред. Е. А. Земская. – М.: «Наука», 1983. – 239 с.
3. Benveniste E. Problems in general linguistics / E. Benveniste. – Miami: University of Miami Press, 1971. – 371 p.
4. Bombaugh C. Oddities and curiosities of words and literature / C. Bombaugh. – New York: Dover Publications, 1961. – 388 p.
5. Chace H. Anguish languish / H. Chace. – New Jersey: Prentice Hall, 1956. – 63 p.
6. Eckler R. Word recreations : games and diversions from Word Ways / R. Eckler. – New York: Dover Publications, 1979. – 135 p.

7. Eiss H. The Dictionary of Language Games, Puzzles, and Amusements / H. Eiss. – Westport: Greenwood Press, 1986. – 278 p.
8. Espy W. The game of words : the remarkable exuberance of the English language / W. Espy. – New York: Black Dog & Leventhal. – 2003. – 296 p.
9. Morice D. The Dictionary of Wordplay [Electronic Resource] / D. Morice. – New York: Teachers & Writers Collaborative, 2001. – 293 p. – [Electronic resource]. URL: <https://read.amazon.com/?asin=B00GDLGWNY> (accessed: 04.09.2021)
10. The Book of Judges : commentary / ed. by P. R. Ackroyd, A. R. C. Leaney, J. W. Packer. – Cambridge: Cambridge University Press, 1975/ 234 p.

Список литературы на английском языке / References in English

1. Ljubich D. V. Lingvisticheskie igry [Language Games] / D. V. Ljubich. – Sankt-peterburg: Bukovski Publishing house, 1998. – 272 p. [in Russian]
2. Russkaja razgovornaja rech'. Fonetika. Morfologija. Leksika. Zhest [Russian Colloquial Speech. Phonetics. Morphology. Lexis. Gesture] / edited by E. A. Zemskaja. – M.: «Nauka», 1983. – 239 p. [in Russian]
3. Benveniste E. Problems in general linguistics / E. Benveniste. – Miami: University of Miami Press, 1971. – 371 p.
4. Bombaugh C. Oddities and curiosities of words and literature / C. Bombaugh. – New York: Dover Publications, 1961. – 388 p.
5. Chace H. Anguish languish / H. Chace. – New Jersey: Prentice Hall, 1956. – 63 p.
6. Eckler R. Word recreations : games and diversions from Word Ways / R. Eckler. – New York: Dover Publications, 1979. – 135 p.
7. Eiss H. The Dictionary of Language Games, Puzzles, and Amusements / H. Eiss. – Westport: Greenwood Press, 1986. – 278 p.
8. Espy W. The game of words : the remarkable exuberance of the English language / W. Espy. – New York: Black Dog & Leventhal. – 2003. – 296 p.
9. Morice D. The Dictionary of Wordplay [Electronic Resource] / D. Morice. – New York: Teachers & Writers Collaborative, 2001. – 293 p. – [Electronic resource]. URL: <https://read.amazon.com/?asin=B00GDLGWNY> (accessed: 04.09.2021)
10. The Book of Judges : commentary / ed. by P. R. Ackroyd, A. R. C. Leaney, J. W. Packer. – Cambridge: Cambridge University Press, 1975/ 234 p.

DOI: <https://doi.org/10.23670/IRJ.2021.112.10.096>

КОМПАРАТИВНЫЕ СТРУКТУРЫ В НОВЕЛЛЕ «24 ЧАСА ИЗ ЖИЗНИ ЖЕНЩИНЫ» СТ. ЦВЕЙГА

Научная статья

Щелок Т.И.^{1,*}, Виноградова Н.Г.²¹ ORCID: 0000-0002-6512-9783;² ORCID: 0000-0002-2905-1042;^{1,2} Алтайский государственный гуманитарно-педагогический университет им. В.М. Шукшина, Бийск, Россия

* Корреспондирующий автор (ttschelok[at]rambler.ru)

Аннотация

В данной статье рассматриваются словосочетания, включающие элементы сравнения, обнаруженные в новелле «24 часа из жизни женщины» известного немецкоязычного писателя Стефана Цвейга. В работе анализируется и описывается структура компаративных конструкций: языковые единицы разных уровней, которые использовал автор для их создания. В качестве таковых выявлены: союз *wie*, сочетающийся с наречиями, существительными, предложными группами; союз *als* в единстве с прилагательными в сравнительной степени; парный союз *je...desto* в сложноподчиненном предложении; придаточные предложения с нереальным сравнением и союзным словом *wie*. Кроме того, предпринимается попытка толкования семантической составляющей ситуации, в которой присутствует сравнение.

Ключевые слова: немецкий язык, сравнение, языковая единица.

COMPARATIVE STRUCTURES
IN STEFAN ZWEIG'S "TWENTY-FOUR HOURS IN THE LIFE OF A WOMAN"

Research article

Shchelok T.I.^{1,*}, Vinogradova N.G.²¹ ORCID: 0000-0002-6512-9783;² ORCID: 0000-0002-2905-1042;^{1,2} Shukshin Altai State for Humanities and Pedagogy University, Biysk, Russia

* Corresponding author (ttschelok[at]rambler.ru)

Abstract

This article discusses phrases that include elements of comparison found in the novel "TWENTY-FOUR HOURS IN THE LIFE OF A WOMAN" by the famous German writer Stefan Zweig. The authors of the article analyze and describe the structure of comparative constructions: language units of different levels that the writer used to create them. As such, the following are identified: the conjunction *wie*, combined with adverbs, nouns, prepositional groups; the conjunction *als* in unity with adjectives in a comparative degree; the paired conjunction *je...desto* in a compound sentence; subordinate clauses with unreal comparison and the connective word *wie*. In addition, an attempt is made to interpret the semantic component of the situation that includes a comparison.

Keywords: German, comparison, language unit.

Для более полного и точного выражения своих замыслов, для создания неповторимого мира художественных произведений авторы используют различные средства, в число которых очень часто входит сравнение, – один из самых эффективных способов отражения и вербализации окружающей действительности, когда на уровне мыслей происходит сопоставление предметов и событий с последующим выявлением их сходств и различий с учетом имеющихся признаков. Научное изучение явлений с компаративной составляющей началось уже в античном мире, при этом сравнение рассматривалось в качестве основы познания и только с его помощью можно получить представление об некоем объекте [2]. Со временем оно стало междисциплинарным понятием, и сейчас, будучи среди прочего и языковой категорией, сравнение выступает средством оценок явлений предметного мира [4], вследствие чего способно «вызвать у читателей соответствующие ассоциации, определённые чувства и эмоции» [1, С. 137].

Вопросы присутствия и использования писателями в художественных текстах компаративных единиц привлекают внимание многих исследователей [3], [7], [8], [9], описывающих данное явление как на материале разных языков (русского, английского, немецкого), так и с учетом его разновидностей (образное, индивидуальное, метафорическое).

В данной статье анализируются компаративные структуры, обнаруженные в новелле «24 часа из жизни женщины» известного австрийского писателя, драматурга и журналиста Стефана Цвейга [10]. Приведем некоторые примеры сравнительных конструкций, обнаруженных путем случайного выбора в указанном тексте.

(1) *Diesmal aber blieben wir alle durch die erbitterte Diskussion vollkommen ineinander verhakt; und wenn einer von uns plötzlich aufsprang, so geschah es nicht wie sonst zu höflichem Abschied, sondern in hitzköpfiger Erbitterung, die, wie ich bereits vorwegzählte, geradezu rabiate Formen annahm* / Однако на этот раз у нас развернулась ожесточенная дискуссия, и если кто-то неожиданно вскакивал, то не для того, чтобы вежливо попрощаться, как это *обычно* происходило, а в пылу спора, который, *как я уже ранее упоминал*, стал бурным (Здесь и далее перевод наш. – Т. Щ.).

В данном предложении автор предлагает два сравнительных оборота, вводимых союзом *wie* – служебным словом, используемым в немецком языке для сопоставления предметов, процессов или явлений, обладающих признаками, выраженными в равной степени. Так, в первом случае с помощью словосочетания *wie sonst* мы знакомимся с поведением и манерами героев новеллы в привычной и новой ситуации, а во втором – придаточное предложение *wie ich bereits vorwegzählte* в очередной раз привлекает внимание читателя к тому, что с течением времени характер беседы не поменялся.

(2) *Die Pension, in der wir sieben wohnten, bot sich nach außen hin zwar als abgesonderte Villa dar – ach, wie wunderbar ging der Blick von den Fenstern auf den felsenerzackten Strand! -, aber eigentlich war sie nichts als die wohlfeilere Dependance des großen Palace Hotels und ihm durch den Garten unmittelbar verbunden, so dass wir Nebenwohner doch mit seinen Gästen in ständigem Zusammenhang lebten* / Пансион, в котором мы семеро жили, снаружи казался **частной виллой** и обладал **таким чудесным видом** из окон на причудливо испещренный скалами пляж; однако на самом деле он был ничем иным, **как частью большой гостиницы «Палас-Отель»** и соединялся с ней садом, так что мы находились в постоянном общении с ее гостями.

Этот пример также содержит несколько компаративных структур, однако они строятся с участием различных лексем. Союз *als* в приведенном контексте наделяет пансион противоположными качествами: с одной стороны, посредством данного связующего элемента происходит его сравнение со стоящим особняком шикарным домом, а с другой, осуществляется резкое изменение его статуса в мыслях читающего – это ничто иное как часть гостиничного комплекса! При этом наличие в сравнительном обороте отрицательного местоимения *nichts* делает контраст между кажущимся и реальностью еще более резким. Союз *wie* передает эмоциональное состояние, отражающее радость и восхищение видом из окон.

(3) *Es war nämlich mit dem Mittagszuge um 12 Uhr 20 Minuten (ich kann nicht umhin, die Zeit so genau wiederzugeben, weil sie ebenso für diese Episode wie als Thema jener erregten Unterhaltung wichtig ist) ein junger Franzose angekommen und hatte ein Strandzimmer mit Ausblick nach dem Meer gemietet: das deutete an sich schon auf eine gewisse Behäbigkeit der Verhältnisse* / Молодой француз прибыл дневным поездом в 12.20 (время необходимо указать точно, поскольку оно **также важно для этого эпизода, как и тема оживленной беседы**) и разместился в комнате с видом на море, что само по себе уже указывало на его состоятельность.

Для структурирования данного предложения Ст. Цвейг использовал классическое сочетание модального наречия *ebenso* и союза *wie*, с помощью чего сравниваются два одинаково важных для описываемой ситуации абстрактных понятия. Читатель видит, что для дальнейшего правильного понимания событий новеллы нужно обратить внимание на время прибытия одного из главных героев произведения.

(4) *Unter den meist älteren und kränklichen Gästen des Hotels wirkte seine Gegenwart wie eine Wohltat, und mit jenem sieghaften Schritt der Jugend, jenem Sturm der Leichtigkeit und Lebensfrische, wie sie so herrlich manchem Menschen zuteilt, war er unwiderstehlich in die Sympathie aller vorgedrungen* / На большей частью пожилых и мучимых недугами гостей отеля его присутствие действовало благотворно; своей молодостью, легкостью и жизнерадостностью, **которыми так щедро наделяется иной человек**, он сразу же завоевал всеобщую симпатию.

В приведенном примере вновь дважды присутствует союз *wie*. В первом случае он включен в конструкцию, сравнивающую пребывание молодого человека среди отдыхающих с неким добром, благодеянием, благодаря чему раскрываются его обаяние, шарм, притягательность, привлекающие к себе. Во втором случае союз входит в придаточное предложение, содержащее элемент сопоставления, связанный с наличием у француза определенных качеств, как у некоторых счастливчиков. Иначе говоря, компаративные структуры служат положительной характеристике персонажа.

(5) *Eher beunruhigt als neugierig eilte ich sofort die fünfzig Schritte hinüber und fand Gäste und Personal in durcheinanderstürmender Erregung* / **Скорее из-за беспокойства нежели любопытства** проделал я еще пятьдесят шагов и нашел гостей и персонал в необычайном волнении.

Союз *als* объединяет и сравнивает наречия *beunruhigt* и *neugierig*, уточняющие душевное состояние рассказчика при совершаемых им действиях, при этом один настрой преобладает и оказывается ведущим. Можно говорить о том, что названное служебное слово используется в своем типичном окружении, когда одна из лексем стоит в сравнительной степени, указывая тем самым на разный уровень выраженности качества.

(6) *So sagte ich ungefähr, und je mehr in dem nun aufknisternden Gespräch die anderen die arme Frau Henriette angriffen, desto leidenschaftlicher verteidigte ich sie (in Wahrheit weit über mein inneres Gefühl hinaus)* / Примерно такими были мои слова, и **чем больше в разгорающемся споре другие нападали на мадам Анриэт, тем более горячо я ее защищал** (что, по правде говоря, было далеко от моих внутренних убеждений).

Компаративная конструкция здесь представлена сложноподчиненным предложением с парным союзом *je ... desto* и стоящими в сравнительной степени наречиями. Ее использование иллюстрирует яркое различие в поведении и образе мыслей большинства собеседников и рассказчика, имеющего смелость им противостоять.

(7) *Aber mit einem merkwürdigen Ernst, gleichsam wie bei der Prüfung, stellte sie weiter ihre Fragen* / Однако со странной серьезностью – **как на экзамене** – она продолжала спрашивать.

Союз *wie* является частью обычного уточняющего словосочетания, посредством которого автор описывает настроение и поведение миссис К.: ее серьезность во время беседы за столом сопоставима с манерами экзаменатора, услышавшего нетипичное, отличное от других, мнение собеседника.

(8) *„Würden Sie – wenn Sie... wenn Sie verheiratet wären, eine solche Frau Ihrer Frau vorstellen, genau so, als ob nichts vorgefallen wäre?“* / «Если... если бы Вы были женаты, Вы познакомили бы свою жену с такой женщиной, **как будто ничего не произошло?**»

В качестве сравнительной конструкции здесь используется придаточное предложение с союзом *als ob*, выражающее нереальное сравнение: миссис К. заставляет рассказчика ответить на вопрос, касающийся перспектив знакомства его жены (если бы таковая была!) с женщиной, подобной мадам Анриэт. В данном контексте с помощью временной формы Plusquamperfekt Konjunktiv ситуация представляется соотнесенной с нереальными событиями прошлого, с умением человека понимать чувства и переживания другого, принимать или не принимать его образ действий и поведение.

Таким образом, анализ компаративных единиц новеллы «24 часа из жизни женщины» позволяет сделать вывод о том, что Стефан Цвейг применяет различные языковые средства и возможности для их создания. В тексте обнаружены сравнения, представленные сочетанием союза *als* и сравнительной степени прилагательного, союзом *wie*

и наречием (в т.ч. модальным), союзом *wie* и существительным, союзом *wie* и предложным словосочетанием, придаточным предложением с нереальным сравнением, придаточным предложением с союзом *wie*, сложноподчиненным предложением с парным союзом *je ... desto*. При этом выражаются семантические интенции автора широкого диапазона: от восхищения окружающей реальной действительностью и нейтрального отношения к ней до описания событий, никогда не могущих осуществиться. Сравнения придают определенный стилистический колорит, и если внимательно в них вчитываться и вдумываться, то можно насладиться глубиной языка художественного произведения и проникнуть в его суть.

Конфликт интересов

Не указан.

Conflict of Interest

None declared.

Список литературы / References

1. Аверьянова Н. А. Авторские образные сравнения в англоязычном художественном тексте / Н. А. Аверьянова // Профессиональное обучение и общество. – 2017. - №1(21). - С. 137-141.
2. Аристотель. Сочинения. В 4-х томах. Т. 1. / Аристотель. - М.: Мысль, 1976. - 550 с.
3. Баранова Т. В. Функции индивидуальных образных сравнений в художественном тексте жанра «комическое фэнтези»: лингвистический и переводческий аспекты / Т. В. Баранова, И. Г. Жирова // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Лингвистика. - 2021. - №2. - С. 73-80.
4. Дмитриева Е. И. Категория компаративности в разноструктурных языках (на материале английского, русского и немецкого языков) : дис. ... канд. филол. наук : 10.02.20 / Дмитриева Елизавета Дмитриевна. – Москва, 2012. - 127 с.
5. Козлова Л. А. Образное сравнение как одно из средств репрезентации авторской картины мира (на материале художественных текстов М. Этвуд) / Л. А. Козлова, М. М. Шляхова // Культура и текст. – Барнаул, 2021. - №2(45). - С. 170-187.
6. Морараш М. М. Сравнение как особый компонент художественного содержания текста (на примере романа В.В. Набокова «Машенька») / М. М. Морараш // Вестник Вятского государственного гуманитарного университета. - 2014. - С. 162-168.
7. Николаева Т. Н. Сравнение как репрезентант образа эпической природы / Т. Н. Николаева // Вестник Северо-Восточного федерального университета имени М.К. Аммосова. Серия Эпосоведение. – 2020. - №3 (19). - С. 75-85.
8. Тихонова Е. С. Образные сравнения с темпоральными существительными в средневерхненемецком рыцарском романе и эпосе / Е. С. Тихонова // Немецкая филология в Санкт-Петербургском государственном университете. Вып. VI: Константность и вариативность в немецком языке. – СПб., 2016. - С.109-119.
9. Черемисова Е. А. Специфика использования компаративных средств (образных сравнений и метафор) в романе Нэнси Митфорд *Pigeon Pie* / Е. А. Черемисова // Известия ВГПУ. Филологические науки. - 2019. - С. 188-192.
10. Zweig St. Vierundzwanzig Stunden aus dem Leben einer Frau. [Electronic resource] / St. Zweig. – URL: <https://clck.ru/YDUoS> (accessed: 27.07.2021). [in German]

Список литературы на английском языке / References in English

1. Aver'janova N. A. Avtorskie obraznye sravnenija v anglojazycznym hudozhestvennom tekste [Author's figurative comparisons in English-language fiction] / N. A. Aver'janova // Professional'noe obuchenie i obshhestvo [Vocational training and society]. – 2017. - №1(21). - P. 137-141. [in Russian]
2. Aristotel'. Sochinenija. V 4-h tomah. [Essays in four volumes. V. 1.] / Aristotel'. - M.: Mysl', 1976. - 550 p. [in Russian]
3. Baranova T. V. Funkcii individual'nyh obraznyh sravnenij v hudozhestvennom tekste zhanra «komicheskoe fjentezi»: lingvisticheskij i perevodcheskij aspekty [The Functions of Individual Figurative Comparisons in Comic Fantasy: Linguistic and Translation Aspects] / T. V. Baranova, I. G. Zhirona // Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta. Serija: Lingvistika [Bulletin of the Moscow State Regional University. Series: Linguistics]. - 2021. - №2. - P. 73-80. [in Russian]
4. Dmitrieva E. I. Kategorija komparativnosti v raznostrukturnyh jazykah (na materiale anglijskogo, russkogo i nemeckogo jazykov) [The Comparativity Category in Multistructural Languages (in English, Russian, and German) : dis. ... of PhD in Philologie : 10.02.20 / Dmitrieva Elizaveta Dmitrievna. – Moskva, 2012. - 127 p. [in Russian]
5. Kozlova L. A. Obraznoe sravnenie kak odno iz sredstv reprezentacii avtorskoj kartiny mira (na materiale hudozhestvennyh tekstov M. Jetvud) [Figurative comparison as one of the means of representation of the author's picture of the world (on the material of fiction texts of M. Atwood)] / L. A. Kozlova, M. M. Shljahova // Kul'tura i tekst [Culture and Text]. – Barnaul, 2021. - №2(45). - P. 170-187. [in Russian]
6. Morarash M. M. Sravnenie kak osobyj komponent hudozhestvennogo soderzhanija teksta (na primere romana V.V. nabokova «Mashen'ka») [Comparison as a special component of the artistic content of the text (on the example of the novel "Mashenka" by V. V. Nabokov)] / M. M. Morarash // Vestnik Vjatskogo gosudarstvennogo humanitarnogo universiteta [Bulletin of the Vyatka State Humanitarian University]. - 2014. - P. 162-168. [in Russian]
7. Nikolaeva T. N. Sravnenie kak reprezentant obraza jepicheskoj prirody [Comparison as a representative of the image of epic nature] / T. N. Nikolaeva // Vestnik Severo-Vostochnogo federal'nogo universiteta imeni M.K. Ammosova. Serija Jeposovedenie [Bulletin of M.K. Ammosov North-Eastern Federal University. Epic Studies Series]. – 2020. - №3 (19). - P. 75-85. [in Russian]

8. Tihonova E. S. Obraznye sravnenija s temporal'nymi sushhestvitel'nymi v sredneverhnenemeckom rycarskom romane i jepose [Figurative comparisons with temporal nouns in Middle Upper German chivalric romance and epic] / E. S. Tihonova // Nemeckaja filologija v Sankt-Peterburgskom gosudarstvenno universitete. Vyp. VI: Konstantnost' i variativnost' v nemeckom jazyke [German Philology at St. Petersburg State University. Vol. VI: Constancy and Variation in German]. – SPb., 2016. – P. 109-119. [in Russian]

9. Cheremisova E. A. Specifika ispol'zovanija komparativnyh sredstv (obraznyh sravnenij i metafor) v romane Njens i Mitford Pigeon Pie [Specifics of the use of comparative means (figurative comparisons and metaphors) in the novel of Nancy Mitford Pigeon Pie] / E. A. Cheremisova // Izvestija VGPU. Filologicheskie nauki [Izvestia VGPU. Philological Sciences]. – 2019. – P. 188-192. [in Russian]

10. Zweig St. Vierundzwanzig Stunden aus dem Leben einer Frau [24 Hours in the Life of a Woman] [Electronic resource] / St. Zweig. – URL: <https://clck.ru/YDUSS> (accessed: 27.07.2021). [in German]

DOI: <https://doi.org/10.23670/IRJ.2021.112.10.097>

ГРАММАТИЧЕСКАЯ КАТЕГОРИЯ ЧИСЛА В АНГЛИЙСКОМ И АДЫГЕЙСКОМ ЯЗЫКАХ

Научная статья

Ягумова Н.Ш.¹, Берестнева А.В.^{2,*}, МIRONENKO С.А.³

² ORCID: 0000-0002-8302-7377;

^{1, 2, 3} Адыгейский государственный университет, Майкоп, Россия

* Корреспондирующий автор (beralex777[at]rambler.ru)

Аннотация

Данная работа посвящена сравнительно-сопоставительному анализу категории числа имен существительных в английском и адыгейском языках как средству отражения когнитивной картины мира в сознании носителей сравниваемых языков. В статье рассмотрена грамматическая категория числа имен существительных, которая репрезентируется бинарной оппозицией единственного и множественного числа в английском и адыгейском языках и их способы образования. В работе представлен сопоставительный анализ показателей множественности имен существительных, а также субкатегории собирательности разноструктурных языков, относящихся к различным языковым семьям.

Ключевые слова: категория числа, сопоставительный анализ, бинарная оппозиция, флективный строй, агглютинативные характеристики, собирательные существительные.

GRAMMATICAL CATEGORY OF NUMBER IN THE ENGLISH AND ADYGHE LANGUAGES

Research article

Yagumova N.Sh.¹, Berestneva A.V.^{2,*}, MIRONENKO S.A.³

² ORCID: 0000-0002-8302-7377;

^{1, 2, 3} Adyghe State University, Maykop, Russia

* Corresponding author (beralex777[at]rambler.ru)

Abstract

The current article features a comparative analysis of the category of the number of nouns in the English and Adyghe languages as a means of reflecting the cognitive worldview in the minds of speakers of the compared languages. The authors examine the grammatical category of number, which is represented by the binary opposition of the singular and plural in the English and Adyghe languages, and its methods of formation. The article presents a comparative analysis of the indicators of the plurality of nouns, as well as the subcategory of the collectivity of different structural languages belonging to different language families.

Keywords: number category, comparative analysis, binary opposition, inflectional structure, agglutinative characteristics, collective nouns.

Введение

Современные тенденции развития науки о языке характеризуются проявлением интереса к типологическим исследованиям в связи с успехами структурной лингвистики в создании универсальных методов лингвистического анализа с одной стороны, и с насущными проблемами практики обучения языка и перевода с другой.

Одной из актуальных проблем в современной лингвистике является проблема сравнительно-сопоставительного изучения как родственных, так и генетически отдаленных друг от друга языков. «Даже близкородственные языки имеют глубокие индивидуальные различия в своей структуре» - писал известный лингвист В. Д. Аракин [1, С. 27].

Мысль о применении сравнения к неродственным языкам была высказана В.А. Богородицким в «Курсе сравнительной грамматики индоевропейских языков». Сравнение может быть не только генетическим или основанным на родстве языков, но также аналогическим, то есть можно сравнивать однородные явления и в языках неродственных [2, С. 87].

Сопоставительный метод, являясь средством изучения современного состояния языков, ставит своей целью установление типологического сходства разноструктурных языков, независимо от их происхождения. Всякая единица сопоставления должна сочетать в себе как общее, так и частное. Наконец, единица сопоставления должна охватывать целый класс однородных в грамматическом отношении слов. Такой единицей может служить грамматическая категория, одна из важнейших и наиболее изученных типов языковых категорий.

«Языковая категория – в широком смысле – любая группа языковых элементов, выделяемая на основании какого-либо общего свойства; в строгом смысле – некоторый признак, который лежит в основе разбиения обширной совокупности однородных языковых единиц на ограниченное число непересекающихся классов, члены которых характеризуются одним значением данного признака» [3, С. 215].

Грамматическая категория числа относится к разряду имманентных категорий, поскольку концепт «число», или «количество» относится к базовым концептам, составляющим концептуальную структурирующую систему языка и находящихся грамматическое выражение во всех или большинстве языков.

Предметом рассмотрения в данной статье является грамматическая категория числа в английском и адыгейском языках. В современной лингвистической литературе грамматическая категория определяется как система «противопоставленных друг другу рядов грамматических форм с однородными значениями» [11, С. 115], то есть основным признаком структуры грамматической категории признается оппозиция.

Морфологическая дистрибуция категории числа отличается многообразием средств вербализации данной категории в разноструктурных языках, а также разной организацией грамматической структуры: синтетизм, аналитизм, префиксация, суффиксация, внешняя и внутренняя флексии.

Целью исследования в работе является сопоставительный анализ показателей множественного числа имен существительных разноструктурных языков и субкатегории собирательности, принадлежащих к различным языковым семьям: английский к индоевропейским языкам, германской группе, а адыгейский язык к иберийско-кавказским языкам, абхазско-адыгской группе.

Основные результаты

Обратимся к универсальным способам выражения единичности и множественности в данных языках. Категория числа, отражающая количественные отношения между реальными предметами, прежде всего, привязана к имени существительному. Она закономерно затрагивает все основные разделы языковой структуры, а именно словарный состав, словообразование, морфологию и синтаксис.

Примечательно, что грамматическая категория числа в современном английском и адыгейском языках репрезентируется оппозицией единственного и множественного числа. В связи с этим следует отметить, что семантически грамматическая категория числа в данных языках очень близка: форма единственного числа указывает на то, что обозначаемый предмет представлен единично, а форма множественного числа определяет множество предмет.

В английском языке категория числа передается семами единичности и множественности, находящими своё выражение в формах единственного и множественного числа. Сема единичности в английском языке представлена только нулевой морфемой, например: *bed, glass, toy*.

В английском языке выявлены следующие способы образования форм множественного числа имен существительных: формальным показателем множественного числа является морфема *-(e)s*, которая присоединяется к основе существительного, например: *-s/es: plan – plans* ‘планы’, *brush – brushes*, ‘щетки’; *-en: ox – oxen* ‘быки’, *child – children* ‘дети’; в заимствованных словах: *-a: datum – data* ‘исходные величины’ (греческое заимствование); *curriculum – curricula* ‘расписание – расписания» (латинское заимствование); *-i: cactus – cacti* ‘кактусы’; *stimulus-stimuli* «стимулы» (латинское заимствование); *-ae: antenna – antennae* «антенна» (латинское заимствование); *x: bureau – bureaux* ‘бюро’ (французское заимствование) и т. д.).

Следует отметить, что, несмотря на внешний флективный строй, английский язык имеет агглютинативные характеристики. Как отмечает И. В. Шапошникова, «... у немногочисленных продуктивных словоизменительных суффиксов в современном английском языке просматривается агглютинативная техника в противовес распространенной во флективном древнеанглийском языке фузионной» [15, С. 27].

Отдельную группу в английском языке составляют слова с чередованием внутренней флексии. В пользу этого говорят следующие примеры: *goose – geese* ‘гуси’, *louse – lice* ‘вши’ и т.д.

В английском языке имеет место аналитизм, проявляющийся в единичности, индексируемой неопределенным артиклем *–a*, например: *a bag* ‘сумка- одна сумка’, *a toy* ‘игрушка – одна игрушка» и т.д. Более того, числа в английском языке также могут быть представлены супплетивными формами: *man* «человек» – *‘people* ‘люди» и т. д.). Наблюдаются существительные с омонимичными формами единственного и множественного числа: *‘one fish – five fish* ‘одна рыба – пять рыб».

Следует отметить существование в английском языке значительной группы существительных, у которых представлена только сема множественности, которая репрезентируется соответствующими морфемами числа и в формах согласования прилагательных, глаголов и местоимений. Это, прежде всего, существительные, обозначающие парные или составные предметы:

- *scissors* «ножницы»;
- *glasses* «очки»;
- *trousers* «брюки».

Часть таких существительных не совпадает, и в одном языке имеются существительные, в которых представлена только сема множественности, а в другом – существительные, в которых наблюдается противопоставление: сема единичность – множественность.

Что касается сложных слов, схема образования множественного числа немного другая. Как правило, окончание *–s* добавляется к главному слову: *editor-in-chief* «главный редактор» – *editors-in-chief* – «главные редакторы».

В случае отсутствия именной части в сложном слове, окончание *–s* добавляется в конце слова: *forget-me-not* «незабудка» – *forget-me-nots* – «незабудки».

В адыгейском языке, как и в английском языке, выражение количественности опирается на грамматическую категорию числа, в первую очередь имен существительных. Однако парадигма категории числа довольно своеобразна и обслуживает не только разные части речи, но и разные грамматические группировки слов внутри одной и той же части речи. При этом обнаруживаются порой больше общих черт сходства в разных частях речи, нежели в разных грамматических состояниях слов внутри одной части речи.

В адыгейском языке составляющими элементами категории числа в системе субъектно-объектных имен служит оппозиция единичности – множественности. Категория числа – это структурный признак именных и глагольных слов, но числовые противопоставления присущи не всем словам, входящим в эти классы.

По наличию или отсутствию числовых корреляций именные слова делятся на две группы:

1) Имена, характеризующиеся числовыми корреляциями. Такие имена в единственном числе оформляются нулевым показателем единичности, а во множественном числе – показателем множественности –хэ: *джанэ* «платье» *джанэ-хэ-р* «платья», *пчэны* «коза» *пчэн -хэ-р* «козы», *пшгашгэ* «девушкаа» *пшгашгэ-хэ-р* «девушки» и т.д. Вместе с тем,

подобные имена в предикативном состоянии индексируются тем же суффиксом, но без огласовки: джанэ-х «платья», пчэны-х «козы» пшъашъэ-х «девушки» и т.п.

2) Имена, не имеющие числовых противопоставлений, т.е. существительные, имеющие форму только единственного числа (*singularia tantum*). К ним относятся:

- а) слова, называющие небесные светила: тыгъэ «солнце», мазэ «луна»;
- б) слово, называющую видимую над землей атмосферу: уашъо «небо»;
- в) слова, указывающие на стороны света: кыблэ «юг», темыр «север», тыгъэкъокълъп «восток», тыгъэкъохъап «запад».

В адыгейском языке имеют место имена, не входящие в указанные группы, но используемые в контексте речи преимущественно в том или ином числе. Их соответственно можно условно выделить:

- 1) имена, употребляющиеся преимущественно в единственном числе. К ним относятся:
- а) вещественные имена: щатэ «сметана», тхъу «масло», шыгъу «соль», шъоу «мед», шъоушыгъу «сахар», и т.п.
- б) абстрактные имена: жъалымыгъэ «жестокость», пэгагъ «гордость», лыгъэ «мужество», гъаблэ «голод», фабэ «тепло», гукъау «горе», гушлагъо «радость» и т.д.

Предикативные имена маркируются в единственном числе нулевым суффиксом, а во множественном числе – положительным суффиксом –х, ср.: калэ «мальчик, юноша» – калэ-х «мальчики, юноши», чыгы «дерево» – чыгы-х «деревья».

Таким образом, категория числа в системе предикативных имен и глагола может быть классифицирована как словоизменительная грамматическая категория.

Числовые формы предикативных имен и глагола в адыгейском языке фиксируют синтаксические свойства слов, отражающие виды их связей с другими словами в контексте речи и, следовательно, являются формами согласования.

Во многих языках функции грамматического числа далеко не исчерпываются выражением количественных отношений между предметами и явлениями действительности. В сферу грамматических форм числа вовлечены не только наименования исчисляемых предметов, но также обозначения таких понятий как «собираемость», «абстрактность», «вещественность».

3) Имена, имеющие форму только мн.ч. (*pluralia tantum*).

В лингвистической литературе существуют разные точки зрения, касающиеся категории числа имен существительных, лишенных коррелятивной пары, в том числе и собирательных. Часть лингвистов рассматривают слова, не вступающие в бинарные противопоставления, вне грамматической категории числа. По словам А. А. Реформатского, «Особенность существительных *singularia* и *pluralia tantum* состоит в том, что они стоят вне грамматической категории числа, поскольку у этих существительных нет противопоставления двух форм». В данном случае он утверждает: «Нет числового противопоставления двух форм, нет и категории числа как несинтаксической категории» [12, С. 391]. В данном случае он рассматривает эти группы существительных как аномалии в грамматической системе языка, мотивируя это тем, что «нормальным» существительным присуща данная категория – противопоставление ед. и мн.ч. Другие лингвисты считают, что отсутствие одной из форм числа не может свидетельствовать об отсутствии у существительных категории числа вообще.

Как отмечает В.И. Дегтярев, универсальный характер категории собирательности строится не на оппозиции один предмет – много предметов, а на оппозиции один предмет – совокупность предметов [6, С. 23].

Собирательные существительные в английском языке (*Collective Nouns*) как и в других языках относятся к группам людей, животных или вещей, и рассматривают группу как отдельную единицу. Ниже даются примеры собирательных существительных – людей, работающих или живущих вместе, связанных одинаковыми функциями, целями или интересами, находящихся в одном и том же месте или равны по статусу, а примеры также вещей и животных: *army* «армия», *council* «совет», *jury* «жюри», *university* «университет», *enemy* «противник», *family* «семья», *crowd* «толпа»; *machinery* «машинное оборудование», *furniture* «мебель»; *herd* «стадо», *flock* «стая», *swarm* «рой», *cattle* «скот» и др.

Между тем, в адыгейском языке существительные *pluralia tantum* несколько отличаются от традиционных представлений, которые сложились о существительных такой группы в английском языке. В силу этого, в отношении существительных *pluralia tantum* в адыгведении встает вопрос: причислять ли к именам существительным указанной группы только те, существительные, которые всегда имеют форму мн. ч., или те, которые имеют названную форму только в определенном положении. Данная проблема объясняется тем, что адыгейский язык характеризуется слабой выраженностью противопоставления по числу имен существительных. Кроме этого, в адыгейском языке мало таких существительных, которые не могли бы иметь форму ед. ч.

В адыгейском языке отсутствуют существительные *pluralia tantum* подобно английским *scissors* «ножницы», *glasses* «очки», *trousers* «брюки». Но имеются такие, которые употребляются только в форме мн. ч. в определенном окружении, определенной позиции [9, С. 23]. З.И. Керашева и М.А. Кумахов рассматривают в адыгейском языке такие имена *pluralia tantum*, как слова с префиксальной морфемой зэ- зэныбджэгъухэр, зэшъэгъухэр «друзья», «товарищи», зэгъунэгъухэр «соседи» [10, С. 1070].

В целом, помимо названных существительных, в адыгейском языке можно отметить и другие группы слов, которые преимущественно употребляются в форме мн. ч. К ним следует отнести редулицированные имена: лъыжь-ныоужъхэр «пожилые», букв.: «старик-старухи», кълэлэ-гъуалэхэр «молодежь», букв.: «парни, ребята» и парные слова: шъуэ-кълэлэхэр «семья», букв. «жена-дети», пшъы-оркъхэр «князь-орки», букв.: «князь-орки», которые обозначают собирательную множественность.

Кроме значения множественности в собирательных существительных присутствует и различие. Это объясняется тем, что собирательное мн. ч. – это не набор одинаковых предметов, а совокупность похожих чем-то предметов, объединенных по какому-то общему признаку, и, в тоже время, чем-то различающихся. В основе общего признака может лежать: возраст, социальное положение, черты характера, повадки, внешний вид и т. д. Лексическое значение

формы простого мн. ч. конкретного существительного (кӀалэхэр «ребята») и значение формы мн. ч. редуцированного или парного слова с собирательным значением (кӀэлэ-гъуалэхэр «молодежь», букв.: «парни, ребята и прочие, подобные им»), не одно и то же. Компоненты сложных слов в отдельности образуют коррелятивный ряд ед. и мн. ч. (если значения компонентов ясны): пщы «князь» – пщыхэр «князья», оркъ «орк» – оркъхэр «орки»; лӀыжы «старик», нӀыожы «старуха», но образованные от них парные и редуцированные слова пщы-оркъхэр «князья-орки», лӀыж-нӀыожхэр «пожилые», букв.: «старик-старухи» обычно ставятся в форме мн. ч. и не образуют коррелятивного ряда (особенно при динамических глаголах). При этом они оформляются как одно морфологическое целое, при котором показатели числа и падежа присоединяются к последнему компоненту. Особое место в функционировании категории числа имеют имена существительные анумеральной семантики. К этой группе можно отнести собирательные, вещественные, затем слова, которые не изменяются по числам, но репрезентируют себя в числе – *singularia tantum* и *pluralia tantum*.

Собирательные имена существительных в английском языке большей частью употребляются в форме ед.ч. В адыгейском языке они имеют форму мн.ч., однако возможно их употребление в ед.ч. с дополнительным значением обобщенности.

И в том, и в другом языках абстрактные имена могут приобретать качество конкретности и наоборот, это происходит в свете развития абстрактных существительных на универсальном уровне; абстрактные имена употребляются преимущественно в ед.ч.

Бесспорно языковое значение собирательности, поскольку оно обусловлено общими свойствами человеческого мышления, присуще как английскому, так и адыгейскому языку, независимо от их типологических различий.

Собирательные имена в английском языке употребляются либо в ед.ч. со значением единства, либо в ед.ч. со значением единства и множества, либо представлены оппозицией ед.ч./ мн.ч.

В адыгейском языке, в отличие от английского языка, к словам, которые преимущественно употребляются в форме мн. ч. относятся редуцированные и парные слова, которые обозначают собирательную множественность.

В целом, интернумеральные понятия как «собирательность», «абстрактность» и «вещественность» еще крепче связывают грамматику и лексику. Так, по В.В. Виноградову, «категория числа имен существительных представляет собой сложный предметно-смысловой узел, в котором сплетаются разнообразные грамматические и лексико-семантические особенности существительных» [5, С. 140].

В этом плане следует заметить, что потребность языковыми средствами выразить единичность или неединичность в данных языках универсальна, при этом, каждый язык имеет свои лингвистические средства выражения категории числа.

Заключение

Таким образом, проведенное исследование выявило общие и частные свойства грамматической категории числа имен существительных в сопоставляемых языках.

Грамматическая категория числа в английском и адыгейском языках является универсальной и индексируется оппозицией форм единственного и множественного числа имен существительных. И в одном и другом языке имена, характеризующиеся числовыми корреляциями в единственном числе, оформляются нулевым показателем единичности, а во множественном числе – показателем множественности. При этом основа слов остается неизменной, окончания, в основном, агглютинативно присоединяются, не изменяя фонетического облика основы. Это говорит в пользу того, что в сопоставляемых языках, при образовании мн.ч., присутствуют агглютинативные характеристики со слабо выраженными флективными чертами в английском языке и с флективностью, широко представленной в адыгейском языке.

В отличие от адыгейского языка, в английском языке существует мн.ч. внутреннего образования, которое характеризуется изменением внутренней флексии.

В сопоставляемых языках абстрактные имена могут приобретать качество конкретности и наоборот. Это происходит в свете развития абстрактных существительных на универсальном уровне; абстрактные имена употребляются преимущественно в ед.ч.

Языковое значение собирательности, поскольку оно обусловлено общими свойствами человеческого мышления, присуще как английскому, так и адыгейскому, независимо от их типологических различий.

Следует признать, что проведенный анализ грамматической категории числа имен существительных в двух разносистемных языках как английский и адыгейский постулирует уникальность каждого языка, позволяет по-новому взглянуть на природу грамматической категории и выявить интересные культурно-национальные особенности двух народов, воплощающие в себе историческую культуру, мышление и сознание народа.

Конфликт интересов

Не указан.

Conflict of Interest

None declared.

Список литературы / References

1. Аракин, В. Д. Типология языков и проблема методического прогнозирования / В. Д. Аракин. М.: Высшая школа, 1989. –158с.
2. Богородицкий, В. А. Курс сравнительной грамматики индоевропейских языков / В.А. Богородицкий. –Казань, 1980. –87с.
3. Вежицкая, А. Семантические универсалии и описание языков / А. Вежицкая // Пер. с англ. А.Д. Шмелева. М., 1999. –685 с.
4. Вежицкая, А. Сопоставление культур через посредство лексики и прагматики / А. Вежицкая // Пер. с англ. А.Д. Шмелева. – М., 2001. – 272с.

5. Виноградов, В. В. Русский язык. Грамматическое учение о слове / В.В. Виноградов – 2-е изд. – М., 1972 – 140 с.
6. Дегтярев, В. И. Категория числа в славянских языках / В. И. Дегтярев – Ростов н/Д : Рост. гос. ун-т, 1982.–320 с.
7. Есперсен, О. Философия грамматики / О. Есперсен.–М.: Изд-во иностранной литературы, 1958.–400 с.
8. Кумахов, М. А. Морфология адыгских языков. Синхронно-диахронная характеристика. I. Введение, структура слова, словообразование частей речи / М. А. Кумахов – Нальчик: Кабардино-Балкарское книжное изд., 1964. – 272 с.
9. Кумахов, М. А. Словоизменение адыгских языков / М. А. Кумахов – М.: Наука, 1971.–23 с.
10. Керашева, З.И. Краткий грамматический очерк адыгейского языка // Русско- адыгейский словарь. / З.И. Керашева.–М.: Изд-во иностран. и нац. словарей, 1960. –1070 с.
11. Лингвистический энциклопедический словарь / гл. ред. В. В. Ярцева. 2-е изд., дополнен. М.: Большая российская энциклопедия, 2002.– 115 с.
12. Реформатский, А. А. Число и грамматика // Вопросы грамматики: сб. ст. к 75-летию акад. И. И. Мещанинова. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1960. –С. 372- 400.
13. Рогава, Г. В. Грамматика адыгейского языка / Г. В. Рогава, З.И. Керашева.–Краснодар, Майкоп: Краснодарское книжное издательство1966. –462с.
14. Тутаришева, М. К. Категория числа именных частей речи в адыгских языках / М. К. Тутаришева. - Майкоп : Аякс, 2005. - 157 с.
15. Шапошникова, И. В. История английского языка: учебное пособие. 2-е изд., стереотип. / И. В. Шапошникова. – М.: ФЛИНТА, 2011. –508 с.
16. British National Corpus (BNC) - [Electronic resource]. URL : [www/natcorp.ox.ac.uk](http://www.natcorp.ox.ac.uk). / (accessed: 15.09.2021).
17. Collins Paperback English Dictionary: [Electronic resource]. URL: <https://www.fireandwater.com/>.(accessed: 15.09.2021).
18. The Oxford English Dictionary. [Electronic resource]. URL: <https://www.oxforddictionaries.com/>. (accessed: 24.09.2021).
19. The American Heritage. Dictionary of the English Language. – Boston: Houghton Mifflin, 1994. –8652 p.

Список литературы на английском языке / References in English

1. Arakin, V. D. Tipologija jazykov i problema metodicheskogo prognozirovaniya [Typology of languages and the problem of methodological forecasting] / V. D. Arakin. M.: Vysšaja Shkola, 1989. –158 p. [in Russian]
2. Bogorodickij, V. A. Kurs sravnitel'noj grammatiki indoevropskih jazykov [Course of comparative grammar of Indo-European languages] / V.A. Bogorodickij. –Kazan', 1980 .–87 p. [in Russian]
3. Vejhbickaja, A. Semanticheskie universalii i opisanie jazykov [Semantic universals and the description of languages] / A. Vejhbickaja // Transl. from Eng. A.D. Shmeleva. M., 1999. –685 p. [in Russian]
4. Vejhbickaja, A. Sopostavlenie kul'tur cherez posredstvo leksiki i pragmatiki [A. Comparison of cultures through the medium of vocabulary and pragmatics] / A. Vejhbickaja // Transl. from Eng. A.D. Shmeleva. – M., 2001. – 272 p. [in Russian]
5. Vinogradov, V. V. Russkij jazyk. Grammaticheskoe uchenie o slove [Russian language. Grammatical teaching about the word] / V.V. Vinogradov – 2-nd ed. – M., 1972 – 140 p. [in Russian]
6. Degtjarev, V. I. Kategorija čisla v slavjanskijh jazykah [The category of numbers in Slavic languages] / V. I. Degtjarev – Rostov n/D : Rost. gos. un-t, 1982.–320 p.
7. Espersen, O. Filosofija grammatiki [Philosophy of grammar] / O. Espersen.–M.: Publishing house inostrannoju literatury, 1958.–400 p. [in Russian]
8. Kumahov, M. A. Morfologija adygskijh jazykov. Sinhronno-diahronnaja harakteristika. I. Vvedenie, struktura slova, slovoobrazovanie chastej rechi [Morphology of the Adyghe languages. Synchronous-diachronic characteristic. I. Introduction, word structure, word formation of parts of speech] / M. A. Kumahov – Nal'chik: Kabardino-Balkarsk Publishing house, 1964. – 272 p. [in Russian]
9. Kumahov, M. A. Slovoizmenenie adygskijh jazykov [Word modification of the Adyghe languages] / M. A. Kumahov – M.: Nauka, 1971.–23 p. [in Russian]
10. Kerasheva, Z.I. Kratkij grammatičeskij očerok adygejskogo jazyka // Russko- adygejskij slovar' [A brief grammatical sketch of the Adyghe language // Russian-Adyghe dictionary] / Z.I. Kerasheva.–M.: Publishing house inostran. i nac. slovarej, 1960. –1070 p. [in Russian]
11. Lingvističeskij jenciklopedičeskij slovar' [Linguistic encyclopedic dictionary] / ed. V. V. Jarceva. 2-nd edition., dopolnen. M.: Bol'shaja rossijskaja jenciklopedija, 2002.– 115 p. [in Russian]
12. Reformatskij, A. A. Čislo i grammatika [Number and grammar] // Voprosy grammatiki: sb. st. k 75-letiju akad. I. I. Meshhaninova. M.; L.: Publishing house AN SSSR, 1960. –pp. 372- 400. [in Russian]
13. Rogava, G. V. Grammatika adygejskogo jazyka [Grammar of the Adyghe language] / G. V. Rogava, Z.I. Kerasheva.–Krasnodar, Majkop: Krasnodar Publishing house 1966. –462 p. [in Russian]
14. Tutarisheva, M. K. Imena sushhestvitel'nye pluralia tantum v adygskijh jazykah [Nouns pluralia tantum in the Adyghe languages] // Sbornik nauchnyh trudov prepodavatelej, aspirantov i soiskatelej. Majkop, 1997. –P. 54. .[in Russian]
15. Shaposhnikova, I. V. Istoriya anglijskogo jazyka: uchebnoe posobie. 2-nd ed., stereotip. [History of the English language: a textbook] / I. V. Shaposhnikova. –M.: FLINTA, 2011. –508 p. [in Russian]
16. British National Corpus (BNC) - [Electronic resource]. URL : [www/natcorp.ox.ac.uk](http://www.natcorp.ox.ac.uk). / (accessed: 15.09.2021).
17. Collins Paperback English Dictionary: [Electronic resource]. URL: <https://www.fireandwater.com/>.(accessed: 15.09.2021).
18. The Oxford English Dictionary. [Electronic resource]. URL: <https://www.oxforddictionaries.com/>. (accessed: 24.09.2021).
19. The American Heritage. Dictionary of the English Language. – Boston: Houghton Mifflin, 1994. –8652 p.

DOI: <https://doi.org/10.23670/IRJ.2021.112.10.098>

ГАРМОНИЧЕСКАЯ ВЕРТИКАЛЬ В СРЕДНЕВЕКОВОЙ ПОЛИФОНИИ КАК ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ФЕНОМЕН

Научная статья

Румянцева М.А.*

ORCID: 0000-0002-2516-1914,

Московский педагогический государственный университет, Москва, Россия

* Корреспондирующий автор (rumianseva.mar[at]mail.ru)

Аннотация

Статья посвящена средневековому периоду истории музыки и рассматривает такое явление как феномен гармонической вертикали. Автором отмечаются типичные свойства созвучий, характерные в целом данной эпохе и вместе с тем показаны отличительные черты звуко сочетаний на протяжении всего средневекового времени. Основное внимание уделяется специфике звучания созвучий, их консонантности, как важнейшего маркера данного исторического периода. В то же время приводятся наблюдения об изменениях и эволюции качества звуко сочетаний на примере таких произведений, как мотеты XIII века, сочинения французских композиторов Ф. де Витри XIV века и Г. де Машо, а также произведения итальянского композитора Ф. Ландини, которые наиболее ярко представляют данную эпоху.

Ключевые слова: средневековая полифония, гармоническая вертикаль, полифония, консонанс, диссонанс, мотет, Ф. де Витри, Г. де Машо, Ф. Ландини.

HARMONIC VERTICAL STRUCTURE IN MEDIEVAL POLYPHONY AS AN ARTISTIC PHENOMENON

Research article

Rumyantseva M.A.*

ORCID: 0000-0002-2516-1914,

Moscow State Pedagogical University, Moscow, Russia

* Corresponding author (rumianseva.mar[at]mail.ru)

Abstract

The article discusses the medieval period of music history and examines the phenomenon of harmonic vertical structure. The author notes the typical properties of consonances characteristic of this epoch as a whole and at the same time shows the distinctive features of sound combinations throughout the medieval time. The main attention is paid to the specifics of the sound of consonances, their consonance as the most important marker of this historical period. At the same time, the study provides observations on the changes and evolution of the quality of sound combinations using such works as motets of the 13th century, works by French composers Philippe de Vitry of the 14th century and Guillaume de Machaut, as well as the works of the Italian composer F. Landini, which most vividly represent this era.

Keywords: medieval polyphony, harmonic vertical structure, polyphony, consonance, dissonance, motet, P. de Vitry, G. de Machaut, F. Landini.

Введение

При каждой встрече с музыкальными произведениями средневекового периода, с их звуковыми особенностями возникает убеждение, что гармоническая вертикаль многоголосной музыки – это особое художественное явление, которое ценно своей необычностью, оригинальностью, простотой и сложностью одновременно. Понимание его специфики и значения для истории музыкального искусства очень велико, и переоценить его невозможно. Актуальность исследования определяется тем, что средневековая гармоническая вертикаль — это не отжившая стадия, не ушедший безвозвратно в прошлое принцип музыкального мышления, а своеобразный способ работы с материалом, имеющий огромный творческий потенциал. Цель статьи заключается в раскрытии особенностей гармонической вертикали средневекового многоголосия, которые позволяют представить ее как художественный феномен. Задачами являются рассмотрение и анализ качества гармонической вертикали на примере различных произведений эпохи, а также выявление ее преобразований. Методологией исследования в решении поставленных задач служил принцип единства истории и теории, а также опора на труды ведущих исследователей в области гармонии и полифонии, таких как В. Апель [1], [2], Ю.Н. Холопов [14], Ю.К. Евдокимова [5], [6], [7], Н.А. Симакова [13] и др.

Основная часть

Безусловно, понятие средневековой гармонической вертикали не поддается однозначному краткому определению, так как подразумевает под собой целый комплекс музыковедческих характеристик, таких как состав интервалики созвучий, консонантность, диссонантность и др. Эти характеристики не являются константными и видоизменяются в зависимости от конкретного этапа Средневековья.

Рассматривая гармоническую вертикаль в целом, сквозь призму исторического времени, можно отметить, что, несмотря на протяженность средневекового периода, ей свойственна общая тенденция, заключающаяся, прежде всего, в способе образования вертикальных созвучий. Как известно, средневековое многоголосие является результатом идеи, в реализации которой процесс создания любого произведения протекает согласно развитию отдельных мелодических

линий. Вместе с тем, горизонтальный принцип развития музыкальной ткани приводит к формированию вертикальных звуко сочетаний. Происходит это в момент совпадения звуков различных голосовых партий, благодаря которому и создается гармоническая вертикаль. Главной особенностью такого сочетания является то, что оно образуется в результате наложения одной мелодической линии на другую, иными словами, вертикаль носит результирующий характер.

Исследователи отмечают, что эта особенность средневековой вертикали присуща не только западноевропейскому искусству, такие же свойства обнаруживаются и в вертикали звуко сочетаний в других музыкальных культурах, например, в русском многоголосии, несмотря на то, что они находятся в разных хронологических периодах и обладают стадийной общностью в развитии многоголосного искусства [5, С. 49]. Кроме того, отголоски средневековой традиции нередко проявляются и в настоящее время. Например, когда в музыке современных композиторов встречается полимелодическое разветвление материала, на основе, которого вырастают аккордовые образования, то возникает аналогия с принципами музыкального развития в средневековый период истории.

Таким образом, средневековая вертикаль представляет собой богатое по своим возможностям музыкальное явление. В последующую за Средневековьем эпоху Возрождения привнесла свои специфические черты, изменилась и гармоническая вертикаль, которая имеет принципиально иную, качественно новую, а именно, устойчивую трезвучную основу. На рубеже XIV – XV столетий многовековая история средневековой полифонии вступает в завершающую стадию развития. Пройдя путь от одноголосных напевов, музыкальное искусство к началу Возрождения подходит с многочисленными и многожанровыми сочинениями развитого многоголосного склада. В течение шести веков произведения приобретали определенные формы и преобразовывались. От двухголосных параллельных органумов многоголосие постепенно эволюционировало в сторону сложной полимелодической трех- и четырехголосной фактуры.

Весь звуковой фонд первых образцов профессиональной музыки, ограничивался, практически, только тремя интервалами – кварта, квинта и октава. Выбор именно этих интервалов в качестве вертикального устойчивого сочетания трактовался средневековыми мастерами как высший идеал, совершенный эталон красоты и гармонии. Появившись в произведениях IX века, эти звуко сочетания прочно и надолго вошли в музыкальную практику, использовались композиторами на протяжении всего средневекового периода. Более того, благозвучные вертикальные образования стали, своего рода, маркером средневекового звучания. Даже в позднем Средневековье, когда несовершенные интервалы завоевали существенную часть звуковой среды, совершенные консонансы продолжали выполнять функцию главного устоя. «Все сочинения Средневековья, за очень редким исключением, открываются и завершаются перфектными созвучиями в различных модификациях (квинта, октава, квинтоктава, октавадуодецима и т.п.)» [12, С. 16].

Известно, что истоки приоритетности этих интервалов исходят еще от мировоззрения античных философов пифагорейской школы, которые отождествляли гармонию мира с числовыми пропорциями, равными числовым показателям совершенных консонансов $2 : 1$, $3 : 2$, $4 : 3$. Очевидно также логическое соприкосновение «элитных» интервалов с натуральным звуко рядом, в котором акустически наиболее слышимые обертоны – 2-й, 3-й и 4-й, дают октаву, квинту и кварту [14, С. 11].

Несмотря на то, что использование перфектных созвучий характерно для всей средневековой полифонии, на определенных исторических этапах можно проследить изменения в употреблении совершенного консонанса. Несомненно, что вопрос о диссонантности также очень важен для воссоздания необходимого представления описываемого явления. В связи с этим данный аспект изложен автором в работе «Диссонанс на пути к «строгим» правилам» [10, С. 3 – 11].

Обратимся непосредственно к произведениям средневековой музыкальной истории, начиная с мотетов XIII века. Это связано с тем, что более ранняя музыка IX – XII веков является «начальным этапом в развитии многоголосного искусства, в ней интервальное сочетание голосов решается во многом исполнителями и имеет принципиально допустимый множественный характер в системе совершенных консонансов. Произведения же XIII века имеют твердую систему ритмики, отличаются развитым полимелодическим складом фактуры, на основе которой образуется определенная вертикаль» [12, С. 7].

Мотет является ведущим и самым распространенным музыкальным жанром в искусстве XIII века [3], [4], [11]. Представляя собой многоголосную миниатюру, мотет в сжатом виде вбирает в себя типичные черты, свойственные всем многоголосным произведениям данного времени.

Совершенные консонансы пронизывают всю ткань мотета, используются одинаково, появляясь на опорных и неопорных долях, а использование несовершенных консонирующих созвучий довольно ограничено, хотя в той или иной мере они присутствуют в каждом мотете. Однако их участие в образовании музыкальной ткани гораздо менее значительно, чем участие совершенных консонирующих созвучий. В среднем они составляют 15% от общего количества созвучий [12, С. 16].

Полифонию XIV века представляет творчество двух французских музыкантов Филиппа де Витри и Гильома де Машо. Ф. де Витри (1291 – 1361) – композитор, музыкальный теоретик, поэт, философ и один из основоположников музыкально-поэтического искусства *ars nova*. Музыка его высоко ценилась современниками, а произведения служили образцом для создания других сочинений. Мотеты Витри отличаются частым и поочередным выключением голосов, которое способствует легкости фактуры и разреженному звучанию. Эта особенность отражается на гармонической вертикали многоголосия. Во всех сочинениях двухзвучия, трехзвучия, а в четырехголосии и четырехзвучия постоянно перемежаются друг с другом. В мотетах XIII века такое чередование тоже наблюдалось, однако у Витри в связи с систематичным и попеременным паузированием голосов «неполное» многоголосие звучит чаще и составляет специфику его стиля.

В творчестве композитора и поэта Машо (ок. 1330 – 1377) несовершенные конкорды в одновременном и неодновременном, акцентном и безакцентном звучании впервые употребляются практически на равных основаниях с

совершенными консонансами [8], [9]. Находясь в постоянном чередовании, различные перфектные и имперфектные созвучия создают общий поток разнородной консонантной звуковой среды, внутри которой встречаются и диссонансирующие созвучия. Специфическим моментом музыкальной ткани пьес Машо является меняющееся в одном сочинении качество звучания многоголосия. Сначала музыка может обладать ярко выраженным средневековым звучанием, где господствуют перфектные консонансы, затем возможно появление эпизодов, в которых главная роль отводится несовершенным консонансирующим созвучиям, и тогда звуковой колорит произведения отдалается от музыки средневековья и приближается к следующей эпохе Возрождения. Такие эпизоды могут быть и протяженными, и небольшими; их может быть всего два или несколько в одном сочинении.

В результате, в музыке Машо применение несовершенных консонансов стало еще более широким и разнообразным. Так постепенно проявляется тенденция к смене сонорного облика многоголосия – от перфектности консонансов к имперфектности.

Итальянское многоголосное искусство, впервые возникнув в первой половине XIV столетия, представлено такими именами, как Магистр Пьеро, Й. да Флоренция и Я. да Болонья. Творчество этих флорентийских мастеров определяет композиторскую школу первого поколения, отличительными чертами которой стали предпочтение двухголосным сочинениям и ярко выраженная вокальная природа верхнего голоса с плавной мелодикой мелизматического характера. Интересно, что качество звуко сочетаний в многоголосии, в сравнении с музыкой французских авторов, остается идентичным.

Наиболее заметной творческой личностью в итальянской культуре стал Франческо Ландини (1325 или 1335 – 1397 гг.) – композитор, органист, поэт, глава музыкальной школы второго поколения эпохи Треченто.

Являясь учеником Я. да Болонья, композитор опирается на традиции своих соотечественников. Своеобразие многоголосия Ландини заключается в более частом, чем у его предшественников, чередовании созвучий, что способствует созданию насыщенной фактуры, которая, тем не менее, остается прозрачной и легкой.

Характеризуя консонансирующие созвучия в двухголосных и трехголосных сочинениях в сравнении с музыкой итальянских композиторов первого поколения, отметим у Ландини более широкое использование несовершенных консонансов. Это, в свою очередь, приводит к размеренному следованию конкордов, которые представляют собой всевозможные варианты интервальных сочетаний.

Заключение

Таким образом, в данной статье мы рассмотрели гармоническую вертикаль средневековой полифонии, проследив ее с позиции консонантности. В результате была выявлена тенденция к постепенному преобразованию качества сонорности от преобладающего перфектного звучания в сторону расширения несовершенных сочетаний. Художественный феномен гармонической вертикали состоит в том, что, с одной стороны, многоголосие обладает общими чертами, характерными всей эпохе Средневековья, это, прежде всего, приоритет звучания совершенных консонансов, роль которых остается незыблемой во всем рассматриваемом историческом периоде. Опора на перфектные созвучия соблюдается композиторами буквально в каждом произведении, независимо от школы и этапа развития в данной эпохе и исполняет роль главного устоя. Наряду с этим, в сочинениях всегда присутствуют несовершенные конкорды и диссонансирующие созвучия, значение которых также велико. С другой стороны, частота использования именно несовершенных консонансирующих звуко сочетаний служит признаком эволюционного процесса, поскольку благодаря нарушению стабильности совершенного звучания сонорный облик многоголосия видоизменяется, обогащаясь различными созвучиями.

Конфликт интересов

Не указан.

Conflict of Interest

None declared.

Список литературы / References

1. Apel W. Die Notation der polyphonen Musik. 900 – 1600. / W. Apel, Lpz.: Breitkopf & Härtel Musikverlag, 2006.-526 p.
2. Apel W. French secular music of the late fourteenth century / W. Apel. Medieval Academy of America. 2012. 194 p.
3. Cent motets du XIII siècle / Par Pierre Aubry. II. Transcription en notation moderne et mise en partition. Paris, 1908. 233 p.
4. Die Musik in Geschichte und Gegenwart. Bd. II. S. 1423.
5. Евдокимова Ю. К. Вечная жизнь мелосного многоголосия / Ю. К. Евдокимова // Музыкальная академия. 2004. № 2. С. 48 – 55.
6. Евдокимова Ю. К. Вечная жизнь мелосного многоголосия (Продолжение) / Ю. К. Евдокимова // Музыкальная академия. 2005. № 2. С. 134 – 141.
7. Евдокимова Ю. К. Многоголосие Средневековья. X – XIV века / Ю. К. Евдокимова. М., 1983.- 453 с.
8. Machaut G. Œuvres Complètes / G. Machaut // Polyphonic music of fourteenth century / Editor by L. Schrade. Monaco. 1977.
9. Пэрриш К. Образцы музыкальных форм от григорианского хора до Баха [Текст, ноты] / К. Пэрриш, Дж. Оул. Пер. с англ. - Л.: Музыка, 1975. - 216 с.
10. Румянцева М.А. Диссонанс на пути к «строгим» правилам / М.А. Румянцева // Музыковедение. - М.: Научтехлитиздат, 2017. №12. С.3 – 11.
11. Румянцева М.А. Мотет XIII века: Учебное пособие по курсу «Анализ музыкальных произведений» для студентов музыкальных вузов / М.А. Румянцева. - М.: Перо, 2021.- 54 с.
12. Румянцева М.А. Эволюция гармонической вертикали западноевропейского многоголосия XIII – начала XV веков / М.А. Румянцева: Автореферат дис....канд. иск. - М., 2007. – 26 с.

13. Симакова Н.А. Контрапункт строгого стиля и фуга: История, теория, практика. Часть 1 / Н.А. Симакова. – М. : Композитор, 2002. – 525 с.

14. Холопов Ю.Н. Гармония: Теоретический курс / Ю.Н. Холопов. – СПб.; М.; Краснодар: Лань, 2003. – 544 с.

Список литературы на английском языке / References in English

1. Apel W. Die Notation der polyphonen Musik [The notation of polyphonic music]. 900 – 1600. / W. Apel, Lpz.: Breitkopf & Härtel Musikverlag, 2006.-526 p. [in German]

2. Apel W. French secular music of the late fourteenth century / W. Apel. Medieval Academy of America. 2012. 194 p.

3. Cent motets du XIII siècle [One hundred motets of the XIII century] / By Pierre Aubry. II. Transcription in modern notation and score setting. Paris, 1908. 233 p.. [in French]

4. Die Musik in Geschichte und Gegenwart [Music in the past and present]. Bd. II. P. 1423. [in German]

5. Evdokimova Ju.K. Vechnaya zhizn melosnogo mnogogolosiya [The eternal life of melodic polyphony]. Muzykalnaya akademiya [Music Academy]. 2004. № 2. P. 48-55. [in Russian]

6. Evdokimova Ju.K. Vechnaya zhizn melosnogo mnogogolosiya [The eternal life of melodic polyphony] / Ju. K. Evdokimova // Muzykalnaya akademiya [Music Academy]. 2005. № 2. P. 134–141. [in Russian]

7. Evdokimova Ju.K. Mnogogolosie srednevekovya. X–XIV veka [Polyphony of the Middle Ages] / Ju. K. Evdokimova. M.: Muzyka [Moscow: Publishing house «Music»], 1983. 453 p. [in Russian]

8. Machaut G. Œuvres Complètes [Complete Works] // Polyphonic music of fourteenth century / Editor by L. Schrade. Monaco. 1977. [in French]

9. Parrish K., Oul, J. Obrazcy muzykal'nykh form ot grigorianskogo khorala do Bakha [Samples of musical forms from the Gregorian chorale to Bach] / K. Parrish, J. Oul. Translated from English - L.: Muzyka, 1975. - 216 p. [in Russian]

10. Rumyantseva M.A. Dissonans na puti k «strogim» pravilam [Dissonance on the way to "strict" rules] / M. A. Rumyantseva // Muzykovedenie [Musicology]. - M.: Nauchtehlitizdat, 2017. No. 12, pp.3-11 [in Russian]

11. Rumyantseva M.A. Motet XIII veka: Uchebnoe posobie po kursu «Analiz muzykal'nykh proizvedenij» dlja studentov muzykal'nykh vuzov [Motet of the 13th century: A textbook on the course "Analysis of musical works" for students of music universities] / M. A. Rumyantseva. - Moscow: Pero, 2021.- 54 p . [in Russian]

12. Rumyantseva M.A. Ehvoljucija garmonicheskijj vertikali zapadnoevropejskogo mnogogolosija XIII – nachala XV vekov [The evolution of the harmonic vertical of the Western European polyphony of the 13th - early 15th century] / M. A. Rumyantseva: extended abstract of Candidate's thesis. - M., 2007. - 26 p. [in Russian]

13. Simakova N.A. Kontrapunkt strogo stilja i fuga: Istorija, teorija, praktika. Chast' 1. [The counterpoint of strictly style and fugue: History, theory, practice. Part 1] / N. A. Simakova. - Moscow : Composer, 2002– 525 p. [in Russian]

14. Kholopov Yu.N. Garmonija: Teoreticheskijj kurs. [Harmony: Theoretical course] / Yu. N. Kholopov. - St. Petersburg.; M.; Krasnodar: Lan, 2003– - 544 p. [in Russian]

DOI: <https://doi.org/10.23670/IRJ.2021.112.10.099>

**О СМЫСЛЕ ПЕСНИ «НИ ТАМ НИ ТУТ»,
ВНУТРЕННЕМ МИРЕ И ПЕРЕЖИВАНИЯХ ЛИРИЧЕСКОГО ГЕРОЯ**

Научная статья

Суетин С.Н.*

ORCID: 0000-0001-8596-6012,

Институт международных экономических связей, Москва, Россия

* Корреспондирующий автор (sciencerus[at]mail.ru)

Аннотация

В статье представлены результаты исследования творчества Глеба Самойлова, а именно песни «Ни там ни тут» (альбом «Опиум», 1994 г.). Целью исследования является поиск и обоснование смысла музыкального произведения, интерпретация и критический анализ. Основными методами проведённого исследования следует полагать монографический, дедукцию, индукцию, аналогию и сравнение. Автором проведен построчный и дословный анализ текста песни, проведена оценка музыкального ряда, обосновано личное мнение. Рекомендуется для прочтения студентам, аспирантам и молодым ученым в области культурологии, филологии, искусствоведения, а также всем интересующимся творчеством Г.Самойлова и меломанам. Полученные результаты исследования могут быть использованы в учебной и научной работах.

Ключевые слова: бытие, философия, драматичность, смысл песни, композиция, поп-рок, лирический герой.

**ON THE MEANING OF THE SONG "NEITHER THERE NOR HERE",
THE INNER WORLD AND THE EXPERIENCES OF THE NARRATOR**

Research article

Suetin S.N.*

ORCID: 0000-0001-8596-6012,

Institute of International Economic Relations, Moscow, Russia

* Corresponding author (sciencerus[at]mail.ru)

Abstract

The article presents the results of a study of the work of Gleb Samoilov, namely the song "Ni tam ni tut" (Neither there nor here) (from the 1994 album "Opium"). The purpose of the study is to search for and substantiate the meaning of a musical work, interpretation and critical analysis. The key methods of the conducted research are monographic, deduction, induction, analogy and comparison. The author of the study conducts a line-by-line and word-by-word analysis of the song lyrics, an assessment of the musical series, and presents personal opinion. The study is recommended to students, postgraduates and beginner scientists in the field of cultural studies, philology, art criticism, as well as to all those interested in the work of G. Samoilov and music in general. The obtained research results can be used in educational and scientific works.

Keywords: being, philosophy, drama, meaning of the song, composition, pop-rock, narrator.

Введение

Современные музыкальные тренды сложились таким образом, что рок-музыка 1990-х уже является классикой для наших дней. Исследование вершин творчества того периода актуально и востребованность растет, поскольку имеет объективную фундаментальную основу. Хорошее видится издали, а хорошее классическое произведение следует подробно анализировать по прошествии лет и не спешить с выводами.

Наибольшее внимание критиков и рецензентов привлекли такие песни, как «Сказочная тайга», «Гетеросексуалист», «Как на войне» и др. [4], [6], [8]. Иногда исследователи обращают внимание на менее известные, нишевые композиции, как например, «Беглец» [10]. Иногда источники предлагают поверхностный разбор сразу несколько песен и поиск смысла в них [3], [5], [6], [8]. «Агатские» песни всегда привлекали внимание критиков поиском смысла [6], [7], [9].

Глубина мысли, мощь, энергетика зачастую проявляются в песнях «второго эшелона», а не хитах. Хиты ориентированы на широкие массы, а уникальность и продвинутость музыкантов зачастую проявляются в менее раскрытых композициях. «Ни там, ни тут» – это трек из альбома «Опиум для никого» группы «Агата Кристи», который был записан в 1994 г. Классика отечественного поп-рока. А классика всегда актуальна. Альбом шедевральный, как и эта песня в частности.

Методы и принципы исследования

Основными методами проведённого исследования следует полагать монографический, дедукцию, индукцию, аналогию и сравнение.

Композиция «Ни там ни тут» (название авторское, хотя с точки зрения правил русского языка более корректно «Ни там, ни тут») не стала вселенским хитом, поскольку конкурировать с более легкими для восприятия «Сказочной тайгой» и «Черной луной» сложно, а широкие массы меломанов зачастую пропускают без должного внимания подобные произведения. Кроме того, для любителей рока заглавная песня альбома – «Опиум для никого» – намного понятнее. Это лишний раз подчеркивает востребованность анализа и осмысления произведений музыкального искусства, которые так и не стали хитами.

«Ни там ни тут» – это баллада о вечном. Счастье – это когда тебя понимают. А когда тебя не понимают, вспоминается этот шедевр. Каждый ли из нас может сказать себе, что его одинаково хорошо понимают на работе и

дома? И друзья, и просто знакомые? При общении офлайн и так же хорошо онлайн? В дни, когда все складывается невероятно удачно и в дни, когда наступает большая, черная и почти бесконечная полоса? Большинство из нас скажет нет. Всем хочется понимания, спокойствия в душе и счастья. А о том, как терзается душа в поисках того самого счастья, как она мечется на пути к нему – и есть эта песня.

Начало песни суровое, самое что ни на есть «агатовское»: «Сегодня хуже, чем вчера...» [1]. Такое начало может быть только у Глеба Самойлова. Мрачное, убедительное, пессимистическое, но отчасти правдивое выражение. Музыкальный ритм, выверенный и подчеркнутый, усиливает эмоциональную составляющую лирического героя, раскрывает еще больше его внутренний мир. Бас-гитара и ударные в начале композиции – невероятны, подобраны шикарно. Именно тот саунд, который с поэтическими, хлесткими, как выстрел, словами, и делает песню. Первые десять секунд определяют всю композицию, заставляют слушателя либо сделать звук погромче, либо выключить и забыть. Но равнодушным такое начало никого не оставит.

Мелодическая составляющая данного произведения велика. Чувствуется мотив от Глеба Самойлова, инженерная огранка от Вадима Самойлова и гениальные клавишные от Александра Козлова. Золотая эпоха синергии трех великих музыкантов, приправленная ударными от Андрея Котова.

И далее по тексту: «Все задом наперед» [1]. А изменился ли подход к жизни сегодня? Правильно ли развивается наша страна, наше общество, ценности, бизнес...? «Все задом наперед» актуально и сегодня. Четкая, емкая, решительная характеристика.

«Опять жара, жара, жара достает...» [1]. Здесь речь не о жаре в прямом смысле. Здесь речь о внешней среде, к которой можно только приспособиться, поскольку ее нельзя изменить. Это вопрос о системе и системных проблемах. Система достала. Вот о чем эта строка.

Без самоиронии обходится редкая агатовская композиция. А здесь она проявляется в полной красе: «И одинокая мигрень – подруга дней моих, меня любила целый день – за двоих» [1]. Этакий переход от проблем внешней среды к внутренней. К внутренней, которую можно изменить. К внутреннему миру, с которым тоже надо что-то делать.

Нарастает напряжение не только по тексту, инструментальная составляющая мощно усиливается с каждой секундой (бас-ударные-клавишные...) и расцветает к первым словам куплета: «Я поцелую провода» [1]. Речь, конечно же, не о проводах. А о том, что лирический герой готов совершить поступок из серии «если очень хочется – то можно». И он не просто готов их взять в руки, эти самые «провода», он идет дальше, он готов их в рассмешку «поцеловать». Уверенность переходит в самоуверенность: «и не ударит меня ток». Решительность и опасность. Вот чем живет герой этой песни. Герой идет вперед туда, куда не пойдут другие. На свой страх и риск. Потому что жить как другие, смириться с тем, что его не принимают ни одни, ни другие, его не устраивает.

Далее следует вывод: «заводит молния меня, как жаль, что я ее не смог...» [1]. Герой знает, на что идет, он понимает ситуацию, он понимает, что несмотря на решительность и желание двигаться вперед не все возможно в этой жизни... Предстоящие трудности, наоборот, заводят героя песни и мотивируют двигаться вперед.

И апогей возмущения: «по небу дьяволы летят, в канаве ангелы ползут», лучше не скажешь про современное устройство общества, духовность, ценности, которые изменились... Но что еще хуже, «и те, и эти говорят: «ты нам не враг, ты нам не друг». Ни там – ни тут!» [1]. Лучше не описать. И герой не хочет с этим смириться.

А дальше наш герой сетует, что «зимою будет веселее, нас пустят в рай». Зима в данном случае не время года, зима и лето – это метафоры, черные и белые полосы в жизни. И речь идет о том, что черная полоса ознаменуется счастливым концом.

«Зимою будет холодней и пускай» [1]. В данном случае холодней – синоним «хуже». А «пускай» – не более чем ирония. Герой со стальным внутренним стержнем и его ничего не сломит. Что подтверждается далее:

«И ничего что я дурак», все равно

В природе все не просто так суждено» [1].

Назвать себя дураком, а в раннем творчестве – «да, я сытая свинья» [2] и иронизировать таким образом сможет не каждый. Играть словами, прикалываться и философски относиться к трудностям, бороться против системы – не просто. Но герой песни с этим справляется.

Тот факт, что Глеб поет первый куплет, а Вадим – второй, усиливает драматизм песни. Каждый вокалист раскрывает текст по-своему, но не в противоположность друг другу, а в дополнение. Этот ход использовался в группе, как известно, не раз, а в данной композиции – весьма удачно и к месту. Тенор, который идет за баритоном, рассудительность за легкой истеричностью – фирменно, стильно, убедительно.

Композиция достаточно продолжительная (особенно в сравнении с современными трендами), 4 минуты 6 секунд. При этом это не заунывная баллада, это динамичная, полная энергии, глубокого смысла и драматизма песня. Это обеспечивается тем, что всему коллективу и автору композиции – Глебу Самойлову, в частности, есть что сказать. Поэтому и каждое слова из песни действительно не выкинешь, не заменишь, да и добавить действительно что-то сложно. А проигрыш после второго куплета? Он начинается со второй минуты четвертой секунды и продолжается пятьдесят одну секунду! При этом он не затягивает композицию, он дает еще больше энергии, больше оптимизма в песне, наполненной драмой. Клавишные безупречны, а в сочетании с другими инструментами – шедевральны.

Заключение

Несмотря на минорные нотки, удручающий местами текст, песня на самом деле полна оптимизма. Фундаментального оптимизма. Оптимизма, основанного на полном осознании сущности бытия, системных проблемах и невозможности их полного решения.

В этой композиции, как и во всех «опиумных», много электроники и клавишных, но это является фирменным почерком альбома, украшением, что и возвело сам альбом до космического уровня саунда своего времени, а отдельные треки, как этот – в ряд шедевальных. Песня невероятна хороша как в студийной версии, так и в концертных (что не

характерно для большинства песен), а отличия, которые мы наблюдаем в исполнении со временем, раскрывают первоначальный замысел еще лучше.

Песня начинается четко, ярко, динамично. И заканчивается законченным, полностью выверенным образом. Именно так, как и должно быть.

Конфликт интересов

Не указан.

Conflict of Interest

None declared.

Список литературы / References

1. Самойлов Г. Ни там, ни тут / Г. Самойлов // Опиум. – [Электронный ресурс]. URL: <https://reproduktor.net/agata-kristi/ni-tam-ni-tut/> (дата обращения – 2021.08.23).
2. Самойлов Г. Сытая свинья / Г. Самойлов // Коварство и любовь. – [Электронный ресурс]. URL: <https://nashestviefest.ru/agata-kristi/sytaja-svineja/> (дата обращения – 2021.08.23).
3. 11 фактов о песнях группы «Агата Кристи». [Электронный ресурс]. URL: <https://www.nashe.ru/news/11-faktov-o-pesnyah-gruppy-agata-kristi> (Дата обращения – 2021.08.23).
4. История песни «Гетеросексуалист» группы «Агата Кристи». [Электронный ресурс]. URL: <https://www.nashe.ru/news/istoriya-pesni-geteroseksualist-gruppy-agata-kristi> (дата обращения – 2021.08.23).
5. Агата Кристи. Факты о песнях. [Электронный ресурс]. URL: https://music-facts.ru/artist/Agata_Kristi/ (дата обращения – 2021.08.23).
6. Смысл песни группы Агата Кристи – Как на войне [Электронный ресурс]. URL: https://vk.com/wall-21788418_75621 (дата обращения – 2021.08.23).
7. Смысл, завуалированный в песнях АК [Электронный ресурс]. URL: https://vk.com/topic-102836_3011688 (дата обращения – 2021.08.23).
8. Смысл песни «Сказочная тайга» группы «Агата Кристи» [Электронный ресурс]. URL: <https://kakoy-smysl.ru/meaning-song/smysl-pesni-skazochnaya-tayga-gruppy-agata-kristi/> (дата обращения – 2021.08.23).
9. Агата Кристи, Опиум для никого, смысл песни [Электронный ресурс]. URL: <http://xn--80afoibcgtbarefda4a5k.xn--p1ai/agata-kristi-opium-dlya-nikogo-smysl-pesni/> (дата обращения – 2021.08.23).
10. Никитина О.Э. Бог убегает: об одном эпизоде лирического романа «Агата Кристи» / О.Э. Никитина // Русская рок-поэзия: текст и контекст. 2020. - №20. С. 183-191.

Список литературы на английском языке / References in English

1. Samoilov G. Ni tam, ni tut [Neither there nor here] / G. Samoilov // Opium. – [Electronic resource]. URL: <https://reproduktor.net/agata-kristi/ni-tam-ni-tut/> (accessed - 2021.08.23). [in Russian]
2. Samoilov G. Sytaja svin'ja [Well-fed pig] / G. Samoilov // Kovarstvo i ljubov' [Treachery and love]. – [Electronic resource]. URL: <https://nashestviefest.ru/agata-kristi/sytaja-svineja/> (accessed 2021.08.23). [in Russian]
3. 11 faktov o pesnjah gruppy «Agata Kristi» [11 facts about the songs of the group "Agatha Christie"]. [Electronic resource]. URL: <https://www.nashe.ru/news/11-faktov-o-pesnyah-gruppy-agata-kristi> (accessed 2021.08.23). [in Russian]
4. Istoriya pesni «Geteroseksualist» gruppy «Agata Kristi». [The story of the song "Heterosexual" by the group "Agatha Christie"]. [Electronic resource]. URL: <https://www.nashe.ru/news/istoriya-pesni-geteroseksualist-gruppy-agata-kristi> (accessed 2021.08.23). [in Russian]
5. Agata Kristi. Fakty o pesnjah [Agatha Christie. Facts about songs]. [Electronic resource]. URL: https://music-facts.ru/artist/Agata_Kristi/ (accessed 2021.08.23). [in Russian]
6. Smysl pesni gruppy Agata Kristi – Kak na vojne [The meaning of the song of the Agatha Christie group is Like at war] [Electronic resource]. URL: https://vk.com/wall-21788418_75621 (accessed 2021.08.23). [in Russian]
7. Smysl, zavualirovannyj v pesnjah AK [The meaning veiled in AK songs] [Electronic resource]. URL: https://vk.com/topic-102836_3011688 (accessed 2021.08.23). [in Russian]
8. Smysl pesni «Skazochnaja tajga» gruppy «Agata Kristi» [The meaning of the song "Fabulous Taiga" by the Agatha Christie group]. [Electronic resource]. URL: <https://kakoy-smysl.ru/meaning-song/smysl-pesni-skazochnaya-tayga-gruppy-agata-kristi/> (accessed 2021.08.23). [in Russian]
9. Agata Kristi, Opium dlja nikogo, smysl pesni [Agatha Christie, Opium for no one, the meaning of the song]. [Electronic resource]. URL: <http://xn--80afoibcgtbarefda4a5k.xn--p1ai/agata-kristi-opium-dlya-nikogo-smysl-pesni/> (accessed 2021.08.23). [in Russian]
10. Nikitina O.E. Bog ubegaet: ob odnom jepizode liricheskogo romana «Agata Kristi» [God runs away: about one episode of the lyrical novel "Agatha Christie"] / O.E. Nikitina // Russkaja rok-poezija: tekst i kontekst [Russian rock poetry: text and context]. 2020. - No. 20. pp. 183-191. [in Russian]

ИСТОРИЧЕСКИЕ НАУКИ / HISTORY

DOI: <https://doi.org/10.23670/IRJ.2021.112.10.100>РЕФОРМИРОВАНИЕ ПОЛИЦЕЙСКИХ УЧРЕЖДЕНИЙ САРАТОВСКОЙ ГУБЕРНИИ
В КОНЦЕ XIX – НАЧАЛЕ XX ВВ.

Научная статья

Ахметов А.А.*

ORCID: 0000-0001-7621-6092,

Саратовский государственный университет имени Н.Г. Чернышевского, Саратов, Россия

* Корреспондирующий автор (askar.akhmetov.93@bk.ru)

Аннотация

Статья посвящена исследованию влияния реформы на эффективность деятельности полиции Саратовской губернии в конце XIX – начале XX вв. В работе делается акцент на основные факторы, влияющие на результативность деятельности полиции: укомплектованность штата, уровень правовой грамотности, четко прописанный круг обязанностей и материальное обеспечение. Впервые в научный оборот вводится широкий круг источников, ранее не использованных другими исследователями: документы саратовского городского полицейского управления, материалы саратовской судебной палаты. На основе архивных источников автор приходит к выводу, что реформирование полиции не искоренило существовавшие недостатки в системе полицейских органов.

Ключевые слова: реформа, полиция, чиновник, уголовный сыск, преступность, Саратов, революция.

REFORMATION OF POLICE INSTITUTIONS OF THE SARATOV PROVINCE
IN THE LATE 19th - EARLY 20th CENTURIES

Research article

Akhmetov A.A.*

ORCID: 0000-0001-7621-6092,

N. G. Chernyshevsky Saratov State University, Saratov, Russia

* Corresponding author (askar.akhmetov.93@bk.ru)

Abstract

The article explores the impact of reform on the effectiveness of the Saratov province police in the late 19 and up to early 20th centuries. The paper focuses on the main factors affecting the effectiveness of the police: staffing, the level of legal literacy, a clearly defined range of responsibilities and material support. The author also introduces a wide range of sources not previously used by other researchers such as documents of the Saratov city police department, materials of the Saratov judicial chamber. Based on archival sources, the author comes to the conclusion that the police reform has not eliminated the existing shortcomings in the police system.

Keywords: reform, police, official, criminal investigation, crime, Saratov, revolution.

Успех деятельности полиции зависел (и зависит) от многих аспектов. Основными факторами являются: укомплектованность ее штата, уровень правовой грамотности ее чиновников, четко прописанный круг ее обязанностей и материальное обеспечение. Актуальность темы определяется еще тем, что именно в пореформенный период России увеличились процессы урбанизация населения и как следствие рост преступного поведения.

Кардинальные изменения в общественно-политической жизни России в конце XIX – начале XX вв. привели к необходимости серьезных преобразований системы органов правопорядка на всех уровнях. Реформирование полицейских учреждений Саратовской губернии шло в русле общероссийских преобразований. Согласно «Временным правилам об устройстве полиции в городах и уездах губерний, по общему учреждению управляемых» (25 декабря 1862 г.) [14, С. 172-173], Саратовская полиция была преобразована в городское полицейское управление. В связи с этим должности квартальных надзирателей были переименованы в помощников пристава, помощников полицмейстера и младших полицмейстеров и сокращены с 24 до 12 [17, С. 66]. В 1866 г. по ходатайству губернатора в штат городского полицейского управления ввели шесть помощников пристава, а в 1879 г. – 30 околоточных надзирателей, 40 конно-полицейских стражников и 42 нижних полицейских служителей. В результате штат полиции вырос до 321 чел. [7, Л. 13].

Таблица 1 – Состав саратовской полиции в конце XIX – начале XX вв.

Полицмейстер	1
Помощник полицмейстера	1
Приставов	6
Помощников приставов	18
Околоточных надзирателей	30
Конно-полицейских стражников	40
Полицейские служители	225

Примечание: составлено по [18, С. 67]

Одновременно упразднялись общие окружные управления – вместо них создавались городские полицейские управления, что обеспечивало реструктуризацию полиции по административно-территориальному принципу. В

Саратовской губернии было образовано 10 городских полицейских управлений: Петровске, Сердобске, Кузнецке, Вольское, Хвалынске, Камышине, Царицыне, Аткарске, Балашове и Дубовской слободе [10, Л. 43].

Таким образом, полиция делилась на сельскую и городскую. Ведомству уездного полицейского управления подлежала территория всего уезда с его окрестностями, возглавляемая секретарем канцелярии. В штат уездного управления стали входить городские полицейские команды из унтер-офицеров, их помощников и нижних чинов. Каждый уезд делился на станы, а они в свою очередь на участки (сотни) и селения. Города делились на части, каждая из которых находилась под контролем полицейского участка.

Саратов в конце XIX в. разделялся на 4 полицейские части. В 1901 г. с ведением казенной винной монополии в Саратовской губернии и в целях усиления надзора за беспатентной торговлей, были изменены старые границы и сформированы две новые полицейские части.

Первая - находилась в следующих границах: «от Глебова оврага, правая сторона Никольской улицы до Константиновской и по Константиновской до Камышинской, от Камышинской до Глебова оврага и до Никольской улицы; вторая часть располагалась: от р. Волги левая сторона Никольского взвоза и улицы до Константиновской улицы, отсюда влево до Камышинской, этой последней до Садовой, от Садовой до р. Волги и берега до Никольского взвоза; третья часть начиналась: от Глебова оврага (левая сторона Никольской улицы), до р. Волги и берегом до Глебова оврага, а этим последним до Никольской улицы; четвертая: от р. Волги Глебова оврага до Симбирской улицы (правая ее сторона) до черты города, с включением пороховых погребов и дальнего затона Волги до р. Волги, а затем берегом Глебова оврага; пятая часть: от р. Волги (левая сторона Садовой улицы) до Камышинской, по Камышинской до Константиновской, этой последней с включением всей Полтавской площади, до Царицынской, по Царицынской до конного бега влево по Дворянской до черты города (Солдатской слободки) кирпичного завода Шумилина и Улешей и далее берегом р. Волги до Садового взвоза; шестая часть: от Полтавской площади по Дворянской улице до черты города вправо, со включением Монастырской слободы, кладбища, кирпичных сараев по Глебовому оврагу и кирпичных заводов: Малининой, Урядова и др. до Симбирской улицы, этой последней до Глебова оврага и по Камышинской улице до Константиновской, от последней до Полтавской площади и правой стороной до Дворянской улицы» [5, Л. 39 об.].

Границами частей служили: «дальний затон до Маханного оврага, пароходные склады (конец 4-ой части), кирпичные заводы Малинина, кирпичные сараи, кладбища Монастырская слобода (конец 6-ой части), солдатская слободка (5-я часть). При этом 1, 3, 4- остаются на своих местах, а 2, 5, 6 – новые границы» [5, Л. 40].

Таким образом, полицейские участки захватывали слишком большие территории и не были равномерно заселены. Большая плотность населения города наблюдалась в районе Глебова оврага – от Волги до Камышинской улицы, а также вдоль Белоглинского оврага – между Астраханской и Камышинской улицами. Социально престижный район включал территорию от Б. Сергеевской по Белоглинской затем до Глебучева оврага, по нему до Александровской улицы, далее по Московской до Б. Сергеевской улицы [11, С. 25].

Реформирование полиции предполагало увеличение ее финансирования: государство в 1880 г. выделило на развитие всей Саратовской губернской полиции 80 650 руб., а от города и земства - 50 740 руб [12, С. 136]. На содержание саратовской городской полиции, в 1885 г. от 15 апреля Высочайшим указом назначалось 96 700 руб., данная сумма распределялась между государственной (52 700 руб.) и городской казною (44 000 руб.) [6, Л. 6].

Однако необходимо отметить, что финансирование полиции Саратова, было слабым. Городское управление из общей суммы 96 700 руб., выделяло деньги только на выплату жалования и обмундирования (5 000 руб. на весь полицейский штат города) [6, Л. 7.]. Средств на оружие, покупку дров и съем жилья, полиции не отпускалось, подразумевалось, что полицейский чиновник должен из собственной зарплаты осуществлять покупку необходимых материальных средств для несения службы [6, Л. 7].

Данный факт подтверждает рапорт полицмейстера от 1902 г.: «Последние штаты саратовской городской полиции Высочайшим утверждением от 15-го апреля 1885 г. коим назначен только размер жалования и на обмундирование их, что же касается отвода помещения и отпуск сумм на вооружение, вопрос этот в проект новых штатов городской полиции не включен. Исполнение первой повинности, именно квартирной, крайне тяжело отзывается на благосостоянии городского, так как он и без того из скудного своего содержания, должен значительную часть отделять на найм себе помещения и покупку дров, освещения, каково в последнее время вздорожало, в штат городских зачисляются люди уже более по необходимости, не имея другого выхода, и при первой возможности бегут, пользуясь лучшим предложением, у нас остается худший элемент, не принимаемый больше никуда» [6, Л. 8]. Таким образом, городская полиция испытывала финансовые трудности, что несомненно влияло на качество кадрового состава, в нижние чины полиции шли работать, как правило не из-за лучших побуждений, а из-за тяжелых жизненных обстоятельств.

Действительно, финансирование было не просто слабое, а на много ниже по сравнению с соседними губернскими центрами. По замечанию полицмейстера: «почти ежегодно приходится обмундировать в неполном комплекте городских, что при проезде по городу, сейчас же бросается не только мне, но и простому обывателю, так как должен сознаться, что обмундирование городских Саратова по сравнению с городскими как-то: Самары, Казани и Нижнего Новгорода – заставляет желать многого. В означенных городах штаты городской полиции, хоть и утверждены по примеру Саратова, однако в отличие от нашей городской, у них предоставляются квартирные в виде казарменных помещений и повинности на вооружение в виде отпуска сумм, по мере надобности исполнительным местным городским самоуправлением [6, Л. 8. об.]».

Поэтому, в отличие от саратовской полиции в вышеобозначенных городах отсутствовали проблемы с финансированием, а значит и с кадровым составом: «у них имеется лучший контингент нижних чинов полиции, так как они несравненно лучше обеспечены, лучше обмундированы потому что из тех средств, которые ассигнованы на обмундировку не отрывается значительная часть на вооружение, кроме того, при расквартировании городских

казарменным способом само собой является лучший надзор, как за нравственными качествами городского, так и бережного обращения с его обмундированием» [6, Л. 8. об.].

Кроме того, необходимо отметить, что отпускаемая сумма финансирования для саратовской городской полиции с 1885 по 1902 гг. не изменялась за весь период, поэтому зарплата не соответствовала прожиточному минимуму. Хотя, численность населения и территория города значительно увеличились. Так, в 1885 г. численность жителей города составляла 108 000 тысяч человек обоего пола, а в 1900 г. уже 153 417, за 15 лет количество населения выросло на 45 417 человек [6, Л. 9]. Поэтому, замечание полицмейстера звучит вполне справедливо, что: «На 1 только городского приходилось 500 душ» [6, Л. 10]. Следовательно, слабый полицейский контроль, несомненно, был одной из главных причин роста преступности. Об этом свидетельствуют статистические отчеты на имя губернатора, так, например, самый высокий показатель смертоубийства (ст. 1449-1471) с 1880 по 1890 гг. в Саратовской губернии не превышал 106, а с 1890 по 1900 гг. – 1253 [13].

Для сравнения в Казани в 1897 г. численность населения равнялась 131 500 человек, сумма расхода на полицию составляла 100 218 рублей, в Харькове 195 тыс. жителей, расход 158 760 тыс. рублей, в Саратове соответственно 153 417 тыс. человек, финансирование - 96 700 руб [6, Л. 11]. При этом, необходимо учитывать тот факт, что за 15 лет значение Саратова как торгово-промышленного центра губернии заметно повысилось, а вместе с этим увеличился приток дополнительной рабочей силы из деревни на фоне земледельческого кризиса, который официально не регистрировался властями. Доказательство данного факта можно найти в рапорте полицмейстера: «Развитие пароходство по Волге, провидение новой Покровско-Уральской линии Рязано-Уральской железной дороги, рост торговли, промышленности, народонаселения Саратова, особенно в летнее время при усиленном движении рабочих, коммерсантов, количество жителей города повышается до 180 тыс. душ» [6, Л. 34].

Только 18 февраля 1903 г. утверждением Государственного Совета финансирование городской полиции Саратова, было повышено до 148 600 тыс. руб. [19, Л. 32], сумма распределялась между городской (67 000) и государственную казною (81 600). Кроме того, город выделял квартирное довольствие в сумме 17 250 руб. Повышение финансирования всего лишь частично решало проблемы городской полиции, так как в сумму проекта, были включены только квартирные, но траты на вооружение, покупку дров, освещение приходилось осуществлять полицейским чинам из собственного жалования [6, Л. 57].

В годы Первой Мировой войны для укрепления общественного порядка обязанности полиции увеличились [16, С. 128-133]. В связи с этим губернскому правлению от 24 января 1915 г. пришлось взять государственный кредит для увеличения состава полиции: «Согласно приказанию Господина Министра, сделано распоряжение об открытии по смете расходов министерства внутренних дел кредит – 3 683 руб., 34 коп. для усиления состава полиции классными и нижними чинами в видах принятия мер охраны по случаю настоящей войны» [3, Л. 1].

Тем не менее на основании архивных материалов, можно заключить, что проблема с низким финансированием саратовских полицейских чинов, особенно нижнего ранга, прослеживается вплоть до событий 1917 г. Так, например, в 1915 г. стражник Степанов И. И. в прошении на имя губернатора писал о выплате жалования за несколько месяцев: «С апреля по декабрь 1915 г. не получено жалование. А потому имею честь покорнейше просить Ваше Превосходительство удовлетворить меня за причитающиеся месяцы службы, т.к. я человек семейный, имею 5 человек детей, между прочим. Кроме того, среди лютой зимы, я должен ехать к своей собственности, потому что я астраханский казак, нужно ехать 500 верст, не имею средств, а при том с малыми детьми, все разуты и раздеты, в ожидании жалования» [3, Л. 222].

Конечно, в пертурбационные 1914-1917 годы государственная казна испытывала колоссальные трудности, связанные с огромными тратами на военную кампанию, поэтому логично думать, что в эти годы государство особенно сокращало финансирование правоохранительных органов власти. Так, например, в циркуляре от 2 ноября 1916 г. за № 23045 департамента полиции сообщалась: «В виду в настоящее время острой нехватки в кожаных материалах. Военное ведомство признало целесообразно прекратить производство сапог, заменив их полусапогами из разного рода суррогатов кожи. Для членов полиции и корпуса жандармов, комитет присовокупляет, что для них могут быть отпускаемы некондиционные сорта, не могущие в каждый данный момент быть использованными на нужды армии и при том в строго ограниченном количестве» [4, Л. 14].

Таким образом, финансирование городской полиции Саратова было существенно ниже, чем в соседних губернских городах с меньшим количеством населения, что несомненно влияло на качество кадрового состава полицейских чиновников. Слабое материальное обеспечение являлось одной из главных проблем, именно она влияла (влияет) на многие аспекты эффективности правоохранительной системы в целом, особенно в условиях нарастания революционного настроения социума. В этой связи, характерен был циркуляр губернатора П. А. Столыпина от 15 января 1905 г. (подчеркивающий масштаб революции в Саратовской губернии и нехватку кадров полицейского состава): «Командующему войсками сделано распоряжение о немедленном командировании в Саратов двух батальонов из Пензы» [1, Л. 11].

Реформы 1860-х гг. не ликвидировали и «громоздкие» обязанности полиции. Кроме поддержания общественного порядка ей приходилось обеспечивать надзор за проститутками, паспортным контролем, осуществлять помощь пожарной охране, заполнять всевозможные виды справок, протоколов, патентов и т. д., что конечно отражалось на снижении ее эффективности. Например, с 1 января 1884 г. по 1 января 1885 г. во вторую часть, согласно входящему реестру, поступило 15 310 различных документов, из которых было отправлено 18 000, а с 1 января по 20 марта 1885 г. соответственно 2485 и 2763 [8, Л. 11].

Кроме того, введение с 1 июля 1901 г. в Саратове казенной винной монополии налагало на полицию дополнительные обязанности: «число гостиниц, трактирных заведений и пивных сократилось более, чем на 2/3 и лица за неимением определенных занятий, проводя время до открытия ночлежных домов теперь на улицах города, около винных лавок, а все распитие которое производилось в стенах заведений, в настоящее время на улицах, последствие

чего является масса ссор, драк, беспорядков, не говоря, что упившаяся водкой в большом количестве валяется по улицам, что для устранения всего этого требуются усиленный надзор полиции» [6, Л. 37], - отмечал полицмейстер.

Таким образом, полномочия саратовской полиции в начале XX в. были «раздуты», что превращало ее в большой бюрократический аппарат. Характерной чертой первого десятилетия XX в. является то, что с нарастанием социально-политических катаклизмов пропорционально росли и обязанности полицейских чинов. Тем более, учитывая рост населения самого города (о чем говорилось выше), поддерживать правопорядок становилось сложнее. Конечно, революционная деятельность различных партий имела и в конце XIX в., однако она носила в большей степени подпольный характер, а в начале XX столетия - открытый.

В годы первой революции, полиции приходилось не только бороться с народными бунтами, но и их последствиями: убийства, поджоги, грабежи, хулиганства и т.д. В рапорте № 3309 от 21 октября 1905 г. полицмейстер Саратова на имя губернатора докладывал, что: «после случаев 19 и 20 октября, в городе порядок более нарушен не был; приняты тщательные меры к отобранию разграбленных вещей и выяснению обвиняемых. Убитых за означенное время было 3 и 7 человек, разрушено магазинов и квартир 168 (в том числе у многих выбиты стекла); ранено всего 124 человека, тяжело-66, поджогов 11 случаев. Задержано лиц с награбленными вещами, пока 52 человека, но задержание их продолжается» [2, Л. 2].

Серьезной проблемой оставалась низкое образование нижних чинов полиции, в особенности сотских и десятских, которые избирались, по замечанию саратовского губернатора М. Н. Галкино-Врасского, «из худших крестьян и расценивали должность как наказание» [15, С. 141]. В связи с этим в Саратове была открыта губернская школа подготовки стражников, первый выпуск, который произошел в 1910 г (хотя, полицмейстер Саратова запрашивал сумму в 178 150 тыс. руб. Однако ему было отказано министром финансов С. Ю. Витте, по причине того, что: «городская казна сама должна увеличить финансирование, но для нее даже ныне обременителен расход в 44 000 руб.» К тому же, запрашиваемая сумма, была характерна больше для «городов Рига, Киев, Харьков, однако для Саратова больше в сравнении подходит Самара, Казань») [9, Л. 11].

Таким образом, в результате реформирования полицейских учреждений в конце XIX – начале XX вв. произошло изменение структуры и функциональных обязанностей провинциальных штатов местной полиции. Важно подчеркнуть, что финансирование саратовской полиции по сравнению с соседними губернскими центрами, было на много ниже. При этом, полномочия полиции, были чрезмерно обширны, что снижало оперативность ее работы. Наблюдались низкие профессиональные качества сотрудников полиции. Во многом, данные проблемы проявились в годы первой революции, в виде дефицита кадрового состава штата полицейских и высоким ростом преступности.

Конфликт интересов

Не указан.

Conflict of Interest

None declared.

Список литературы / References

1. Государственный архив саратовской области (далее: ГАСО). Ф. 1. (Канцелярия саратовского губернатора). Оп. 1. Д. 6729. -99 л.
2. ГАСО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 6728. -33 л.
3. ГАСО. Ф. 2. (Саратовское губернское правление). Оп. 1. Д. 11547. – 357 л.
4. ГАСО. Ф. 2. Оп. 1. Д. 11756. – 99 л.
5. ГАСО. Ф. 2. Оп. 1. Д. 8281. - 150 л.
6. ГАСО. Ф. 2. Оп. 1. Д. 8329. -145 л.
7. ГАСО. Ф. 2. Оп. 1. Д. 2284. – 103 л.
8. ГАСО. Ф. 59. (Саратовское городское полицейское управление). Оп. 1. Д. 64. – 150 л.
9. ГАСО. Ф. 61. (Саратовское уездное полицейское управление). Оп. 24. Д. 191. – 120 л.
10. ГАСО. Ф. 59. Оп. 1. Д. 10. - 120 л.
11. Иванова Е. В. Формирование и социальное обустройство пространства крупного города на Волге во второй половине XIX - начале XX в.: на материалах Саратова: дис. ...канд. ист. наук.: 07.00. 02: защищена 24. 09.08 утв. 13. 03. 09. / Иванова Евгения Вячеславовна.- Саратов: СГУ им. Н. Г. Чернышевского., 2008. -254 С.
12. Лазарева О. В. Источники финансирования губернской полиции Российской Империи в XIX- начале XX вв. (на примере Пензенской и Саратовской губерний) / О. В. Лазарева // Вестник саратовского государственного социально-экономического университета. – 2008.- № 3 (22).- С. 133-136.
13. Обзор саратовской губернии... [по годам]. Приложение к всеподданнейшему отчету. / Саратов. губ. стат. комитет. Саратов.: Губернская типография, 1880, 1881, 1882, 1883, 1884, 1885, 1886, 1887, 1888, 1889, 1890, 1891, 1892, 1893, 1894, 1895, 1896, 1897, 1898, 1899, 1900.
14. Полиция и Россия: Документы и материалы, 1718-1917 гг. / Малыгин А. Я., Мулукаев Р. С., Сизиков М. И. Саратов: - Саратовский юрид. ин-т МВД России, -2002. - 397 с.
15. Семенов В. Н. Начальные люди Саратова. От первого воеводы до последнего первого секретаря. Саратов: Надежда, 1998. – 350 с.
16. Глушаченко С. Б. Деятельность полиции Саратовской губернии в годы первой мировой войны / С. Б. Глушаченко // Ленинградский Юридический журнал- 2019.- № 1 (55). - С. 128-133.
17. Соколов И. А. Исторический обзор преобразований состав саратовской полиции / И. А. Соколов // Саратовский сборник: Материалы для изучения Саратовской губернии Саратов. -1881. - Т.1. - С. 66-68.
18. Соколов И. А. Исторический обзор преобразований состав саратовской полиции // Саратовский сборник: Материалы для изучения Саратовской губернии, Саратов. 1881. С. 67. ГАСО. Ф. 59. Оп. 1. Д. 10. Л. 43.
19. ГАСО. Ф. 2. Оп. 1. Д. 8329. Л. 32.

Список литературы на английском языке / References in English

1. State Archive of Saratov Oblast. Fund 1. (Office of the Saratov governor). Inventory 1. File 6729. - sheet 99
2. State Archive of Saratov Oblast. Fund 1. Inventory 1. File 6728. - sheet 33
3. State Archive of Saratov Oblast. Fund 2. (Saratov provincial Government). Inventory 1. File 11547– sheet 357
4. State Archive of Saratov Oblast. Fund 2. Inventory 1. File 11756– sheet 99
5. State Archive of Saratov Oblast. Fund 2. Inventory 1. File 8281. - sheet 150
6. State Archive of Saratov Oblast. Fund 2. Inventory 1. File 8329. sheet 145
7. State Archive of Saratov Oblast. Fund 2. Inventory 1. File 2284– sheet 103
8. State Archive of Saratov Oblast. Fund 59. (Saratov City Police Department). Inventory 1. File 64– sheet 150
9. State Archive of Saratov Oblast. Fund 61. (Saratov County Police Department). Inventory 24. File 191– sheet 120
10. State Archive of Saratov Oblast. Fund 59. Inventory 1. File 10. - sheet 120
11. Ivanova E. V. Formirovanie i social'noe obustrojstvo prostranstva krupnogo goroda na Volge vo vtorojj polovine XIX - nachale XX v. [formation and social arrangement of the space of a large city on the Volga in the second half of the 19th - early 20th century]: on the materials of Saratov: Candidate's thesis. Historical Sciences.: 07.00. 02: defended on 24. 09.08 approved on 13. 03. 09. / Ivanova Evgeniya Vyacheslavovna.- Saratov: SSU named after N. G. Chernyshevsky., 2008. -254 P. [in Russian]
12. Lazareva O. V. Istochniki finansirovaniya gubernskoj policii Rossijskoj Imperii v KhIX- nachale KhKh vv. (na primere Penzenskoj i Saratovskoj gubernij) [Sources of financing of the provincial police of the Russian Empire in the 19th-early 20th centuries. (in Penza and Saratov provinces)] / O. V. Lazareva // Vestnik saratovskogo gosudarstvennogo social'no-ehkonomicheskogo universiteta [Bulletin of the Saratov State Socio-Economic University]. – 2008.- № 3 (22).- pp. 133-136 [in Russian]
13. Obzor saratovskoj gubernii... [po godam]. Prilozhenie k vsepoddanejjshemu otchetu. / Saratov. gub. stat. komitet. Saratov.: Gubernskaja tipografija [Overview of Saratov province... [by year]. Appendix to the most recent report. / Saratov. lips. stat. the committee. Saratov.: Provincial Printing house], 1880, 1881, 1882, 1883, 1884, 1885, 1886, 1887, 1888, 1889, 1890, 1891, 1892, 1893, 1894, 1895, 1896, 1897, 1898, 1899, 1900 [in Russian]
14. Policija i Rossija: Dokumenty i materialy, 1718-1917 gg. Policija i Rossija: Dokumenty i materialy, 1718-1917 gg. [Police and Russia: Documents and materials, 1718-1917] / Malygin A. Ya., Mulukaev R. S., Sizikov M. I. Saratov: - Saratov Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, -2002.- 397 p. [in Russian]
15. Semenov V. N. Nachal'nye ljudi Saratova. Ot pervogo voevody do poslednego pervogo sekretarja [The initial people of Saratov. from the first governor to the last first secretary]. Saratov: Nadezhda, 1998. - 350 p. [in Russian]
16. Glushachenko S. B. Dejatel'nost' policii Saratovskoj gubernii v gody pervojj mirovoj vojny [Police activity of Saratov province during the first World War] / S. B. Glushachenko / S. B. Glushachenko // Leningradskij Juridicheskij zhurnal [Leningrad Law Journal]- 2019.- № 1 (55). - pp. 128-133 [in Russian]
17. Sokolov I. A. Istoricheskij obzor preobrazovanijj sostav saratovskoj policii// Saratovskij sbornik: Materialy dlja izuchenija Saratovskoj gubernii Saratov [Historical overview of the transformations of the Saratov police // Saratovskij sbornik: Materialy dlja izuchenija Saratovskoj gubernii Saratov [Saratov collection: Materials for the study of the Saratov province of Saratov] / I. A. Sokolov. -1881. - Vol.1.- pp. 66-68 [in Russian]
18. Sokolov I. A. Istoricheskij obzor preobrazovanijj sostav saratovskoj policii [Historical review of the transformations of the Saratov police] / I. A. Sokolov // Saratovskij sbornik: Materialy dlja izuchenija Saratovskoj gubernii [Saratov collection: Materials for the study of the Saratov province], Saratov. 1881. P. 67 [in Russian] State Archive of Saratov Oblast. Fund 59. Inventory 1. File 10. sheet 43.
19. State Archive of Saratov Oblast. Fund 2. Inventory 1. File 8329. sheet 32.

DOI: <https://doi.org/10.23670/IRJ.2021.112.10.101>

РЕАЛИЗАЦИЯ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ПОЛИТИКИ В СФЕРЕ СОЦИАЛЬНОЙ ПОДДЕРЖКИ СЕМЕЙ НИЖНИХ ЧИНОВ АРМИИ В ЦАРСКОЙ РОССИИ В ГОДЫ ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ

Научная статья

Болотова Е.Ю.¹, Третьяк Д.В.^{2,*}

¹ ORCID: 0000-0001-6432-2373;

^{1,2} Волгоградский государственный социально-педагогический университет, Волгоград, Россия

* Корреспондирующий автор (d.v.tretyak99[at]yandex.ru)

Аннотация

Проведён анализ законодательных актов и делопроизводственных документов из фондов Государственного архива Волгоградской области по вопросам социальной поддержки семей нижних воинских чинов в Российской империи в 1914 г. – феврале 1917 г. Выявлены различные формы социальной защиты семей нижних чинов, сделан вывод о необходимости их сосуществования и взаимодействия. Определены особенности реализации законодательных актов на региональном уровне и приведены примеры законодательной неопределённости, затруднявшей определение категории нуждаемости семей. Изучены механизмы взаимодействия органов власти, а также выявлены особенности функционирования системы социального обеспечения указанной категории населения. Сделан вывод о том, что основными причинами, снижающими эффективность данной системы, являлись малоэффективная система контроля, субъективизм и бюрократизм в назначении пособий, обусловленные несовершенством и противоречивостью законодательства.

Ключевые слова: социальная защита; военнослужащие; нижние чины; семьи нижних чинов; взаимодействие уровней власти.

IMPLEMENTATION OF THE STATE POLICY OF SOCIAL SUPPORT FOR THE FAMILIES OF ENLISTED MEN IN TSARIST RUSSIA DURING THE FIRST WORLD WAR

Research article

Bolotova E.Yu.¹, Tretyak D.V.^{2,*}

¹ ORCID: 0000-0001-6432-2373;

^{1,2} Volgograd State Social and Pedagogical University, Volgograd, Russia

* Corresponding author (d.v.tretyak99[at]yandex.ru)

Abstract

The article presents the analysis of legislative acts and clerical documentation from the funds of the State Archive of Volgograd Region on the issues of social support of enlisted men's families in the Russian Empire in 1914 - February 1917. Various forms of social protection of enlisted men's families were identified and a conclusion was drawn about the need for their coexistence and interaction. The features of the legislative acts' implementation at the regional level are determined. The author presents the examples of legislative uncertainty, which complicated determination of the category of neediness for a family. The mechanisms of interaction between the authorities have been studied and the features of functioning of the social security system for this category of population have been identified. The authors revealed the factors reducing the system effectiveness – subjectivity and bureaucracy in assigning allowances, poor control due to imperfection and ambiguity of legislation acts.

Keywords: social protection; military personnel; lower ranks; families of enlisted men; interaction of the government levels.

Introduction

Implementation of social support is one the critical functions of any state. It demonstrates the social orientation of the state. Protection of people in need and practices of charity and mutual help show the strength of spirit and morality of the society. The urgency of the study is substantiated by the increased interest in the social aspects of history and the necessity to determine effective mechanisms of social support for particular groups of population. The history of our country is full of military conflicts. This fact poses the questions of social security of the population and the military men during and after the conflicts.

Recent studies consider the activity of local *Popechitel'stvo* as the key structure element of the system of social assistance for the enlisted men's families [11]. Historians also investigate the evolution of social assistance for military men and their families [17], complex issues of implementing the social policy of the state in practice [2], and others. The cited works note the attention of the state to the issues of social security of military men's families. The authors come to the conclusion that gaps and mistakes in social policy formed a negative attitude towards the authorities, which could also become one of many factors in the rise of revolutionary ideas.

So, the actuality of the research is substantiated by the interest of the scientific historical community to the issues of state's social policy and its implementation, as well as to the problem of coordination between the levels of the government structure. We focused our research on the problem of social support for the families of enlisted men in czar Russia during the First World War. The purpose of this article is to study the measures of social protection for family members of enlisted men during the First World War. To achieve this goal, several tasks had to be solved – to study legislative acts on social support of the population in 1914-1917 and to estimate the effectiveness of its implementation at the regional level.

Methods

Methods of analysis and synthesis of information, systemic historical and problem-chronological methods were used. The research is based on the principles of historicism and objectivity. The study of the regional archival documents reflecting the peculiarities of the implementation of social policy measures helped us to come closer to objective assessment of the authorities' activities in providing support to families of lower ranks. Retrospective review gave us the possibility to analyze and estimate the effectiveness of this coordination in various historical periods and conditions.

The state legislative acts and clerical documentation for the period covering 1914- February 1917 were studied by the authors in available literature sources and State Archive of the Volgograd region. In the studied period Tsaritsin belonged to Saratov gubernia, so the State Archive of the Volgograd region keeps documents of Saratov and adjacent regions (for example, the documents of Samara gubernia). The reports of the representatives of the regional government on social issues and their correspondence with the superior governing bodies formed the basis for the reasoning about the structure of social support organization and its effectiveness.

Results

During the First World War, assistance to families of enlisted men was regulated by the Law of June 25, 1912 [13, P. 935-945]. The responsibility of social support for the families was entirely put on the state compared to previously involved charity societies and funds. The issuance of funds for the purchase of food rations was made not from the zemstvo budgets (local level), but from the State Treasury. This decision increased the amount of help and provided guaranteed support to those in need.

Members of enlisted men's families received a food allowance in cash for each adult in the amount equal to the price of 1 pud (about 16 kg) and 28 pounds (1 pound was equal to 1/40 of pud, that was 400 g) of flour, 10 pounds of cereal, 4 pounds of salt, 1 pound of vegetable oil. As food prices rose, the amount of the allowance also increased. For example, in January 1916 it was 2 rubles 50 kopecks [4], in February 1917 – 3 rubles 10 kopecks [3].

State social help to the wives and dependent children (under 17) of enlisted men was unconditional. Other relatives had to prove the fact of being dependent on the man called up for the service. They had to present any evidences that they live at the expense of the enlisted man. This wording created difficulties in the implementation of the law especially for a large number of extended and joint families. Since August 1914, 2 more criteria were introduced by the State Treasury Department. The parents of the enlisted men had to satisfy the following requirements to get a free ration: 1) at least 55 years of age, 2) incapacity for work. These additions caused dissatisfaction among the enlisted men [10, P. 38].

Structural elements of the system of social assistance for the families of enlisted men are presented in Fig.1.

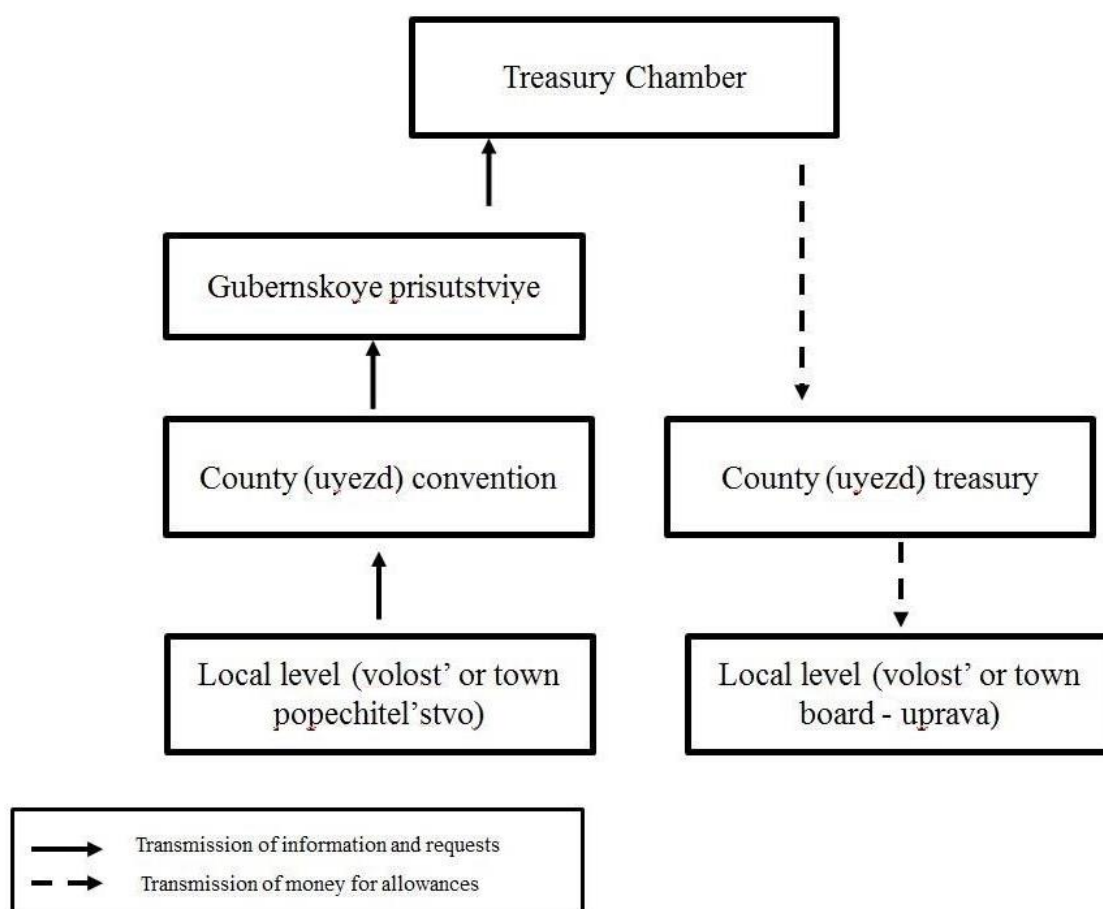

Fig. 1 – Structural elements of the system of social assistance for the families of enlisted men

Local authorities, mainly Popechitel'stvo, had to make a record of families of enlisted men within two weeks from the date of the mobilization announcement and submit the documents to higher authorities for the appointment of allowances. County

(uyezd) Convention also had a 2 weeks period to make a decision on the amount of the allowance and to check the handout sheets. Then, the Convention requested a loan from the Treasury Chamber through the Gubernskoye Pristutstviye [13, P. 944]. Among other powers, the Pristutstviye was a control board as it considered the complaints filed against the decisions of the County Convention. But there were cases when despite a double check (for volost' – triple check), Saratov Treasury Chamber pointed out the incorrectness of filling out payment sheets which lacked necessary information. So the families of enlisted men didn't get allowances and filed complaints about the decisions of the authorities [7].

One of the possible causes of the mistakes and misunderstanding between the authorities was the inconsistency of legislative acts and local recommendations. For example, the Saratov guberniya governing bodies recommended taking into account several more criteria while assigning benefits. So, the prosperity of the families and the income from other working members of the family could be considered as reasons for refusal [6]. These terms were contradictory to the previously mentioned Law of June 25, 1912. The local acts increased subjectivity in the assignment of the benefits as the solutions depended on fairness and scrupulosity of the representatives of the local authorities.

The desire to take into account the whole variety of individual cases in practice gave rise to subjectivity, a significant difference in the number of benefits and caused an increase in public discontent. As the consequence, it was necessary to strengthen control. This function was given to guberniya and town governors. Since August 1914 the main controlling functions were performed by uyezd and town Popechitel'stvo (local administrative body). The analysis of the practices showed that the majority of the errors in the assignment of benefits were associated with inaccuracies in determining the degree of kinship between the members of the families of enlisted men and the term of service [5]. To get the objective information it was required to address the documents of local clergy and the police authorities. But their representatives were not among the Popechitel'stvo members that significantly retarded the process of the benefits assignment and reduced the ability to exercise control functions. The activities of local Popechitel'stvo were carried out on a gratuitous basis, although they performed the bulk of the work. That is why it soon became necessary to involve members of the zemstvo bodies, which, in addition, provided greater control over the issuance of allowances [14, P. 295].

It is characteristic that the highest allowance for a widow of an enlisted man was 8 rubles, and the average family received an allowance of 10 rubles [Ibid, P. 296]. So, the amount of the aid was reduced after the death of the head of the family. The Council of Ministers recognized this fact, but pointed out that additional assistance to the families of the deceased could be provided through charity. The issue of including stepchildren and stepdaughters, stepfathers, stepmothers, nephews, children adopted illegally, illegitimate children and their mothers in the number of those receiving allowance, was not resolved due to contradictions between the State Council and the State Duma. Zemstvo was recommended to provide assistance to such persons from their own funds. [2, P.163].

Budget expenditures for the distribution of allowances to soldiers' families occupied most of the expenditures of civilian departments. According to the State Treasury documents, payments under this item amounted to "190.6 million rubles in 1914, 623.7 million rubles in 1915, and 1106.8 million rubles in 1916" [16, P. 24]. That is why, a tendency to unite the efforts of the whole population to help the families of enlisted men arose during the first year of the war. The Supreme Council for support of families of persons called up for war, as well as the families of wounded and fallen soldiers under the presidency of the Empress Alexandra Feodorovna was organized in August, 1914. Its task was to coordinate and effectively distribute the resources of charity funds for the needs of the families. This Council ensured the distribution of funds allocated from the State Treasury and from private donations among leading charitable organizations [17, P.18]. This fact demonstrates the intentions to increase the amount of assistance to the families in need and the necessity to involve charity resources to reduce the burden to the state budget. The chairmen of the State Council and the Duma, ministers of a number of departments, as well as representatives of the largest charitable societies were the members of the Council under the presidency of the Empress Alexandra Feodorovna. It promoted the solution of the most pressing problems of social policy and gave the possibility to promptly improve legislative acts, for example, in unifying the rules of allowances issuance [12, P.19-20]. However, the Council didn't have the powers and mechanisms to control all state, public and private resources. Many local organizations found themselves outside the Council's field of activity [1, P. 117]. And the institution itself was more like an All-Russian charitable society than a state structure, although it had access to budget funds.

It should be noted that the social support system was highly bureaucratic as it wasn't centralized (starting from the moment the person was called up for military service) but based on the triad "request – consideration – solution". It required extensive correspondence between institutions [15, P. 149].

The personnel of Popechitel'stvo sometimes made mistakes in compiling handout sheets for the issuance of allowances. So the local authorities couldn't "apply for an appropriate loan timely". However, the allowances, albeit with a delay, were paid to families [8]. Cases of erroneous cancellation of the payment are also presented in the available documentation. In a petition submitted on February 24, 1917, disabled parents of an enlisted man asked to restore the payment of allowances, which they had not received since October 1916. Four days later, on February 28, the Kamyshin Popechitel'stvo replied that the payment "would be requested with an additional loan» [9].

However, we should note the regulation of clerical office work in relation to the timing of the submission of documents and consideration by the authorities. It is also necessary to take into account the historical level of keeping records and clerical documentation, conditions of wartime, which impede the work of institutions. And still, there were mechanisms that allowed families of enlisted men to prove their rights to receive benefits by appealing against decisions made.

Conclusion

Thus, the policy of the state in 1914-1917 was characterized by the desire to maximize the provision for those in need in order to maintain a stable socio-political situation and save budget funds at the same time. The significant sums required to pay the allowance, as well as the enormous amount of bureaucratic work in processing information, necessitated access to financial and organizational resources of zemstvo due to unstable socio-economical background. The social protection system had

significant organizational drawbacks, manifested in an ineffective control system, the influence of the subjective factor on the number of benefits and a high degree of bureaucracy.

The main cause of these drawbacks was the inconsistency of legislative acts and guidelines of local authorities. The elimination of these shortcomings would be possible if there was a single coordinating body, whose instructions would resolve individual controversial cases of the Law of 1912 and unify decision-making in such situations. But the Supreme Council organized for the support of families of enlisted men, wounded and fallen soldiers could not perform this function, as it did not have the appropriate powers. At the same time, the population had the opportunity to challenge the decisions of the authorities and prove their right to benefits. The deadlines for submitting information established by the Law made the local authorities keep records and submit the payment sheets timely that improved the efficiency of the social support system.

Конфликт интересов

Не указан.

Conflict of Interest

None declared.

Список литературы/ References:

1. Баева Е.П. Организация социальной помощи в годы Первой Мировой войны / Е.П. Баева, Н.М. Иванова // Научно-технический вестник информационных технологий, механики и оптики. 2004. №17. С. 117-122.
2. Грудина А.Д. Государственная помощь семьям нижних чинов Российской армии в годы Первой мировой войны / А.Д. Грудина: дис. ... канд. ист. наук: 07.00.02. - Брянск, 2019. - 242 с.
3. Государственный архив Волгоградской области (далее – ГАВО). Ф.198. Оп.2. Д.11. Л.24
4. ГАВО. Ф.209. Оп.1. Д.193. Л.6
5. ГАВО. Ф. 209. Оп. 1. Д. 193. Л. 47
6. ГАВО. Ф. 294. Оп.1, Д. 779. Л. 299
7. ГАВО. Ф. 294. Оп.1. Д. 625. Л. 22
8. ГАВО. Ф. 294. Оп.1. Д.831. Л.5.
9. ГАВО. Ф. 294. Оп.1. Д.831. Л.6.
10. Докладная записка в Управление Воинской Повинности // Всероссийский союз городов. Распоряжения и циркуляры. К сведению учреждений Всероссийского союза городов. Октябрь 1915 г. - М., 1915. - 52 с.
11. Долидович О.М. Попечительства о семьях призванных солдат в 1914-1917 гг. (на материалах Барнаульского уезда Томской губернии) / О.М. Долидович // Вестник Томского государственного университета. История. 2017. № 45. с. 16-21.
12. Журнал Верховного Совета по призрению семей лиц, призванных на войну, а также семей раненых и павших воинов // Известия Верховного совета по призрению семей лиц, призванных на войну, а также семей раненых и павших воинов. Вып. 9. Декабрь 1915 года. - Пг. : Гос. тип., 1916. - 278 с.
13. О призыве нижних воинских чинов и их семей: закон от 25.06.1912 г. // ПСЗ РИ. СПб., 1915. Собр. III. Отделение I. Т. XXXII. №37507. 1819 с.
14. Особый журнал Совета Министров. 19 Августа 1914 года. О порядке применения закона 25 Июня 1912 года ... // Особые журналы Совета министров Российской империи. 1909–1917 гг. 1914 год. — М. : РОССПЭН, 2006. – 700 с.
15. Пушкарева Н. Л., Щербинин П. П. Организация призрения семей нижних чинов в годы Первой мировой войны // ЖИСП. 2005. №2. С. 147-162.
16. Финансовое положение России перед Октябрьской революцией // Красный архив. Исторический журнал. Т. 6(25). Москва, Ленинград, 1927. 210 с.
17. Чубаров А.И. Социальная опека солдатских семей и пострадавших военнослужащих России в войнах конца XIX - начала XX веков на типичном примере Курской губернии / А.И. Чубаров: автореф. дис. ... канд. ист. наук: 07.00.02 / Чубаров Алексей Игоревич. - Белгород, 2017. - 25 с.

Список литературы/ References:

1. Bayeva Ye.P. Organizatsiya sotsial'noy pomoshchi v gody Pervoy Mirovoy voyny [Baeva Ye.P., Ivanova N.M. Organization of social assistance during the First World War] / Ye.P. Bayeva, N.M. Ivanova // Nauchno-tehnicheskiiy vestnik informatsionnykh tekhnologiy, mekhaniki i optiki [Scientific and technical bulletin of information technologies, mechanics and optics]. 2004. №17. P. 117-122. [in Russian]
2. Grudina A.D. Gosudarstvennaya pomoshch' sem'yam nizhnikh chinov Rossiyskoy armii v gody Pervoy mirovoy voyny [State aid to families of the lower ranks of the Russian army during the First World War]: dis. ... of PhD in History: 07.00.02 / Grudina Alexey Dmitrievich. - Bryansk, 2019. - 242 p. [in Russian]
3. State Archives of the Volgograd Region (hereinafter – SAVR). Fund 198. Inventory 2. File 11. Sheet 24 [in Russian]
4. SAVR. Fund 209. Inventory 1. File 193. Sheet 6 [in Russian]
5. SAVR. Fund 209. Inventory 1. File 193. Sheet 47 [in Russian]
6. SAVR. Fund 294. Inventory 1. File 779. Sheet 299 [in Russian]
7. SAVR. Fund 294. Inventory 1. File 625. Sheet 22 [in Russian]
8. SAVR. Fund 294. Inventory 1. File 831. Sheet 5 [in Russian]
9. SAVR. Fund 294. Inventory 1. File 831. Sheet 6 [in Russian]
10. Dokladnaya zapiska v Upravlenie Voinskoj Povinnosti [Memorandum to the Office of Military Service] // Vserossiyskiy soyuz gorodov. Rasporyazheniya i tsirkulyary. K svedeniyu ucherezhdений Vserossiyskogo soyuza gorodov. Oktyabr' 1915 g [All-Russian Union of Cities. Orders and circulars. For the information of the institutions of the All-Russian Union of Cities. October, 1915]. - M., 1915. - 52, [1] p. [in Russian]
11. Dolidovich O.M. Popechitel'stva o sem'yakh prizvannykh soldat v 1914-1917 gg. (na materialakh Barnaul'skogo uyezda Tomskoy gubernii) [Guardianship organizations about families of mobilized soldiers in 1914–1917 (on materials of the

Barnaul county of Tomsk province)] / O.M. Dolidovich // Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Istoriya. [Tomsk State University Journal of History]. 2017. № 45. P. 16-21. [in Russian]

12. Zhurnal Verkhovnogo Soveta po prizreniyu semey lits, prizvannykh na voynu, a takzhe semey ranenyykh i pavshikh voynov [Journal of the Supreme Council for support of families of persons called up for war, as well as the families of wounded and fallen soldiers] // Izvestiya Verkhovnogo soveta po prizreniyu semey lits, prizvannykh na voynu, a takzhe semey ranenyykh i pavshikh voynov [Proceedings of the Supreme Council for support of families of persons called up for war, as well as the families of wounded and fallen soldiers]. 9th Edition. December 1915. - SPb., 1916. - 278 p. [in Russian]

13. O prizrenii nizhnikh voinskikh chinov i ikh semey: zakon ot 25.06.1912 g. [On the solicitude for the enlisted men of lower ranks and their families; Law of 25.06.1912] // PSZ RI. Sobr. III. Otdeleniye I. T. XXXII. №37507. [Complete collection of laws of the Russian empire. Collection III. Part I. Volume XXXII. №37507]. SPb., 1915. 1819 p. [in Russian]

14. Osoby zhurnal Soveta Ministrov. 19 Avgusta 1914 goda. O poryadke primeneniya zakona 25 Iyunya 1912 goda ... [Special journal of the Council of Ministers. August 19, 1914. On the procedure for the application of the law of June 25, 1912 ...] // Osoby zhurnaly Soveta ministrov Rossiyskoy imperii. 1909–1917 gg. 1914 god [Special journals of the Council of Ministers of the Russian Empire. 1909-1917 1914 year.]. — M. : ROSSPEN, 2006. – 700 p. [in Russian]

15. Pushkareva N. L. Organizatsiya prizreniya semey nizhnikh chinov v gody Pervoy mirovoy voyny [Organization of social care for the families of low grades during the First World War] / N. L. Pushkareva, P. P. Shcherbinin // ZHISP [The journal of social policy studies]. 2005. №2. P. 147-162. [in Russian]

16. Finansovoye polozheniye Rossii pered Oktyabr'skoy revolyutsiyey [The financial situation in Russia before the October Revolution] // Krasnyy arkhiv. Istoricheskiy zhurnal [Red Archive. Historical magazine]. M., SPb., 1927. 210 p. [in Russian]

17. Chubarov A.I. Sotsial'naya opeka soldatskikh semey i postradavshikh voyennosluzhashchikh Rossii v voynakh kontsa XIX - nachala XX vekov na tipichnom primere Kurskoy gubernii [Social care for the soldiers' families and victims among the Russian military personnel in the wars of the late 19th - early 20th centuries with a typical example of the Kursk province]: dis. ... of PhD in History: 07.00.02 / Chubarov Alexey Igorevich - Belgorod, 2017. - 25 p. [in Russian]